

ДЕЙМОН НАЙТ

БИЛЕТ
КУДА УГОДНО

БИЛЕТ КУДА УГОДНО

HOTEL AR

ДЕЙМОН
НАЙТ

LEE

ДЕЙМОН НАЙТ

**БИЛЕТ
КУДА УГОДНО**

ЗАПРЕДЕЛ

РОМАН

БИЛЕТ КУДА УГОДНО

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.7 США
Н20

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

Художник *А.Б. Державин*

ISBN 5-218-00121-X

© Состав, перевод и художественное оформление, торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996 г.

ЗАПРЕДЕЛ

РОМАН

Глава 1

Широкий веер ступенчатой аудитории замер в ожидании.

— А теперь, — произнес профессор Нейсмит, — следите внимательнее. Я выпускаю в резервуар заряженную частицу. — Гордон Нейсмит снял блокировку механизма, подвешенного над стеклянным резервуаром — и в прозрачную жидкость выскочила стремительная серебристая искорка.

— При взаимодействии частицы с заряженными молекулами высвобождается энергия времени, — пояснил Нейсмит, наблюдая, как со дна резервуара вдруг стало подниматься серебристое облачко, — а в результате, как видите...

Серебристое облачко стремительно росло, наступая волновым фронтом — идеально симметричной кривой, форма которой определялась силой тяжести и потерей кинетической энергии в процессе перехода. Совершенная красота. Далеко превосходящая любой изгиб человеческого тела, любую линию, проведенную рукой художника. Нейсмит в сто первый раз с комком в горле наблюдал за продвижением волны.

И вот процесс завершился. В резервуаре светилась серебристая жидкость — непроницаемая, блестящая как зеркало.

— Вещество перешло теперь на более высокий уровень темпоральной энергии, — пояснил Нейсмит ауди-

тории, — и находится в состоянии, которое, как вы уже знаете, называется «квазиматериальным». Завтра в процессе экспериментов с резервуаром, мы убедимся, что данная жидкость обладает весьма необычными физическими свойствами. А на сегодня демонстрация закончена. У кого есть вопросы?

Кто-то из студентов нажал кнопку — и на столе у профессора вспыхнула лампочка. Нейсмит взглянул на табличку с фамилией.

— Слушаю, Хинкель.

Высокий, широкоплечий, профессор возвышался над кафедрой в белоснежном лабораторном халате — и, отвечая на вопросы студентов, сознавал, что восемь других Нейсмитов в расходящихся от общего центра идентичных аудиториях точно так же стоят, будто восемь зеркальных отражений — и тоже отвечают на вопросы. На мгновение его пробрал озноб от мысли, что и сам он — не «настоящий» Нейсмит, а лишь один из двойников. Такое трудно осмыслить — сколько ни экспериментировать... Но секундная слабость прошла — и Нейсмит ровным и звучным голосом продолжил объяснения — спокойный и уверенный в себе.

Прозвенел звонок. Студенты закопошились, принялись собирать вещи и соскальзывать со скамей.

Нашупав выключатель дубликатора, профессор повернул его по часовой стрелке.

В тот же миг полупустая аудитория испарилась. Нейсмит очутился в небольшой круглой аппаратной наедине с установкой дубликатора. Колени вдруг подогнулись — пришлось облокотиться о демонстрационный стол. Бесвязные воспоминания нахлынули на него — сразу девять наборов — будто перебивающие друг друга видеотрансляции. Первые несколько мгновений пришлось туговато. Впрочем, за два года практики Нейсмит уже набрался опыта многоаудиторных занятий — и вскоре все девять наборов воспоминаний улеглись в голове.

Но тут профессор осознал, что на сей раз случилось нечто странное. Сама демонстрация была, разумеется,

одинакова во всех девяти аудиториях; различались только вопросы студентов — но даже они следовали знакомому сценарию.

Правда, в одной из аудиторий — в какой же? в седьмой? — кто-то из студентов перед уходом подошел к кафедре и задал чрезвычайно странный вопрос.

Нейсмита застыл, мучительно напрягая память. Смуглая девушка во втором ряду... Самаранта Лалл... индианка, наверное. Хотя сидела почему-то в стороне от хихикающей стайки индийских девушек в красочных сари и золотых сережках на самой галерке. Девушка обратила на Нейсмита светло-коричневые глазки и спросила:

— Профессор, скажите — кто такой Цуг?

Что за нелепый вопрос! Ни малейшего отношения к теме занятия — темпоральной энергии — не имеющий! Но самое удивительное — слово это отозвалось в глубинах подсознания. Нейсмит вспомнил — лоб прошибло холодным потом...

А дальше? Что он ответил?

Ничего.

В тот самый миг Нейсмит как раз повернул выключатель и вышел из размноженного состояния. Затем мучительное воссоединение рассудка — а теперь...

«Цуг».

Что-то гнетущее было в этом «Цуге». Наверное, девушка не в себе — только и всего; надо бы упомянуть о ней в рапорте университетскому психиатру.

Но когда Нейсмит вышел из аппаратной и по служебной лестнице направился в кабинет, смутное чувство тревоги и неловкости не развеялось. Может, перетруился? Многоаудиторная лекция — тяжкое испытание. Впрочем, профессор по праву гордился своей выносливостью — и раньше легко справлялся с нагрузкой.

Заполнив журнал, Нейсмит заторопился на улицу. На воздух — скорее на воздух! Денек выдался теплый и солнечный; вдалеке шумел прибой, а впереди с шипением пронесся монорельсовый поезд Инглвуд—Вентура — ярко-кремовый на фоне голубого неба.

Студенты прогуливались небольшими стайками по усыпаным гравием дорожкам меж причудливых деревьев. Ярко-зеленые лужайки, ухоженные и аккуратные, приветливо расстилались по обеим сторонам дорожек. Все было до боли знакомым, умиротворяющим... и каким-то нереальным.

Нейсмиту удрученно осознавал, что прошло четыре года — а между тем он по-прежнему чувствует себя круглым идиотом. Временами. Все уверяли, что восстановился он лучше некуда: высокие баллы на повторительных курсах, преподавательская лицензия снова в кармане, квалификация признана... В конце концов, прошедшие четыре года составляют все его воспоминания — так почему жизнь никак не хочет входить в колею?

Почему его неотступно, день за днем преследует ощущение, будто прошлое таит в себе страшную тайну?

Почему?

Нейсмиту не на шутку заволновался и в очередной раз отчаянно попытался отбросить тягостные мысли, но смуглая девушка со своим странным вопросом то и дело всплывала на поверхность. Ерунда, казалось бы — и все же профессор продолжал задумываться, не имеет ли девушка какого-то отношения к утраченному времени его жизни — к пробелу длиной в тридцать один год — вплоть до его чудесного спасения после аварии бомбардировщика...

«Цуг».

Тут Нейсмиту резко развернулся и устремился к университетской библиотеке. Отыскав свободный автокаталог, он нажал кнопку «Общие сведения», а затем набрал слово «Ц-У-Г».

На аппарате высветилась надпись «ПОИСК», а секунду спустя — «ГЕОГРАФИЯ (ЕВРОПА)». На центральном экране возник столбец текста. Нейсмиту прочел: «Цуг. 1. Кантон на севере центральной Швейцарии площадью 92 квадратных мили. 51 т.ж. 2. Столица упомянутого кантона на берегу Цугского озера к югу от Цюриха. 16,5 т.ж.».

Нейсмит удрученно выключил автокаталог. Пустая тра-та времени. Следовало ожидать, что такое слово существует; но девушка-то спросила «кто такой», а не «что такое». Ответ аппарата ничего не прояснял. .

На выходе из библиотеки Нейсмит услышал оклик. Пухлый мистер Рэмсделл, университетский казначей, спешил к нему по усыпанной гравием дорожке меж причудливых деревьев, размахивая пакетом, завернутым в белую бумагу.

— Как удачно, что я вас встретил, — пропыхтел Рэмсделл. — Для вас посылка в канцелярии — а я по рассеянности захватил ее с собой... — Толстяк неуверенно хихикнул. — Думал оставить в Научном корпусе — а тут как раз вы...

Нейсмит принял пакет — неожиданно увесистый и твердый на ощупь.

— Спасибо, — поблагодарил он. — А от кого?

Рэмсделл пожал плечами.

— Некий Чуран. Невысокий, смуглый такой, очень вежливый. Хотя, правду сказать, не присматривался. Ну, мне пора.

— Большое спасибо! — крикнул вслед ему Нейсмит, но толстяк, похоже, не услышал.

Странно, что казначей потащил пакет из канцелярии в библиотеку. Слишком удачное совпадение. — словно толстяк заранее знал, где окажется Нейсмит. Нет, немыслимо.

Странно и то, что пакет оставили у Рэмсделла; Нейсмит заходил в канцелярию казначея только за жалованьем.

Заинтригованный, профессор взвесил пакет на ладони. Может, открыть сразу? А куда потом девать обертку? Таскать с собой? А вдруг там несколько частей, и все сразу не унесешь? Нет, лучше подождать до дома и сделать все в лучшем виде.

Интересно, что там может быть? Какая-нибудь хитрая деталь? Одну такую Нейсмит и в самом деле заказывал, но так скоро не ждал. Да и доставят заказ, скорее всего, по почте.

Погруженный в раздумья, Нейсмит добрался до туннеля. Там сел в поезд и отправился домой. Положив пакет на колени, он задумчиво его разглядывал. Бумага заклеена липкой лентой. Все чин-чином. Только никаких надписей.

Поезд с шипением остановился на станции Беверли-Хиллз. Нейсмит поднялся по эскалатору и бодро прошагал два квартала до дома.

Когда он открыл дверь, на видеофоне мигала красная лампочка.

Нейсмит положил пакет на стол и с забившимся от волнения сердцем направился к видеофону. Нажал клавишу воспроизведения на регистраторе звонков.

Автоответчик торопливо затарахтел:

— Нейсмит, говорит доктор Уэллс. Пожалуйста, позвоните мне, как только вернетесь — дело не терпит отлагательств.

Голос умолк; секунду спустя раздался щелчок, и безразличный механический голос добавил:

— Два тридцать пять дня.

Воспроизведение отключилось; огонек регистратора погас.

Уэллс возглавлял психиатрическую службу университета; каждые две недели Нейсмит посещал его в качестве пациента. Два тридцать пять — кажется, самый разгар опыта с темпоральной энергией. У Нейсмита возникло ощущение, будто вокруг творится что-то неладное. Сначала девушка со своим нелепым вопросом, затем смуглый незнакомец, оставивший посылку у канцелярии, а теперь...

Тут Нейсмит повернулся и посмотрел на пакет. Ага, с этой-то штуковиной можно хоть сейчас разобраться. Нейсмит решительно схватил пакет, перенес на письменный стол и принялся вскрывать его бронзовым фигурным ножом для бумаги.

Под оберткой блеснул вороненый металл. Нейсмит развернул бумагу — и затаил дыхание.

Ну и машина!

Аккуратный куб с закругленными краями; все линии плавно и точно перетекали одна в другую. На крышке — слегка выступающие овальные кнопки, составлявшие странный узор. Металл был прохладен, приятен на ощупь и казался обработанным на станке, а не штампованным — прекрасная работа, выполненная с точностью до микрона.

Профессор стал искать марку изготовителя или серийный номер. Тщетно. Ни кнопки, ни циферблата — и ничего худо-бедно похожего на выключатель. Единственным возможным способом вскрыть машину казалось скосырнуть странные кнопки на крышке.

Нейсмит и так и сяк вертел диковинный аппарат в руках. Может, эти выступы, напоминающие кнопки, вдавятся? Нет, ни в какую. Экспериментатор неустанно шупал машину со всех сторон. Сработано на славу, даже трогать — одно удовольствие. И в то же время машина казалась нелепой, бессмысленной...

Вроде вопроса: «Кто такой Цуг?»

Без видимой причины сердце Нейсмита вдруг снова заколотилось. Он никак не мог избавиться от дикого, абсурдного ощущения, что кто-то неизвестно зачем обкладывает его со всех сторон — и методично загоняет в ловушку. Сколько профессор ни бился над хитроумным аппаратом — сколько ни крутил в руках — все его отчаянные попытки оказались тщетными. Машина не поддавалась.

Вновь замигал и загудел видеофон.

Нейсмит смачно выругался и хлопнул ладонью по кнопке, словно по надоедливой мухе. Экран засветился. Перед профессором возникла сморщенная, точно печеное яблоко, физиономия Уэллса, увенчанная седоватым ежиком.

— Нейсмит! — рявкнул доктор. — Я уже звонил! Вы прослушали запись?

— Да... я только вошел... как раз собирался...

— Сожалею, Нейсмит, но лучше не затягивать! Жду вас у себя в кабинете.

— Прямо сейчас?

— Да, пожалуйста.

— А в чем дело, доктор?

— Объясню при встрече. — Уэллс наглухо захлопнул широкий рот и экран посерел.

Личный кабинет Уэллса представлял из себя большую солнечную комнату с видом на пляж Санта-Моники. Когда дверь отъехала в сторону, Уэллс оторвал взгляд от письменного стола; его крупное загорелое лицо было мрачным и серьезным.

— Нейсмит, — начал доктор без лишних предисловий, — мне стало известно, что сегодня вы запугивали и оскорбляли некоего мистера Чурана. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Нейсмит молча подошел к столу. Затем уселся на стул лицом к лицу с Уэллсом и упер кулаки в колени.

— Для начала, — заметил профессор, — я не преступник. Легче на поворотах. А во-вторых, откуда вы черпаете такую интересную информацию и почему так уверены в ее правдивости?

Уэллс заморгал и подался вперед.

— Разве вы не вламывались к импортеру по фамилии Чуран — там, в Голливуде — и не угрожали ему убийством?

— Нет, конечно. И когда я, по-вашему, учинил такое бесчинство?

— Около двух. Так вы утверждаете, что не угрожали ему? И ничего не крушили у него в конторе?

— До сегодняшнего дня я даже не знал о существовании мистера Чурана, — сердито ответил Нейсмит. — А какие еще безобразия я, по его словам, натворил?

Уэллс откинулся на спинку стула, сунул в рот трубку и задумчиво посмотрел на профессора.

— Ну хорошо, а где же вы находились в два часа?

- В аудиториях, где же еще? Проводил демонстрацию.
- Какую демонстрацию?
- Опыта с темпоральной энергией.

Длинными ухоженными пальцами Уэллс взял со стола авторучку и сделал пометку в блокноте.

— Значит, в два?

— Да, черт побери. В марте изменилось расписание, и теперь дневные занятия начинаются в два.

— Верно. Кажется, припоминаю. — Уэллс неуверенно нахмурился, дергая себя за нижнюю губу. — Странно. Неужели Орвиль забыл? Наверное, у него просто выскочило из головы... Знаете, Нейсмит, дело, похоже, пахнет керосином. Когда Орвиль мне в полтретьего позвонил, на нем лица не было. — Орвиль, нервозный блондин, возглавлял физический факультет. — Ему тогда как раз звонили из полиции — этот самый Чуран туда пожаловался. Орвиль, ясное дело, все свалил на меня. Он знает, что я занимаюсь вашей амнезией. Так что, Нейсмит, давайте начистоту. Надо выяснить, что к чему.

Нейсмит потихоньку начал звереть.

— Я уже сказал: в два часа я был в аудиториях. Если не верите мне, спросите студентов.

Уэллс снова глянул в блокнот, начертил там пару бессмысленных закорючек, а затем с умным видом произнес:

— Вот вы говорите: «в аудиториях». Насколько я понимаю, вы проводили занятия по многоаудиторному методу?

— Конечно. Почти все учебные курсы многоаудиторные. Сами знаете, как загружены профессора.

— Да-да, знаю-знаю. Но я не о том. Получается, что в два часа вы находитесь в нескольких местах одновременно.

— В девяти или даже в десяти, — уточнил Нейсмит. — Речь идет о девятиузловом дупликаторе в восточном крыле Научного корпуса.

— Вот-вот. Тогда возникает следующий вопрос: а не могло получиться так, что сегодня в два часа дня вы оказались в одиннадцати местах одновременно?

Нейсмит молча сидел и считал до двадцати одного, усваивая услышанное. Затем ответил:

— Если откровенно, то сама мысль нелепа. Вы говорите, контора этого Чурана где-то в Голливуде. А радиус действия поля дубликатора всего футов пятьсот.

— Но возьметесь ли вы утверждать, что это в принципе невозможно?

Нейсмит энергично заиграл желваками.

— Нет. Разумеется. Не возьмусь. Но нынешней науке такое и не снилось. Вы что, думаете, я схимичил с дубликатором Гиверта, чтобы спроецировать своего двойника в контору какого-то Чурана, которого я не знаю и знать не хочу?

— Ничего я не думаю. — Уэллсовская авторучка чертила в блокноте медленные круги. — Но послушайте, Нейсмит — зачем Чурану лгать?

— Понятия не имею! — взорвался Нейсмит, потрясая могучими кулаками. — Уэллс, происходит нечто странное. Сам пока толком не понимаю что. И мне это совсем не нравится. Но будь я проклят...

Гудение видеофона прервало тираду профессора. Не сводя глаз с Нейсмита, Уэллс ткнул пальцем кнопку.

— Слушаю?

От первых же слов из видеофона у Нейсмита голова пошла кругом.

— Уэллс! Вы только послушайте! — слышался поросичий визг Орвиля, и Нейсмит тут же увидел белобрысую голову декана физфака, карикатурно вытянутую в видеофоне. — Он мертв! О Боже! Сгорел заживо! А последним с ним видели Нейсмита! Кошмар! Уэллс! Почему вы до сих пор...

— Нейсмит у меня в кабинете, — вставил наконец Уэллс. — А кто умер? Вы о ком?

— Да о Рэмсделле! О Рэмсделле! Я же говорю! Рэмсделл мертв! О Боже! Вот, смотрите! — Белое как туалетная бумага лицо Орвиля отодвинулось, а в следующее мгновение точка обзора сместилась вниз.

На сером кафельном полу, будто жутко изуродованная кукла, раскинулось пухлое тело. Грудь, голова и руки — сплошная обгорелая масса.

— Полиция выезжает! — слышалось верещание Орвиля. — Держите его! Не дайте ему уйти!

Глава 2

Не успел истерический вопль Орвиля затихнуть, как Нейсмит резко повернулся — два стремительных прыжка — и он уже у двери.

— Что? — запоздало рявкнул Уэллс, привставая со стула. — Подождите, Нейсмит...

Так и не ответив доктору, Нейсмит откатил дверь и, выскочив из кабинета, рванул по дорожке. Кровь бурлила в жилах; страха он не чувствовал — только вдохновляющий напор гнева.

За миг до того, как Орвиль закончил, ситуация ментально прояснилась. Улик у полиции нет, и арестовать его не могут; но его непременно задержат до выяснения.

У подножия холма он поймал свободное такси и бросил водителю:

— В Голливуд. Адрес по дороге.

Пока машина разворачивалась и устремлялась на восток по Фривею, Нейсмит сунул в видеофонную щель четвертак и набрал: «Справочное. Голливуд». Загорелось желтое табло. Нейсмит набрал: «Ч-У-Р-А-Н».

Светящееся изображение запрыгало и помутнело; затем появилась страничка разборчивого текста, медленно ползущего снизу вверх по экрану. Нейсмит нажал кнопку «Стоп». Ага, вот он: «М. Чуран, импортер» — и адрес на Сансет-бульвар. Нейсмит взглянул на часы — ровно четыре, а большинство калифорнийских деляг не закрывают контор до половины пятого. Время еще есть.

— Приехали, мистер, — сообщил водитель и протянул руку к счетчику. Нейсмит расплатился и вышел. Здание

оказалось желтокаменным убожеством прошлого столетия. В вестибюле на допотопном указателе белыми буквами значилась фамилия Чурана. Нейсмит поднялся на лифте до пятого этажа. Рифленая стеклянная дверь с табличкой «ЧУРАН» оказалась заперта; изнутри не доносилось ни звука.

В приступе гнева Нейсмит отчаянно забарабанил в дверь. Коридор огласился грохотом.

Из-за двери соседнего кабинета высунулся розовощекий парень в рубашке с короткими рукавами, с распушенным галстуком на шее.

— Эй! — воскликнул парень. — Какая муха тебя укусила? Кончай беситься.

Нейсмит только взглянул на него — и все. Парню, похоже, стало не по себе — он вздрогнул и отступил под защиту своей двери.

— Без обид, — добавил он.

— Чурана знаешь? — потребовал ответа Нейсмит.

— Ясное дело, знаю, — каждый день здороваемся. Только нет его, — уже полчаса, как свалил. Сам видел.

Нейсмит устался на запертую дверь. Торопился, да не успел. В порыве нетерпения он изо всех сил дернул за ручку — замок с громким щелчком сломался и дверь распахнулась.

— Эй! — воскликнул парень и вытаращил глаза. — Эй, ты чего...

Нейсмит решительно вошел в приемную. За столом никого. В кабинете тоже ни души. Картотечные шкафы раскрыты и пусты. В настольных папках ни бумажки. И к стенам ничего не приковано. В углу потрепанного ковра крупная свежая клякса. В мусорной корзине несколько зазубренных осколков фарфоровой вазы и букет увядших цветов.

Озадаченный, Нейсмит замер и принялся. В комнате висела откровенно нерабочая атмосфера; но обострившееся восприятие Нейсмита различало что-то еще — смутное, коробящее. Да-да, слабый, но вполне различимый запах — терпкий, раздражающий.

Когда он вышел, розовощекий парень все еще торчал в коридоре. Нейсмит негромко спросил:

— Что знаешь о Чуране?

— Ну, приятель, я с ним брудершафтов не пил. Здравствуй, до свидания — и все дела. Но он профи.

— Кто?

— Профессионал, братишка. Шоу-бизнес и все такое. — Розовощекий парень указал на дверь собственного кабинета, где значилось: «КОРОЛЕВСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ».

Нейсмит нахмурился.

— Так Чуран актер?

— Как пить дать, братишка. Правда, через меня он никаких ролей не получал, но вся эта баланда с импортом, верно, левый доход. Он и правду тебе так нужен?

— Почему решил, что он актер?

— Грим, братишка. Всякий раз он наштукатурен для съемки. Ты мог и не заметить — стереогрим отличная штука — но у меня глаз наметан. А что передать? Кто спрашивал?

— Отдохни, — бросил Нейсмит и отправился восвояси.

В дверях квартиры, вынимая ключ из замка, Нейсмит замер и прислушался. Мурашки тревожно побежали по спине. В воздухе висел тошнотворный смрад — воняло горелым мясом...

Нейсмит бросился в гостиную, оттуда в спальню. Смрад стал совсем невыносимым.

Чувствуя дурноту, Нейсмит зашел за кровать. Там, на полу, лежало тело женщины. Миссис Беккер, что по четвергам убирала квартиру. Не считая самого Нейсмита, ключ был только у нее. Мертва. Мертва и жутко обожжена. Грудь, руки и лицо — сплошная обугленная масса...

Нейсмит тупо подошел к видеofону и вызвал полицию.

Та прибыла через десять минут.

Дверь камеры закрылась будто крышка гроба. Нейсмит присел на узкую койку и уткнулся лицом в ладони. Полиция допрашивала его три часа. С невероятной дотош-

ностью. Спрашивали о личной жизни, о прошлом, зафиксированном в служебных документах, об амнезии — о ней особенно! — о работе в университете, о процессе дубликации, о темпоральной энергии... короче, обо всем. Высказали даже фантастическое предположение, что он мог в обоих случаях обеспечить себе алиби с помощью путешествия во времени.

— Темпоральная энергия в таком объеме еще недоступна, — убеждал он их. — Вы не представляете, какие громадные силы должны быть задействованы. Даже при использовании университетского тау-генератора на две тысячи мегаклайн требуется несколько часов, чтобы зарядить девяносто литров воды, нужных для демонстрации.

— Но вода действительно движется во времени, не так ли? — настаивал один из следователей.

— Лишь долю микросекунды, лейтенант. На самом деле молекулы только частично выходят из синхронии с нашей матрицей т.э. Будь перемещение настоящим, они бы просто исчезли.

Следователи и не думали сдаваться. А возможно ли развить технологию темпоральных процессов до такой фазы, когда во времени смог бы путешествовать человек?

— Да, возможно, — раздраженно ответил им Нейсмит. — Для тех, чья наука на много тысячелетий опережает нашу. Для нас же — абсолютно невозможно!

Затем вернулись к казначею Рэмсделлу. Что мог иметь Нейсмит против Рэмсделла?

— Ничего, ровным счетом! Я был с ним едва знаком!

Стало быть, это просто совпадение, что Рэмсделл оказался жертвой зверского убийства сразу после встречи с Нейсмитом?

— Да!

Повинуясь инстинкту, Нейсмит не стал упоминать о пакете, который передал ему Рэмсделл. Сам не понимая почему, профессор был совершенно убежден, что, выдай он машину полиции, ключ к разгадке уплывет у него из рук.

Далее следователи перешли к Чурану, который так и не появился для опознания Нейсмита. Найти импортера не удалось. Может, Нейсмит убил заодно и Чурана, а потом спрятал труп?

Тогда Нейсмит поведал следователям о событиях в конторе Чурана и назвал розовощекого парня в качестве свидетеля.

А как насчет гибели миссис Беккер, его домработницы? Это что, тоже совпадение?

Нейсмит замычал, сжимая голову руками. Разве может оказаться простым совпадением, что в течение нескольких часов два человека были убиты одним и тем же непостижимым способом? Да ведь он в их глазах сейчас как Чумовая Мэри — нетронутый разносчик несчастья...

Тут Нейсмиту пришла в голову одна мысль, и он выпрямился. Неподвижный и прямой, он лихорадочно соображал — когда наружная дверь вдруг, лязгнув, распахнулась.

Нейсмит поднял удивленный взгляд. В помещение вошел тюремщик в синей униформе с пятнами пота под мышками. Подойдя к камере Нейсмита, он подобрал ключ к замку и распахнул дверь.

— На выход, — прохрипел он.

Нейсмит осторожно поднялся.

— Меня выпускают?

— Адвокат берет вас под расписку. Выходите — сюда.

— Адвокат? Но ведь... — Нейсмит погрузился в молчание и последовал за тюремщиком. Час назад при встрече Уэллс сказал Нейсмиту, что найдет адвоката — но не сегодня. «Речь идет об обвинении в убийстве первой категории, — сказал тогда психиатр, — и на поруки вас не выпустят — это точно. Но утром я позвоню Говарду. Потерпите до завтра».

Может, он потерял счет времени и утро уже наступило? Нет, на стенных часах в комнате у тюремщика было 9.05 вечера.

— Ваши вещи, — сказал тюремщик и бросил на прилавок пакет. — Распишитесь.

Нейсмита нацарапал на бумажке свою фамилию, сунул пакет в карман и последовал за тюремщиком. На выходе к ним приблизился стройный седовласый мужчина в смокинге, с лоснящимся кожаным портфелем в руке.

— Забирайте, — буркнул тюремщик и удалился.

— Мистер Говард? — осведомился Нейсмит, протягивая мужчине руку.

— Что? Нет-нет. Моя фамилия Джером — очень приятно. — Седовласый небрежно пожал протянутую руку Нейсмита. Затем отодвинул рукав и взглянул на тонкую пластинку наручных часов. — О Господи, уже поздно. Я не подумал... хотя, должен сказать, процедура много времени не заняла. Что ж, так или иначе, вы на свободе. Хотя вероятно, мне вообще не следовало приходить. — С недоуменным выражением на бледной физиономии адвокат на некоторое время умолк. — М-да. Не следовало, — повторил адвокат.

Они спустились по каменной лестнице. Нейсмит с неловкостью спросил:

— Уэллс уже уладил вопрос о гонораре?

— Уэллс? — с рассеянным видом переспросил адвокат. — Нет, не Уэллс... не слышал о таком. А знаете, — сказал он, снова останавливаясь и поворачиваясь к Нейсмиту, — просто удивительно, что я вообще сегодня вечером вышел из дома. Ничего не понимаю. Прямо со званого обеда. Черт возьми, ведь завтра моя дочь выходит замуж... — У него задергалась щека. — Ну что ж, доброй ночи, — неожиданно распрощался адвокат и отправился восвояси.

— Погодите! — крикнул ему вслед Нейсмит. — Если вас пригласил не Уэллс, то кто же?

Джером не замедлил с ответом.

— Ваш друг Чуран, — раздраженно бросил он через плечо. Гулкие шаги удалялись по тротуару — и вскоре адвокат скрылся из виду.

Нейсмит проснулся с чувством, что в комнате он не один.

Домой он добрался почти в полночь, усталый как собака — и сразу же уснул мертвым сном. Но теперь вдруг

проснулся и сел в темноте на кровати, каждым нервом ощущая предупреждение о незримо крадущейся по комнате опасности.

Ни звука — однако мрак был буквально наэлектризован присутствием чего-то могучего и грозного.

Затем в центре комнаты медленно забрезжило слабое голубоватое свечение.

Нейсмит затаил дыхание; свечение понемногу разгоралось — и вот уже проявились очертания висящего в воздухе необычного предмета.

Формой он напоминал толстую трубку, загнутую книзу — вроде уложенной набок буквы «Г». Вскоре Нейсмит понял, что перед ним пистолет. Правда, не похожий ни на один из известных ему пистолетов. Масивная рукоятка обращена к Нейсмиту, а ствол устремлен в противоположную сторону. Все стройные линии тяжелого и мощного оружия плавно перетекают одна в другую. Нейсмит тут же догадался, что пистолет — из той же породы, что и загадочная машина, которую передал ему Рэмсделл; совершенно различные по форме, оба предмета тем не менее чем-то походили друг на друга.

Пистолет висел в воздухе, плотный, реальный — и в то же время какой-то призрачный в ореоле голубого свечения. Размерами он был намного больше любого пистолета, сделанного под нормальную человеческую руку. Нейсмит представил, как выбирается из постели, протягивает руку и касается рукояти. И сразу понял, что рука окажется мала для пистолета — ему даже не удастся дотянуться до спускового крючка.

В комнате повисла мертвая тишина. Нейсмит затаил дыхание.

В воздухе по-прежнему витала угроза — Нейсмит ощущал ее еще сильнее. Исходила она частично от висевшего в воздухе оружия, частично — от роившихся позади теней. От пистолета веяло мощью истребления: Нейсмит жаждал коснуться его — и в то же время инстинктивно боялся — боялся тех черных сил, что могли вырваться на

волю. Он знал — точно и безошибочно — что оружие было не просто пистолетом.

Затем мрак стал рассеиваться.

В дальнем углу комнаты — там, где полагалось быть туалетному столику и шкафу, — Нейсмит увидел Тварь, которая невероятно плавными змеиными движениями подбиралась — не сводя с Нейсмита крошечных глазок.

Сжавшись в комок, Нейсмит сам не заметил, как выбрался из постели; волосы на голове встали дыбом.

Пистолет, казалось, придвинулся ближе.

Тьма постепенно рассеялась — и Нейсмиту явилась жуткая Тварь целиком — не то насекомое, не то рептилия. Мощные пластины панциря омерзительно поскрипывали, пока Тварь наползала.

Тут в ухо Нейсмиту зашептал тонкий голосок:

— Это Цуг! Цуг! Убей его! Бери пистолет — убей его, живо!

Нейсмит предпринял самый быстрый в своей сознательной жизни рывок. Мгновенно схватил стоявший у кровати деревянный стул, размахнулся как бешеный и швырнул его. Стул со всего размаху врезался в подвешенный в воздухе пистолет.

Раздался резкий звук как бы рвущегося шелка — а потом вспыхнул ослепительный голубой свет — метнулся по стенам и погас. Ослепленный, с отчаянно колотящимся в груди сердцем, Нейсмит нащупал на стене выключатель и зажег люстру.

Пистолет исчез. Тварь тоже. Посреди комнаты лежал разбитый и обугленный стул.

Глава 3

1. Цуг. (Дважды подчеркнуто.)
2. Мисс Лалл. (?)
3. Всего сгорело: Рэмсделл, миссис Беккер, стул.
4. Чуран. (?)
5. Машина Рэмсделла, схожая с пистолетом.

6. Почему Чуран обвинил меня, а потом вызволил из тюрьмы?

7. Почему???

Нейсмит внимательно разглядывал составленный список. Какие-то контуры начинали вырисовываться, но пока еще удручающе неясные. Он встал из-за стола и сделал круг по гостиной, нервно приглаживая волосы. Утро было в самом разгаре; Нейсмит снова провалился в сон уже перед рассветом и спал почти до десяти.

Затем он опять сел за стол и, скептически шурясь, принялся изучать список. Значит, контуры... Легкой карандашной линией он соединил мисс Лалл и Чурана. Эти двое явно связаны — одного происхождения... одна из Индии, а другой, судя по фамилии, иранец... При этой мысли Нейсмит ощутил смутное беспокойство, не смог понять, в чем дело — и продолжил рассуждения. Теперь он припомнил, что мисс Лалл всегда сидела на занятиях одна, в то время как другие индийские студентки неизменно образовывали тесные группки. Не потому ли она их избегала, что скрывала свое настоящее происхождение?

А почему Чуран гримировался?

Почему, почему, почему?..

Карандаш сломался. Нейсмит откинулся на спинку стула и с головой ушел в раздумья. Чутье подсказывало, что прошедшей ночью он поступил абсолютно верно, швырнув стулом в призрачный пистолет. Сразу же после этого он почувствовал сильнейшее облегчение — чуть ли не восторг. Но почему? Что произошло бы, коснись он пистолета?

Еще раз Нейсмит один за другим пробежал глазами все пункты списка. Затем, после некоторых колебаний, неуверенной линией соединил «сгоревшие предметы» с «машиной Рэмсделла».

Теперь мысль, впервые посетившая его прошлым вечером в тюремной камере, начала обретать очертания. Рэмсделл погиб после того, как передал ему машину. Миссис Беккер — после того, как переставила машину со стола

на полку шкафа. Общий знаменатель: оба держали в руках машину.

Нейсмит встал из-за стола и подошел к шкафу. Машина тускло поблескивала на полке. Он нерешительно потянулся и достал ее. Тяжелая. Именно из-за немалого веса машины обычному человеку удобно было держать ее на уровне груди.

Так, видимо, и поступили Рэмсделл и миссис Беккер. Поэтому у них и оказались обожжены грудь, лицо и руки — все в радиусе полутора футов от машины.

Если догадка Нейсмита была правильной, у него в руках оказалось оружие ужасающей силы.

Но ведь он тоже прикасался к машине — и уже не раз.

Медленно и с некоторой опаской Нейсмит водрузил машину обратно на полку. Затем вернулся к столу, склонился над ним и пристально уставился на список.

Пистолет. По виду схожий с машиной и наверняка обладающий той же страшной силой. Нейсмит взял карандаш и соединил машину и пистолет еще одной линией. Затем провел линию пожирнее. *Пистолет появился после того, как он принес машину в квартиру.* Вот еще одна связь: проследить бы все — тогда и появится ответ на загадку.

Нейсмит хмуро поразмыслил над последними пунктами, над проблемой мотива; затем оставил мотив и вернулся к началу списка.

Цуг. Слово это вызывало теперь у Нейсмита резкую антипатию и тревогу. Невольно приходила на память прозрачная тварь, представшая ему прошлой ночью в спальне. Что это было? Нейсмит печенкой чуял, что тварь существует на самом деле.

Мисс Лалл. Тут, по крайней мере, было с чего начать. С нее-то все и пошло — с неожиданного вопроса: «Кто такой Цуг?» Ее голос... не напоминал ли он тот, что прошлой ночью шептал ему на ухо из пустоты? Этого Нейсмит припомнить не мог, но чувствовал уверенность, что мисс Лалл знает о Цуге больше, чем он.

И спросила она не затем, чтобы узнать.

Но тогда зачем? Чтобы Нейсмит задумался — чтобы вызвать у него такое состояние, в котором могло бы произойти все остальное... Пальцы судорожно сжимали обломок карандаша. Да, надо бы еще раз повидаться с мисс Лалл.

Нейсмит решил было захватить машину в университетские лаборатории, но затем передумал. Слишком опасно — нельзя подвергать риску других невинных людей. На самом деле такая штука должна храниться где-нибудь в подвале... Однако за неимением подвала, здесь она останется в большей безопасности. Нейсмит аккуратно запер за собой дверь.

Молодежь разгуливала по тенистым университетским лужайкам, не обращая внимания на проходившего мимо Нейсмита. Сперва в отдел кадров.

— Долли, — обратился он к сидящей за столом шатенке, — не могли бы вы сказать мне об одной первокурснице по фамилии Лалл — Самаранта Лалл?

Секретарша подняла изумленный взгляд.

— Ах... профессор Нейсмит? — Она явно пришла в замешательство. — Но, профессор... разве вас не арестовали? Профессор Орвиль говорил, что... — Она замялась.

— Ужасная ошибка, Долли, — доверительно сообщил ей Нейсмит. — К гибели Рэмсделла я не имею ни малейшего отношения. Мне просто задали несколько вопросов, а потом отпустили. Если хотите, можете позвонить в полицию и проверить.

— О нет, что вы, — все еще с сомнением на лице ответила Долли. — Тогда, наверное, все в порядке. Как, вы говорите, зовут девушку?

— Самаранта Лалл.

Женщина обратилась к картотеке.

— Ага, вот она.

Нейсмит внимательно рассмотрел карточку.

— Я вижу, сегодня утром у нее английский в классе Турмонда?

Женщина взглянула на стенные часы.

— Поспешите, если хотите застать ее, профессор. Занятия как раз заканчиваются.

Нейсмит торопливо поблагодарил ее и вышел. Он знал, что Долли известит Орвиля и возникнут проблемы — возможно, вплоть до увольнения. Но теперь просто не до того.

Мисс Лалл он заметил в группке студенток, высыпавших на ступени у главного входа в Гуманитарный корпус. Она тоже заметила Нейсмита и остановилась, ожидая его — прямая и сдержанная, в темной блузе узорного шелка и короткой белой юбочке, с книжками и тетрадками в руках.

Теперь, когда Нейсмит рассмотрел ее вблизи, оказалось, что вид у девушки крайне необычный. Шоколадного цвета кожа без всякого глянца — даже на выступающих скулах. Лицо ничего не выражало, и лишь раскосые янтарные глазки, казалось, следили за Нейсмитом со скрытым удовлетворением.

— Слушаю вас, профессор? — тонким голоском произнесла она.

— Мисс Лалл... — Нейсмит отчаянно старался обуздать внезапный гнев и унять дрожь в руках.

— Слушаю вас? — повторила девушка.

— *Кто такой Цуг?*

Некоторое время они молча разглядывали друг друга.

— Значит, так и не вспомнили? — спросила мисс Лалл. — Цуг... — в голосе ее послышалась сильнейшая ненависть и отвращение — ...это смутировавший ортолидан.

— Без понятия.

— Ортолидан — это такое чудовище. Некоторые особи достигают тридцати футов в длину. Плотоядны, очень свирепы — а смутировавшие еще и разумны.

— К какому виду принадлежат? Где водятся?

— К земным видам они не относятся. А что до того, где обитают... — Она замялась. — Пока я не могу вам сказать.

— Почему?

— Вы еще не готовы. Мы думали, вы готовы, но ошиблись.

— Не готов к чему? Чего вы от меня хотите?

Девушка медленно ответила:

— Буду откровенна. Мы хотим, чтобы вы убили Цуга. Этот Цуг находится в одном месте, куда очень сложно добраться. Когда будете готовы, мы вас туда доставим. А потом, когда убьете Цуга, вас ждет достойное вознаграждение. — Она улыбнулась, показав редкие белые зубки.

Испытывая к ней странную неприязнь, Нейсмит спросил:

— Значит, все это понадобилось для того, чтобы загнать меня в угол? Когда я вынужден буду сделать то, что вам нужно?

— Да. — Мисс Лалл еще раз улыбнулась, и Нейсмит опять ощутил волну неприязни.

— Но почему именно я?

— Потому что вы Шефт. Вот, пожалуйста... — Она порылась в сумочке. — Ловите! — Взмахнув рукой, она швырнула Нейсмиту небольшой предмет белого цвета.

Левая рука профессора резко дернулась и ожесточенно отбила предмет. Тот отлетел на газон.

— Теперь понимаете? — с некоторой опаской спросила девушка, пристально разглядывая Нейсмита. Глаза ее были подобны двум янтарям — непривычно желтые.

— Видите, реакция у вас вдвое быстрее, чем у любого... нормального человеческого существа. — Она помолчала. — Пожалуй, я уже сказала достаточно. Да, еще одно, профессор Нейсмит. Боритесь с нами. Чем больше будете бороться, тем лучше подготовитесь. А теперь — до свидания.

Девушка направилась прочь. Вспылив, Нейсмит шагнул вслед и схватил ее за руку.

Обнаженная плоть девушки ожгла ладонь холодом. Мисс Лалл оказалась холодна как ящерица — или как труп.

Нейсмит поспешно отпустил ее руку. Янтарные глазки девушки холодно взирали на профессора, когда она повторила:

— До свидания, профессор Нейсмит.

Потом мисс Лалл повернулась и пошла — и на сей раз Нейсмит не попытался ее остановить. Он лишь наблюдал за девушкой, пока она не исчезла на повороте дорожки, окаймленной причудливой растительностью.

А затем внимание Нейсмита привлекло белое пятнышко на газоне. Он подошел туда, нагнулся и подобрал то, что швырнула в него мисс Лалл — хромированную трубочку, похожую на тубик губной помады. Нейсмит осторожно снял колпачок: внутри оказалась палочка коричневого вещества — кончик заметно стерся от использования. Профессор посадил себе на палец коричневое пятно, которое упорно не исчезало, хотя он усердно тер палец носовым платком.

Повертев тубик в руках, Нейсмит заметил пропечатанную сбоку надпись:

«Тональный крем вестмор номер 3:
Темный загар».

С трудом сдерживая бешенство, Нейсмит отправился домой. Там он снова стащил с полки машину, поставил в кухоньке на стол и внимательно разглядывал, пока ел sandwich и пил кофе. Мысли профессора были далеки от еды. Нейсмит пожирал глазами гладкую и блестящую металлическую коробочку, будто одной силой своего взгляда мог проникнуть в ее тайны. Синеватый металл напоминал вороненую сталь, но, присмотревшись поближе, Нейсмит сумел различить ровные параллельные линии механической обработки. Из-за них, видимо, и получался радужный отлив. Нейсмит обследовал три овальных выступа, снова попытался вдавить или повернуть их, попробовал поддеть ногтем, но зазор был слишком мал. Тогда он перевернул машину, опять выискивая хоть какое-то соединение, однако такого не оказалось. Аппарат был монолитен — состоял из единого корпуса.

Значит, машина управляется откуда-то извне?..

И там... некто невидимый... неотрывно наблюдая за Нейсмитом... держит палец на кнопке?

Нейсмит сжал кулаки. Эта штука смертельно опасна. И в то же время машина — единственное вещественное доказательство, каким он располагает.

Нейсмит сходил в гостиную и взял с письменного стола блокнот. Снова усевшись за стол в кухоньке, он обратился к странице, на которой ранее записал все, что знал о Лалл и Чуране, и добавил внизу: «Шефт. Смутировавший ортолидан (вид?). Внеземная форма жизни».

Еще ниже он нацарапал: «Это я?» — и тут же перечеркнул последнюю запись двумя жирными черными линиями.

Нейсмит встал, дважды прошелся взад-вперед по кухоньке, затем с внезапной решимостью направился в гостиную к видеофону и набрал номер. Телефонистке на университетском коммутаторе он сказал:

— Профессора Старджеса, пожалуйста.

— Посмотрю, на месте ли он. — Экран посерел, потом снова засветился. Оттуда близоруко таращился бледный парнишка.

— Биолаборатория.

— Будьте добры — профессора Старджеса.

— А, сейчас позову. — Парнишка исчез с экрана, и Нейсмит услышал далекий возглас: — Эй, Гарри, сгоняй-ка, скажи профессору Старджесу, что его к видеофону.

Еще некоторое время спустя на экране возник седой ежик и желтоватое, вытянутое дыней интеллигентное лицо Старджеса. Старджес возглавлял кафедру ксенологии; этот тихоня считался классным специалистом в своей области. Нейсмит лишь пару раз виделся с ним на факультетских посиделках.

— Старджес, будьте так любезны, меня интересует кое-какая информация по вашей части.

— Пожалуйста, но разве вас... — Старджес подозрительно прищурился.

— Все уже выяснилось. При встрече объясню, — быстро ответил Нейсмит. — А пока хотелось бы в общих чертах выяснить вот что: насколько я понимаю, вне Земли так и не было обнаружено ни одной разумной гуманоидной расы. Верно?

— Совершенно верно, — ответил Старджес, по-прежнему весьма сдержанно. — Собственно говоря, вообще ни одной разумной расы. По данным европейцев, одна-две примерно равны по интеллекту шимпанзе. А что?

— Один студент попросил меня высказать мнение о его сочинении, — наспех выдумал Нейсмит. — Теперь вопрос посложнее. Говорит ли вам что-нибудь такое слово: «Шефт»?

Старджес без интереса повторил, затем помотал головой.

— Нет.

— А Цуг?

— Нет.

— А слышали вы когда-нибудь о существе под названием ортолидан?

— Никогда, — лаконично ответил Старджес. — Это все? Нейсмит поколебался.

— Да, все. Спасибо.

— Всегда к вашим услугам, — сдержанно произнес Старджес и прервал связь.

Нейсмит сидел, не сводя взгляда с погасшего экрана. Он чуть было не спросил Старджеса: «Может ли живое человеческое существо оказаться холодным на ощупь, как рептилия?»

Ответ он знал и сам.

Ведь температура тела холоднокровного животного всегда в пределах одного-двух градусов совпадает с температурой окружающей среды. А утром, когда Нейсмит встретился с этой тварью Лалл, в университетском городке было прохладно и пасмурно...

Нейсмит встал, убийственно напрягая мышцы. Эти люди — или кто они там? — знали про него больше, чем он сам. Просто невыносимо.

— Шефт, — вслух произнес Нейсмит. Слово по-прежнему ничего не значило для него.

Где же он находился и что успел натворить за тридцать один год — время, которое составлял провал в памяти?

В какой части Земли... или вне ее?

Леденя, Нейсмит подумал: «Все зависит от того, что я предприму прямо сейчас». Настороженный, всем своим существом он чувствовал собирающуюся вокруг угрозу — как если бы она была зримым сплетением геометрических линий.

Вдруг Нейсмит вспомнил про карточку, которую дала ему секретарша в отделе кадров и вынул пластинку из кармана. Согласно расписанию, сегодня днем занятий у Лалл не было. Здесь же и домашний адрес: Колорадо-авеню, 1034, квартира С30, Санта-Моника.

Нейсмит вышел из туннеля примерно в квартале от нужного дома — одного из старых серокаменных многоквартирок, что строились во времена холодной войны, с глубокими подземными убежищами и складами. Пометка «С30» в карточке Лалл означала, как он понял, что квартира располагалась на третьем этаже перестроенных подземных убежищ.

Вестибюль с обшарпанными пластиковыми стенами был пуст. Нейсмит спустился на лифте и оказался в узком, плохо освещенном коридоре с пронумерованными красными дверями. Потолок нависал угнетающе низко; пол был выложен истертым серым кафелем.

В тупиковом коридорчике Нейсмит обнаружил дверь с табличкой «С30». К двери была прилеплена пластиковая карточка с надписью «Лалл».

Нейсмит немного постоял, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось ни звука, и он вдруг почувствовал уверенность, что квартира пуста. Тогда Нейсмит нажал на кнопку звонка.

Дверь с громким щелчком распахнулась настежь.

За дверью стояла мисс Лалл — в том же одеянии, что и утром. Позади нее Нейсмит разглядел неубранную ком-

нату с зелеными стенами. В конусе желтого света, испускаемого лампой, вился сигаретный дым.

— Прошу, мистер Нейсмит, — сказала тварь и отступила в сторону.

Нейсмит весь напрягся. Затем шагнул в комнату — и замер.

За столом, изучая профессора холодными янтарными глазами, сидел темнокожий бородатый мужчина. Буквально сразу стало очевидно его сходство с Лалл.

Нейсмит шагнул вперед.

— Вы Чуран, — произнес он.

— Точно.

— Вы послали мне машину, — угрюмо продолжил Нейсмит. — И наняли адвоката выволить меня из тюрьмы.

— И ни слова благодарности, — заметил мужчина, иронически щурясь. Перед ним на столе была навалена целая куча еды. Чуран обгладывал цыплячью ножку. В бороде застряли крошки. Он нагло разглядывал Нейсмита.

Лалл подошла к Чурану и присела на подлокотник кресла. Нейсмиту вдруг подумалось, что вот так, рядом, они еще меньше походили на людей. Скорее, две гигантские перекрашенные лягушки в человеческой одежде.

И Нейсмита охватило внезапное отвращение.

— Так что же вам от меня нужно? — потребовал он ответа.

— Почему бы для начала не сесть за стол переговоров? Что мы теряем?

Нейсмит поколебался, затем опустился в кожаное кресло у стола. Комнату, как он теперь заметил, загромождало жуткое количество разного барахла. На полу и столе скопились беспорядочные кучи книг и газет. Нейсмиту попала на глаза икона, бронзовый китайский дракончик, пластиковая заводная игрушка, нитка дешевых зеленых бус, банка из-под фасолевого супа. По всем углам разбросаны пластиковые и бумажные шарики. Обедки. И повсюду толстый слой пыли.

— Что мы можем предложить вам в обмен на содействие, мистер Нейсмит? — поинтересовался Чуран. Затем взял апельсин и сальными пальцами принялся отдирать кожуру. — Деньги?

Нейсмит не ответил.

— Информацию? — тактично осведомился Чуран. Оба чужака заулыбались.

Нейсмит подался вперед.

— Допустим. Вы утверждаете, что вам известно про меня все.

Чуран покачал головой.

— Требуете задаток, мистер Нейсмит? Не лучший способ поведения. — Тут он скорчил рожу и бросил несколько гортанных звуков Лалл.

— Ведения дел, — подсказала та.

— Да — ведения дел. Сейчас мы вам, мистер Нейсмит, всего не скажем. Вы уже и так кое-что узнали — что вы Шефт, что Ленлу Дин выслали вас...

Лалл прервала его шипящим звуком. Чуран пожал плечами.

— Ну, это не важно. Вам еще много чего предстоит узнать. — Он запихнул в рот дольку апельсина и принялся жевать, подмигивая Нейсмиту в такт с движениями нижней челюсти.

Нейсмит ощутил приступ гнева, однако сдержался и спросил:

— Вы хотите, чтобы я доверился вам. А чего ради?

Чуран сплюнул косточку и сунул в пасть следующую дольку апельсина.

— А разве у вас есть выбор? — процедил он, пережевывая.

— Я могу отказаться, — сказал Нейсмит. — Могу остаться здесь и жить своей жизнью.

— Вас уже подозревают в убийстве, — заметил Чуран. — Работу вы потеряете...

Нейсмит встал.

— Я лишь констатирую факты, мистер Нейсмит, — повысил голос Чуран, глядя на него снизу вверх. — Если

понадобится, вы будете признаны виновным в убийстве и приговорены к длительному тюремному заключению. Мы даже сможем устроить вам несколько инцидентов в камере.

Лалл бросила ему что-то предостерегающее. Чуран пожал плечами и продолжил:

— Будем реалистами, мистер Нейсмит. Соглашайтесь, вам никуда не деться.

Нейсмита душил гнев.

— А что, если я попросту вас прикончу?

Чуран вздрогнул.

— Этого вы не сделаете, — поспешно ответил он. — А если и сделаете — кто тогда ответит на ваши вопросы?

Нейсмит молчал. Толстым указательным пальцем Чуран поворошил в бумагах на столе.

— Ну а пока, если нужны доказательства, кое-какие я вам предоставлю. Вот, взгляните, мистер Нейсмит.

Нейсмит опустил взгляд. Чуран разложил на столе несколько любительских цветных стереографий. Нейсмит узнал туманный вид на Рыбачью Пристань в Сан-Франциско, снимок обелиска Нейманна в деловой части Лос-Анджелеса, крупным планом сам Чуран — ухмылка шириною в кадр. Затем на глаза попало нечто более интересное.

Прямоугольник из прозрачного пластика. Внутри на темном фоне — три крошечные фигурки.

Иллюзия объема была безупречной. Две фигурки ниже ростом — и Нейсмит по осанке узнал Лалл и Чурана раньше, чем наклонился, чтобы разобрать черты лиц. А третья...

Нейсмит замер, не веря своим глазам. Третьей фигуркой был он сам.

Ошибки быть не могло. Уже дома Нейсмит опять вынул стереографию из кармана и в третий раз внимательно изучил.

Итак, вот он, запечатленный в прозрачном пластике, с видом вполне естественным. Кажется — вот-вот он дви-

нется или заговорит. А рядом — два чужака с самодовольными улыбками.

— Когда это было снято? — спросил он у Чурана.

— Не «было», а «будет», мистер Нейсмит, — ухмыльнулся тот. — Вы отправитесь с нами в будущее — именно там и будет сделан снимок. Сами видите — нечего и спорить. — Чуран захихикал, а мгновение спустя к нему присоединилась и Лалл. Хриплое, гортанное карканье отдаленно напоминало смех. Не в силах подавить отвращения, Нейсмит сунул стереографию в карман и смылся.

Теперь же, вновь разглядывая ее, он убеждался в их правоте. Фон составляла комната, какой ему в жизни не приходилось видеть. Стены комнаты выложены пурпурными и желтоватыми панелями из неведомого материала, который по краям выглядел неясным и расплывчатым, хотя остальные части картинки представлялись вполне отчетливыми. В комнате также находились незнакомых очертаний столы и стулья.

Нейсмит мог бы поклясться, что комната эта откуда-то из другого места и времени. Значит, либо он уже встречался с чужаками в течение тридцати одного года, что составлял провал в памяти... либо Чуран сказал чистую правду, и это — картинка — снимок из будущего.

Если сами чужаки могли вернуться из будущего в настоящее — если ствол пистолета, который Нейсмит видел в комнате, мог быть направлен туда — тогда почему бы нет?

И если все так, то как ему выпутаться?

Перекусив в одиночестве, Нейсмит, выбрался в кино, однако через полчаса обнаружил, что не имеет ни малейшего представления о фильме, который идет на экране.

Ночью ему приснился сон.

Глава 4

В том сне Нейсмит проснулся с ощущением опасности.

Он вскочил, жадно глотая воздух. Тонкий механический голос визжал:

— Нападение в Пятом секторе! Стража, подъем!

Вокруг, по всему громадному сферическому залу, пробуждаясь от сна, его товарищи барахтались в воздухе, тянулись за оружием. Плававшие у стен зала механические стволы и другие аппараты защиты безостановочно вращались, поблескивая красными линзами.

Видение было столь отчетливым и бесспорным, что Нейсмит принял все без вопросов. Никакой он не Нейсмит — прошлое было только сном. Он — Дар из касты Артистов — и теперь ему надо во что бы то ни стало разобратся, что стряслось. Он находился в тридцатичасовом дозоре в Восьмидесятом секторе, а потом, казалось, едва успел сомкнуть глаза, как робот разбудил его сигналом тревоги.

Еще спросонок Дар протянул руку — и снаряжение подплыло к нему. Он надел шлем и нагрудник, ухватился за такую знакомую рукоять огнемёта.

Другие уже валили наружу через круглое отверстие прохода.

— Сбор! Сбор! — визжал механический голос.

Так до конца и не проснувшись, Дар нацелил указку на проход и последовал за остальными.

Снаружи, в огромном актовом зале, толпились вооруженные Артисты.

— Стройся поотрядно! — выкрикнул другой механический голос.

Дар перевел указку в положение «Группа» и почувствовал, как его понесло по залу.

Вся людская масса уже двигалась в направлении следующего открытого прохода. Дар узнавал товарищей по отряду: Йеда, Жатто, Опада. Они перемигнулись и перекинулись парой слов. «Сколько?» — «Не знаю». Говорили на незнакомом языке, но он все понимал.

Затем двинулись через зал; вскоре впереди замаячил проход. Собравшись с силами, Дар нырнул туда.

Едкий дым ударил в лицо; целые облака дыма неслись по залитому зеленым светом коридору — столь густые, что Дару пришлось включить в шлеме ультравидение. В лю-

минесцентном свете стали видны плавающие повсюду зеленокожие тела — изорванная плоть, глаза, устремленные в никуда, раскрытые в агонии рты.

Затем из коридора послышался громовой рев. Дар ощутил укол в руку, посмотрел и увидел, как сочится кровь. Боли не было — только тупое ноющее ощущение.

К ним метнулся патрульный офицер.

— Все кончено, — сообщил он, проплывая мимо. — Мы их взяли. Есть раненые?

Дар помахал ему пронзенной рукой. Боль понемногу прибывала. Патрульный офицер дал знак роботу. Тот покосился в ране, извлек металлическую иглу и наложил повязку.

— Отбой! — кричал кто-то. — Отбой! — Люди снова начали толпиться у прохода, и Дар присоединился ко всем. Получилась такая давка, что пробраться ему удалось только через несколько минут. Вокруг слышались недовольные возгласы. «Зря разбудили». «Посплю-ка я еще». «Что толку». «А лично я жрать хочу».

Наконец снова оказались в зале с широким куполом. Единственным желанием Дара было поспать. Он перебрался в спальный зал, нашел свободное место и почти мгновенно уснул.

С отчаянно бьющимся сердцем Нейсмит проснулся и резко сел. В темноте, оживлявшейся только свечением из гостиной, собственная спальня казалась теперь какой-то странной — столь явственным оказался сон.

Нейсмит встал, включил свет, постоял, разглядывая свое мерцающее отражение в зеркале, затем снова сел на кровать. «Сон» — не то слово; Нейсмит действительно *был* Даром. Перебирая в памяти все события, можно было сразу понять, что этот опыт не имел ничего общего с бессвязностью или фантастичностью припоминаемого сна. Каждая подробность представляла живой и ясной.

Взять хотя бы «указку». Нейсмит рассеянно тронул левое предплечье. Он почти нащупал тонкое и гибкое ус-

тройство, пристегнутое к руке. Когда требовалось куда-то двинуться в том загадочном, лишенном гравитации пространстве, стоило лишь слегка напрячь предплечье и указать нужное направление.

То место существовало на самом деле. Ссутулившись на кровати в предрассветном сумраке, Нейсмит угрюмо силился припомнить все мыслимые подробности.

Возникли туманные воспоминания о танцах, что исполняли в воздухе трупы таких же, как он, Артистов... выплыло лицо девушки и имя Лисс-Яни... Нейсмит схватился за переносицу. Воспоминания рассеивались.

Взволнованный, он сел в кресло и курил целых полчаса, прежде чем улегся обратно в постель. Но даже тогда Нейсмит долго не мог успокоиться, пока не забылся наконец тяжелым сном.

Уже перед самым рассветом он снова увидел сон с зелеными лицами мертвецов в задымленном коридоре. Нейсмит понимал, что это сон — и все же никак не мог избавиться от ужаса перед жуткими лицами, выплывавшими навстречу из мглы. Они словно пытались что-то объяснить ему; в особенности тот, что появлялся настойчивее остальных — с гримасой на лице, с перекошенным ртом...

Нейсмит проснулся с неясным чувством — казалось, он чуть было не узнал нечто важное. И только когда с бритвой в руке оказался в ванной перед зеркалом, он сообразил, в чем дело.

Лицо мертвеца, если не считать зеленого цвета и отсутствия бороды, вполне могло принадлежать Чурану.

Субботним утром Нейсмиту идти было некуда, но одна мысль о том, чтобы остаться дома — пусть даже ради завтрака — приводила в содрогание. Он вышел и по извилистой улочке направился к парку на гребне холма.

И тут, без всякого удивления, он понял, что должен сделать. Нейсмит спешно прикинул — на счету оставалось четыреста с небольшим долларов. Такой суммы хватит с

избытком на дорогу до Восточного побережья, а там... а там он некоторое время перекантуется в поисках работы, пока он не добудет себе учительский сертификат в каком-нибудь штате.

Отделение банка находилось в пяти кварталах. В квартиру лучше вообще не возвращаться.

Кассир любезно приветствовал его.

— Доброе утро, мистер Нейсмит, чем мы сегодня можем вам помочь?

— Я хотел бы закрыть счет. Можно узнать точный баланс?

Улыбка кассира остыла.

— Не вполне понимаю вас, мистер Нейсмит.

Нейсмит нахмурился.

— Я хочу закрыть счет, — повторил он.

— Но сэр, — возразил кассир, — разве вы не помните, что закрыли его вчера?

— Что? — переспросил Нейсмит, багровея.

Улыбка кассира испарилась.

— Минутку, сэр, я найду записи.

Он вернулся с ворохом бумаг.

— Вот заявление о закрытии счета, мистер Нейсмит — мы как раз собирались отправить его вам по почте. Вот погашенные чеки. А вот — бланк изъятия, датированный вчерашним днем.

Нейсмит уставился на документ. Похоже, все так и есть — листок изъятия, выписанный на 412 долларов 72 цента, заверенный его собственной подписью.

— Но это же подделка, — вымолвил наконец Нейсмит и воззрился на кассира. — Кто выплатил деньги? Вы?

Кассир заморгал.

— Не могу припомнить, — невнятно пробормотал он и повернулся. — Мистер Робинсон!

К ним подошел управляющий — представительный молодой человек с бледной недовольной физиономией.

— Что-нибудь не так?

Кассир объяснил ситуацию, прибавив:

— Мистер Нейсмит утверждает, что документ подделан. Но я знаю точно, мы выплатили все до последнего цента.

— Сейчас разберемся. Говард, позвоните, пожалуйста, Джеку Герберу и попросите его зайти. Мистер Гербер наш юрист. Пока он не подошел, прошу вас в мой кабинет.

Нейсмит скомкал бумажку.

— К черту, — буркнул он, повернулся и вышел.

До него наконец дошло, что, впрочем, никак не помогло унять волны бессильного гнева.

Его последовательно загоняли все в более и более невыгодное положение — будто короля серией шахов по шахматной доске.

Лалл с Чураном перекрыли ему все пути из Лос-Анджелеса. В то же время оставаться здесь он тоже не может. Сколько же еще удастся продержаться под таким напором?

Вернувшись домой, Нейсмит вдруг осознал, что остается еще один возможный выход — машина. Если удастся ее открыть, выяснить, как она работает...

Но когда он открыл дверцу шкафа, машины там не оказалось.

Ночью он опять увидел сон. Он плавал в широком зале со сферическим куполом, полным людей, залитом бледно-зеленым светом. Привычное его тело осталось где-то во тьме, потерянное во времени и пространстве — здесь же был Город, а время было «сейчас».

— ...считанные часы сна с последней атаки, — говорил Мастер Танца, моргая красными от усталости глазами. — Впрочем, ничего не поделаешь. Постройтесь для «Буйных Гирлянд». Входим в двадцать пятой позиции, дальше двадцать один с половиной виток, следуем по серебру и выходим в тридцать второй позиции. Есть вопросы?

Все заворочались в воздухе, начиная выстраиваться длинной, слегка искривленной линией, устремленной к светящемуся диску прохода.

— А что потом? — спросила одна из девушек.

— Потом, — сурово промолвил Мастер, — перестраиваемся для «Сфер и Фонтанов». — Послышался недовольный гул, но протестов не последовало.

Мастер Танца приблизился к Дару.

— Дар, — спросил он, понизив голос, — как твоя рука? Дар напряг бицепс.

— Лучше, — ответил он. — Уже не болит.

— Тебя бы, конечно, побережь, — сказал Мастер, — но нет никого на замену. Сделай, что сможешь.

Дар кивнул. Мастер заколебался — хотел, кажется, еще что-то сказать, но промолчал и направился к началу линии.

— Все готово, — послышался оттуда его голос.

Артисты переглянулись, вытерли руки об одежду и перевели дыхание. Завибрировал тон. Артисты тронулись с места, некоторые брались за руки, вращаясь друг вокруг друга — затем отпускали руки, устремляясь дальше — весь ансамбль плыл вперед затейливым, грациозным узором.

Миновав проход, они оказались внутри освещенной сферы — размерами в сотню раз больше предыдущей. Выполняя предписанные движения, Дар смутно сознавал, как кружится вокруг него весь людный зал — пышно разодетые Ленлу Дин, горланящие словно стая попугаев; снующие по сторонам роботы, зеленокожие слуги.

Дар взялся за руки с партнером, закружился, отпустил руки, повернулся — и поплыл вперед по серебристой полоске света. Рука не болела, но немела и становилась все более неловкой; раз хватка соскочила — и Дар едва успел уцепиться.

Ансамбль уже пролетел ползала — мимо кучки сановников, окружавших Высокородную. Дар заметил ее в толпе — невысокую раздавшуюся толстуху с безумными глазами.

Зал снова закружился. «Буйные Гирлянды» представляли собой композицию с двойной спиралью — по всей линии прокатывалось вращение — слегка приостанавливалось и прокатывалось дальше. На деле композиция

была проще, чем казалась, но, выполненная подобающим образом, выглядела весьма живописно.

Еще оборот. Дар потянулся к руке партнера — и тут тело пронзила боль. Партнер в ужасе раскрыл глаза и судорожно потянулся к запястью Дара, но тот уже потерял равновесие, выбился из ритма — рисунок нарушился.

Шепотом изрыгая проклятия, Дар завертелся в воздухе, затем зарядил указку на полную катушку и сумел быстро занять свое место в линии. Где-то далеко возмущенно взвизгивал женский голос. Высокородная... заметила ли она?

Уже у самого выхода к ним подплыл робот вытянутой формы; желтый огонек замигал прямо в глаза Дару. В отчаянье Дар выпал из построения и только наблюдал, как остальные вихрем скрываются в проходе.

— Ваше имя и рабочий номер? — любезно осведомился робот.

— Дар-Яни, 108 класс 3.

— Благодарю. — Робот поворачивался, наклонился и уплыл.

Дар еще несколько мгновений повисел на месте, затем вспомнил о сортировочной комнате и нырнул в проход.

Остальные ожидали его, бледные и озабоченные. Сразу обрушились вопросы: «Что случилось?», «Он нарушил композицию?», «В чем дело?».

— Он не виноват, — сказал Тен-Яни. — Я видел. Все из-за его руки.

Мастер Танца приблизился к Дару.

— Говорят, тебя остановил робот. Что ему было нужно?

— Только имя и рабочий номер, — ответил Дар. Они с Мастером Танца безнадежно смотрели в глаза друг другу.

— Это я виноват, — пробормотал Мастер, отплывая в сторону и колотя кулаком по ладони. — Я должен был отказаться от представления — сказать, что мы не в полном составе.

— А как же «Сферы и Фонтаны»? — спросил кто-то.

Лицо Мастера искажила гримаса. Он протянул руку и коснулся прохода, снова делая большой серебристый диск прозрачным.

— Смотрите сами. Там пустили запись.

Поднялся недовольный гул. Через проход Нейсмит увидел линию скользящих по воздуху Артистов, твердых и реальных на вид.

В глазах у Мастера стояли слезы. Он раздраженно протянул руку, и проход снова сделался непроницаемым.

— Ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь, — пробормотал Мастер и отвернулся.

Вскоре проход прояснился и оттуда выскользнул робот. Темно-синий, сложных геометрических очертаний. Неторопливо повращавшись, он выбрал Дара и мигнул ему фонариком.

— Прошу следовать за мной.

Дар направился за ним к проходу. Остальные Артисты на него не глядели.

Следующая комната оказалась со смутным оттенком розовато-лилового, и сердце Дара учащенно забилося. Одно из пристанищ Ленлу Дин — одна из комнат, местоположение которых известно только хозяевам и роботам.

В центре палаты плавал горбоносый мужчина в кричащих полосатых одеяниях. В воздухе вокруг него навалом было всевозможных кубиков памяти и другого оборудования. От стен исходила едва слышная музыка.

— Как вы приказывали, сэр, — доложил робот. Затем поклонился, повернулся и поплыл обратно к проходу.

— Дар-Яни, — произнес горбоносый, сверяясь с кубиком памяти, который он держал в коротких, униженных перстнях пальцев. — Номер 108, класс 3.

— Так точно, сэр.

— Ты нарушил построение танцевальной труппы и вызвал тем самым у Высокородной острое эстетическое расстройство, — сурово произнес Орлиный Нос.

— Так точно, сэр.

— Ну, и какого же наказания ты заслуживаешь?

Дар с трудом проглотил комок в горле.

— Разрушения, сэр.

— Верно. Хорошо сказано. А теперь, допустим, я предложил бы тебе взамен некое опасное задание — для того, чтобы загладить свою вину.

— Сэр, с вашей стороны это было бы величайшей милостью.

— Я тоже так думаю. Итак, Дар-Яни... — Орлиный Нос сверился с другим кубиком памяти, нетерпеливо сдавливая грани, пока не выжал всю нужную информацию. — Как ты уже, наверное, знаешь, из будущего сообщили: одному Цугу удалось каким-то образом пробраться за Предел.

— Так точно, сэр.

— Его необходимо убить. Шефтов, как тебе также известно, у нас уже нет.

В горле у Дара пересохло.

— Так точно, сэр.

— Мы тут пытаемся вернуть одного Шефта, — но, если не получится, Цуга придется убивать кому-то другому. Понимаешь меня?

— Сэр, я недостаточно тренирован — я сражался с Ленлу Ом, но Цуг...

— Ну вот и прекрасно. Не следует опасаться неудачи. На сей раз мы просто хотим выяснить; может ли в принципе Артист убить Цуга. Мы не особенно на тебя рассчитываем, Дар-Яни. Впрочем, постарайся, постарайся... — Он подавил зевок. — Тебе дадут час работы с тренажерами, чтобы ты смог усовершенствовать подход. Затем робот доставит тебя к проходу в Старый Город. Цугов там, как тебе известно, навалом. Главное, ты должен помнить...

Глава 5

Голос отдалился, сделался невнятным. Нейсмит проснулся.

Сон был настолько живым, что на миг Нейсмиту показалось нелепым очутиться здесь, в темноте — в давлен-

ному гравитацией в пружинный матрас среди затхлых запахов ткани и пыли.

Нейсмиту сел в темноте на кровати, понимая, что прошла еще ночь, а он ни на шаг не приблизился к решению. Не проще ли будет предоставить самим чужакам...

— Нет! — рывкнул он и скинул ноги с кровати. Затем принял душ, побрился и позавтракал.

После завтрака Нейсмит сел за стол с бумагой и карандашом и набросал еще один список:

1. Сдаться.
2. Сбежать и спрятаться.
3. Пассивно сопротивляться.

Нейсмит сразу вычеркнул первые два пункта. Первый неприемлем, а второй невозможен. Третий, казалось, представлял какую-то надежду; но Нейсмит сердцем чувствовал, что и тут ничего не светит. Снова пришла в голову аналогия с шахматами. Игрока атакуют, его короля серией шахов гонят к последней клетке — и выход остается один: не отступать, а контратаковать.

Нейсмит скомкал бумагу, швырнул ее на пол и встал из-за стола. План медленно начал обретать очертания.

Первым делом следует принять во внимание, что он находится под постоянным наблюдением — даже здесь, в собственной квартире. И даже будь у него деньги, он не смог бы приобрести оружие.

Нейсмит оглядел свои широкие, мощные ладони, пошевелил сильными пальцами. Как-то на спор он согнул надвое кусок железной трубы. Чужаки уже ясно дали понять, что боятся его... Что ж, угрюмо подумал Нейсмит, на то у них оснований достаточно.

Тогда он приступил к спектаклю для незримой аудитории. Собираясь выйти из дому, пересчитал в карманах мелочь и разъяренно стиснул в кулаке несколько монет — жалкие остатки наличности.

Битый час Нейсмит бродил по улицам в Беверли-Хиллз с поникшей головой и сгорбленными плечами; затем навестил школьного приятеля и попытался занять денег. Приятель, электротехник по фамилии Стивенс, был силь-

но озадачен просьбой Нейсмита; но все же отстегнул пять долларов, оправдываясь:

— Извини, Нейсмит, на этой неделе у меня с деньгами туговато, но вот хоть это...

Нейсмит взял деньги, прошел, как и раньше, два квартала, затем вдруг бросил добычу в канаву и вслух произнес:

— Пора сдаваться. Я побежден. — Затем перевел дыхание, повернулся и подобрал скомканную банкноту, которую только что отшвырнул. С лицом, полным отчаянья и смирения, разгладил бумажку. Затем остановил свободное такси и дал адрес чужаков. На вид — сплошная капитуляция; внутри — чистое убийство.

Нейсмит постучал в красную дверь. Оттуда крикнули:

— Входите — не заперто.

Комната, похоже, ничуть не изменилась. Чуран сидел за столом и исподлобья изучал Нейсмита. Эта тварь Лалл, сложив руки на груди, прислонилась к книжному шкафу справа от Нейсмита и курила сигарету. Все молчали.

Нейсмит шагнул вперед.

— Я пришел сказать, чтобы вы отозвали собак.

Улыбка Чурана стала чуть пошире; Лалл взглянула на него и выдула длинную сливу из дыма.

Нейсмит прикинул расстояние до чужаков. Еще полшага...

— Изложите мне ваш план, — начал он, а затем буквально взорвался. Одна рука метнулась к горлу Чурана, другая — к горлу Лалл. Обе не достигли цели — лишь схватили воздух.

И в то же время чужаки не двигались с места. Холодея от ужаса, Нейсмит понял, что руки его прошли сквозь их тела.

Чуран, лицо которого оказалось до омерзения близко, принялся хохотать. Мгновение спустя к нему присоединилась и Лалл.

Нейсмит отскочил назад. Двое чужаков со слезами веселья в глазах переглянулись.

— Отличная попытка, — похвалила Лалл. — Отличная, профессор Нейсмит. Но все же недостаточно удачная.

А в следующее мгновение оба чужака разом испарились. Дрожа и не веря своим глазам, Нейсмит заставил себя снова шагнуть вперед и стал осматривать место, где только что находились чужаки.

На полу между стулом Чурана и книжным шкафом лежала черная машинка, в линзах которой гасли тусклые красные огоньки. Нейсмит потянулся было ее взять, но внезапный электрический разряд заставил отдернуть руку.

Комната была пуста. Однако когда Нейсмит стал пятиться к двери, смех чужаков снова донесся ниоткуда, злобный и издевательский. А сзади в ухо шепнул голос Лалл:

— Небольшое напоминание, профессор... — И как только Нейсмит попытался обернуться, что-то ударило ему в висок. В комнате потемнело.

И Нейсмит оказался в Городе — плавая в центре огромного зала, украшенного резной слоновой костью и лепниной, пустого и сумрачного. Когда он двигался, еле слышное шуршание одежд отзывалось зловещими шепотками от стен: «Шш... шш...»

Дар знал, что должен умереть. Он уже попросался со всеми друзьями и товарищами по трупке; возвратил имущество на центральный склад и самолично вычеркнул свое имя из официального списка Артистов. Собственно говоря, он уже был трупом: Дар-Яни больше не существовал. Осталось лишь безликое и безымянное тело — какой-то след — фикция, что проплывала в памяти Старого Города.

Здесь он оказался впервые со времени постройки Нового Города. Странно было видеть знакомые залы и коридоры в таком запустении. Выстроенный из материальных веществ, более тысячи лет кропотливо украшавшийся декорами и орнаментами, Старый Город оставался единственным реальным городом — пока нарастающая угроза со стороны Цугов не вынудила человечество перебраться

в новые залы из щугозащитной энергии. Говорили, что после установки Предела все люди непременно вернуться сюда; впрочем, человеку, которого прежде звали Дар-Яни, не суждено до этого дожить.

Несправедливость? Возможно. Он подумал про зеленых рабов и скривил губы. Хорошо им восставать, когда их положение отчаянное. Но у Артистов своя доля.

Дар замер и прислушался. Непривычные доспехи тесно сжимали грудь, а ладони вспотели на рукоятке оружия.

Не слышалось ничего, кроме неуловимых тревожных шепотков, отражающихся от стен. Он поколебался, затем двинулся к одному из сотен ведущих из зала коридоров.

Здесь, в этом знаменитом главном зале, давал концерты Ито-Яни, часами зачаровывая тысячные аудитории. Теперь же, как и весь остальной Старый Город, зал отдан во владение жутким монстрам, которые...

Дар застыл, всем телом прислушиваясь. Откуда-то из мгли коридора донесся слабый шум.

«Когда зверь нападет, — сообщил тогда тренажер, — у тебя будет самое большее две секунды, чтобы прицелиться и выстрелить. Если выживешь после первого удара...»

Снова шум — уже ближе.

Дар попятился от проема с паническим чувством, что еще не готов — что все случилось слишком быстро — что времени не хватает...

Шум снова послышался — и теперь он увидел неясное мерцание — там, в мрачных глубинах.

Каждая клеточка его тела трепетала от страха, но Дар остался на месте — зубы оскалены, рука крепко вцепилась в рукоять оружия.

Отдаленная фигура неожиданно выросла — она безмолвно летела к нему — на немыслимой скорости. Сквозь забрало шлема уже посверкивали красные глаза и распахнутые клешни. Будто в кошмарном сне Дар попытался вскинуть тяжелое оружие — слишком медленно. Вот монстр уже навис — клыкастая пасть разинута — и...

Нейсмит сидел на полу, меж тем как хриплое эхо собственного вопля еще звенело у него в ушах. Голова раскалывалась. Все тело дрожало, покрытое холодным потом. А оттуда, из тьмы, тянулся монстр, по-прежнему разевая пасть...

Густой смрад собственного страха резко ударил в ноздри. Рука наткнулась на перевернутый стул... *Где же он бывал?*

Нейсмит поднялся и пошарил в карманах в поисках спичек. Огонек осветил загаженный ковер, книги и газеты, сложенные стопками у стен.

Тут он припомнил последний миг — и нащупал шишку над ухом.

Спичка погасла. Нейсмит зажег другую, подобрался к лампе и включил ее. Машинки, которую он заметил на ковре, там уже не было. Квартира пуста.

Нейсмит ненадолго присел и опустил лицо на ладони. Затем, с внезапной решимостью, встал и направился в угол к видеофону. Набрал номер. Смуглая морщинистая физиономия доктора Уэллса выразила радушие.

— А-а, Нейсмит, привет-привет. Как дела? Что-нибудь случилось?

— Скажите, Уэллс, — напряженно проговорил Нейсмит, — как-то вы упоминали, что есть радикальный метод против амнезии.

— Ну да, конечно-конечно. Но ведь до этого еще не дошло. Имейте терпение, дружище, пусть сначала поработают обычные методы. Итак, в следующий раз мы с вами встречаемся в... — Доктор потянулся к календарю.

— Я не могу ждать, — спокойно объяснил Нейсмит. — Насколько опасен этот метод и в чем он заключается?

Уэллс сложил сильные руки под подбородком.

— Достаточно опасен. Некоторых он довел до психоза — так что дело нешуточное, уверяю вас. В сущности, метод вводит в действие рычаги, способные извлечь на поверхность скрытый материал подсознания. Порой, когда такой материал действительно всплывает, пациент испыты-

вает сильнейшее потрясение — и впадает в психотическое состояние. Поверьте, Нейсмит, подчас имеются более чем серьезные причины для провалов в памяти.

— И все же я рискну, — стоял на своем Нейсмит. — Когда вы свободны?

— Минутку-минутку. Я-то еще не сказал, что рискну. Послушайте моего совета: вам, Нейсмит, действительно следует подождать...

— Если вы откажетесь, я подыщу другого психиатра.

Уэллс явно огорчился.

— Да, в этом городке такое вполне реально. Будь по-вашему, Нейсмит. Приходите, и мы все обсудим.

Уэллс закончил прилаживать головные клеммы и отступил на шаг, изучая счетчики на пульте управления рядом с кушеткой.

— Порядок? — спросил он.

— Приступайте.

Уэллс задержал смуглые пальцы на рукоятке.

— Вы уверены, что вам этого хочется?

— Все причины я уже изложил, — нетерпеливо буркнул Нейсмит. — Давайте наконец приступим.

Уэллс повернул ручку; аппарат щелкнул, и послышалось гудение. Нейсмит почувствовал, как зашекотало где-то в голове и подавил секундное желание сорвать головные клеммы.

— На предыдущих сеансах, — сообщил Уэллс, — мы достаточно подробно прошли ваше пребывание в больнице, а также университетский опыт после выписки. А теперь посмотрим, не удастся ли выловить более живую подробность из тех воспоминаний. — Тут доктор повернул рукоятку, и щекотка усилилась.

— Я обращаю ваше внимание на первый день в медицинском центре Военно-Воздушных сил, — сказал Уэллс. — Попробуйте выхватить из памяти первый образ, который возник, когда вы очнулись. Первое, что вы вспомнили, когда пришли в себя...

Нейсмиту мучительно постарался сосредоточиться. Смутное воспоминание о белизне. Белые простыни, белые халаты...

Наблюдая за ним, Уэллс возился за пультом управления. И вдруг яркая сцена возникла в голове Нейсмита — такая живая и ясная, как если бы он переживал ее вновь.

— Ну? — тут же спросил Уэллс. — Опишите, что вы видите и слышите.

Нейсмиту невольно стиснул кулаки, затем постарался расслабиться.

— В палату только что вошел молодой врач. Его лицо я вижу как сейчас ваше. Лет тридцати, крупные черты, выглядит веселым, но глаза — недобрые. Посмотрел историю болезни, затем вперился в меня. «Ну и как мы сегодня?» Сестра взглянула и улыбнулась, затем вышла. Большая симпатичная комната — зеленые стены, белые занавески. Я спросил: «Где я?» — Нейсмиту примолк, удивленно нахмурившись. — Ничего не помню... совсем ничего. Даже языка... он какой-то... — Нейсмиту заметался на кушетке.

— Полегче-полегче, — успокоил Уэллс. — А что он вам ответил?

Нейсмиту стиснул зубы.

— Сейчас. Он спросил: «А что это за язык, старина?» Но я его не понял! — Нейсмиту приподнялся на локте. — Он говорил, а я не понял ни слова!

С озабоченным видом Уэллс придавил его обратно к кушетке.

— Полегче-полегче, — повторил доктор. — Мы знали, что после аварии у вас наступила полная амнезия. Все ему приходилось учиться заново. Не позволяйте живости воспоминания...

— Но на каком языке я тогда говорил? — кипит гневом, спросил Нейсмиту. — Когда спрашивал: «Где я?»

— А можете вы повторить звуки?

— *Ква э?* — некоторое время спустя с закрытыми глазами вымолвил Нейсмиту. Напряжение все нарастало — он уже не в силах был лежать спокойно. Лицо подергивалось,

на лбу выступал обильный пот. — Вам это о чем-нибудь говорит?

— Я не лингвист. Но это точно не немецкий, не французский и не испанский — тут я уверен. Может статься, румынский или хорватский — что-нибудь из той оперы. У вас там никаких корней?

— По документам ничего такого, — напряженно выговорил Нейсмит. Пот заливал лицо, кулаки то сжимались, то разжимались. — Отец с матерью местные, и всю жизнь прожили на Среднем Западе. И все родственники тоже откинули копыта в омахской мясорубке; а я последний в семье — и едва избежал таких же радостей.

— Пойдем дальше, — предложил Уэллс. — Когда закончим, я прокручу ту фразу Хупке или Лири — интересно, что они скажут. А теперь еще немного назад. Постарайтесь успокоиться.

— Попробую. — Нейсмит вытянулся на кушетке, плотно прижав руки к бокам.

— Обращаю ваше внимание, — напряженным голосом проговорил Уэллс, — к последнему воспоминанию до пробуждения в больнице. Последнее, что вы помните. — Доктор снова обратился к пульту управления.

Нейсмит вздрогнул, когда еще один живой образ буквально взорвался в голове. На сей раз пейзаж — серый и туманный.

— Авария, — прохрипел Нейсмит, облизнув пересохшие губы. — Кругом до черта обломков — все дымится... Трупы...

— А где вы? — спросил Уэллс, подаваясь вперед.

— Ярдах в двадцати от флюзеляжа, — с усилием вымолвил Нейсмит. — Совсем голый... истекаю кровью... Холодно. Голая земля. Там чье-то тело, и я наклоняюсь посмотреть чье. Лицо — сплошное месиво. Ага — личный знак... Боже мой! — Он вдруг сел на кушетке, весь дрожа.

Уэллс побелел под своим загаром и выключил аппарат.

— Что? Что такое?

— Не знаю, — медленно проговорил Нейсмит, лихорадочно нащаривая в голове образ, который оттуда уже ис-

парился. — Я потянулся к личному знаку того парня, а потом... не знаю что. Жуткий шок. Теперь прошло.

— Лучше на сегодня закончить, — предложил Уэллс, собираясь отключить пульт управления. — В другой раз...

— Нет! — Нейсмит схватил его за руку. — Мы уже совсем рядом — я сердцем чувую. Поздно тормозить. Включите свою мозговжималку.

— Не думаю, что вы поступаете мудро, Нейсмит, — утешительным тоном произнес Уэллс. — Вы реагируете слишком остро; помните, это мощный прибор.

— Еще одна попытка, — предложил Нейсмит. — Одну я выдержу; а там оставим до следующего раза. — Он не сводил глаз с Уэллса.

— Ладно-ладно, — нерешительно пробормотал Уэллс. — Посмотрим...

Нейсмит лег. Снова начались гудение и щекотка.

— Направляю ваше внимание на детство, — сказал Уэллс. — Любая сцена из детства. Все, что придет в голову.

Нейсмит остоленел. Нечто всплыло в сознании — нечто столь страшное, что явись оно наяву — и он немедленно лишился бы рассудка. И больше — ничего.

Итак, полный провал. Стоя на дорожке у домика Уэллса, Нейсмит ожесточенно тер пальцами виски. Ничего, кроме головной боли, дальнейшие опыты не принесли.

Некоторое время он стоял в гневной нерешительности. Все попытки действовать отсекались одна за другой. С самого первого дня — в аудитории...

И тут мысль, таившаяся все это время где-то на задворках сознания, начала обретать форму. Вот с чего все началось — с воздействия дубликатора Гиверта. ...А может, все несчастья Нейсмита — сны, к примеру, и все остальное — объясняются тем, что какой-то пришелец схимичил с аппаратом? Разве нельзя предположить, что туда вставили какую-нибудь хитрую штуковину, чтобы изучать скрытое воздействие на сознание?

Задав себе такой вопрос, Нейсмит уже не мог оставить его без ответа. Тогда он направился в туннель.

Головная боль не утихла и не усилилась. Ощущение создавалось такое, будто каркас, который надел ему на голову Уэллс, так там и остался. Несмотря на всю абсурдность таких мыслей, Нейсмит никак не мог избавиться от желания сорвать каркас и швырнуть его в ближайшую сточную канаву.

Поход к Уэллсу оказался ошибкой — от начала и до конца. Масса дискомфорта, прочие атрибуты, потраченное время — а в результате так ничего и не известно о том белом пятне, что закончилось четыре года назад. Нескольких жалких воспоминаний о жизни в больнице после аварии — знания, не стоившие усилий — а больше и ничего.

Нейсмит вышел на университетской остановке — и в ярком свете солнца дотопал до Учебного корпуса. Многие студенты, что попадались по пути профессору, останавливались и провожали его странными взглядами. Знакомых он не встретил, и никто с ним не заговорил.

Когда Нейсмит поднимался по задней лестнице к аудиториям, навстречу попался нервный и пугливый Дональд Клемперер в сопровождении молодого препаратора по фамилии Ирвинг. При виде Нейсмита оба так вздрогнули и задергались, что чуть не порвали лабораторные халаты. Самый молодой сотрудник физического факультета Клемперер был вечно озабоченным, хлопающим глазами юнцом; грузный же брюнет Ирвинг всегда производил невозмутимое впечатление.

— Ах, ох, профессор Нейсмит, — начал заикаться Клемперер. — А профессор Орвиль сказал...

— А вы как раз проводили мои занятия? — мило осведомился Нейсмит, невозмутимо продолжая подниматься по лестнице.

— Да-да, как раз... но тут вот какое дело...

— Как сегодня прошла демонстрация? — Нейсмит оказался уже на верху лестницы и оглянулся, рассматривая сверху вниз разинутые рты Клемперера и Ирвинга.

— А-а, да-да, превосходно, только вот...

— Отлично, так держать! — Нейсмит быстро направился по коридору.

— Но профессор Орвиль сказал мне забрать у вас ключ! — провыл Клемперер.

Нейсмит не удостоил его ответом. Он отпер дверь дубликационной комнаты, проскользнул туда и заперся. Откликаясь на его присутствие, лампы медленно засветились.

Он осмотрелся в комнате, разглядывая знакомое оборудование, будто видел его впервые. Сам дубликационный механизм в трех металлических шкафах располагался у одной стены — а в двух блоках выше и ниже платформы наблюдения находилась стандартная девятивариантная установка Дубликатора Гиверта. Она имела объектное поле радиусом шесть футов, отмеченное невысоким ограждением. Рабочий стол и аппаратура находились в том же виде, в каком Нейсмит их и оставил: резервуар, тау-аккумулятор, размыкающий механизм, теперь сдвинутый в сторону. Несколько единиц оборудования добавилось: фотометр и интерферометр, небольшой теодолит, несколько призм, обычное оборудование для демонстрации оптических свойств квазиматерии. Кроме того, к полу была приварена опорная плита гидравлического домкрата, а небольшой передвижной кран располагался рядом, чтобы принимать на себя вес резервуара, когда из-под того приходилось вынимать стол.

Нейсмит узнал оборудование, подготовленное к третьей серии экспериментов с демонстрацией квазиматерии: Клемперер с Ирвингом, судя по всему, этим как раз и занимались перед его приходом.

Нейсмит внимательно осмотрел резервуар. Жидкость внутри, по-прежнему в квазиматериальном состоянии, отсвечивала, будто баллон ртути. Отражения на стенах, на двери, на оборудовании — по всей комнате — искажались изгибами резервуара — но не только ими. С того места, где он стоял, Нейсмиту отчетливо было видно изображение аппаратуры дубликатора слева на стене — в то вре-

мя, как его собственное отражение казалось едва заметной полоской на правом ободке резервуара.

После некоторых трудов он снял передние панели со всех трех блоков механизма и стал ковыряться в сплетении трубок и проводков. Специалистом по Гиверту Нейсмит не был, но устройство аппарата худо-бедно себе представлял. И теперь, насколько он мог судить, никаких следов подвоха там не оказалось. Блоки на полу и под потолком были куда менее доступны, но толстый слой пыли и еще какой-то копоты убедили Нейсмита, что их месяцами никто не открывал.

Тут он услышал негромкий щелчок и обернулся как раз вовремя — чтобы увидеть, как распаивается дверь.

В проходе стояли два здоровяка в бордовых пиджаках. В волосатых ручищах поблескивали пистолеты.

— Руки! — рявкнул один.

Растерявшись и не имея времени подумать, Нейсмит машинально шлепнул ладонью по выключателю на пульте управления. Потом махнул рукой дальше и продолжал в том же духе, пока в комнате не погасло все освещение и она не погрузилась в кромешную тьму — если не считать тусклого света из прохода.

Послышался крик. Нейсмит рванул вперед, огибая стол. Раздался оглушительный рев, когда один из нападавших выстрелил; Нейсмит присел на корточки — под прикрытие резервуара. Прошло лишь несколько секунд.

В звенящей тишине один из мужчин неожиданно тонким голосом выкрикнул:

— Выходи, Нейсмит! Ничего у тебя не выйдет! Здесь только одна дверь!

По тому, как мерцал свет из прохода, Нейсмит понял, что двое мужчин заходят в комнату, расходясь по стенам. Нейсмит, несмотря ни на что, с холодной точностью успел подумать: «Резервуар вращается импульсом под девяносто градусов против часовой стрелки».

Руки Нейсмита рванулись к столешнице. Одна сомкнулась на тяжелом латунном теодолите, другая ухватила две призмы.

Нейсмит неторопливо следил за перемещением двух типов, будто решая тригонометрическую задачу. Дождавшись последнего мгновения, он вскочил и со всего размаху швырнул призмы в мужчину справа от себя.

В комнате снова взревело — да так, что задрожали стены, а у Нейсмита чуть не лопнули барабанные перепонки. Стекланный резервуар разлетелся на сотни осколков, но серебристый цилиндр квазиматерии остался нетронутым. Снова нырнув за резервуар, Нейсмит услышал выстрелы: третий, четвертый...

Затем в другом углу комнаты — слева от Нейсмита — раздался негромкий стук и глухой удар.

Нейсмит отважился выглянуть: мужчина слева от него стоял на коленях, крепко прижимая руки к животу и уронив на пол пистолет. Затем качнулся и начал падать.

Нейсмит швырнул тяжеленный теодолит и последовал за ним, перемахнув через стол. Второй мужчина, пытаясь увернуться от снаряда, не удержал равновесия и оказался на полу. Он еще раз выстрелил в Нейсмита, наполняя комнату грохотом — а потом Нейсмит уже сидел на нем. Секундная боль в руке — и мужчина обмяк, неестественно вывернув шею.

Почти тут же Нейсмит снова вскочил на ноги, пульей вылетел за дверь — мимо белых от ужаса физиономий Клемперера и Орвиля — затем вниз по лестнице — и на солнечный свет. Из пореза на лице струилась кровь — туда, очевидно, вонзился один из стекланных осколков.

Внезапно осознав, как быстро он движется, Нейсмит заставил себя идти медленнее — почти шагом — по дорожке ко входу в туннель. Кучка студентов собралась у серо-голубого вертолета, припаркованного на лужайке: кабина пуста, лопасти неподвижны. Повинуясь внезапному побуждению, Нейсмит направился к машине. По пути его трясло. Слишком быстро все получилось — и не оставалось времени действовать иначе, как машинально. Создавалась угроза для жизни — он и встретил ее доступными методами — заставил одного из нападавших пристрелить другого с помощью отражения в

кинетически инертной квазиматерии. Если Нейсмит и успел о чем-то подумать, так это о том, что двое мужчин — наемные убийцы, подосланные Лалл и Чураном. Но...

Вот Нейсмит уже в вертолете — ноль внимания на студентов — те повернулись и вовсю стали на него глазеть. В кабине неразборчиво бубнил передатчик. Нейсмит открыл дверцу, залез внутрь и наклонил голову, прислушиваясь.

Патрульный на небольшом видеоэкранчике как раз говорил:

— ...задержанию и допросу. Этот человек разыскивается за убийство доктора Клода Р.Уэллса, психиатра Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Час назад Уэллс был забит до смерти, а его кабинет полностью разгромлен. Упомянутый Нейсмит представляется предельно опасным. Данных о его вооружении не имеется, но при задержании в любом случае требуется соблюдать особую осторожность. Повторяем приметы преступника: В.М.А., рост шесть футов два дюйма...

Последние слова остались неразборчивыми. С ревом обреченности в голове, Нейсмит отвернулся. Увидев выражение его лица, студенты пришли в ужас и попятились. Нейсмит миновал их, двигаясь точно сомнамбула.

У него не было даже возможности с неверием отвергнуть услышанное. С первых же слов из вертолетного радио до Нейсмита мгновенно дошло, что у него просто не осталось никаких воспоминаний об Уэллсе — кроме того ужасного и неувиденного, что выплыло из детства. А после — сплошной пробел.

«Боритесь с нами», — сказала тогда эта тварь Лалл. Этим Нейсмит и занялся — и вот плачевный результат. Он уже убил Уэллса и двух детективов. Теперь он наконец оказался «готов» — теперь некуда больше идти, кроме как к Лалл и Чурану.

Позади выкрикивал отдаленный тоненький голосок:

— Эй! Эй! — слабо доносилось с лужаек. — Эй, оставьте его! Держите его! Эй...

Нейсмит оглянулся и увидел, как из Научного корпуса выскочили две кукольные фигурки. Одна светловолосая — в ней Нейсмит сразу опознал Орвиля. Обе фигурки неслись сломя голову и размахивали руками.

Стоявшие вокруг студенты нерешительно крутили головами, обращая взгляды то на две фигурки, то на Нейсмита. Подобно большинству студентов, соображали они слишком медленно. Нейсмит тут же показал им спину, стараясь не двигаться слишком быстро, и стал уходить.

В самый последний момент дорогу загородил рослый старшекурсник. Только юнец открыл рот, чтобы заговорить, Нейсмит заехал ему по физиономии и бросился бежать. Когда профессор в последний раз глянул на старшекурсника, тот балансировал на одной ноге, отчаянно стараясь сохранить равновесие, широко распахнув от удивления рот.

Нейсмит пустился во весь дух. Успев сделать четыре отчаянных прыжка, он все же услышал звук, которого так опасался — дикий хор выкриков из молодых глоток — рев бросившейся в погоню толпы.

Стоило Нейсмиту сломя голову кинуться ко входу в туннель, как в небе уже заскользил второй полицейский вертолет.

Глава 6

Рев толпы еще гудел в его голове — а Нейсмит уже нырнул в туннель и кинулся по лестнице, прыгая через три ступеньки. Один шанс из тысячи. Лишь бы поезд не подвел...

Станция оказалась пуста.

Нейсмит оценил это в одно мгновение. А в следующее краешком глаза заметил открытую дверь. Он вихрем бросился туда и тут же выяснил, что это дверь в ремонтные помещения. Распахнув ее, Нейсмит ничего на двери не обнаружил, кроме вентиляционного окошка и намалеванного белой краской номера.

А в комнате, темная в мерцании слабых красок, стояла мисс Лалл. Позади пристроился Чуран. Лалл поманила рукой.

— Входите!

Нейсмит рванулся в комнату, сразу же поняв, что стены помещения кажутся какими-то странными. Закругленными и невещественными, мерцающими как мыльные пузыри; частично они просвечивали. За ними смутно различались настоящие стены комнаты — как бы позади — с висящими на крючках халатами, со шваброй в углу.

Затем Нейсмит оказался внутри. Лалл боком миновала его и закрыла дверь. Чуран остался сидеть. Все трое смотрели друг на друга, заключенные и стиснутые в овальной оболочке каких-то прозрачных, изменчивых цветов. Станным был и свет; все это напоминало пребывание внутри яйца, сделанного из движущихся теней.

Не прошло и мгновения, как снаружи на лестнице слышался топот, и по платформе раскатился бешеный лай голосов.

Нейсмит перевел дыхание и расслабился.

— Ну как, все по плану? — насмешливо поинтересовался он.

— Обязательно. Все по плану, мистер Нейсмит, — подтвердил Чуран. Чужак рассаживался на табурете, который казался частью вещества призрачного яйца. Пляшущие призматические цвета струились из основания табурета и скрывались в самой вершине оболочки.

Короткопалые конечности Чурана небрежно покоились на голубовато-стальном предмете, лежавшем у чужака на коленях. Нейсмит с удивлением узнал машину, исчезнувшую из квартиры на Беверли-Хиллз.

Глаза Чурана вспыхнули.

— А мы вам жизнь спасли, мистер Нейсмит, — хрипло пробормотал чужак.

— Ладно, допустим. Но у вас наверняка были на то свои особые причины. Ну, вот он я. Кушайте меня с маслом. Так что же вам требуется?

Лалл, сверкнув глазами, бросила Чурану что-то быстрое и выразительное — на языке, который показался Нейсмицу мучительно знакомым — любопытное сочетание плавных и протяжных гортанных звуков. Чуран кивнул и нервно облизнулся.

— Мы хотим, мистер Нейсмит, чтобы вы отправились с нами, — сказал он. — В одно длинное путешествие. Длинной в двадцать тысяч лет. Как вы на такое посмотрите?

— А если откажусь?

Янтарные глаза Чурана тут же на мгновение сверкнули.

— Мы хотим, мистер Нейсмит, чтобы вы отправились по доброй воле.

Нейсмит безрадостно усмехнулся.

— Значит, ради этого вы все и проделали — убили Рэмсделла и миссис Беккер?

Женщина слегка подалась вперед.

— По-моему, вы не все понимаете, мистер Нейсмит. Мистера Рэмсделла и миссис Беккер убила машина. Она настроена на структуру нашего сознания — вашего, Гунды и моего. А остальным к ней прикасаться небезопасно. Предосторожность, знаете ли, от воров.

Нейсмит почувствовал, как в нем все более закипает гнев.

— Стало быть, вы утверждаете, что эти два человека погибли ни за что — просто вам захотелось, чтобы машинка попала ко мне в руки?

— Да нет же, совсем наоборот, — возразил Чуран. — Отправка машины — лишь средство убить Рэмсделла. Чтобы вас обвинили в убийстве. Истинная же цель — ослабить вашу связь с этим миром. Слишком уж твердо вы были уверены, что на деле являетесь Гордоном Нейсмитом.

Шум толпы снаружи стал понемногу затихать. Время от времени кто-нибудь подходил к ремонтному помещению, дергал за ручку и уходил. Припертый к стенке, Нейсмит принял решение.

— Ладно, ваша взяла. Я готов. Поехали.

Лалл с Чураном быстро переглянулись. Затем толстые пальцы мужчины заелозили по корпусу машины.

Нейсмит зачарованно наблюдал, как кнопки, которые не поддались его усилиям, легко вдавились и передвинулись под пальцами Чурана. И как только это произошло, стены комнаты, висящие на крючках халаты, швабры и вся остальная дребедень стала понемногу удаляться. А во время поворота Нейсмит ощутил психическое потрясение, когда закрытая призрачная дверь прошла прямо сквозь его тело.

Затем они двигались по станции, в нескольких футах над головами молодых людей, разбросанных в неподвижности тут и там по всей платформе. Не слышалось ни звука. Все фигуры стояли как гвозди — некоторые замерли с поднятой ногой. Лица искажены, глаза блестят тупым воодушевлением.

Двигаясь в прежнем темпе, проплыли сквозь стену станции. Еще одно мгновение тьмы — и открытое пространство.

Нейсмит с предельным вниманием наблюдал за происходящим, пытаясь разгадать связь между их движением и тем, как Чуран управлял машиной.

— Чего я не могу понять, — произнес он, — каким образом вы заключаете свои силы в столь крошечном аппарате.

— Там нет сил, мистер Нейсмит, — ответила Лалл. — Силы, которые мы используем, генерируются в будущем. Машина — всего лишь пульт управления. Мы называем ее... — Она издала пару гортанных звуков. — Как же это вам перевести? — Лалл помолчала, затем с сомнением произнесла: — Сфера времени? Нет. Название означает нечто, погружающееся во время — как вы погружаете батисферу в океан. Как бы вы это назвали — темпоро...

Яркий университетский городок снаружи теперь напоминал красочный склад: два вертолета, студенты на лужайке — всех поймало остановившееся мгновение. Нейсмит зачарованно наблюдал, как движется призрачное

яйцо — теперь уже быстрее — на восток через поляны. Здания, огненные деревья удалялись в перспективе вместе с людьми; но теперь уже не как фотография, а как немислимо детальная и похожая на жизнь миңиатюрная модель.

— Темпороскаф? — вскоре с кривой усмешкой предложил Нейсмит.

— Ну, пусть будет темпороскаф. Правда, слово уж больно уродливое... Видите ли, мы можем управлять нашим положением как в пространстве, так и во времени. Теперь, к примеру, мы движемся в пространстве, оставаясь неподвижными во времени. А чуть позже будет наоборот.

Пейзаж внизу проплывал уже заметно быстрее. Солнце золотило верхушки зданий на горизонте. Поднимаясь по длинному склону, они еще только проходили над Бурвош-парк. Нейсмит видел дорожки, покрытые гравием, замерших пешеходов, серебристое озеро и теннисные корты. Затем все это скрылось. В поле зрения всплыли плотные громады кварталов Лос-Анджелеса — в той же неземной тиши.

Сидя в замкнутом пространстве призрачного яйца, Нейсмит вдруг понял нечто, до той поры таившееся на задворках сознания. Запах. Какие-то дешевые духи с примесью — почти неразличимой — но все же он узнал ее: тот же мускусный аромат, который он учуял в конторе Чурана.

Ну и парочка — Нейсмиту опять бросилось в глаза, насколько уродливыми казались они, находясь рядом друг с другом. То, что у Лалл могло показаться случайным совпадением черт — плоский нос с широкими ноздрями, узкие желтые глаза, тонкие губы — помножившись надвое, складывалось в картину классического уродства. Две перекрашенные лягушки в прозрачном яйце — уставившиеся друг на друга немигающими глазами — лягушки, в результате какой-то каверзной вивисекции получившие сходство с человеком. И, вспомнив холодное прикосновение к Лалл, Нейсмит снова содрогнулся.

Теперь внизу проплывали предгорья — а за ними вскоре выросли и горы. Нейсмит заметил, как из окон домика на краю каньона, такого крошечного издали, подмигивает ему солнце. Когда переваливали через горы, не переставая набирать высоту, Нейсмиту стал виден выпуклый земной горизонт, туманно-голубой — и крапинки перистых облаков, что плавали высоко-высоко под бледным сводом. Что-то еще бросилось в глаза — яркая блеска над облаками, быстро приближающаяся. Нейсмит почти сумел ее распознать — блеска сделалась отчетливой и оказалась серебристо-голубым лайнером Транс-Америкэн. Когда корабль приблизился, на мгновение у Нейсмита перехватило дух — видна была каждая заклепка на отполированной обшивке самолета. До него вдруг дошло, что лайнер висит в воздухе совершенно неподвижно. За стеклом пилот с помощником казались застывшими восковыми куклами; к соплам примерзли еле заметные язычки пламени. Вскоре лайнер остался позади.

Два чужака наблюдали за землянином с непроницаемыми лицами. Нейсмит спросил — грубее, чем собирался:

— Ну и куда теперь?

— Не так, чтобы далеко, мистер Нейсмит, — ответил Чуран.

Круглый мир внизу катился куда-то с немыслимой скоростью; уже появилась серебряная блеска, в которой Нейсмит узнал Боулдер-Дам. Затем внизу пронесся страшный, полный теней шрам Большого Каньона. Затем еще горы, затем ниточка какой-то речушки — не иначе, Колорадо. А дальше за горами на равнине Нейсмит заметил город, раскинувшийся подобно серебристым костяшкам домино. Город сверкал среди выжженной земли.

— Денвер, — догадался Нейсмит.

— Сам город нам ни к чему, — пояснил Чуран, опуская взгляд на машину. — Он нужен только как ориентир. — Теперь толстые короткие пальцы чужака снова стали колдовать над машиной. Нейсмит разглядел, как странные кнопки вдавливаются одна за другой, и заме-

тил мерцающий свет, что ненадолго вспыхивал над машиной. Дальше появилось пятно агрессивно-красного света, которое медленно и непрерывно пульсировало; затем быстрее, когда они двигались над городом — затем снова медленнее — затем еще быстрее, когда призрачное яйцо приближалось к остановке — а мгновение спустя красный огонек стал гореть постоянно — лишь со слабым намеком на мерцание. Призрачное яйцо остановилось.

— Ну вот, мы достигли нужного положения в пространстве, — сказал чужак. — А теперь начинаем двигаться во времени. Готовы, мистер Нейсмит?

Не дожидаясь ответа, Чуран снова принялся ковыряться в машине — и вскоре весь широкий пейзаж под ними затуманился, потемнел — и снова осветился. Нейсмит поднял глаза и увидел, как солнце кометой описывает над головой дугу. Вспыхнув красным, оно нырнуло за краешек западного горизонта — и снова все потемнело. И вдруг — свет! Солнце выскочило на востоке, вихрем пронеслось над головой — нырнуло на запад — и мир снова погрузился во тьму. Свет! Тьма! Свет! В мигающей смене дней и ночей, в душной тесноте призрачного яйца перед Нейсмитом мелькали лягушачьи физиономии Лалл и Чурана. А пейзаж под ними, дрожа в стремительных волнах света и тьмы, корчился, менялся, как бы сам себя перетряхивая в новые формы. Нейсмит видел, как город выпускает новые щупальца, претерпевает судорожные трансформации, как все выше тянутся здания. Будто гротескная анимация: казалось, у города был ритм роста, покоя и нового роста.

Потом в восточной части города вдруг возник гигантский кратер. Цикл роста прекратился. Нейсмит, будто под гипнозом, замороженно следил, как городские районы медленно обугливаются, как целые кварталы обращаются в черные руины.

— Какой это год? — прохрипел он.

— А кто его знает? Кажется, конец девяностых, — безразлично отозвалась Лалл. — Какая разница?

— Какая разница? — машинально повторил Нейсмит, но потом затих, наблюдая за лежащим внизу пейзажем. Погибший мегаполис исчез. Испарился, словно в зыбучих песках — земля на глазах поглотила его. Потом осталась лишь безликая равнина, мерцающая в призрачных сумерках. А дальше, казалось, целые часы ничего не менялось.

Чуран снова повозился с машиной. Мелькающая смена дней и ночей вдруг прекратилась. Сначала стоял ранний вечер, затем ясное небо потемнело до темно-синего — и можно было различить несколько звезд. Весь пейзаж, как Нейсмиту было заметно с возвышенной позиции, стал как-то не по-земному пуст и недвижим. Ни крыши, ни стены, ни даже намек на дорогу — по всей бескрайней равнине; нигде ни огонька.

— Какой это год? — снова спросил Нейсмит.

Но ответа не получил. Чуран произвел очередную манипуляцию с машиной, и призрачное яйцо принялось спускаться по пологой траектории. И вот уже скользили над самой землей — над разросшимися по колено травами — к длинному невысокому холмику, который только и виднелся на фоне неба. Весь остальной пейзаж был темен и пуст.

Когда подплыли ближе к земле, Нейсмита вдруг проняла дрожь: он нутром понял: все это реально — и земля, и мокрая трава, и мрачное небо над головой. Он оказался здесь — телесно и неотвратимо.

Там, в Лос-Анджелесе, Клемперер принимал его студентов; еще кто-то займет квартиру на Беверли-Хиллз. ...Нет, ложь — все они мертвы — мертвы и забыты. И эта мысль принесла Нейсмиту необычайное, ни с чем не сравнимое чувство свободы и наслаждения. Где бы он теперь ни оказался, это по крайней мере будет не то безопасное и тусклое средневековье, которое он мнил своим будущим...

Холм, к которому они приближались, оказался и крупнее, и ближе, чем представлялось вначале. Где-то тридцать футов в высоту, невероятно длинный и прямой — вроде длиннющих курганов Уилтшира. В холодном воз-

духе витали смутные запахи земли и дерева; но черная глыба холма возвышалась безмолвно и недвижно. Ее покрывали травы, которые росли и на равнине. Где-то у горизонта, на фоне залитых лунным светом облаков Нейсмит даже удалось различить редкие кустики или деревца.

Призрачное яйцо всплыло в черноту холма, которая накрыла пассажиров подобно удушливому покрывалу. Затем — резко, как шок — их ослепил золотистый свет.

Глава 7

Комната, в которой плавало теперь призрачное яйцо, оказалась гигантским залом, выстланным светящимся твердым веществом, походившим на мрамор и металл одновременно. Золотистый свет создавал кружок лишь в несколько ярдов в диаметре; но в темноте вне призрачного яйца Нейсмит различал свечение колонны, отдаленных стен, очертания мебели. Вот оно, будущее — заброшенный мраморный зал, погребенный под земляным холмом.

— Что это за место? — поинтересовался Нейсмит.

— Корабль. Подземный корабль. — Эхо чурановского голоса прошелестело в темноте.

«Корабль, — подумал Нейсмит. — Что еще за корабль?»

Теперь, в кружке золотистого света они двигались по разбрызганному следу ярко-красного пигмента, который начался в нескольких ярдах от двери. Выглядело все так, будто бы краску лили из банки на сверкающий пол — а потом с ней случилось нечто, чего Нейсмит толком не мог для себя уяснить; красный пигмент весь растрескался — и прямо на глазах полосами отходил к ближайшей стене.

Чтобы изучить это странное явление, Нейсмит нагнулся так низко, как только позволяло призрачное яйцо. Единственное сравнение, которое пришло в голову — ветер, сдувающий с дюны песок — и здесь тоже будто бы

дул неосязаемый медленный ветер, гнавший по полу частички пигмента...

Нейсмита проследил за красными полосками до стены — там, прищурясь, он разглядел между полом и стеной тонкую ярко-красную струйку, скрывавшуюся из глаз в обоих направлениях.

Не отвергал ли пол все то, чему здесь быть не полагалось? Не сметались ли грязь, пыль и красный пигмент автоматически? Может, это обычная уборка?

Нейсмита выпрямился. Сама стена была сделана из того же металлического мрамора, что и пол, — мрамора, если такое в принципе возможно, с равномерно вкрапленными золотыми крупинками и прожилками. Несколькими футами выше на стене оказалась замысловатая металлическая рама — интерес Нейсмита обострился — но выяснилось, что рама пуста.

Миновав арочный проход,плыли в зал, немногим меньше предыдущего. Пол устилали роскошные мягкие ковры; красный след без разбора шел и по ним — здесь, как и раньше, пигмент разметался по сторонам длинными тонкими струйками.

Некоторые предметы мебели напоминали пародию на мягкие диваны и кресла времен самого Нейсмита — выпуклые вещи, на вид скорее надувные, чем набитые, причем сработанные явно из цельного куска — ни отдельных валиков, ни ножек.

Другая мебель была сработана по иному принципу — эти вещи, будто гамаки, свисали с металлических каркасов, что поднимались до цилиндров у каждого конца. Между цилиндрами висели кресла и диваны, которые казались отлитыми из какого-то странного вещества ярких бархатных цветов, с диковинной мглисто-туманной поверхностью. Мебель напоминала клубы яркого дыма, вылитые из цилиндров с обеих концов; и Нейсмита посетила забавнейшая мысль, что, стоило отключить механизмы цилиндров, кресла и диваны просто превратятся в пар.

Красный след уводил дальше по коридору, где на стенах попадались еще металлические рамы; затем опять

через арочный проход, вверх по лестнице и дальше по круговой галерее над пустым залом, превышавшим по размерам все, уже виденные Нейсмитом; опять вверх по лестнице, дальше по коридору, еще дверной проход...

Комната, куда они попали теперь, напоминала небольшую гостиную, из которой во все стороны вели двери. На первый взгляд гостиная показалась Нейсмиту ярко освещенной, еще более загроможденной и лишенной порядка, чем все предыдущие помещения. Но тут вниманием завладело зеркало в другом конце комнаты — там он увидел отчетливое отражение призрачного яйца... но самого Нейсмита в яйце не было.

Он поморгал и глянул снова. Никакой ошибки. Из зеркала на Нейсмита главели только отражения Лалл и Чурана... и выглядели они как-то странно... может, что-то с одеждой... или...

Затем видение затуманилось и исчезло.

И никакого зеркала. Нейсмит вдруг сообразил, что изображение не было перевернутым — это он сам, его мозг соорудил там зеркало — в попытке создать разумное объяснение увиденному. Но что же он увидел на самом деле?..

Позади раздался хриплый гогот Чурана.

— Да не волнуйтесь вы так, мистер Нейсмит, — почувствовал чужак.

Нейсмит обернулся. Оба чужака, ухмыляясь, главели на него, но внимание их, казалось, привлекало нечто другое. Чуран в последний раз ковырнул блестящую поверхность машины, когда призрачное яйцо коснулось ковра: затем, опершись на машину, будто на обычный стол, вынул из-под нее ноги и встал. Теперь машина висела в воздухе над табуретом, где сидел чужак, — висела неподвижно и без всякой опоры.

Чуран обменялся несколькими словами с Лалл — оба выглядели серьезными и озабоченными. Наклонившись над машиной, Чуран сделал что-то, ускользнувшее от взгляда Нейсмита — и тут же призрачное яйцо лопнуло и расточилось, как мыльный пузырь.

Теперь все трое стояли в центре залитой ослепительным светом комнаты; Чуран сунул машину под мышку, точно доктор свой чемоданчик.

Тут одна из дверей растворилась, и оттуда выглянуло крошечное существо. Нейсмит не сразу распознал в нем ребенка.

Лалл нагнулась к существу, машинально оглаживая его тусклые темные волосы. Дитя обратилось к ней тонким, высоким завыванием; Лалл пренебрежительно что-то бросила в ответ и оттолкнула ребенка в сторону. Тот, мельком глянув на Нейсмита, протопал на толстеньких ножках в угол, уселся и принялся играть с тряпичной куклой.

То было невообразимо уродливое существо — с зелено-коричневой кожей, с угрюмой злобной физиономией. Ребенок напоминал карикатуру на Лалл или Чурана — нечто среднее, только в два раза хуже.

— Ваш ребенок? — поинтересовался Нейсмит, обращаясь к Лалл.

Та кивнула.

— Это девочка — ее зовут Йегга. — Лалл бросила резкое замечание ребенку, который ожесточенно ковырял в носу; девочка оставила нос в покое и тоже разок прикрикнула на мать, не сменив угрюмого выражения лица. Затем снова склонилась над куклой.

Нейсмит оглядел комнату. По стульям и ковру разбросана одежда; повсюду валяется мятая бумага, крошки, объедки.

Высокие стены обиты панелями пурпура и слоновой кости; цвет слоновой кости, как выяснил Нейсмит, принадлежал собственно стене — тусклой и невыразительной; широкие пурпурные полосы оказались портьерами из того же материала, что и подвесная мебель, тех же мглистых очертаний. Некоторые стулья — яркий пурпур; другие — цвета электрик или слоновой кости. Ворсистый ковер имел яблочно-зеленую окраску. Разбросанная повсюду одежда шеголяла еще большей пестротой.

— Вы оставляли ее здесь, пока находились в моем времени? — спросил Нейсмит, указывая на ребенка.

Лалл снова кивнула.

— Она только мешала бы в работе.

— А случись что-то — и вы уже никогда не вернулись бы?

— Мы знали, что вернемся, мистер Нейсмит, — заметил Чуран, подходя ближе. — Мы видели, как возвращаемся. А только что видели, как отбываем... помните?

Мурашки побежали у Нейсмита по спине, когда он вспомнил о только что явившемся видении. Если Чуран говорил правду, то на одно мгновение — именно тогда — время вернулось назад по собственным следам.

Нейсмит уселся в одно из диковинных кресел и стал наблюдать, как Чуран подходит к стене, открывает панель и засовывает туда машину. Лалл потягивалась — вид у нее был довольный, но рассеянный — как у любой домохозяйки после долгого отсутствия.

— Надо бы все осмыслить, — с жаром произнес Нейсмит. — Итак, вы знали, что ваша миссия закончится успешно — ведь перед отбытием вы видели, как возвращаетесь вместе со мной?

— Ну да, знали. — Чуран принялся расстегивать пиджак и рубашку. Со вздохом облегчения он снял и то, и другое — и бросил на ближайший диван. Его безволосая грудь, также руки выше локтей оказались зеленовато-коричневого цвета — наподобие водорослей; очевидно, таков был естественный цвет кожи чужаков.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Нейсмит, — предложила Лалл, снимая блузку. — А ты, Гунда, набрал бы чего-нибудь перекусить. — Ее коренастое и мягкое на вид тело оказалось таким же зеленовато-коричневым, что и у Чурана; пропорции представлялись не вполне человеческими. Тела млекопитающих, но совершенно безволосые — и, в сравнении с людьми из времен Нейсмита, едва ли не бесполое. Маленькая плоская грудь Лалл почти не отличалась от груди Чурана.

Ребенок оторвался было от игрушки, затем снова увлеченно припал к ней. Маленькая тварь, с отвращением понимая вдруг Нейсмит, втыкала металлические иголки в мягкое тельце куклы.

— Получается парадокс, — заметил Нейсмит, отворачиваясь от увлеченного игрой ребенка. — Почему было не передать меня самим себе, только более ранним? Тогда вообще не потребовалось бы никуда отправляться.

— Никакого парадокса. Поступи мы так, это сжало бы виток — тогда нам точно так же пришлось бы отправляться. — Обратив внимание на хмуро сдвинутые брови Нейсмита, Чуран добавил: — Представьте себе короткое замыкание — тогда все станет понятно.

Не обращая внимания на двух мужчин, Лалл скинула оставшуюся одежду и вышла из комнаты. Чуран, в одних сандалиях, подошел к стенной панели и помедлил, положив туда руку.

— Хотите перекусить? — спросил он у Нейсмита. — Тепленького?

— Спасибо, я не голоден, — ответил Нейсмит.

— Но еда нужна для жизни. Разрешите вам что-нибудь предложить, мистер Нейсмит? Быть может, вам придется по вкусу. — Отодвинув в сторону панель, он быстро надавил несколько подвижных полосок с бело-зеленым рифлением. Полоски казались нарисованными на стене — и в то же время легко скользили у чужака под пальцами. Нейсмит заинтересовался и решил было подвинуться поближе, но Чуран уже закончил манипуляции с полосками, закрыл панель и открыл другую. Оттуда он вынул дымящиеся блюда и небрежно разместил их на низком круглом столике.

— Прошу садиться, мистер Нейсмит. Сейчас я собираюсь помыться, а потом мы займемся трапезой и поговорим. — Чужак ухмыльнулся, показав желтые корни зубов — и вслед за Лалл отправился в соседнюю комнату. Ребенок поднялся и последовал за ним, что-то пища.

Несколько мгновений спустя Нейсмит принялся изучать пищу. Всего оказалось четыре блюда, и в каждом — находилось различное варево, которое едокам, похоже, предлагалось употреблять непосредственно пальцами. Одно было темно-зеленое, с запахом морских водорослей; другое — кремового цвета с розовыми комками; третье

представляло собой конус из какого-то странного теста — будто бы живого; четвертое оказалось разноцветной жидкостью с кусочками — вроде как мяса и овощей.

Из другой комнаты доносились приглушенные голоса. Нейсмит повернулся и подошел к стене — туда, где Чуран спрятал машину.

Положив руку на панель, он попытался сдвинуть ее по примеру Чурана — но не тут-то было. Проклятая штуковина оказалась чем-то средним между тканью и водой — она сопротивлялась — а потом, казалось, чуть не протекла между пальцев. На вид и на ошупь — причем не более определенная по форме, чем казалось на расстоянии — панель производила смутно неприятное впечатление. Нейсмит плюнул и сдался. Стоило ему повернуться, как из соседней комнаты вышла Лалл. Она завязывала на талии белую блузку с короткими рукавами. На всех открытых местах ее кожа была теперь нормального коричневато-зеленого цвета — грим оказался уже ни к чему. То же самое относилось и к Чурану, который появился вслед за Лалл в красной пижаме без рукавов. Остроконечная бородака исчезла — и без нее изменилось все очертание лица. Лицо стало еще безобразнее. И до Нейсмита теперь дошло нечто, чего он прежде не осознал: тот Чуран в другом призрачном яйце тоже был безбородый.

Затем в комнату протопал ребенок и сразу схватил со стола блюдо. Проливая еду по всей комнате, он оттащил блюдо в угол, где сел и принялся оживленно лопать.

— Как это славно — снова умыться, — радостно сообщила Лалл. — Ох, извините — даже не подумала. Быть может, и вы, мистер Нейсмит, желали бы принять перед едой душ?

— Спасибо, в другой раз, — поблагодарил Нейсмит. — А теперь желательно поговорить.

Чуран уже уселся за стол и запихивал в рот целые пригоршни варева, иногда используя в качестве ложки два пальца, изредка побряхывая от удовольствия.

Лалл села рядом.

— Пожалуйста, будьте как дома, мистер Нейсмит. Вилками здесь не пользуются, но уверена — вы прекрасно справитесь.

— Спасибо, не голоден, — нетерпеливо ответил Нейсмит. Затем сел; мягкий табурет оказался неудобно низок — пришлось сложиться, чтобы запихнуть ноги под стол. — Вы ешьте, ешьте — а я буду спрашивать. Начнем вот с чего...

— Тогда, может, что-нибудь выпить? Гунда, пожалуйста, чашечку воды.

Не отрывая глаз от еды, Чуран потянулся к стене, открыл панель и достал оттуда фарфоровую чашечку, которую затем услужливо поставил перед Нейсмитом.

Нейсмит взял чашечку в руки — холодная на ощупь и наполовину заполнена прозрачной водой. Поколебавшись, поставил на место. Купание явно смыло с чужаков вместе с коричневым гримом и дешевые духи. Теперь под ароматами еды и напитков Нейсмит ясно различал мерзкий лягушачий запах.

— Большое спасибо, но я и пить не хочу.

Лалл даже задержала пальцы в блюде с кремовым варевом.

— Конечно, мистер Нейсмит, наша еда может показаться вам непривычной, но вы без сомнения можете пить нашу воду — она химически чистая.

Нейсмит пристально посмотрел на чужачку.

— В воду тоже можно подмешать яд или наркотики.

— Наркотики! — повторила Лалл и неторопливо вытерла пальцы краем узорной блузки. — Эх, мистер Нейсмит, если бы вас можно было накачать наркотиками, неужели вы думаете, мы стали бы так уродоваться, чтобы доставить вас сюда? — Она помолчала, затем внимательно исследовала свои пальцы и тщательно их обсокала. Затем оттолкнула блюда, уперлась локтем о стол и воззрилась на Нейсмита. Складки ее век были непривычно большими, но все же напоминали человеческие. — Подумайте сами, мистер Нейсмит. Вы же помните казначея Рэмсделла и того адвоката, Джерома? Они дей-

ствительно были в состоянии наркотического бреда, — не без нашей, естественно, помощи, — Чуран в это время даже перестал поглощать пищу; в узких желтых глазах засветилось внимание. — Но вы — совершенно другое дело, мистер Нейсмит. Как вы не понимаете? Неужели вам никогда не приходило в голову, что... вы когда-нибудь болели?

— У меня в памяти не больше четырех лет. Не знаю.

— Ну а за эти четыре года? Может, было расстройство желудка? Простуда? Хотя бы головная боль...

— Головная боль у меня появилась, когда вы приперли меня к стенке... и еще раз — когда я сегодня днем вышел из кабинета Уэллса. В смысле... — Нейсмит стал на шаривать в голове слово, определяющее время, которое прошло с того момента, но ничего придумать не смог.

— В самом деле? Не понимаю. Он что, применял наркотики?

— Да нет — какое-то устройство — такую головную повязку с клеммами.

Лалл подняла брови.

— А-а, понятно. И от этого устройства у вас началась головная боль. Но если оставить это — можете вы припомнить хоть малейшее недомогание? Было такое?

— Нет, — пришлось согласиться Нейсмиту.

— Не было и быть не могло. Шефта нельзя заразить, нельзя накачать наркотиками или загипнотизировать; его организм отвергает большинство ядов. С Шефтом очень трудно иметь дело, мистер Нейсмит; с ним следует обращаться уважительно. Так что, если хотите пить — пейте, пожалуйста, без опаски.

Нейсмит взглянул на чашечку с водой, затем на двух чужаков, которые пристально наблюдали за ним, неподвижные и внимательные.

— Я выпью вашу воду, — медленно проговорил он, — но только когда проясню пару-другую вопросов.

— Пожалуйста, спрашивайте, — предложила Лалл, хватывая горстью очередной комок кремowego варева.

— Начнем прямо отсюда — это место вы называете кораблем. Кто его здесь оставил и почему?

— Это межзвездный лайнер. Когда в сто десятом веке колонии оказались заброшены, в корабле отпала необходимость, и его просто оставили. Примерно столетие назад.

— Зачем вы меня сюда привезли?

— Чтобы обучить вас, мистер Нейсмит... обучить определенным навыкам, которые...

Нейсмит нетерпеливо махнул рукой.

— Я спрашиваю — почему именно сюда? Почему не могли обучить меня этим навыкам — какими бы они ни были — там, в Беверли-Хиллз?

Лалл прожевала кремовую бурду и сглотнула.

— Скажем так... требовалось не привлекать внимания. Это мертвый временной период — на сотни лет в прошлом и будущем. Никто, кроме нас, не знает про заброшенный лайнер — и никому не придет в голову здесь искать.

Нейсмит нетерпеливо сжал кулаки и уставился на тугую кожу на костяшках.

— Так мы ни к чему не придем, — проворчал он. — Вы тут болтаете о мертвых периодах, Шефтах, Цугах, прочей дребедени — а для меня все это китайская грамота. Почему мне знать, есть ли тут хоть капля правды?

— Нипочем не узнать, — согласился Чуран, с серьезным видом подаваясь вперед. — Вы совершенно правы — о таких вещах просто нет смысла разговаривать. Подобный разговор может продолжаться бесконечно. — Он изобразил в воздухе круг. — Но есть другой способ.

Чужак встал и прошел к противоположной стене, где открыл одну из панелей. Затем протянул руку внутрь и вынул оттуда металлический каркас, соединенный лентой с продолговатой коробочкой.

— Вот, пожалуйста, мистер Нейсмит.

Сходство конструкции с устройством, которое использовал Уэллс, просто бросалось в глаза. Не вставая с табурета, Нейсмит отодвинулся от стола.

— Ну уж нет, — процедил он.

Явно смущенный, Чуран немного помолчал.

— Но ведь я даже ничего вам не рассказал.

— Не важно. Такую штуковину я уже пробовал. Одного раза хватило.

— *Уже пробовали?* — с недоверчивой улыбкой переспросила Лалл. — И когда же?

— В кабинете у Уэллса. Видно, я отрубился... Но вы же сами все знаете — потому за мной и гналась полиция... там, в университетском городке.

Обоих чужаков, похоже, охватила тревога. Лалл повернулась к Чурану и что-то резко спросила — стремительными гортанными звуками, из которых Нейсмит удалось выхватить фамилию «Уэллс». Чуран выдал в ответ похожую бурную тираду, после чего оба чужака повернулись к Нейсмит и подозрительно на него уставились.

— Это может оказаться чрезвычайно важным, мистер Нейсмит. Будьте добры, опишите аппарат, который использовал Уэллс, и какое действие этот аппарат на вас оказал.

Нейсмит постарался, как мог. Но уже в начале рассказа чужаки заметно успокоились; вскоре Лалл, подняв руку, остановила его.

— Вполне достаточно, мистер Нейсмит. Уже ясно, что это другой аппарат.

— Я и не говорил, что такой же. Только больше никто не будет химичить с моими мозгами при помощи аппаратов. Причем любых аппаратов.

— Но чего вы боитесь, мистер Нейсмит? — вкрадчиво поинтересовался Чуран.

Какое-то время Нейсмит молчал. Затем ответил:

— Это *вам* следует бояться. *Я убил Уэллса.* Убил, пока работал его аппарат.

— Причину легко понять. Очевидно, в вашем прошлом есть нечто такое, чего вы подсознательно вспоминать не хотите. Повторяю, понять это нетрудно. Здесь же — дело другое. Скажем так, мистер Нейсмит. Этот аппарат не станет возвращать никаких воспоминаний.

Он просто добавит кое-какие воспоминания, которых раньше не было.

— Все, вопрос закрыт, — отрезал Нейсмит. — Черт побери, обучите меня обычным способом, если так важно. Начните с языка. Дайте книги, кассеты — что там еще... У меня, по счастью, бешеные способности к языкам. А если бы их и не было... что ж, у вас вагон времени.

Чуран покачал головой.

— Книги и кассеты, мистер Нейсмит, можно исказить.

— Вашей штуковины это тоже касается.

— Нет-нет, тут дело другое, — хрипло запротестовал Чуран, недовольно прищутив глаза. — Вы сами поймете, когда попробуете. Потому-то никакие другие способы и не сгодятся. Тут, мистер Нейсмит, не просто вопрос времени. Нужно, чтобы никакого сомнения не возникало. Вы должны быть до конца уверены, что мы хотим сообщить вам правду.

Долгое мгновение они молча смотрели друг другу в глаза.

— А почему? — наконец напрямую спросил Нейсмит.

Чужаки обреченно переглянулись. Чуран сел, держа на коленях шлем и пульт управления.

— Мистер Нейсмит, — помолчав, начала Лалл, — а что, если бы вы вдруг узнали, что правящий класс вашего родного государства *умышленно* забросил вас в 1980-й год в надежде, что там вас прикончат?

— Зачем же это понадобилось?

— А затем, что они — трусы и эгоисты. Когда собрались возвести Предел, решили, что Шефты станут большей опасностью, чем...

— Стоп-стоп, — с жестом нетерпения перебил Нейсмит. — Предел... расскажите-ка об этом.

— В нашем родном времени правящая каста нашла способ создать Предел Времени, который пропустит в будущее только Ленлу Дин. Понимаете, он будет настроен только на их мозговые структуры, а значит — по ту сторону Предела уже не будет Цугов. Но там не будет и Ленлу Ом. Только Ленлу Дин, только они — в безопас-

ности и довольстве. Понимаете? Но тут получается загвоздка. Мы про нее узнали, потому что из-за Предела приходят сообщения. Там оказался один Цуг — живой и здоровый. И Ленлу Дин страшно напуганы. — Чуран мерзко захихикал.

— Но если ничего еще не случилось, почему вы уверены, что все так и произойдет?

Женщина вздохнула.

— Так принято выражаться. Скоро вы и сами обязательно все поймете, мистер Нейсмит. С точки зрения жителя 1980-го года всего этого «еще не случилось». Но дело вот в чем. Что касается Предела, то мы знаем: он существует в будущем. Мы знаем, что он должен сработать — вот только один Цуг останется в живых.

Нейсмит поудобнее устроился в кресле.

— Будущее может сообщаться с прошлым? — недоверчиво спросил он.

— Разве вы уже не поняли, что может? Разве мы не вернулись в двадцатое столетие и не подцепили вас там как рыбку на крючок? — Янтарные глаза Лалл заблестели.

— Цуг *не может* миновать Предел и остаться в живых. Но детекторы показывают, что он там. Поэтому Ленлу Дин просто взбесились. Тогда мы поняли, что у нас появился шанс. Мы стали искать причину загвоздки и добрались до двадцатого столетия. Надо было исследовать каждую аномалию. Ушли годы субъективного времени. Просто невероятная удача, что мы все-таки вас нашли. Затем пришлось подготовить место; затем — вернуться в 1980-й год и изучить обычаи, язык — все от начала до конца. А теперь все сходится. Потому что, знаете — они просто *в отчаянии*. И если вы вернетесь и наплетете, что построили собственный генератор времени — вам поверят. Придется поверить — вы последний Шефт, и они отчаянно в вас нуждаются. — Чужаки тяжело дышали, в упор глядя на Нейсмита из-за низкого столика.

— Так, значит, Шефт все-таки может миновать Предел? — спросил Нейсмит.

— Шефты — тоже Ленлу Дин, — объяснил Чуран. — Если бы их оставили в покое, все Шефты оказались бы по ту сторону Предела — и тогда никаких проблем с Цугом. Но власти не желали воинов в своем безопасном будущем: без Цугов, без Ленлу Ом. Тогда и была выдумана история про экспедицию, чтобы прикончить Цугов в прошлом — и вас вышвырнули туда. Поодиночке и куда попало. Беззащитных. Вот что они порешили.

— Понятно, — буркнул Нейсмит.

— Ну и что же вы обо всем этом думаете, мистер Нейсмит? — В голосе Чурана слышалось нетерпение.

— Если это правда, то... я оч-чень заинтригован, — ответил Нейсмит. — Теперь еще одно. Что за история с Ленлу Ом? Вы сказали, Предел должен и их задержать. Кто они такие — или что такое?

— Ленлу Ом — это мы, — тихо промолвил Чуран. — Само название означает «гадкие людишки». Мы слуги Ленлу Дин. Столетия назад нас вывезли из другого места. Нас не считают за гуманоидов.

Нейсмит поднял глаза: лица всех трех чужаков отвердели. Тогда он аккуратно поставил чашечку на стол и медленно встал, чувствуя, что все взгляды следуют за ним.

— Значит, всему этому, — произнес он, — вы обучили бы меня с помощью той штуковины. — Землянин кивнул на чуранский аппарат.

— Как и многому другому. Языку, например. Притом всего за два часа. А ведь вы должны владеть им в совершенстве. Кроме того, умению ориентироваться в Городе. В кастовой системе. Правилам вежливости. Да тысяче и одной вещи — каждую из которых вы, мистер Нейсмит, должны знать. Можно, конечно, обучаться и примитивными методами, но поверьте — слишком дорогой ценой.

— Но использовали же вы так называемые примитивные методы, чтобы выучить наш язык?

Чуран заколебался.

— И да, и нет. Мы применили обучатель — записали на диски мысли аборигенов, которых похитили и накачали наркотиками. Но это совсем не то, что готовый пред-

метный диск. Очень утомительно, и уходит уйма времени. Затем также пришлось потратить время, подбирая личности для нас самих. Точно не знаю, но в итоге ушло месяцев шесть субъективного времени. А без обучателя ушли бы годы.

Мучившая Нейсмита неясная мысль вдруг обрела очертания — он резко повернулся к Чурану и поставил ногу на скамеечку.

— Скажите-ка вот что, — потребовал он. — Почему было просто не вернуться, не выучить все, что нужно — а потом записать все на один диск? Дальше вы *встречаете самих себя прибывающими* — и никаких проблем! А?

Чуран вздохнул.

— Я же говорил — это сжало бы виток. Так пользоваться временем нельзя.

Глава 8

Вскоре Лалл и Чуран принялись зевать, будто пара лягушек. Зрелище было предельно отвратительное.

— Мы немного устали, — заметила Лалл. — Уже поздно. — Она встала и в сопровождении Чурана направилась к дальнему выходу из комнаты — напротив того, которым они уже пользовались. Ребенок потащился следом, волоча куклу за руку.

Запертая дверь открылась от прикосновения Лалл. Затем женщина отступила в сторону.

— Здесь ваша спальня, мистер Нейсмит. Думаю, вы найдете там все, что нужно.

Вся троица стояла в ожидании. Нейсмит заглянул за дверь: в комнате оказалась низкая кровать, скамеечка для ног, на стенах висели какие-то непонятные, полуреальные драпировки. Внутри Нейсмит не вошел.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— Так вы будете здесь спать? — В голосе Лалл слышались просительные интонации.

— Когда соберусь. Спокойной ночи.

— Может, осмотрите комнату и проверите, все ли вам в ней по вкусу? — предложил Чуран.

Лалл повернула к нему голову и бросила несколько слов на своем гортанном языке. Затем снова обратилась к Нейсмит.

— Тогда как пожелаете, мистер Нейсмит. Утром продолжим разговор.

Трое чужаков пересекли гостиную и вошли в свою комнату. Дверь за ними плотно закрылась.

Нейсмит немного постоял, прислушиваясь — он слышал, как Лалл с Чураном ходят по своей комнате и негромко переговариваются — иногда раздавались всплески раздражения. Смысла ждать дальше не было. Нейсмит бесшумно прокрался в коридор. Растекающийся красный след поначалу сопровождал его; но на первом же перекрестке Нейсмит намеренно ушел в сторону. Пройдя вниз по лестнице, он миновал узкие двери и очутился во тьме, которую оживляло лишь призрачное флуоресцентное свечение деталей попадавшего то тут, то там оборудования. Нейсмит продолжал двигаться по узкому проходу под низким потолком, ни на миг не останавливаясь для более детального просмотра. В тот момент ему хотелось одного: оставить между собой и тремя чужаками как можно больше расстояния.

Четверть часа спустя даже флуоресцентные метки перестали и, наконец, исчезли совсем. Нейсмит ощупью пробиравшись в полной темноте, совершенно потерявшись во внутренностях огромного корабля.

Довольный тем, что хоть на время оказался в безопасности, Нейсмит сел где-то во мраке и задумался над своим положением. Несмотря на громадную, почти подавляющую сложность, проблема отчасти сводилась к отношениям покупателя и продавца. У каждой стороны было что-то, в чем нуждалась другая — причем обе стороны намерены были дать своего как можно меньше. Главной целью Нейсмита стало избежать принуждения — и теперь он этого добился, оказавшись вне досягаемости чужаков. Следующей же целью, очевидно, станови-

лось укрепление своих позиций в сделке. Главным образом это означало увеличение багажа знаний — ибо именно знания Лалл с Чураном выставляли как приманку — что давало им тактическое превосходство. Курс, таким образом, становился ясен. Нейсмит должен теперь начать с изучения корабля. И не важно, сколько недель или даже месяцев на это потребуется...

Раздумья оборвались. По коридору шло дуновение угрозы. Все тело Нейсмита покрылось тревожными мурашками, а ноздри расширились. Он слепо вглядывался во мрак — не надвигается ли оттуда незримое и непостижимое — призракное яйцо?

Как бы то ни было, вскоре все прошло. Нейсмит поднялся — и снова ошупью принялся пробираться по коридору.

Многие часы спустя он обнаружил проход, ведущий под прямым углом в сторону, миновал узкую часть корабля — и оказался наконец в громадной заброшенной кают-компании. Здесь его снова сопровождали движущиеся огни — и, не обнаружив на полу красных следов, Нейсмит заключил, что в этой части корабля Лалл с Чураном никогда не бывали.

В последующие дни Нейсмит в одиночку обшарил пустой корабль. Гигантские размеры судна, казалось, никогда не перестанут изумлять и угнетать его. Невозможно было себе представить, что за люди построили подобный колосс, столь капитально и хитроумно оснастили — а потом оставили висеть над равниной Колорадо.

Куда бы Нейсмит ни направился — везде впереди вспыхивали огни — а позади гасли. Имелся, вероятно, способ осветить все помещения сразу, но Нейсмит найти его не сумел. Он двигался в перемещавшемся кружке неверного света — а вокруг царило сплошное зеленое безмолвие. Попадались исполинские галереи и хоры, в которых он чувствовал себя сущей мухой; полно было бассейнов, гимнастических залов, театров, игровых помещений, машинных отделений — и все пустовали какой-то невыразимой, гулкой пустотой — там едва слышалось даже эхо...

Ни разу Нейсмиту не попадались на глаза чужаки или призрачное яйцо, хотя казалось само собой разумеющимся, что они пытаются разыскать беглеца. И повсюду — лишь загадочные бессловесные машины. Какие-то Нейсмит счел телевизионным оборудованием, но привести в действие не смог. То и дело попадались отпечатанные на стенах знаки — алфавит напоминал кириллицу, но со множеством добавлений. Нигде не удалось обнаружить ни плана корабля, ни справочника, ни судового журнала — ничего, что дало бы Нейсмиту малейший намек на объект его поисков.

Наконец на четвертый день, чисто случайно, он нашел то, что искал.

В тот день Нейсмит оказался в помещении, заполненном неизменными надувными креслами и угловатыми аппаратами — высокими, по грудь вышиной. На аппаратах располагались квадратные зеленоватые металлические пластины, которые шли двумя косыми рядами в форме перевернутой римской пятерки. Они вполне могли оказаться журнальными стеллажами, только роль журналов в данном случае исполняли толстые металлические пластины.

Когда такая мысль посетила Нейсмита, он случайно положил руку на квазиштатив — и тот с треском раскрылся. Нейсмит ошеломленно уставился на дьявольское приспособление.

А ряд перекрывающихся пластин тем временем раскрылся, и вся лицевая поверхность одного из квазижурналов обнажилась целиком. Какое же удивление охватило Нейсмита, когда в безликом квадрате зеленоватого металла он различил ярчайшую цветную картинку.

У Нейсмита захватило дух от восторга. Картинка двигалась! Он даже слышал — правда, едва-едва — пояснительную белиберду, которая время от времени доносилась из аппарата. Вот оно! Библиотека!

Картинка изображала женщину в алых одеяниях странного покроя, позирующую на фоне каких-то смутно-восточных куполов, сиявших под ярким солнцем. Но вот

сценка изменилась; теперь Нейсмит смотрел на проход меж серых зданий, по которому с поникшими головами брели мужчины в белых халатах. Не иначе уличная сцена где-нибудь в древней Турции или Египте — вот только мужчины эти вели с собой бесшерстных выючных животных ярко-синего цвета...

Картинка снова изменилась. Теперь под огромным оранжевым солнцем тощие как спички смуглые многоногие существа возводили помост из бревен. До Нейсмита дошло, что ему, скорее всего, показывают каталог межзвездных туристических маршрутов; порты, в которых некогда бывал этот корабль... Нейсмит смотрел, пока картинки не кончились, а затем закрыл аппарат и открыл в другом месте.

Возникла новая картинка: на сей раз зрителю явились двое мужчин с тощими бородами физиономиями. Они демонстрировали некий прибор. У этого прибора имелась штуковина, подозрительно напоминавшая трубку Крукса. К ней было подсоединено нечто странное — не иначе как последовательно соединенные аккумуляторы. Нейсмит ровным счетом ничего не разобрал из пояснений, хотя язык казался навязчиво знакомым. Тема картинок, во всяком случае, никак не соотносилась с предыдущей. Кроме того, порядок показа был либо случайным, либо алфавитным — с большой долей вероятности последнего... значит, все, что теперь требовалось — найти ключ к алфавиту.

На это у Нейсмита ушло еще два дня. Зато потом прогресс оказался стремительным. Выяснилось, что письменный язык — всего-навсего усовершенствованный до неузнаваемости английский — фонетизированный, с упрощенной грамматикой и уймой словарных изменений. Разговорный оказался более заковыристым — столь невнятным и урезанным, что уследить за речью было почти невыносимо. Однако Нейсмит выяснил, что на все эти премудрости можно смело наплевать, если сосредотачиваться на сводах сносок, которые страница за страницей демонстрировались на визуализаторах печатных изданий.

К концу четвертого дня борьбы за знания Нейсмит уже имел подробное представление о мире, который населяли эти звездные странники.

Нейсмит выяснил три важные вещи; во-первых, записи, помеченные в библиотеке как «Темпоральная Энергия», продемонстрировали, что состояние этой сферы знаний осталось на уровне конца двадцатого века. А значит, не было никакой возможности обнаружить на борту корабля еще одно призрачное яйцо — или соорудить его самостоятельно. Это изобретение еще предстояло сделать.

Во-вторых, Ленду Ом — раса Лалл — населяла 82-ю планету Эридана и была привезена в Солнечную систему году эдак в 11000-м. Название Ленду Ом не использовалось, но характеристика, данная лягушкам на картинке, двоякого толкования не предполагала.

В-третьих, обрамленные картины, которые довелось увидеть на стенах Нейсмиту — причем лишь в тех местах, где Лалл с Чураном явно никогда не бывали — оказались рисунками и стереографиями земных сцен, включая портреты. Изображенные на них люди — равно как и показанные в библиотечных аппаратах — представлялись Нейсмиту обычными землянами, и ничего особенного в них не было — если не считать облачений.

Насколько Нейсмит мог судить, картины попропадали из рам повсюду, куда заглянули чужаки. Вполне логично было предположить грабеж, но странно — чужаки казались равнодушны ко всем прочим ценным вещам. Да и из мира 1980-го года они явно ничего не стащили. А тут... И блестящая интуиция подсказала Нейсмиту: Нечто в этих картинах было столь омерзительно для Лалл и Чурана, что они сняли и, надо полагать, безжалостно уничтожили бесценные предметы искусства — лишь бы избавиться от неприятного напоминания.

Нейсмит сел на постели. Тут же комнатные огни медленно стали загораться, освещая незнакомые стены, выложенные панелями бутылочно-зеленого и пурпурного

цветов. Как обычно, он до этого трудился в библиотеке, пока не почувствовал, что неразумно игнорировать нарастающую усталость. Тогда он выбрал себе новую анфиладу комнат — а их было неисчислимо множество только в одной этой секции корабля, и Нейсмит в целях конспирации никогда не пользовался дважды одной и той же — выбрал, приготовил обед, отведал его и отправился ко сну. И неожиданно Нейсмита посетила мысль — столь захватывающая, столь радикальная...

За все то время, что он провел на борту корабля — хотя Нейсмит не раз и не два задумывался, что случилось с пассажирами и командой — ему ни разу не приходило в голову посмотреть: не осталось ли здесь личных вещей членов экипажа. Безупречный, до тошноты опрятный вид всего корабельного инвентаря сам собой вел к заключению, что после отбытия пассажиров все каюты были выметены, вылизаны и приведены в идеальный порядок.

И в то же время Нейсмит понимал, что этот корабль сам себя драил и чистил. Если в каюте оказывалась пыль, она тут же начинала медленно сползать к желобку у плинтуса, откуда попадала в канавки — Нейсмит даже как-то проследил весь их путь до узких канальчиков в стенах. По канальчикам пыль попадала в накопительные резервуары, а в конце концов — по блестящей догадке Нейсмита — в камеры переработки. А если, скажем, взять из шкафа последнюю рубашку и швырнуть ее на пол, то в течение нескольких часов рубашка неторопливо приползала куда ей положено, избавляясь при этом от грязи. Даже следы липкого пигмента, которые оставляли Лалл с Чураном, чтобы отмечать свой путь по кораблю, требовалось обновлять каждые несколько дней. Стало быть...

Нейсмит так возбудился, что даже выскочил из постели. Обшарив несколько стеновых шкафов в своих временных апартаментах и найдя их пустыми, он потерял к ним всякий интерес. Но ведь в некоторых спальнях — вот в этой, к примеру — в шкафах была одежда!

Тут Нейсмит проклял свою тупость последними словами. Если одежда принадлежала к казенному имуществу

корабля, как он по своей дурости заключил, то почему в одних каютах она есть — а в других ее не имеется? Но если эта каюта была занята во время последней посадки корабля, и если жилец оставил здесь свою одежду, то тогда само собой напрашивалось заключение, что он оставил здесь и другие свои вещи!

Нейсмит направился к самой большой стенной панели, нажал контрольную полосу, чтобы открыть панель — и обнаружил внутри пустоту. Тогда он приступил к панели поменьше — кубической, на соседней стене.

На первый взгляд внутри тоже казалось пусто, как... в голове у студента... И вдруг на донышке отделения Нейсмит заприметил клочок бумаги или фольги. А на фольге ярким пурпуром светились печатные буквы: «ГРАНДИОЗНЫЙ ГАЛА-КОНЦЕРТ! ВСЮ НОЧЬ НАПРОЛЕТ! Танцы! Сенсориалы! Розыгрыши призов! Зал Пятого отсека, начало в 23.30 двенадцатого Хайра...» Далее шла дата, которую Нейсмит перевел как 11050-й год.

Сам по себе билетик ровным счетом ничего из себя не представлял, но Нейсмит держал его как драгоценность. Ободренный, он продолжал свои поиски от стены до стены — находил панели и без колебания их вскрывал. Результаты, однако, оказались разочаровывающими: пластиковое удостоверение личности, выданное на имя Изода Безмуда и содержавшее стереофотографию худой и лисьей физиономии; несколько нанизанных на проволочку металлопластиковых жетончиков; ну и игрушка какая-то, что ли — серая пластиковая коробочка с крошечным видеоэкранчиком.

Не то от огорчения, не то просто по рассеянности, Нейсмит нажал кнопку сбоку коробочки. Видеоэкранчик засветился, и Нейсмиту явилась бледная и худая физиономия того самого мужчины с удостоверения личности. Послышался голос — гнусавый, развязный, сразу указывающий на интеллигентность. Нейсмит уловил пару-другую слов и определил в них дату на несколько дней раньше разрекламированного гала-концерта.

Тогда он с благоговейной осторожностью установил коробочку на столе. Удача сама шла в руки — а он чуть было ее не упустил! Перед Нейсмитом теперь оказался дневник Изода Безмуда, пассажира судна, совершавшего рейс в году 11050-м от Рождества Христова!

Безмуд носил просторную блузу металлического серебристо-белого цвета, а на шею неизменно повязывал фиолетовый шарф. Бледная и нездоровая на вид кожа, чуть-чуть веснушчатая — свидетельствовала о том, что ее хозяин редко демонстрировал солнцу свои тощие бока. Худые руки. Безмуд вяло жестикулировал длинным резным мундштуком, в котором вечно курилась зеленая палочка какой-то дури.

Экран мигнул, и сцена изменилась. Теперь перед Нейсмитом на экране оказалось широкое пространство, в котором болтались толпы цветасто одетых людей — а комментарии Безмуда тем временем продолжались. Нейсмит понял, что видит стоянку космического корабля перед взлетом. На отдалении, под гигантским прозрачным куполом, виднелся еще звездолет. Играла музыка; в небо взмывали красочные фейерверки.

Тут послышался звон, и Нейсмит увидел, как все замахали руками и стали обращать лица вверх. Необъятный зал начал медленно опускаться. Наверху прозрачная крыша разделилась, раскрывая два элегантных крыла. Крылья эти тоже медленно проплыли вниз и вскоре скрылись из виду.

Нейсмит успел заметить туманный пейзаж, который быстро и беззвучно сжался и пропал. Облака просвистели мимо и исчезли. Горизонт сделался круглым, земля приобрела формы чаши — затем сферы, заметно покачивающейся. Небо стало фиолетовым, затем почернело. Появились звезды.

Экран снова мигнул. Перед Нейсмитом снова появился Безмуд, по-прежнему безмятежно сидящий в своей каюте. На лице у него выражались скука и веселье одновременно. Человек произнес несколько заключительных слов, махнул рукой, и экран погас.

И немедленно вспыхнул снова. Появился Безмуд, уже в другом костюме — и на знакомом Нейсмиту фоне. Тот невольно затаил дыхание. Да, знакомое место — громадная гостиная в конце этой секции — та, что с необъятной люстрой по центру и впечатляющими ярусами балконов.

Стены, мебель — все в точности такое же. Но тут колоссальную залу заливал ослепительный свет, и в ней буквально кишели люди. Нейсмиту казалось, что он видит труп, оживающий в ярком великолепии пира.

Безмуд повернулся к экрану и произнес несколько слов. Рядом с ним появилась молодая женщина в белом платье. Цветущего вида мадам, с поразительным количеством косметики на физиономии — чего стоили одни синие тени! Безмуд небрежно взял ее под руку, назвал по имени — Изель Дурмай — и добавил несколько слов, после чего оба улыбнулись. Картинка снова сменилась...

Нейсмит просмотрел записи за первые несколько недель вояжа. Если не считать разницы в технологии и уровне потребления — немыслимых запросах и изнеженности этих людей — то все вполне смахивало на роскошный круиз конца двадцатого века. Пассажиры забавлялись играми, вперивались в развлекраны, пили, жрали, спали, слонялись по кораблю. Раз-другой появлялся какой-то корабельный начальник и говорил в экран пару-тройку вежливых фраз.

Большинство пассажиров и членов команды были гуманоидами, но несколько раз на глаза Нейсмиту попались представители расы Лалл.

Затем произошла перемена. Вернее, происходила она постепенно, но поначалу Нейсмит даже ее не признавал. Толпы в гостиных и игротеках заметно поределели. Все чаще появлялись члены команды в серо-черной униформе и двигались все более целеустремленно. Однажды Нейсмит увидел спотыкающегося мужчину с отвисшей челюстью, которого выводили под руки из каюты двое членов команды. Выглядел мужчина пьяным в стельку — или, скорее, под воздействием сильного на-

ркотика. Безмуд, как обычно, изрек по этому поводу презрительно-холодный комментарий, но Нейсмит все же разглядел озабоченное выражение на лисьей физиономии.

Через день-другой перемена стала уже очевидна. Гостиные и променады почти обезлюдели. Безмуд рискнул ненадолго высунуть нос из каюты, но сразу же вернулся. Очередное его явление на экране произошло, естественно, в каюте — как и все последующие. Лисья мордочка день ото дня вытягивалась; казалось, человек этот был смертельно напуган. Раз Безмуд дошел до того, что разразился в экран непривычно длинной речью. Нейсмит много бы дал, чтобы ее расшифровать, но, прокрутив добрый десяток раз, сумел уловить лишь отдельные слова: «переноска», «опасность», «инфекция».

На следующий день запись оказалась совсем краткой, и Нейсмит разобрал только: «Мы возвращаемся на Землю».

Остальная часть дневника состояла из кратких записей — даты и пара-другая общих слов. Однако было два исключения. В первый раз Безмуд говорил довольно долго, причем серьезно и трезво, время от времени сверяясь с блокнотом. Нейсмит проницательно заключил, что бедняга диктует свое завещание.

Во второй раз, после объявления даты и очередного повторения какой-то уже обычной для него фразы, Безмуд внезапно и страшно потерял самообладание. С искаженным, дергающимся лицом он что-то дико прокричал в камеру — всего четыре слова. Из них Нейсмит разобрал только одно. «Зеленожопые». Обиходное название расы Лалл.

Через два дня дневник прекратился. Просто оборвался — без всякого намека на то, что произошло потом.

Тогда же и на следующий день Нейсмит обшарил все окрестные апартаменты и обнаружил три таких же личных дневника. Просмотрел их и никакой новой информации не получил — во всех рассказывалась одна и та

же история. Повествование обрывалось внезапно — и в разное время, — но раньше, чем корабль успел достичь Земли.

Для начала, решил Нейсмит, достаточно. Уже две недели беглец в одиночку наслаждался зеленым безмолвием корабля — и одиночество, похоже, стало действовать ему на нервы. Пора было начинать задумываться о возвращении к чужакам. За это время Нейсмит уже исследовал корабль чуть ли не вдоль и поперек — не приближаясь, правда, к красным следам, что оставляли за собой Лалл и Чуран.

Тут ему впервые пришло в голову, что такая предосторожность вполне могла оказаться ненужной.

А если предположить, что, обнаружив пропажу, чужаки использовали для своих поисков машину времени? Тогда почти наверняка они начали обыскивать собственную гостиную и ведущий туда коридор. Сгоняли, скажем, на месяц в будущее. Если они так поступили и *нашли Нейсмита* — зачем им тогда гоняться за ним по всему огромному кораблю? Ясное дело, незачем. И соответственно — если Нейсмит должен был быть обнаружен где-нибудь в спальне у чужаков или в ее окрестностях, то до поры до времени — до *того самого* времени — он мог свободно болтаться, где ему вздумается.

Любопытно было брести по красному следу, паутиной расходящемуся по ковру. Без сомнения, вначале чужаки — подобно самому Нейсмиту — обследовали корабль как попало: следы явно вели в никуда. Но интенсивный красный след, который к тому же недавно обновили, показывал: на корабле есть места, где чужаки намерены побывать снова.

Тропа вела через пустые галереи и гостиные, вниз по широкому коридору, вверх по лестнице...

Через небольшой коридорчик Нейсмит попал в огромный и гулкий плавательный бассейн, окруженный балконадой. Рядом с бассейном в беспорядке валялись подушки и откидные стульчики; сама чаша была полна

прозрачной воды. На дне никаких обломков, на поверхности ни пылинки. Вспомнив о красочных толпах из дневника Безмуда, Нейсмит почти ощутил их живое присутствие — словно все они только что на минутку вышли в соседнюю комнату...

За бассейном располагался ряд раздевалок, еще дальше — небольшой гимнастический залчик. Здесь уже были заметны явные следы присутствия чужаков. Параллельные брусья, трамплины, коней, козлов и тому подобный инвентарь отодвинули в сторону, а в самом центре на блестящем полу мирно лежали три небольшие коробочки черного металла. Одна имела на крышке множество циферблатов и прочих стекляшек. Нейсмит счел за благо к коробочкам не приближаться. Он осторожно обошел помещение вдоль стен, высматривая продолжение красного следа, но продолжения не оказалось. След кончался здесь.

Нейсмит обернулся. За его спиной в проходе спокойно стоял Чуран. А рядом с ним — еще спокойнее, стоял на треноге черный аппарат с линзами.

Нейсмит шагнул вперед — и аппарат повернулся вслед за ним на своей треноге. Нейсмит остановился.

— Не стоит, Нейсмит, — проговорил Чуран. — Это орудие настроено на вас. Вы — его мишень. Стоит мне нажать на эту кнопку, — он показал Нейсмиту малюсенький пульт управления у себя в руке, — или вам — попытаться дернуться в сторону, — Чуран немного помолчал, — оно выстрелит.

Нейсмит заставил себя расслабиться.

— А без оружия нельзя? — спросил он, презрительно усмехнувшись.

— Мы решили — так безопаснее. Кстати, если вы настроены мирно, то вам и разницы никакой нет. А теперь следуйте, пожалуйста, за мной. И не делайте резких движений. Ради вашей же безопасности.

Чуран стал отступать, и аппарат покатился за ним. Сверкающие линзы поворачивались, ни на секунду не отрываясь от Нейсмита.

«Эх, мне бы сперва поискать арсенал, — подумал Нейсмит с болезненным гибельным ощущением. — Да они все равно нашли бы меня раньше, чем я успел бы оттуда что-нибудь стянуть».

Чуран отступил до середины коридора и остановился. Там на ковре лежала головная повязка, с прикрепленной к ней металлической коробочкой.

— Возьмите повязку, — коротко приказал Чуран.

Нейсмит предельно осторожно — шаг за шагом двинулся вперед.

— Где Лалл с ребенком? — поинтересовался он, оттягивая время.

— В безопасном месте, — отрезал Чуран. — Возьмите повязку.

Нейсмит нехотя нагнулся и поднял.

— Ну послушайте, Чуран, — спросил он, — к чему такие предосторожности? Почему бы вам не сгонять в бу-
дущее и не убедиться, что все в порядке?

Янтарные глаза чужака засверкали.

— Так мы и поступили, мистер Нейсмит. Результаты — двусмысленные. Мы решили больше не искушать судьбу. Надевайте повязку.

Нейсмит повертел повязку в руках. Слегка наклонился, с интересом наблюдая, как почти неразлично поворачивается за ним в хорошо смазанном гнезде смертоносный объектив. Интересно, как он действует?

— Надевай! — повелительно выкрикнул Чуран.

Все тело Нейсмита напряглось. По не вполне понятным ему самому причинам к штуковине Нейсмит испытывал острую ненависть. Может, лучше рискнуть и попытаться броситься...

— Последнее предупреждение! — процедил Чуран, угрожающе помахивая пультом управления, зажатым в короткопалой ладони.

Нейсмит скорчил гримасу, поднял повязку и неторопливо закрепил ее на голове.

А последнее, что он увидел, прежде чем обрушилась тьма, была победная, ненавистная улыбка Чурана.

Голова раскалывалась. Нейсмит сидел на полу, изо всех сил сжимая голову руками, чтобы хоть как-то утихомирить разбушевавшуюся боль. Затем огляделся, с предельной осторожностью поворачивая голову, ибо от малейшего рывка она была готова расколоться.

Смятая повязка валялась в другом конце комнаты. Чуран, тяжело дыша, пристально смотрел на Нейсмита. На узком лбу чужака каплями выступил пот.

— Как вы себя чувствуете? — хрипло спросил он.

— Голова болит, — невнятно отозвался Нейсмит. — А что случилось?

— Вы сорвали шлем во время процедуры, — пробормотал Чуран. — Ваше счастье, что я успел отключить оружие. — Не понимаю только... — Чуран явно был озадачен, — как вы смогли обрести волевой контроль до окончания работы ячейки памяти?

Странное ощущение овладело Нейсмитом — они с Чураном говорили на каком-то другом языке, непривычном, но вполне понятном. На том языке из снов — на том шипящем, гортанном языке, которым пользовались и чужаки... Однако Нейсмит понимал все до последнего слова!

— Кто такая Высокородная? — спросил Чуран, медленно придвигаясь.

— Наследственная властительница. Она... — Тут Нейсмит в полной растерянности умолк. Он обнаружил, что прекрасно помнит полную и детальную историю Высокородной и всего ее двора — знание, которого раньше и в помине не было.

— Значит, процедура прошла успешно, — с явным облегчением отметил Чуран. — Конечно, вы не добрались до конца диска, но при необходимости можно наверстать позднее. Я так боялся, что... Посидите смирно, пока не полегчает. Я ненадолго отлучусь.

Вскоре он вернулся в сопровождении Лалл. На лицах чужаков ясно читалось возбуждение. Чуран подошел к стене и поднял смятую повязку. Затем показал ее Лалл.

Землистое лицо женщины побледнело. Она протянула руку за повязкой, затем недоверчиво ощупала искореженный металл.

— Это сделал он? Пока работал облучатель?

Оба чужака воззрились на Нейсмита.

— Он получил формулу принуждения?

— Нет, наверное.

— Да откуда тебе знать? — зарычала на него Лалл.

Головная боль у Нейсмита немного утихла. Он осторожно поднялся и неторопливейшими шагами отступил в сторону. Прислонившись спиной к стене, он стал наблюдать за чужаками, которые вдруг ввязались в яростную словесную перепалку.

— Ну, женщина! — взревел Чуран, надвигаясь на Лалл. — Сама скажи как!

— Возьми и попробуй! — огрызнулась она и ткнула повязкой Чурану в физиономию.

Тот хотел было углубиться в выяснение отношений, но вдруг удивленно уставился на повязку. Желтые глаза сузились, затем зажглись пониманием.

— Кретин, диск продолжит работу с того момента, как его прервали! — прорычала Лалл. — А ну, надевай — тебе, придурку, все равно не повредит!

Чуран безрадостно осклабился.

— А ведь верно. Ну... была не была. — Затем с сомнением оглядел искореженный каркас. — Не знаю, правда, заработает ли... — Потом пожал плечами и надел повязку. Закрыв глаза. Вскоре снова открыл.

— Ну что? — спросила женщина.

Чуран неторопливо снял повязку.

— Твоя правда. Формула принуждения почти вся здесь. Услышал он в лучшем случае только первый слог.

Чужаки опять воззрились на Нейсмита — причем даже с каким-то уважением на лицах.

— Это многое меняет, — пробормотал Чуран. Потом искоса глянул на Нейсмита и добавил: — Не забывай — теперь-то он понимает все, о чем мы говорим.

Нейсмит уже успел оклематься.

— Эй, секундочку! — заметил он. — Вы что, намерены и дальше держать меня за слепого? Если так, то предупреждаю: с моей стороны сотрудничества больше не ждите. — Он ткнул пальцем в пушку на треноге. — Вырубите для начала свою стрелялку, а потом объясните толком, что должно было со мной случиться!

Чужаки уныло посмотрели на него.

— Там была заложена формула принуждения, — отважилась наконец Лалл. — Мы хотели обрести уверенность, что вы сделаете все, что нужно, когда окажетесь за Барьером.

— Значит — все, что вы тут рассказали, — сплошная ложь? — спросил Нейсмит.

— Нет-нет, правда — все, до последнего слова, — серьезно заверил Чуран и сделал шаг вперед. — Нам только нужна была гарантия...

— Да погоди ты, — перебила Лалл. Затем пристально посмотрела на Нейсмита. — Мистер Нейсмит... вы ненавидите Ленлу Дин?

Нейсмит уже открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг передумал. Слова Лалл пробудили воспоминания, которые стали выплывать из какой-то черной дыры в сознании.

— Ленлу Дин... — начал он. Распухшие тела в помпезных нарядах — алых, голубых, персиковых, снежно-белых, светло-лиловых, приглушенно-желтых — стали плавать вокруг. Визгливые повелительные голоса, сверкающие глазки...

— Вот и ответ, — шепнула женщина Чурану. — Цуг с ним, с принуждением. Если он и вправду их ненавидит... Что мы теряем?

Чуран неуверенно взглянул на Нейсмита.

— Кто его знает? — пробормотал Чуран. — Ведь он Шефт.

— Вот и еще причина. Давай-ка это провернем. Действуй. — Она поманила Нейсмита пальцем и направилась к выходу.

— Орудие, — напомнил Нейсмит, не шелохнувшись.

— Нет, — твердо возразила Лалл. — Мы хотим играть честно — но оружие останется. Еще ненадолго.

Нейсмит пожал плечами и последовал за супругой. Стоило ему двинуться с места, как оружие тоже поехало, плавно покатилося рядом с парой. Дуло с линзой по-прежнему неотрывно следило за Нейсмитом.

Так было на всем пути до апартаментов чужаков. Головная боль Нейсмита уже утихала, осталось только тупое нытье, но разум баламутили бесконечные сонмы образов, звуков, голосов, лиц, казавшихся и знакомыми, и незнакомыми одновременно...

Они вошли в гостиную, где навстречу им поднялась с пола Йегга, просыпая из чашки зеленовато-желтые хлопья.

Лалл нетерпеливо отпихнула ребенка в сторону.

— Садитесь, мистер Нейсмит. Гунда, тащи детектор.

— Это займет несколько... — начал было Чуран. — Нет-нет, прошу прощения, в любом случае сначала я должен вернуть сферу времени.

— Ну так иди и верни ее, — раздраженно рявкнула Лалл. Бросив на прощание хмурый взгляд на Нейсмита, Чуран удалился.

Нейсмит опустилсся в кресло и крепко задумался. Лалл сидела напротив, поглядывая на него узкими янтарными глазами. Поглядывала ненавязчиво, но бдительно.

— А что вы делали на корабле все то время, пока Гунда вас не нашел? — поинтересовалась она.

— Я был в библиотеке, — хмуро ответил он.

Ногти Лалл нервно царапнули поверхность стола.

— И что же вы там обнаружили?

Она с явной нервозностью и тревогой ожидала ответа.

— Ничего особенного. Выяснил, что машина времени к технологии этой эры не принадлежит.

Лалл заметно полегчало. Она даже рассмеялась.

— Ну, такое я и сама могла бы вам рассказать, мистер Нейсмит. Однако если вы вознамерились построить собственную машину времени, у вас ничего не получится.

Для этого нам придется перевезти вас на много столетий вперед.

— И на сколько же, интересно?

Она покачала головой.

— Всему свое время, мистер Нейсмит.

Вошел Чуран с машиной под мышкой. В другой руке он держал продолговатый серый футляр. С лаконичным «вот» чужак положил серый футляр на стол, а потом прошел в другой конец комнаты, где сунул машину в стеной шкаф.

Лалл тем временем сняла с продолговатого футляра крышку. Нейсмит с недобрый предчувствием разглядывал внутренности очередного коварного приспособления: гладкий корпус с двумя выступами. Один — тусклый розовато-сероватый овоид; другой более изощренных очертаний — нечто вроде уродливого гриба.

— Это, знаете ли, обычный детектор лжи, мистер Нейсмит, — сообщила Лалл, настойчиво подталкивая к Нейсмиту прибор. Затем тварь быстро отставила стул, встала и отступила на несколько шагов. Чуран оставался у дальней стены, внимательно наблюдая за испытуемым. Орудие на треноге тоже по-прежнему не сводило с Нейсмита линз.

— Сначала просто попробуйте, — предложила Лалл. — Возьмите в одну руку бутылку, а другой сожмите вон тот выступ в приборе... Теперь скажите: «У меня нет в руке бутылки».

Нейсмит последовал указаниям. Никакого эффекта.

— И теперь скажите: «У меня в руке бутылка».

Нейсмит повторил. Овальный баллончик рядом с грибом загорелся ярко-розовым светом.

— А теперь от вас требуется только одно, — напряженно выговорила Лалл. — Положите руку на выступ и ясно и четко, свободно и раскованно скажите: «Я ненавижу Ленлу Дин».

Чуран чуть повел рукой: в ней был зажат пульт управления автоматическим орудием.

Нейсмит на какое-то время превратился в соляной столб, сознавая, что позволил передряге застать его врас-

плох. Если он теперь откажется, Чуран пальнет. Если же и не выдержит испытания...

И еще раз на поверхность его сознания выплыли образы тех цветастых толстяков и толстух. Нейсмит беспристрастно оценил свои чувства. Не любил он их, но и ненависти не испытывал.

— Итак, мистер Нейсмит, — процедила Лалл.

Нейсмит положил руку на шляпку гриба — на закругленную рукоятку. Шляпка в самый раз пришлась ему по ладони. Просто от безысходности, не в силах придумать иной выход, Нейсмит торжественно произнес:

— Я ненавижу Ленлу Дин.

Овальный баллончик вспыхнул, яростно пылал долгое мгновение, затем медленно-медленно потускнел, померцал и погас. Нейсмит услышал дружный облегченный вздох Лалл и Чурана, увидел, как они успокоенно двинулись к столу.

Тогда он тупо уставился на детектор, повторяя про себя: «Но ведь этого быть не может! Не может этого быть!»

Недоумение (мягко говоря) вызывало и то, что и сами чужаки, похоже, ничего не заподозрили. Видимо, полагали, что проверка с детектором дала совершенно неоспоримый ответ. Лалл тут же оживленно принялась излагать дальнейшие планы:

— Еще одного дня здесь будет вполне достаточно. Вам придется еще раз надеть головную повязку облучателя, мистер Нейсмит — но на сей раз без всяких фокусов с нашей стороны, уверяю вас. Затем часов двенадцать вам понадобится на усвоение полученного материала... процесс порой бывает утомительным — и крайне важно, чтобы в течение этого времени вы отдыхали. А уж затем — закончила она, — вы будете готовы начать постройку своей машины времени.

— То есть как? — поинтересовался Нейсмит. — А я думал...

— Как же еще вам попасть в Город? — задала встречный вопрос Лалл. — Можете не сомневаться — там тщательно проверяют все, что вы расскажете. И если вы сообщите, что материализовались в городе-заводе Хуль в пятом столетии до Основания, то будьте уверены — они непременно отправятся туда на своей машине времени и все проверят. Значит, вы на самом деле должны там оказаться и своими руками строить эту машину. На это у вас уйдет чуть больше десяти лет.

— Десяти лет, — эхом отозвался Нейсмит, совершенно ошарашенный.

— Поймите, — резко выговорила тварь, приближая к Нейсмиту зеленую физиономию. — Или так, или вообще никак. Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие.

Взгляд у женщины был тяжелый. Чуран из другого конца комнаты смотрел на Нейсмита с тем же выражением. Те же тупые глаза, тот же взгляд исподлобья.

Нейсмит пожал плечами.

— Разве у меня есть выбор? — Он протянул руку. — Давайте вашу повязку.

...После процедуры Нейсмит откинулся на спинку мягкого кресла. Разум превратился в туманное смешение новых мыслей и образов. Трое чужаков тем временем приготовили еду и принялись набивать желудки.

— Теперь пойдем поспим, — сонно сообщила Лалл по окончании этой процедуры. — Ваша комната там. Значит, до утра.

Твари ушли к себе в комнату и закрыли дверь. Нейсмит еще немного посидел, затем прошел в спальню, указанную Лалл, и осмотрел дверные запоры. Вроде бы ничего необычного — дверь закрылась и с легкостью необычайной открылась снова.

Нейсмит вошел в спальню и улегся на кровать, едва осознавая окружающее — в голову ворвался и закружился поток воспоминаний, голосов, лиц... Когда по прошествии часа новые чувства понемногу поулеглись, Нейсмит сел.

Затем встал, открыл дверь и прислушался. Из комнаты чужаков не доносилось ни звука. Нейсмит прикрыл за собой дверь и неслышно пересек гостиную. Потом вышел в коридор и направился по красному следу прямоком туда, где его несколько часов назад прихватил Чуран.

Он снова прошел через плавательный бассейн в гимнастический зал... и, задумчиво почесывая в затылке, воззрился на странные устройства, что лежали на гладком полу. Что-то ему здесь готовили — но что?

Подойдя поближе, он нагнулся, чтобы осмотреть черный футлярчик с циферблатами, линзочками, стеклышками и тому подобным. Явно пульт управления — три циферблата имели градуированные шкалы, и стрелки находились на нулях. У четвертого оказались только два положения, помеченные красной и белой точками. Стрелка стояла на белой.

Собравшись с духом, Нейсмит опустился на колени, перевел стрелку регулятора с белого на красное, и отскочил в сторону.

Отскочил недостаточно быстро.

В дальнем конце гимнастического зала неожиданно сгустился сумрак. И в той черноте — будто в арочном проеме, оказавшемся на месте дальней стены — что-то заворачалось.

В комнату вошел страх. Ворвался как холодный ветер — оттуда, из мрака. Нейсмит похолодел; кожа покрылась мурашками. Вглядываясь, он различал лишь блики света — когда что-то невообразимо огромное стало надвигаться из черноты. Чудовище из сна! В Нейсмита уперлась пара маленьких красных глаз, раздалось негромкое постукивание друг о друга костяных пластин панциря. Голова твари начала выступать на свет...

Нейсмит невероятным усилием воли заставил себя остаться на месте, когда взору целиком предстала необъятная туша чудища. В нем таилась страшная и невероятная животная мощь. Панцирь и когти, множество конечностей... Но самое ужасное — от чего у Нейсмита

кровь застыла в жилах — разумный взгляд жуткого монстра — взгляд безжалостный и полный древней мудрости...

С леденящим душу ревом тварь наконец бросилась. Нейсмит невольно отпрянул. Гигантская туша разбухла, заполнила собой вселенную — и вдруг исчезла. Тьму будто выключили. Гимнастический зал вернулся на место.

Весь в поту, бледный, Нейсмит дрожал.

Дальняя стена вновь потемнела. С паническим ужасом Нейсмит осознал, что опыт начинается заново. Снова копошение во тьме, снова красные глаза, снова жуткое появление — но на сей раз зверь бросился быстрее. Загорелся свет — и тут же в третий раз опустилась темнота. Нейсмит угрюмо наблюдал, как все та же ужасающая громада появляется еще быстрее, бросается с меньшим промедлением. Он наблюдал ту же сцену и в четвертый, и в пятый раз, пока наконец не завершился цикл.

«И это, — мрачно подумал Нейсмит, — скорее всего, только начало. В природе зверь наверняка двигается и бросается несравнимо быстрее, чем на этом тренажере...»

Он покинул гимнастический зал и направился в коридор, где его тогда сцапал Чуран. Чуть дальше по коридору оказалась открытая дверь. Нейсмит припомнил, что уже заглядывал туда и обнаружил ничем не примечательную комнатенку. Теперь он подошел к двери и снова туда заглянул. Ну да, все верно, у него блестящая память — там крошечная зеленая комнатенка размерами немногим больше гроба.

Задумчиво хмуря брови, Нейсмит постоял в проходе. В комнатенке стоял небольшой столик, а на нем — ничем не примечательный на вид визеоаппарат.

Это была амбулатория.

За стенными панелями открывался ряд за рядом лекарств в цилиндрических флакончиках — каждый должным образом промаркирован. Большинство из них стали теперь, скорее всего, бесполезны. Нейсмит осмотрел несколько штук и поставил на место. Затем принялся за другую секцию.

Там за панелью оказались ряды блестящих металлических полосок — каждая с фамилией и датой. Нейсмит тронул одну ради интереса — и она опрокинулась ему на ладонь — пачка бумаг в металлической упаковке.

А бумаги содержали историю болезни пассажира корабля; то же самое хранилось и за остальными полосками.

И пяти минут не прошло, а вся история уже стала Нейсмиту яснее судьбы первокурсницы Колумбийского университета. Вирус, переносчиками которого были зеленокожие, смутировал — и эта новая форма обрушилась на гомо сапиенс. Симптоматика оказалась следующей: лихорадка, рвота и острое чувство тревоги, после чего наступали коллапс и кома, а затем — крайне медленное выздоровление. Летальный исход следовал редко — в бумагах приводился мизерный процент — но зато каждая выжившая жертва страдала тяжелейшим и необратимым мозговым расстройством. Приводились стереофотографии, на которые Нейсмиту и смотреть не хотелось — тупые лица, отсутствующие взгляды, отвисшие челюсти...

Эпидемия разразилась в тот самый день, когда корабль стартовал с Земли. А в конце концов, по-видимому, только зеленокожие, невосприимчивые к собственной инфекции, оказались способны вернуть корабль и безопасно его посадить — с грузом безмозглых человеческих существ. Болезнь прошагала по всей Земле.

Нейсмит живо представил себе шаркающих придурков — в недавнем прошлом пассажиров роскошного лайнера — бредущими по равнине парами и поодиночке — направляющимися в те края, где их не ждал никто, кроме смерти — смерти от голода и непогоды...

Нейсмит медленно закрыл журнал и поставил на место.

Теперь стало ясно, откуда взялся так называемый «мертвый период». Выжила, видимо, лишь горстка невосприимчивых к вирусу людей — да еще зеленокожие, — выжила, чтобы веками медленно и мучительно заново строить цивилизацию. Это объясняло многое...

Попутру оба чужака проснулись мрачными, с тяжелыми взглядами. Односложно переговариваясь друг с другом, к Нейсмицу они не обращались вовсе. Ребенок, Йегга, визжал и выл попеременно.

После завтрака Лалл с Чураном стали медленно и мучительно приходить в себя. Женщина принялась натягивать на себя то же скудное одеяние, что и вчера, через плечо бросая Нейсмицу очередные ценные указания:

— Сегодня вы будете тренироваться в гимнастическом зале — там у нас кое-какое оборудование, чтобы помочь вам подготовиться к охоте на Цуга.

— Знаю. Уже нашел.

Лалл повернулась и без особого выражения посмотрела на Нейсмита, а затем опять принялась за свой туалет.

— Очень хорошо, это сэкономит время. Значит, вы уже видели Цуга? И как он вам?

— Весьма впечатляет. Только не понимаю, зачем это было нужно.

— Вам придется играть роль охотника на Цуга, — объяснила тварь, затягивая одежду на талии. — Если вам вдруг попадется Цуг, вы мигом себя выдадите.

— Понятно. — Затем, вспомнив про видение той ночью в квартире на Беверли-Хиллз, Нейсмит спросил: — А пистолет? Пистолет-то зачем?

Лалл опять повернулась к нему, но уже с вопросительным выражением на зеленой физиономии. Чуран, который как раз вошел в гостиную с машиной времени под мышкой, остановился, чтобы послушать.

— Пистолет? — переспросила Лалл.

— Ну да, да, пистолет, — с некоторым раздражением ответил Нейсмит. — Тогда ночью у меня в спальне. Просто хочется знать, что случилось бы, возьми я тот пистолет.

Двое чужаков переглянулись. Чуран раскрыл было рот, чтобы заговорить, но Лалл резко скомандовала ему:

— Молчать!

Потом повернулась к Нейсмицу, пошарила в кармане одежды и извлекла оттуда черную трубочку. Смахнув со стола чашки, тарелки и бутылки, она стремительными движениями набросала пистолет. Тот самый пистолет, который видел Нейсмит — с массивной рукояткой и обтекаемыми линиями. Чуран подошел и заглянул ей через плечо; он молчал — но молчал очень напряженно и выразительно.

— Такой? — спросила наконец Лалл.

— Именно, — подтвердил Нейсмит.

Женщина безразлично отвернулась и сунула трубочку обратно в карман.

— А это чтобы внушить вам мысль — убить Цуга, — объяснила она. — Простая предосторожность.

Чуран молча на нее смотрел.

— Ну, ты готов, что ли? — напустилась на него Лалл. — Почему тебя вечно нужно дожидаться? Почему никогда нельзя отправиться вовремя?

Чуран пожал плечами и обеими руками схватился за машину. Затем потыкал кнопки — и вокруг него возникло призрачное яйцо. Стрельнув напоследок глазами по сторонам, Лалл загнала внутрь ребенка, затем отступила, пропуская Нейсмита, и наконец вошла сама.

На сей раз в призрачном яйце оказалось еще теснее, чем раньше, а запах тел чужаков сделался угнетающе тяжелым. По напряженным выражениям лиц и косым взглядам Нейсмит понял, что его присутствие для чужаков не менее тягостно. Рассевшись на табурете, Чуран в очередной раз поиграл с кнопками. Тогда яйцо поднялось над полом и выплыло из гостиной в коридор. Опять проследовали по красной линии; чернота поглотила их, будто чрево морского чудовища, когда яйцо проходило сквозь холм — а потом ослепительный солнечный свет заставил всех зажмуриться.

Внезапно контраст между отвратительной теснотой призрачного яйца и чистой ясностью внешнего мира стал для Нейсмита непереносим.

— Все, стоп, — выдохнул он. — Дайте мне выйти.

— Что-что? — воззрились на него Лалл с Чураном.

— Высадите меня вон там — на вершине холма, — потребовал Нейсмит. — Хочу немного подышать свежим воздухом.

— Лишнего времени нет, — раздраженно заметил Чуран. — А дышать можно и тут. — Он снова набросился на кнопки, но Лалл жестом остановила его.

— Хотел же ты в конце концов проверить работу эжектора, — прошипела она. — Ничего страшного. Выпусти его.

Чуран что-то проворчал, но призрачное яйцо тем не менее тут же взлетело по крутой траектории и зависло у вершины холма — в считанных дюймах над травой.

Чуран некоторое время тарасился на машину у себя на коленях, покусывая ногти на коротких пальцах и побрякивая. Наконец пробурчал:

— Мико, сдвинься немного — и возьми ребенка. А вы, мистер Нейсмит, оставайтесь на месте.

Женщина и ребенок сдвинулись поближе к Чурану. Нейсмит напряженно ожидал. Чуран снова потыкал кнопки — и Нейсмит вдруг почувствовал, что его поднимает и оттаскивает от чужаков какая-то сила. На призрачном яйце как бы вздулся порядочный волдырь — а потом оно вообще стало похоже на два яйца, соединенные узкой призрачной трубкой. Затем та часть, которую образовал волдырь, взяла вдруг и лопнула...

Нейсмит встал и принялся оглядывать окрестности, мучительно глубоко вдыхая прохладный воздух. Зелено-вато-желтая равнина расстилалась до самого горизонта. Был ранний час, солнце висело низко на востоке, а густые травы под ногами обильно увлажнила роса. Солнце уже начинало нагревать землю, но в воздухе еще чувствовалась бодрящая свежесть. Нейсмит с наслаждением пил этот воздух, вдыхая запахи земли, запахи зелени, ароматы весенних цветов.

Потом сел и стал смотреть, как огромная скомканная простыня облака неспешно уплывает к западу. Призрачное яйцо по-прежнему висело над равниной — ярдах в

ста от Нейсмита. Он даже сумел разглядеть лица Лалл и Чурана — похоже, между ними происходил серьезный разговор. А еще дальше из травы вдруг поднялась в небо стайка птиц — и тут же села. Еще дальше Нейсмит увидел крупного зверя, что неторопливо шествовал по травянистым холмикам. Четвероногое. Для оленя, пожалуй, слишком крупное. Наверное, лось. Людей не было и в помине. Нигде ни струйки дыма. И ни облачка пыли.

С такой высоты Нейсмиту более отчетливо видна была вся необъятная громада погребенного под землей корабля. Всюду — лишь тишина и покой. Мир словно ждал очередного Сотворения.

Нейсмит подумал о тридцати одном годе своей жизни, которых он не помнил; о четырех годах в Калифорнии, которые теперь казались бессмысленными и нелепыми. Затем подумал о том немыслимом расстоянии, которое они с Лалл и Чураном покрыли в призрачном яйце — шутка ли — девять с лишним тысячелетий... А Земля — вот она, никуда не делась. И по-прежнему одно время года сменяет другое. И море не переполняется. И реки, будь они неладны, возвращаются к морю. Чтобы опять течь.

Он подумал о том пути, который еще должен будет преодолеть. «Двадцать тысячелетий, мистер Нейсмит» — так сказал Чуран. И снова показалось — как казалось еще с самого начала, — что во всем таится некий чудовищный смысл. Этот смысл виделся теперь повсюду — в неспешном движении облаков над головой, в грозном молчании погребенного гиганта под ногами... И впервые в жизни он почувствовал себя не столько воином, ведущим бессмысленный бой, сколько путником, вовлеченным в поиски истины.

Он снова поднялся. «Кто я?» — подумал он. Незванные образы один за другим выплывали на поверхность сознания: он ясно видел коридоры Города и цветастые плывущие оравы Ленлу Дин — предельно отчетливые, но отдаленные, будто фигурки в кукольном шоу. Он знал, кто

такие Шефты, и даже узнавал некоторые лица... но его самого там не было. Кто же он?

Нейсмит снова взглянул на призрачное яйцо — он увидел, как махнул ему рукой Чуран, — затем яйцо двинулось с места, на глазах увеличиваясь и возносясь по склону холма. Хотя двигалось, вероятно, не оно, а мир вокруг него. Казалось, само яйцо зафиксировано в каком-то другом измерении, другой реальности — а весь мир проплывает под ним.

Нейсмит прервал эти размышления, когда призрачное яйцо остановилось наконец совсем рядом. Образовалось отверстие.

— Входите! — приказала Лалл.

...Затем Нейсмит оказался внутри — в удушливой тесноте призрачного яйца — а пейзаж стал удаляться. Яйцо поднималось, все резвее и резвее двигаясь на северо-восток — и тут Нейсмит вдруг заметил, что время снаружи остановилось. Никакого движения ветра в высоких травах, а облака над головой твердые и неподвижные — будто нарисованные на небе.

— Куда теперь? — спросил он.

Чужаки подняли взгляды, но не ответили. Даже ребенок, Йегга, молча гладел на Нейсмита.

Земля уже превратилась в туманный зеленый шар, тяжеломерно вращающийся под ногами.

Когда головокружительное вращение Земли замедлилось, Нейсмит заметил впереди серебристый проблеск и сообразил, что они, наверное, приближаются к одному из Великих Озер — скорее всего, к озеру Мичиган. Теперь яйцо опустилось ближе к земле и пошло по самой кромке озера — все медленнее, пока не остановилось совсем.

Чуран стал разбираться с кнопками. День снаружи сменился ночью — затем снова день — а потом просто трепещущая серая пелена чередования темноты и света. Опять Нейсмит увидел, как солнце проносится по небу точно комета, а земля под ногами то вздымается, то оседает, в то время как дымка листвы появляется и пропадает...

Внезапно перед его взором возникли автострады, изрезавшие землю вдоль и поперек. У озера вдруг появился туманный город, который рос и менялся так стремительно, что Нейсмит не мог уловить очертаний. В небеса протянулись небоскребы, что сверкали, как мгновенно вырастающие кристаллы.

Рост замедлился — все замерло. И в следующий миг город исчез — не осталось ничего, кроме голой земли и скудной россыпи крошечных домиков с коническими крышами.

— Что тут стряслось? — тревожно спросил Нейсмит.

— Все спустились под землю, — без выражения ответила Лалл. — Город пока еще там. — Дуновение мрака пронеслось по небу, а в нем проскакивали мгновенные вспышки ослепительного света. — Была война, — добавила женщина.

Снова: день — ночь — день. И вот, наконец, призрачное яйцо повисло под предвечерним небом. Но тут же заскользило вниз к ближайшему строению с конической крышей. Теперь Нейсмит разглядел, что это вентилятор.

Призрачное яйцо снижалось, а земля вздымалась вокруг, будто наплыв мрака — и Нейсмит невольно затаил дыхание, когда она возвысилась у них над головами. Миновало мгновение удушливой черноты, когда проходили сквозь землю, а затем яйцо стало опускаться в синезеленую пещеру... громадное помещение, уйма гигантских машин под каменным потолком, все освещено режущим глаз свечением ртутных ламп. Помещение было гигантским... и пустым.

Когда призрачное яйцо коснулось пола, Нейсмит огляделся.

— А где все люди?

— Мертвы, — ответила Лалл. — Я же говорю — была война. И все мертвы. — Она нервно провела языком по пересохшим губам. — Теперь выслушайте инструкции. Во-первых, уясните вот что. Теперь, когда мы вас сюда спустили, вам придется действовать самостоятельно. После вы скажете, что когда вас отбросило назад во вре-

мени, приземлились вы *именно здесь*. Здесь вы найдете незавершенную машину времени — первый грубый прототип. Вы ее доделаете — в соответствии с чертежами, которые окажутся рядом с заготовкой. Затем отправитесь в Город. Ну, а когда окажетесь за Пределом, все будет в ваших руках.

Призрачное яйцо плыло тем временем по коридору меж гигантских машин.

— Здесь, — наконец сказала Лалл.

Нейсмит увидел свободное пространство: несколько низких верстаков и прислоненную к стене шутовину, которая очень смахивала на каркас реактивных саней.

— И это машина времени? — с сомнением поинтересовался он.

— Пока еще нет. Но эту штуку можно будет к ней приспособить. Тут одни изобретатели пытались создать устройство для исследования земных недр. Так они пытались избежать конца, от которого, ясное дело, все равно никуда не ушли. Хотя метод нейтрализации материи все-таки успели разработать. Если сесть на этот ржавый велосипед даже в таком его виде, то вполне можно провалиться сквозь Землю и еще дальше. Сюда не вмонтирован ходовой блок.

Нейсмит огляделся. На верстаках, среди развернутых чертежей, инструменты лежали так, будто их совсем недавно положили туда работяги и отлучились перекурить... Он почувствовал смутную тревогу.

— А что случилось с рабочими? — спросил он.

— Погибли при первой же атаке, — бесстрастно сообщила Лалл. — Помните черное облако перед самым приземлением? Это были бомбы.

— Как же так?... — начал Нейсмит. Но Лалл уже протянула к себе ребенка, а Чуран тыкал пальцами в кнопки. Нейсмит почувствовал, как его приподнимает, когда призрачное яйцо снова выдуло волдырь. Затем Нейсмита довольно бесцеремонно и болезненно бросило на каменный пол. Призрачное яйцо зависло в нескольких футах.

— Мико забыла сообщить одну незначительную подробность, — с подлой улыбкой проговорил Чуран. — Через

тридцать секунд произойдет вторая атака. И она сотрет Город в порошок. Весь город. На глубину пятидесяти метров.

Нейсмиту показалось, будто ему плеснули в лицо стакан холодной воды. «Значит, рабочие спустились в укрытие. Вот почему здесь ни души».

— Но почему? — спросил он, делая шаг вперед. Все мысли поглотило теперь призрачное яйцо: любым способом надо туда попасть...

— Напрасно вы рассказали про пистолет, мистер Нейсмит, — процедила Лалл, наблюдая за ним с прищуром.

И тут до Нейсмита дошло. Чужаки не устраивали видения пистолета. И сны — не их рук дело. Значит, были еще и другие, а они...

— Десять секунд, — любезно сообщил Чуран, отрывая взгляд от кнопок.

— Но ведь детектор лжи...

— *Они* знают про вас, — резонно заметила Лалл. — А значит, для нас вы бесполезны. — Ее лягушачья морда словно окаменела. — Все пошло прахом.

— Пять секунд, — добавил Чуран. — Четыре. Три...

И тут Нейсмит обернулся каким-то вихрем. Один прыжок — и он уже вскочил на каркас проклятых саней. Руки и ноги на поперечинах. Кончики пальцев уже на рычаге. Резкий рывок.

Весь мир посерел и потерял реальный облик. Но когда все стало рушиться, сани — а, вернее, аппарат, нейтрализующий материю — уже погружался в пол — падал, будто каменный пол и земля были только темным и густым облаком.

И уже во второй раз последнее, что увидел Нейсмит, прежде чем тьма сомкнулась над головой, были подлые улыбки чужаков.

Глава 11

А первым чувством, охватившим Нейсмита, была дикая всепоглощающая ярость. Собравшись с силами, он толкнулся от нижней поперечины, кинулся вверх — и

снова отскочил, как мячик, от упругой искривленной стены. Опять больно треснулся о металлическую раму поганных саней, которая, видно из вредности, принялась медленно и головокружительно вращаться вокруг профессора. Падение и все связанные с ним приятные ощущения продолжались.

Один шанс на спасение был для Нейсмита уже безвозвратно потерян — а ничего другого какое-то время в голову просто не лезло. Только бы удалось выпрыгнуть из поля аппарата в первые же секунды падения... но этого нельзя было сделать, не отключив аппарат, что Нейсмит только что и выяснил.

Хотя этот шанс на спасение все равно дохлее дохлого. Все, труба, обречен — обречен с того самого мига, как врубил этот адский велосипед! Теперь падение — бесконечное падение — и к чьей бабушке на именины?

Чужаки сообщали правду и нагло грузили ложь; он принял ложь за правду — в точности, как и требовалось вонючим лягушкам!

Ярость и отчаяние не на шутку душили Нейсмита, пока он, как пиявка, лип к металлическому каркасу и падал, падал — во мрак и безмолвие. Как же он хотел жить!

Хлипкая надежда появилась, когда пальцы нащупали ручки управления на поперечине. Если чужаки и тут надули... Нейсмит осторожно трогал одну ручку за другой, опасливо избегая рычага, которым врубил эту машинку для стрижки газонов на берегах Стикса. Никакого результата. Правда, помассировав третью ручку, он ощутил прохладное дуновение воздуха.

О таких мелочах, как дыхание, Нейсмит поначалу как-то даже и не подумал. Ладно, теперь он хоть не задохнется по пути неизвестно куда. Мелочь, а приятно. ...Но ни остановить падение в колодец, откуда вряд ли будут видны звезды, ни хоть на волос медузы Горгоны изменить направление этого падения он уже не мог.

Мысль о разверзшейся под ним пропасти потрясла Нейсмита. И все-таки — что же с ним теперь происходит? Ответ пришел мгновенно. Нейсмит на практике ре-

шал теперь одну из старых задачек по физике — ту самую, с которой знаком каждый первокурсник и даже каждая первокурсница — задачку о падении тела в воображаемый туннель, просверленный в Земле одним из ублюдков, чьи мерзкие портреты висят в любой физической аудитории.

Тело Нейсмита стало, по сути, как это ни грустно признать, гармоническим осциллятором. Тогда, если допустить гомогенность Земли и отсутствие вращения системы координат, бедняга должен описать длинный-длинный узкий эллипс вокруг центра Земли. Нейсмит еще сильнее вцепился в поперечину. Ну да, конечно — а если трение не особенно его замедляло, то в итоге он долетит до диаметрально противоположной точки, находящейся в точности на том же уровне, с какого злосчастный гармонический осциллятор начал свой скорбный путь!

Так-так, минуточку! Если он навернулся с пола в подземном зале футак эдак в сотне от поверхности... Где же он, черт возьми, должен *выскочить*?

В тот самый миг Нейсмиту показалось, что решение этой задачи имеет жизненную важность. Итак, вошел он в тело своей возлюбленной планеты совсем неподалеку от озера Мичиган, а значит, не слишком далеко от смердящего города Чикаго. Тогда, пролетев всю планету насквозь, Нейсмит должен выскочить где-нибудь в Индийском океане... а Чикаго меж тем лежало в нескольких сотнях футов над уровнем моря!

Минутку-минутку... он еще не учел вращения Земли, а это выведет капсулу несколько к западу от той самой желанной диаметрально противоположной точки. Насколько именно к западу, зависит от общего времени прогулки по черной дыре. Так, пусть радиус Земли, чтобы она тоже куда-нибудь провалилась, будет равен... футов. Ускорение свободного падения...

Итак, да здравствуют биномы, полиномы и метрономы! Если все верно, то через сорок две минуты Нейсмит со счастливой улыбкой на физиономии вылетит с той стороны планеты! А тем временем вращение коварной Земли

сместит точку триумфального вылета на десять—одиннадцать градусов к западу. ...Но это все еще будет в океане. Вот если бы градусов на сорок...

Нейсмит перевел дыхание. По крайней мере, он *выйдет на поверхность*, а не останется вечно крутиться в недрах Земли. Впрочем, вечно крутиться он все равно не будет — кончится инерция. Если вычисления верны...

Стоп. А сколько он *уже падает*?

Десять минут десятого. Падал он уже, добрых минут тридцать семь — но на самом деле, скорее всего, не более пяти. Началось его путешествие, если, конечно, верить часам, около девяти часов. А показывали они местное калифорнийское время в году 1980-м от Р.Х. Забавно думать, что дурацкий механизм по-прежнему тупо отсчитывал минуты, погруженные теперь в тысячелетиях прошлого... Впрочем, никакой разницы — пусть хоть что-нибудь показывают.

Ну и славно: ровно в 9.47 Нейсмит должен орлом взлететь над поверхностью. Желательно бы, конечно, со звездно-полосатым флагом в твердых руках, а не верхом на ржавом самокате. Да-а... но если пренебречь фактором трения, которое в данный момент отсутствовало, то он поднимется на высоту двух-трех сотен футов над океаном... М-да, высоковато... Нейсмита прошиб пот от одной мысли о том, что придется снова провалиться сквозь Землю — только уже с другой стороны планеты — а потом вновь назад.

И все-таки — что-то он упустил из виду...

Трение... А что, если им нельзя пренебречь? Это ведь не половое сношение, а самый сложный физический процесс. И, кстати, о сношении — как насчет жара земных недр?

Нейсмиту предстояло пролететь неподалеку от земного ядра, где температура, как утверждают там побывавшие, около четырех тысяч градусов...

Пока одна часть разума тщетно пыталась такие дела осмыслить, другая — холодно и методично продолжала вычисления.

Температура земной коры возрастает с глубиной погружения — дураку понятно. Правда, не каждый дурак знает, что возрастает она не иначе, как на тридцать градусов Цельсия с каждым километром. По всем внешним признакам получалось, что капсула еще только проходила земную кору, падая сквозь мантию.

Нейсмит снова двинул кулаком по оболочке. Опять-таки — ни горячо, ни холодно. И тьма — как в черепе у члена правительства.

Осциллятора принялся глотать очень длинный червь сомнения. Может, он вообще никуда не падает? Вдруг он просто болтается тут, как хвост в проруби, лишенный даже такой простой радости, как гравитация... будто какой бестелесный дух, обреченный вечно, без женской ласки и тепла родного очага слоняться как баран по этому черному болоту?

Нейсмит яростно стиснул поперечину. Вселенная *подчиняется* определенным законам! Закону всемирного тяготения! Закону сохранения энергии! Закону инерции, мать ее за ногу! Ньютон! Лейбниц! Гегель! Фрейд! Бббердяев! Гроб на колесиках!!! Где же вы?! Впрочем, спокойно. Рассудок Нейсмита недвусмысленно подсказывал ему: ты падаешь, падаешь. Падаешь ты, понял? В таком случае именно это и следовало считать правдой. Нейсмит опять решил нащупать стрелки часов. Возникло подозрение, что они вообще больше двигаться не желают. Тогда он поднес часы к самому уху и прислушался к жужжанию механизма. Затем раздраженно выругался. Часы шли — что с ними сделается? Это *его* восприятие времени напрочь нарушилось.

Эх, фонарик бы сейчас. Вот никогда под рукой не оказывается фонарика! А то бы Нейсмит видел сейчас то, чего никогда ни один человек не видел. Даже шахтеры. Камни глубокой мантии — вот что он увидел бы. Через какую-нибудь пару минут Нейсмит должен был пройти сквозь самое колечко внешней части ядра — пройти ту страшно-загадочную область, где железо и никель под давлением обращается в жидкость — да и еще черт-те что происходит...

Снова часы. Минутная стрелка, зараза, самую малость сдвинулась. Падая в черную пустоту, Нейсмит и сам малость сдвинулся. Теперь он не мог удержаться от мыслей о потерянных духах, вечно блуждающих под Землей. Примерно так греки представляли себе ад. Египтяне тоже. Нейсмит в свое время наслушался об этом много умного. В кофейнях и на квартирах, где вечно курятся вонючие палочки. Фраза из каких-то случайно прочитанных текстов вдруг выплыла в его воспаленном сознании: «хтонические уроборы».

Нейсмит вздрогнул и покрепче ухватился за поперечину. «Я человек, а не призрак. Ясно? Я человек, а не призрак».

Затем пошли другие дурные мысли: а может, с кем-то уже бывало так, как сейчас со мной? Может, какая живая душа уже ныряла вот так сквозь землю, как отчаявшийся — в лестничный пролет? Есть, может, уже человек, неспособный добраться до поверхности, которого мотает туда-сюда, пока его безжизненное тело не найдет себе последнего пристанища в центре Земли?

Интересно, а что случится дальше, когда энергия аппарата выйдет, кончится, сойдет на нет? Гигантский взрыв, способный вызвать извержения вулканов по всей планете — так что материки сдвинутся с привычных мест?...

А если энергия никогда не кончится? Тогда останки того парня так и болтаются там... а может, там целый склад трупов — и все как один в силовых оболочках...

Время шло, и Нейсмит приходил в себя. Во мраке и безмолвии он обнаружил, что начинает остро ощущать свое физическое существо — положение тела, полусогнутые конечности, какие-то не вполне понятные протекающие в нем процессы. Как это все-таки странно — почти до абсурда — быть человеком!

Четыре года — целых четыре года он считал себя Гордоном Нейсмитом. Потом ему сказали, что такая личность — лишь маска. Что на самом деле он совсем из другой расы — из мира, отстоящего на двадцать ты-

сяч лет от того, который он считал своей родиной... Но и такая личина оказалась нисколько не реальнее прежней.

Где же правда? Откуда он на самом деле? Какова цель, ради которой приходится вечно оказываться безнадёжным изгнанником?

Туманные, призрачные очертания проплывали во мраке. Он раздраженно прищурился, потом закрыл глаза, но очертания никуда не делись. Нарастала неодолимая дремота.

Тут Нейсмит вздрогнул, пришел в себя и понял, что время прошло. Пощупал часы. Девять тридцать. Двадцать пять минут он уже летит как плевков из окна. И что же...

Нейсмит покрепче ухватился за поперечину, когда ледяные мурашки злыми насекомыми побежали по спине. За двадцать две минуты капсула железно должна была долететь до центра Земли. Он уже без всяких эмоций протянул руку и попробовал оболочку. Вот это номер! Оболочка стала теплее.

Может, капсула имела какую-нибудь хитрую теплопроводность? Скажем, не сразу нагревалась? Или сани мчали седока медленнее, чем он рассчитывал?

Нейсмит поднапрягся и выждал пять минут, прежде чем снова коснуться капсулы. Ага, все верно! Горячая, стерва!

А скоро даже воздух в капсуле сделался как в турецкой бане. Баню Нейсмит не уважал — особенно если в одежде. Вся одежда прилипла к телу.

Вязкие, как мазут, протекли еще две минуты. Капсула все светлела — от красного до оранжевого, от оранжевого до желтого... Наконец просто побелела.

А Нейсмит — наоборот, покраснел. Тяжкое это занятие — быть гармоническим осциллятором. Врагу нельзя пожелать. Даже закрытые глаза не спасали от ярчайшего блеска стенок капсулы, а жар был просто невыносим.

Нейсмит зажмурился и застонал.

И буквально через мгновение жар и свечение слегка ослабли. Нейсмит приоткрыл глаза. Капсула уже смени-

ла цвет с белого на оранжевый. А оранжевый, хотя и медленно, но все-таки перетекал в красный.

Нейсмит втянул в себя огромный как мир и мучительный как жизнь вдох облегчения. Кризис миновал! Можно вздохнуть спокойно!

Время, время — надо следить за временем. Не обращая внимания на боль в покрывшемся волдырями теле, Нейсмит пощупал стрелки часов.

Теперь десять. С начала падения прошло пятьдесят пять минут. Если подсчеты верны, Нейсмиту давно уже следовало парить над Индийским океаном.

Но де-факто Нейсмит еще только-только миновал жаркую зону, которая ничем иным, как ядром планеты, быть не могла.

Теперь воздух в капсуле с каждым мгновением предательски охлаждался. Цвет оболочки сменился с тускло-багрового на черный. Нейсмит пару минут выждал и решил коснуться капсулы: горячо, но терпимо.

Нейсмит начал терять остатки веры в свои математические таланты. Может, часы отстают? Может, время в капсуле идет совсем иначе?

Время ползло как мексиканский индеец от кактуса к кактусу. Вот 10.17. Потом 10.23. Потом, как ни странно, 10.27. Нейсмит нетерпеливо ерзал на своих санях и напряженно ожидал. Раз-два-пять-двенадцать-сорок... Теперь — или никогда.

Одно мгновение он еще болтался в крошечной тьме. А в следующее... под ногами расцвели звезды — целая галактика звезд — блестящих будто алмазы в черном полушарии ночи. Над головой оказался темный шар, что заслонял вторую половину неба — шар отплывал прочь прямо на глазах.

Нейсмит заморгал глазами и замотал головой в полном недоумении, пока не понял, что шар — всего лишь ночная сторона Земли — той самой Земли, из которой он только что пулей вырвался вперед ногами.

Дыхание перехватило, а на глаза навернулись слезы. Вот он наконец на свободе — на свежем воздухе! Маши-

нально Нейсмит сделал попытку как-нибудь извернуться, чтобы все-таки лететь в более подобающей позиции — но тут же сдался. Какая разница? Не важно.

Зато важно другое — понял Нейсмит с внезапной тревогой — поднимался он слишком высоко! Покрытая рябью и залитая звездным светом водная гладь над головой уплывала все дальше и дальше. Пятьсот футов. Тысяча. И никаких признаков торможения.

Прошло слишком много времени — и теперь скорость слишком высока.

Нейсмит вдруг с ужасом осознал, что падать он будет слишком стремительно, чтобы можно было отважиться отключить аппарат...

Придется снова пройти насквозь весь паскудный шар — снова влететь в тот огненный ад. Причем как минимум раз — а то и дважды. Опытный Нейсмит испытывал хмурую уверенность, что не переживет и одного пролета.

Шар над головой продолжал удаляться. Теперь уже не шар — впадина — залитая серебристым светом гигантская чаша — а вот уже выпуклость. Небо под ногами сменило цвет с сине-черного на лиловый, затем на эбеновый. Звезды сияли все острее, все безжалостнее.

Пелена облаков проскочила мимо и стала удаляться, слегка волнуясь. Как же получается, что он залетает на такую высоту? Так недалеко и до стратосферы.

Правда, теперь скорость заметно снижалась. На мгновение Нейсмит завис в пространстве, а затем Земля стала подкрадываться — будто громадный, подстерегающий добычу зверь.

На всем висящем над головой широченном изгибе океана — ни огонька, ни суденышка. Взлет занял минуты полторы — легко предположить, что еще через полторы минуты Нейсмит нырнет обратно в океан — в черную пучину.

Летун рассматривал необъятный шар, пока тот растался над головой. Должно же быть какое-то объяснение! Не может падающее тело выйти на десять—пятнадцать миль выше точки, с которой началось падение.

А что, если предположить такое: сам аппарат настолько отличался от нормальной физической вселенной, что совсем другими оказались его гравитационные характеристики... а в результате они падали со скоростью в половину или, скажем, в четверть от нормальной?

Нейсмита быстренько с растущим волнением пробежали все свои вычисления. Введение коэффициента в одну четверть дало в результате суммарное время восемьдесят пять минут, что почти соответствовало действительности.

Конечно, тут получалось явное нарушение либо закона сохранения энергии, либо принципа эквивалентности, да только черт с ними теперь со всеми... Важное следствие состояло в том, что во время своего падения Нейсмит должен был отвернуть от Солнца, ибо оно притягивало его меньше, чем Земля. Центр орбиты летуна как раз сместился на несколько миль. Проклятье! Так вот чем объясняется этот подъем!...

Земной шар стремительно приближался. Нейсмит хмуро наблюдал за планетой, прикидывая, что в следующий раз вылетит на поверхность где-нибудь в Тихом океане, примерно в сорока двух градусах к западу от озера Мичиган. Впрочем, потом он восемьдесят четыре минуты будет лететь обратно — а уж тогда выскочит где-то рядом с 63-м меридианом — все еще в Индийском океане.

Вселенная тяжеломерно закружилась и стала куда-то опрокидываться. А звезды медленно помрачнели и погасли.

Глава 12

Нейсмит открыл глаза.

И увидел перед собой бездну голубого неба, усеянного легкими облаками. В спину давило что-то жесткое, но Нейсмит едва замечал и головную боль, и булыжник между лопаток — скиталец с наслаждением вдыхал прохладу чистейшего воздуха. Потом повернул голову — что-то сухое и гибкое легко прошло по щеке; перед глазами

смутно колебалось море желтовато-зеленых стебельков. Нейсмит сделал глубокий вдох, поворочался и сел.

Земля. Родная и душистая земля — и вокруг трава по плечи. А в нескольких футах от Нейсмита на примятой траве лежит очередной аппарат с корпусом вороненой стали.

Застыв от изумления, Нейсмит некоторое время разглядывал аппарат, сердцем чуя недоброе. Затем сообразил, что это не та машинка, какой обычно пользовались лягушки — похожая, но другая.

Он потянулся к машинке — и тут же выяснил — руку что-то отталкивает, хотя никакого препятствия не наблюдалось. Не желая разочаровываться, Нейсмит снова попытался протолкнуться к желанной игрушке — от напряжения кровь зашумела в ушах и голову вновь сдавил обруч боли. Но к машинке Нейсмит не приблизился ни на микрон.

Тогда экспериментатор сдался и осторожно встал на ноги. Стоялось ему хорошо, и ничего никуда не давило: хочешь — спать ложись, а хочешь — песни пой. Но петь Нейсмит не стал, а опять потянулся к машинке — и тот же неуловимый барьер снова оттолкнул упряма, как здоровая деревенская девушка — дохлого назойливого студента.

Нейсмит снова встал, отряхнулся и принялся оглядывать мир поверх моря травы. Вначале он увидел только накатывающие желтые валы с торчащими то тут, то там зелеными верхушками деревьев — и линию туманных холмов вдоль горизонта. Затем ему почудилось некое движение.

В нескольких сотнях ярдов дальше по равнине в траве неторопливо двигалась человеческая фигурка. Девушка. Верхняя часть тела либо обнажена, либо прикрыта легкой одеждой. Ноги и бедра, к сожалению, скрывает трава. Девушка двигалась с ленивой грацией, время от времени останавливаясь и обращая к солнцу лицо. Еще не сумев различить черт этого лица, по всему облику и движениям девушки Нейсмит уже заключил, что она молода и красива.

Девушка его как будто не замечала. Нейсмит снова опустил взгляд на аппарат, затем присел, скрывшись из виду в высокой траве — и опять взялся за свое. Экспериментатор выяснил, что запросто может обойти машинку по кругу, но не в силах приблизиться к ней ни на остриженный ноготь со своего мизинца. Он упирался ногами в землю, а головой в некий барьер, находившийся перед ним — и толкал, толкал — тщетно.

Нейсмит снова стал оглядывать окрестности. Девушка заметно приблизилась. И на сей раз явно его заметила.

Правда, похоже, она не особенно к нему спешила. Загорелая, с сияющими на солнце медно-красными волосами. Одета — или, скорее, полуодета — в рельефные кусочки ткани и металла, местами прикрывавшие тело. Девушка шла и шурилась, как будто целиком отдавшись солнцу и ветерку, ласкавшим ее молодое тело.

Только оказавшись в нескольких ярдах от Нейсмита, она заговорила.

— Уже проснулся? — спросила она на языке Бо-Ден.

Нейсмит словно язык проглотил. В такой близости девушка казалась завораживающе красивой. Атласная кожа — будто покрытая почти неразличимой тканью — просто паутинка, что без видимой границы пролегла по молодому телу, кончаясь возле губ и глаз. Фиалковый цвет рта вполне мог оказаться как искусственным, так и натуральным. Светло-зеленые глаза, обрамленные темными ресницами — поразительные на фоне загорелого лица.

Довольная произведенным впечатлением, девушка лукаво наблюдала за Нейсмитом.

— Ну ладно, хватит. Не стой там как столб — отойди.

Нейсмит не двинулся с места.

— Кто вы такая и что это за место?

— Земля, конечно. Да отойди же — мне надо туда войти.

Нейсмит взглянул на машинку, затем снова на девушку.

— А если не отойду?

— Тогда я тебя тут брошу, пока не проголодаешься.

Нейсмит пожал плечами и отступил на несколько шагов в высокую траву. Девушка чуть подождала, затем устремилась к машинке. Она уселась на землю рядом с аппаратом, изящно сложила ножки и с насмешливой улыбкой взглянула на Нейсмита.

— Эй, можешь вернуться.

Нейсмит посмотрел на нее, затем окинул взглядом травянистую равнину — мирную и безмолвную под прозрачно-голубым небом.

Затем рассеянно провел рукой по сухим остистым травам.

Вдалеке с верхушки одного из одиноких деревьев крошечным пятнышком слетела птица; Нейсмит провожал ее взглядом, пока птица снова не села.

— Красивое место, — заметил он.

Задорный смех девушки заставил его обернуться.

— Хочешь посмотреть, что тут на самом деле? — спросила она и бросила Нейсмиту какую-то штучку. — На, лови.

Припомнив похожий случай, Нейсмит машинально дернулся отбить штучку; но в последний миг изменил намерение и поймал предмет.

Штучка оказалась фигурной синей рукояткой из гладкого, похожего на воск вещества. Стоило Нейсмиту сжать ее в руке, как прямо над рукояткой из ничего возник темный диск.

Несколько мгновений Нейсмит тупо разглядывал его, пока наконец не сообразил, что смотрит-то он не на диск, а *сквозь* — на возникшую по ту сторону трехмерную сцену. Так и сяк покрутив рукоятку, Нейсмит выяснил, что картинка в диске вполне соответствовала ландшафту — все было на месте: и горизонт, и холмы, и равнина — и в то же время дико не соответствовала.

Травы и деревья как Цуг языком слизнул; вместо них — голая земля и скалы — выжженная, опустошенная, усеянная кратерами планета под лиловым звездным небом. Над головой горело солнце — но не обычный световой

шарик, а чудовищная тварь, по бокам которой, будто крылья, вздымались языки пламени. Нейсмит в недоумении опустил диск.

— Это что — другая временная линия? — спросил он.

— Какой ты глупый, — отозвалась девушка, глядя на него ясными глазами. — Я же говорю. Так на самом деле. А то, что ты видишь — всего-навсего иллюзия. — Она обвела рукой весь прекрасный пейзаж. — Земля теперь — мертвая планета. Ну, войны там всякие... Если бы не машинка, ты бы даже дышать не смог.

Нейсмит нахмурился и протянул руку к ближайшему участку травы. Сухие стебли, вполне реальные на ощупь. Вырвав несколько травинок, Нейсмит смял их в ладони, а потом проследил, как они упали на землю.

— Я тебе не верю, — ровным голосом произнес он. — Кто мог такое сделать?

— Говорят, Цуги, — безразлично ответила девушка. — Штука в том, что видеть все это могут только люди. Камера иллюзию не фотографирует. И в видак ничего не попадает. Верни его, между прочим.

После секундного колебания Нейсмит кинул ей рукоятку. Диск исчез, стоило выпустить из рук видак — и тотчас возник, стоило видуку оказаться в руке девушки. Взглянув туда, она сказала огорченно:

— Фу, одна пыль и камни.

И спрятала видак на своем серебристом пояске.

— Зачем же ты там гуляла? — с любопытством поинтересовался Нейсмит.

Девушка пожала голыми плечиками.

— Так ведь красиво, — ответила она. — Подумаешь, иллюзия. Все равно мне тут нравится. — Потом взглянула на Нейсмита снизу вверх. — Ну ладно, можешь войти.

Нейсмит приблизился, глядя, как она берет в руки машинку.

— Куда ты меня везешь?

Не удостоив его ответом, девушка занялась ручками управления... Небольшая встряска — а потом их окружил прозрачный пузырь, окрасивший весь пейзаж чистейшим

голубым цветом. Почти мгновенно земля рухнула куда-то вниз, а небо помрачнело.

Нейсмит слегка подался вперед и обнаружил, что все тот же барьер мешает приблизиться к девушке. Та насмешливо улыбнулась и закурила зеленую сигаретку, держа ее в слегка подрагивавших, униженных перстнями пальчиках.

— Сядь, Шефт.

Нейсмит медленно повиновался, не сводя глаз с соседки.

— Теперь начинаю припоминать, — сказал он. — Приближалось что-то голубое, а потом...

Девушка кивнула и выпустила струйку зеленоватого дыма.

— Я решила особенно с тобой не цацкаться, — объяснила она. — Только втащила, сразу треснула силовым жезлом. Потом подумала — почему не подождать, пока ты очухаешься? Тогда я перелетела на несколько тысяч лет вперед и там приземлилась. — Она аккуратно провела язычком по губам. — А ты сильный, — продолжила девушка. — По всем правилам тебе еще минут двадцать полагалось быть без сознания. Но у меня все равно было время надеть на тебя мыслешлем и вывести все твои секретики.

Нейсмит напрягся всем телом.

— Какие такие секретики?

— Да знаю, знаю, — улыбнулась девушка. — Про Калифорнию. Про парочку Непотребов, которых ты звал Лалл и Чуран. — Она рассмеялась. — И что им от тебя было нужно — тоже знаю.

Нейсмит взглянул на нее, прищурившись.

— А на каком языке ты еще умеешь разговаривать? — вдруг спросил он.

Девушка не откликнулась.

— Да ты просто грязная сука, поняла? — произнес он тем же ровным тоном.

Глаза ее засверкали, а губы растянулись в две струнки, обнажив белые зубки, блеснувшие, точно лезвие ножа. На

мгновение Нейсмита пробрал озноб страха. Однако он тут же взял себя в руки.

— Я тебя после прикончу, — медленным шепотом пообещала девушка по-английски. — Сейчас слишком просто. Я тебя прикончу очень медленно и очень-очень больно. Чтобы ты понял: с Лисс-Яни так не разговаривают.

Нейсмит задержал дыхание и досчитал до двадцати одного, а затем указал на девушку пальцем.

— Вот теперь я тебя узнал, — проговорил он. — Твой голос. Той ночью, когда я увидел Цуга. Ты точно таким же тоном тогда сказала «убей его». Значит, это ты насладила видение — или что там тогда было? И сны... Зачем?

Сузив глаза, Лисс-Яни изучала Нейсмита.

— Ты что, не испугался?

— А чего ради? Ты же сказала, что сейчас убивать меня не будешь.

— А потом?

— Ну, потом и испугаюсь.

— Интересно, — проговорила девушка, снова проведя язычком по влажным фиалковым губам. Затем вдруг сунула сигаретку в дырку в полу — и зеленый окурочек исчез. — А как тебя зовут? — спросила она.

— Гордон Нейсмит.

— Перестань. Я спрашиваю настоящее имя.

— Не помню, — ответил Нейсмит.

Девушка задумчиво оглядела его.

— Что же, ты и о Городе ничего не помнишь? А про ошейники смерти? Про Тера-Яни?

— Нет.

Она вздохнула.

— Хотела бы я тебе поверить. А ну-ка, подойди и поцелуй меня. — Девушка наклонила голову и сидела в ожидании, положив руки на пульт управления.

Оторопев от изумления и чуть замешкавшись, Нейсмит наконец скользнул к ней. Незримый барьер поначалу остановил его, а потом, казалось, стал размягчаться и рассасываться. Преграда растекалась по мере того как лицо

Нейсмита приближалось к лицу Лисс-Яни; впрочем, едва мужчина попытался пустить в ход руки, как они замерли на полпути до желанной цели.

— Ну, давай же, целуй, — потребовала девушка, полукрыв глаза.

И раздраженный, и заинтригованный, Нейсмит потянулся и поцеловал ее. Губы девушки оказались мягкими, горячими и влажными; под губами мужчины они мигом разошлись — и нежный язычок коварно проник к нему в рот.

Через несколько долгих мгновений Лисс-Яни оттолкнула Нейсмита и откинулась на спину.

— Это все, что ты умеешь? — поинтересовалась девушка. — Ну-ну, садись, нечего, нечего. — Она вытянула из пола еще одну зеленую сигаретку и закурила. — Вот те на... Первый раз вижу Шефта, который целуется.

Обозленный, Нейсмит спросил:

— Зачем тогда предложила?

— А посмотреть. Что ты сделаешь. Настоящий Шефт в жизни не поцелует Яни. — Она многозначительно на него глянула. — А вообще-то совсем даже ничего.

Нейсмит некоторое время удивленно глазел на девушку, затем рассмеялся. Вспоминая мир своих снов, он подумал: «Да, Шефт точно не поцелует Яни. Ни в жизнь. А у нее все на месте: и медно-красные волосы, и загорелая кожа, и зеленые глаза, и тонкие подрагивающие пальцы...»

— Откуда ты узнала, где меня найти? — спросил он на Бо-Ден. — Следила за мной, да? Пока я был с Лалл и Чураном?

— Ну конечно. Непотребы такие дураки. Думали, ты просто провалишься под землю и оттуда уже не выйдешь. Но я-то не дуручка. Я просчитала твою орбиту, а дальше... — Лисс-Яни сделала умное лицо. — Дальше проще простого.

Пальцем она легонько постучала по одной из кнопок стоявшего на полу пульта управления. Нейсмит напомнил:

— Ты, конечно, знаешь — это из-за тебя Непотребы реши-
ли, что не могут мне доверять.

— Знаю, будь уверен.

— Тогда почему же *ты* не можешь мне доверять? — во-
просил он. — Ведь я либо на одной, либо на другой сто-
роне.

— Что-то с тобой не так, — проговорила девушка и
пустила в соседа струйку зеленого дыма. — Я это почув-
ствовала, когда мы поцеловались. Тут я никогда не оши-
баюсь. Не пойму, в чем дело... Вроде бы ты тот, за кого
себя выдаешь. Шефт, который потерял память. Но толь-
ко... что-то не так. А-а, ладно... Проехали. — Она ткну-
ла было пульт управления, затем снова прислонилась к
стенке. — Есть хочешь? Может, выпьем?

Нейсмит вдруг остро почувствовал, что хочет и того, и
другого. А может, и третьего. Внимательно на него взгля-
нув, девушка протянула руку к стенке у себя за спиной и
вынула оттуда вначале чашечку пенной белой жидкости,
а затем — твердое пирожное бурого цвета. Пирожное она
разломала пополам, потом предложила мужчине чашку и
половинку коричневатой массы.

Нейсмит, конечно, взял и то, и другое, но предусмот-
рительно дождался, чтобы девушка первой куснула пи-
рожное — тем более, что бурая масса вызвала множество
памятных ассоциаций. Наконец, мужчина отважно по-
пробовал деликатесы из будущего. Пирожное оказалось
нежным, роскошным на вкус — вроде инжира с изюмом.
Потянув жидкость из чашечки, он обнаружил в ней пре-
восходное вяжущее средство.

Девушка рассмеялась.

— И что смешного? — поинтересовался Нейсмит,
осторожно опуская чашечку и начиная считать до двад-
цати одного.

— Ну и лопух! — продолжала смеяться Лисс-Яни. —
А вдруг я подложила в вино или в фрукты медленный
яд? Через десять дней подействует.

Нейсмит воззрился на подлую отравительницу.

— А что, правда подложила?

— Оч-чень может быть. — Зеленые глазки девушки заблестели от удовольствия. — А если подложила, то противоядие теперь получишь только от меня. Если будешь себя хорошо вести. И если вдруг я попрошу тебя об услуге, ты немедленно согласишься на все, чтобы не загнуться в страшных мучениях — так ведь?

— О какой еще услуге? — поинтересовался Нейсмит. Затем посмотрел на остатки еды и отодвинул их подальше.

— Да ешь, ешь! Теперь-то чего? Если я подложила яд, ты уже получил достаточно. Не пропадать же добру.

Нейсмит волком взглянул на девушку, затем махнул рукой и отчаянно укусил квазипирожное.

— Так какая же все-таки услуга? — опять спросил он.

— Пока не знаю, — равнодушно отозвалась Лисс-Яни. — Там все больше и больше всяких заморочек. Вот и Предел уже на носу. Друзья в такое время не повредят.

Сам того не желая, Нейсмит вдруг улыбнулся.

— Ничего себе дружба! Значит, друг — это тот, кто сделает, что тебе нужно, чтобы ты его не отравила?

— Ну-у, не будь таким букой, — протянула девушка с миной откровенного неудовольствия. — В конце концов, нам еще минут десять вместе сидеть в этой поездке.

— А потом?

— Потом я передам тебя Кольцу, — равнодушно ответила Лисс-Яни и вытянула руку, с удовлетворением разглядывая переливчато-фиолетовые ногти. — Как тебе этот цвет?

— Очень мило. Мм... а Кольцо... чего ему от меня нужно?

— Там думают, ты можешь убить Цуга. Все от этого Цуга просто с ума посходили.

— Ага, значит, это все-таки правда!

— Про Цуга? Ну конечно... А вот эта одежда — она полнодоступная. Знаешь про такую? — Девушка стала дотрагиваться до фигурных, украшенных орнаментом пластиночек, прикрывавших разные части ее тела. Каждая после прикосновения ненадолго исчезала. Вот обна-

жилося плечо. Грудь со впечатляющим крупным фиалковым соском. Бедро. Другая часть бедра...

Нейсмит мгновенно проникся живейшим интересом к такой интересной одежде, и лишь героическим волевым усилием смог отодвинуть все неподобающие мысли на задний план.

— Кхм-мм... а скажи, какая фракция сейчас преобладает в Кольце? — осведомился он, пряча глаза.

Девушка нахмурилась.

— Какой ты все-таки дурак и негодяй! Нет, видно, ты и вправду Шефт... — Она еще раз сладко зевнула и потянулась, прислонясь к вогнутой туманно-голубой стенке. — Надо бы, что ли, вздремнуть. — И Лисс-Яни закрыла прелестные глазки.

Нейсмит сердито поглазел на нее, но прежде чем успел открыть рот, его внимание привлекло появление в небе чего-то необычного. Масса шаров кристально-голубого цвета, повисшая неподвижно на уровне глаз. Еще мгновение назад ничего подобного там не было.

— А это еще что? — спросил Нейсмит.

Девушка ненадолго открыла глаза.

— Город, — ответила она.

Поначалу ответ показался Нейсмиту несуразным, но затем его буквально потрясла догадка.

— Ты хочешь сказать, *вот это* — Город? — опять спросил он.

Девушка широко раскрыла глаза и села.

— С тобой все в порядке? Эй!

Нейсмит не ответил. Его псевдовоспоминания о Городе сплошь состояли из гигантских залов, коридоров, плавающих фигур, людских толп.

Теперь, когда Нейсмиту *захотелось* вспомнить, знание оказалось под рукой: но раньше почему-то и в голову не приходило, что Город находится не на Земле.

Внутреннее возбуждение нарастало. *Вот где* таилась опасность — а вовсе не в раздраженных угрозах Лисс-Яни.

Знание Нейсмита о важнейших предметах было отрывочным, слабоорганизованным, не сразу оказывалось под

рукой. Какие еще грубейшие ошибки не сделать бы в самый критический момент? И сколько еще следовало готовиться?

Снаружи тяжеломерно вращался громадный сложнейший комплекс, а голубой шар все ближе подбирался к нему. В поле зрения вкатилось нечто наподобие иллюминатора, сосредоточилось в центре огромной массы и продолжало увеличиваться. Наконец круг разверзся и поглотил голубой шар. Нейсмит с Лисс-Яни прибыли в Город.

Глава 13

Глядя сквозь стены машины времени, Нейсмит понял, что видит перед собой громадный шаровидный зал — полую бледно-зеленую сферу с регулярной разметкой через определенные интервалы по всей поверхности. И чего только в этой сфере не плавало!

Лисс-Яни искоса улыбнулась разинутому рту кандидата в Шефты, держа руку на пульте управления.

— Ну как, готов?

Нейсмит одарил ее ответным взглядом и ничего не сказал.

Продолжая улыбаться, девушка поигралась с ручками управления. Машина времени испарилась.

И в тот же миг что-то темное и стремительное слетелось к ним, будто стая коршунов, и окружило со всех сторон. Нейсмит машинально вскинул руки и встал в защитную позицию номер 22-б, но затем расслабился. Где-то трезвонил колокольчик.

— Что это еще за налет?

— Простая предосторожность, — пояснила Лисс-Яни, явно получившая удовольствие от защитных телодвижений Нейсмита. — Что, если мы оказались бы Непотребам?

В прозрачном сумраке Нейсмит смутно различал исходящее в громадном шаре. Угловатые аппараты подплывали ближе, посвечивая линзами, тускло-красными, будто угольки. Чуть выше двигалась другая фигура — и

Нейсмит вдруг понял, что это — человек. Что-то неладное было у человека с ногами, но Нейсмит ясно различал тонкие ручонки, большую голову и блеск пристальных глаз.

Колокольчик вдруг умолк, а темнота сменилась ярким светом. Нейсмит с Лисс-Яни плавали в центре зеленой сферы, окруженные автоматами — злобное свечение красных линз понемногу гасло. И к ним все ближе подплывал человек, которого уже засек Нейсмит — плыл он как-то под углом, руки скрещены на груди — вылитый китайский мандарин. Одет в фантастическое — дутое и рифленое — одеяние в бело-желтую полоску; верх — фуфайка с короткими рукавами, а низ — трубка, в которую заключены обе ноги, стянутая внизу желтым бантом. Тощей физиономией человек напоминал гнома; физиономия выражала и злобу и насмешку одновременно. Глаза блестели; широкий рот кривился.

— Итак, ты его доставила, — начал человек.

— Да, Хрель, вот он.

— Он опасен?

Девушка медленно повернулась в воздухе и внимательно посмотрела на Нейсмита.

— Не уверена, — задумчиво заключила она.

— Тогда лучше держать на нем автоматику. Временно. Позднее на него наденут ошейник. — Хрель повернулся в воздухе и бросил куда-то что-то резкое.

Тут же из целой кучи болтавшихся в обширном пространстве автоматов один подплыл ближе — небольшой белый саркофаг с эскизом в желто-голубых тонах на крыше. Грубый набросок рыжеволосой девушки с притворной улыбкой на губах. Глаза девушки закрыты, а руки скрещены на груди.

— Доложи Высокородной, — приказал Хрель, — что попытка удалась. Шефт взят.

Саркофаг щелкнул, прогудел — и снова отплыл.

— Пожалуй, уйдет некоторое время, пока привлекут внимание Высокородной, — заметил Хрель. — Не хочешь ли пока взглянуть на работу?

— Да, конечно, — откровенно неохотно ответила девушка. Они с Хрелем повернулись в воздухе и стремительно рванули от Нейсмита. Мгновение спустя — уже совсем крошечные на расстоянии — остановились и оглянулись с комическим удивлением на лицах.

— Ах да, — услышался далекий голос Хреля, — совсем забыл. У него же нет указки. Минуточку. — Он снова бросил резкое слово — подплыл другой автомат. Этот оказался формы обычного гроба, украшенного красно-зелеными арабесками на черном фоне. — Указку вон тому человеку, — тыкая пальцем в сторону Нейсмита, приказал Хрель.

Гроб слегка покачнулся, как бы изобразив поклон, и на всех парах помчался к Нейсмицу. В самый последний момент, чуть не сделав кандидата в Шефты своим содержимым, гроб резко тормознул и остановился.

— Прошу информацию, сэр, — раздался из ящика мелодичный голосок, — как зовут «того человека»?

— Нейсмит, — ответил Нейсмит, с любопытством разглядывая гроб.

— Прошу прощения, сэр, но в списках такого имени не содержится, — вежливо возразила похоронная принадлежность.

Хрель с девушкой что-то одновременно забормотали; затем Хрель выдал ящику инструкцию:

— Вскоре мы узнаем его имя. А пока что зови его просто «этот человек».

— Благодарю, сэр, — раскланялся гроб. На крышке медленно открылся контейнер — оттуда выплыла узкая гибкая лента.

— Надень на руку, — крикнула девушка. Нейсмит последовал указанию — и лента будто сама обвила запястье; концы ее слиплись, сплывались — и шов тут же исчез.

— Теперь укажи, куда тебе нужно, и легонько напряги кисть, — опять услышался голос Лисс-Яни.

Нейсмит попробовал — и обнаружил, что вся огромная зеленая сфера медленно завращалась вокруг него, а некоторые из отдаленных групп автоматов поочередно стали

оказываться поблизости. Когда Хрель с девушкой снова попались Нейсмицу на глаза, он ткнул пальцем в их сторону и на сей раз сумел удержать желанную цель в фокусе. Затем опустил руку и тормознул в паре-другой футов от фиалкового соска девушки.

— Ничего, привыкнешь, — ласково заметила Лисс-Яни. — Поехали!

Они с Хрелем снова рванули от Нейсмита, но почти сразу остановились. Нейсмит подрулил к ним. Хрель двигал в пустом пространстве перед собой какие-то мелкие блестящие предметы: вдруг возникло мерцание, раздался треск — и в воздухе появилось огромное и круглое серебристое отражение.

Хрель коснулся его — и диск сделался прозрачным — и все трое уже смотрели в другой зал, куда темнее первого, а по размеру даже и побольше. В необъятном пространстве двигались мириады крошечных фигурок. Некоторые — человеческие, другие имели симметричные очертания автоматов — гробы, саркофаги, урны. Когда Нейсмит, поднапрягшись, приспособил зрение к возникшей сцене, то начал различать сомкнутые ряды неразлично связанных друг с другом темных шутоквин, среди которых сновала уйма фигурок людей и автоматов.

Хрель снова протянул руку — и сцена, казалось, подплыла ближе. Все трое смотрели теперь сверху вниз на одну из тысяч стоявших рядами машин, над которой склонился молодой человек — такой же омерзительный гном, как Хрель, и в столь же нелепом одеянии.

— Управляющая сеть Предела, — пояснила Нейсмицу Лисс-Яни. — Над ней работают уже пять лет. Скоро будет готово.

— А что, это настоящий проход в зал, — спросил Нейсмит, с трудом подыскивая слова, — или... или видеозкран?

Хрель взглянул на него озадаченно.

— А не все ли равно?

Нейсмит в замешательстве сообразил, что по тому, как он задал вопрос, и правда не видно разницы: на Бо-Ден эти два выражения никак не отличались.

Пока он озадаченно раздумывал о такой загвоздке, Хрель снова потянул руку.

— Хотите посмотреть, чем тут занимаются? — спросил гном — и не дожидаясь ответа, опять что-то такое вытворил с блестящей штуковиной у себя в руке.

Отдельная часть лежавшей перед тремя зрителями сцены, казалось, расширилась. И там, где плавала одна из машин, теперь оказалась смутная кристаллическая решетка, становившаяся все более призрачной и все менее вещественной по мере разрастания. Затем вдруг тьма — а затем вдруг ослепительное сияние призматического света — какие-то крошечные скопления предметов в обширном трехмерном пространстве — то появляясь крупным планом, то пропадая...

Нейсмит затаил дыхание. Он вдруг сообразил, что видит сами молекулы, из которых составлялось вещество машин, собираемых в соседнем зале.

— Вот куда уходит столько времени, — пояснил Хрель, нервно потирая ладони. Затем скроил гримасу: — Каждый канал должен быть выстроен молекула к молекуле — под строжайшим контролем. Хотите осмотреть ближе?

Увеличение возросло. В светящейся темноте Нейсмит увидел молекулы, рассыпанные будто малые планеты. Появилось движущееся световое пятнышко — оно медленно описало на фоне черноты строгую дугу, откуда потянулись во все стороны другие световые дуги — будто ребра грудной клетки; пятнышки, которые оказались молекулами, медленно-медленно подплывали, чтобы занять свои места.

— Это что — настоящее или какой-нибудь дисплей? — завороченно спросил Нейсмит.

— Математический аналог, — ответил Хрель. — На самом деле — просто игрушка. — Рот его скривился.

— Красотища, — похвалил Нейсмит.

Хрель бросил на него изумленный взгляд; затем, казалось, погрузился в глубокие раздумья.

К ним подплыл саркофаг и отдельно произнес:

— Высокородной передано сообщение. Высокородная приказала направить «того человека» в Придворный зал.

— Хорошо, — сказал Хрель. — Лисс-Яни, ты можешь заодно его и доставить. А потом заглянешь ко мне — нужно поговорить.

— Ага, — сказала девушка и взяла Нейсмита под руку. — Сюда.

Все тело Нейсмита охватила тревожная дрожь. Вдруг пришла мысль: «Хрель опасен. Он знает, кто я».

Напряженно размышляя, Нейсмит все же позволил девушке удалить себя от Хреля. «У него замедленная реакция — он все еще думает. Но через считанные секунды...»

Девушка вдруг остановилась в воздухе; Нейсмит, неловко побарахтавшись, все же сумел принять пристойное положение. Перед ними смутно замерцал серебристый круг. Лисс-Яни протянула руку и коснулась круга блестящей фигулечкой, как это раньше делал Хрель. Круг — футов десять в диаметре — дрогнул, покрылся рябью — и вот уже Нейсмит с девушкой смотрели в гигантский зал, полный красок и движущихся фигур.

— Поплыли, — сказала девушка и потянула Нейсмита в круг.

На той стороне Нейсмит резко остановился и обернулся. Ему по-прежнему был виден ученый, паривший в раздумье над одной из машин. Девушка протянула руку, коснулась круга — и вся сцена с машинами поблекла и исчезла.

Нейсмит резко повернулся к Лисс-Яни.

— Научи меня пользоваться проходами, — сердито потребовал он.

— Проще простого, — сказала Лисс-Яни, внимательно взглянув на спутника. — Просто касаешься открывашкой и думаешь, куда тебе нужно. На эти забавы еще хватит времени. А теперь поплыли.

— Дай открывашку, — потребовал Нейсмит и протянул руку. После недолгих колебаний девушка пожала голыми плечиками и положила гладкую серебристую фигулечку мужчине на ладонь. Материал скорее напоминал пластик, чем металл; яйцевидной формы, удобно подходившей к ладони — как раз, чтобы выступал тупой кончик.

Нейсмит протянул руку и коснулся круга. Сцена с машинами возникла вновь. Хрель уже поворачивался и потирал ладонями предплечья. На злобной физиономии застыло озабоченное выражение.

— Секундочку, — сказал Нейсмит, двигаясь по проходу — а с той стороны повернулся и снова коснулся его блестящей открывашкой; диск помутнел. Нейсмит вихрем бросился к Хрелю.

На физиономии ученого уroda успело появиться изумленное выражение, пока Нейсмит к нему летел. Нейсмит схватил гнома за грудки и притянул к себе. В глазах человечка засверкал жуткий испуг.

— В чем моя ошибка? — убийственным шепотом спросил Нейсмит. — Говори! В темпе! — Он усилил хватку.

— Я скажу, скажу, — выдохнул гном. Рот его закрылся и раскрылся, не издав ни звука — будто у мелкой рыбешки в твердых руках опытного рыболова. Наконец Нейсмит тряхнул Хреля так, что ценные мозги ученого издали звучный шлепок о черепную коробку.

— Го-во-ри, — спокойно-спокойно процедил «этот человек».

— Ты... ты не Шефт... у Шефтов нет... эстетического чувства. — Мерзкая физиономия урода вдруг исказилась злорадством. — Я знаю... знаю, кто ты такой!.. помогите!... — Ученый набрал воздуха, чтобы завопить.

Поздно. Нейсмит одной рукой вцепился в тщедушное тело, а другой сдавил дряблое горло. Лишившись дыхания, ученый затрясся и забулькал. Наконец раздался громкий сухой щелчок — будто сломался бамбуковый кол, на который посадили ни в чем не повинного китайского чиновника. Тело наследника Бойля и Мариотта обмякло.

Стоило Нейсмиту повернуться, чтобы дать деру, как к нему подплыл один из вездесущих автоматов.

— Прошу информации, сэр, — мелодично спросил автомат. — Что случилось с Мастером Хрелем?

— На Мастера напали Непотребы, — наобум бухнул Нейсмит, потихоньку отплывая в сторону. — Выскочили

неизвестно откуда, прикончили Хреля как собаку — и опять куда-то делись.

— Но автоматические орудия не стреляли, — вежливо возразил автомат.

— А сломались они, наверное. Такие дела, — объяснил Нейсмит и огляделся. Ни один из других плавучих роботов, похоже, ничего не заметил. Интересно, сумеет он разобраться с этим автоматом — если, конечно, придется? А может, не придется?

— Прошу информации, сэр, — приставал тем временем робот, — а кто сломался — автоматические орудия или Непотребы?

— Орудия, ясное дело, — буркнул Нейсмит, разглядывая затейливый рисунок на крышке гроба.

— Благодарю, сэр.

— Прошу информации, — вдруг выдал Нейсмит, — скажи-ка, братец, а ты разумен?

— Я разумен. У меня машинный разум сорок градусов в плюсе.

Нейсмит хмуро задумался.

— Да я не об этом. Ты... ты сознателен.

— Я не сознателен, сэр.

— Есть у тебя воля?

— Нет у меня воли, сэр.

— Спасибо.

— Вам спасибо, сэр. — Автомат вежливо наклонился, повернулся и поплыл прочь.

Девушка терпеливо ждала по ту сторону прохода. Нейсмит проскользнул и быстро забелил за собой круг.

— Как ты посмел так долго? — гневно спросила Лисс-Яни.

— Трудно было найти обратную дорогу, — объяснил Нейсмит. Тяжело дыша, он стал разглядывать людную беспредельность впереди. Шарообразный зал был столь огромен, что Нейсмит не мог даже примерно прикинуть его размеров. В светло-зеленой дымке, казалось, плавали многие тысячи всевозможных тел. Некоторые с неторопливыми переворотами появлялись и исчезали, дру-

гие не трогались с места. В каждой отдельной группе — большей или меньшей — все головы устремлялись в одну сторону, а тела поровну делили пространство — как у рыб в косяке. С точки зрения Нейсмита, одни висели нормально, другие — вверх ногами, а остальные вообще под всякими невообразимыми углами. И тут даже у выдавшего виды лже-Шефта закружилась голова.

— Ну, поплыли, — сказала девушка.

Нейсмита заколебало. Все происходило слишком стремительно, а ему требовалось время, чтобы поразмыслить. Теперь уже казалось невероятным, что он только что совершил жестокое и хладнокровное убийство... И ведь вовсе не так, как в прошлый раз, когда оказался в отрубе — а только потом обнаружил, что прикончил Уэллса. На сей раз в голове что-то ясно подсказало: «Хрель знает, кто я». И вмиг Нейсмит четко понял, что должен сделать и почему. Теперь понимание это пропадало... «Черт возьми, — вдруг подумал Нейсмит, — что же я за чудовище?»

Глава 14

Тут Нейсмит почувствовал, что девушка взяла его за руку и тянет к центру сферы. Мужчина тут же помог даме, используя свою указку. Они миновали небольшую кучку цветасто разодетых людей, затем другую. В зале, как заметил Нейсмит, было также полно и небольших саркофагов. Затем он вдруг потрясенно сообразил, что многие плавающие тела принадлежат зеленокожим Непотребам.

Непотребы без конца перетаскивали разное барахло, сновали с поручениями, причем с абсолютно отсутствующими выражениями на физиономиях. Некоторые пестро разодетые люди передвигались сами, подобно Лисс-Яни и Нейсми-ту; но многих других перетаскивали с места на место Непотребы или гробы. Все как один носили дурацкие хрелевские одеяния. Не иначе, прятали недоразвитые ноги. А может, копыта.

Нейсмит с девушкой обогнули массивное и заковыристое строение, напоминавшее дерево, из блестящего золотистого материала, на ветвях которого сидело множество крошечных роботов в форме рыб. А в другой стороне, за безумной толпой плывущих людей, Нейсмит усмотрел другое массивное сооружение — настолько же уродливое, насколько прекрасным казалось золотое дерево без золотой цепи.

Второе сооружение представляло собой торс Непотребки, увеличенный до размера десятиэтажного здания. Гигантский и нелепый, торс нависал над блестящей толпой, будто повесившийся сторож общественной свалки, вокруг которого роятся жирные мухи. Руки статуи были связаны за спиной, а кожа тут и там утыкана длинными иглами, из которых сочились капли темной крови. Сквозь гулкую болтовню и дурацкий смех Нейсмит вдруг расслышал дикий хриплый крик — мучительный стон, усиленный до невероятной степени и исходивший, казалось, именно оттуда, где следовало быть голове Непотребки. Болтовня ненадолго затихла — а затем послышались раскаты смеха еще более идиотского.

Нейсмиту вдруг стало дурно.

— Что это? — потребовал он ответа.

— Твердык, — безразлично ответила девушка. — Непотребка — одна из бунтовщиц. Ее, конечно, поймали. И сделали большой твердык. Чтобы все могли посмотреть. Только ты лучше глянь во-он туда.

Нейсмит повернул голову и заметил девушку из касты Лисс-Яни, вступившую в любовную схватку со стройным мускулистым мужчиной. Вокруг парочки собралось небольшое кольцо зрителей. Слышались вялые аплодисменты.

— Да не туда, — нетерпеливо ткнула его кулачком Лисс-Яни. — Вон там, дальше.

Нейсмит покорно посмотрел дальше и не узрел ничего занимательного, кроме еще одной дамы из касты Артистов — эта носила на себе забавную газовую мантию. Женщина плыла по залу в сопровождении целого эскорта молодых мужчин и девушек. На благородном лице

выражалась глубокая грусть; женщина безразлично смотрела прямо перед собой.

— Это Тера-Яни, — понизив голос, сообщила девушка. — Она прекрасна, правда?

— Прекрасна? — Нейсмит старательно изобразил недоумение. — Не понимаю. Что значит «прекрасна»?

— Ах, она была самой влюбляемой Яни во всем Городе — до последнего времени. Когда появились новые мутации и мода переменилась. И с Терой все кончено. Она приняла двадцатидневный яд. И теперь прощается с Городом.

Жертва моды не особенно впечатлила Нейсмита, и он лишь хмыкнул. А вверху над ними зеленокожая служанка перемещала по воздуху свою немыслимо жирную пожилую госпожу, толкая ее в задницу, размерами сравнимую с Капитолием. Все Непотребы, как теперь заметил Нейсмит, носили блестящие металлические ошейники. Теперь он припомнил, что и раньше видел подобные ошейники на зеленокожих.

До лже-Шефта доплыл обрывок разговора:

— Ах, госпожа, почему же *все* Непотребы должны умереть? Разве я не всегда хорошо вам служила, разве я...

— Ох, не утомляй меня, Менда. Сколько раз тебе говорить — ничего уже не изменишь. Это же *наука* — это так важно! И вообще — не смей больше...

Теперь Нейсмит и Лисс-Яни приближались к самому центру необъятного зала — туда, где плавали самые крупные и плотнее всего спрессованные массы людей. Назойливый гомон усилился. Нейсмита пробрал неприятный озноб — близость всей этой публики была ему несколько неприятна.

Где-то впереди истошно вопил хриплый женский голос с какими-то попугайскими интонациями — ни слова не разобрать. Нейсмит с девушкой подплывали все ближе, терпеливо проделывая путь сквозь плотно спрессованную толпу — когда стоя, а когда и в лежку.

Наконец Нейсмиту удалось высмотреть в толпе вопящую женщину. Висела она в центре небольшой группы

цветасто разодетой публики. Страшно, неприлично жирная. В дутом, украшенном орнаментом алом одеянии. Когда баба поворачивалась, Нейсмит видел, что ее телеса трясутся под тканью, будто кусок студня на вилке. Физиономия вся в морщинах; глаза так и сверкают безумием.

— ...Немедленно подойдите и скажите-ка мне — кем это вы себя возомнили... молчать и слушать!.. молчать и слушать!.. Говорю вам, я не намерена терпеть подобного неуважения — да кто вы такие?.. отвечайте, почему не слышу ответа?.. Молчать! Почему не отвечаете?.. Что, все языки проглотили? Слушайте...

— Высокородная, с вашего позволения... — начал было взволнованный мужчина с розовой поросычьей физиономией. Жирнее его тут была, казалось, только сама Высокородная.

— Молчать! За триста лет никогда не приходилось мне сносить подобного обращения! Молчать, Трузад! Молчать! Тебя не спрашивали! Доколе буду терпеть я эти издевательства! Рейг! Рейг! Где этот засранец? Рейг!

— Слушаю, Высокородная, — раскланялся зеленокожий слуга, подплывая к госпоже.

— Дай мне дозняк! Негодяй! Ты что, не видишь, в каком я состоянии?

— Высокородная, — принялся увещевать ее еще один жирный, — постарайтесь успокоиться. Прошу вас. Быть может, вы подождете самую чуточку, прежде чем принимать еще. Вспомните, ведь за последнее время вы уже приняли десять кубантов...

— Не учить! Не учить меня, сколько мне надо догона! Да как вы смеете? — Толстуха с явной угрозой для жизни себя и окружающих поперхнулась и побагровела. Потом взяла что-то у зеленокожего, проглотила — и тут же свирепо засверкала глазами, лишившись на какое-то время дара речи. Слуга вручил ей трубку, ведущую к колбе с красноватой жидкостью, и госпожа принялась лихорадочно и увлеченно сосать. Щеки старухи ввалились, а глаза вылезли на лоб. Всссс...

Лисс-Яни бросила пару слов роботу, который затем скользнул вперед и вежливо произнес:

— Высокородная! Шефт, за которым вы посылали, уже здесь.

Старуха повернула физиономию; затем свирепо уставилась на автомат и с остервенением выплюнула трубку.

— Да, конечно! Нашли время! Почему мне больше не оказывают здесь ни малейшего послушания? Почему, я вас спрашиваю? Молчать! Почему мне постоянно пудрят мозги? Убить меня хотите? Да? Убить? Эй, ты! Как тебя там? Подойди сюда!

Нейсмит невольно подплыл к Высокородной.

— Меня зовут Нейсмит, — сообщил он ей.

— Нейсмит? Какой такой Нейсмит? Это что, имя? Ты что тут со мной — шутики шутишь? Молчать! Как его зовут, я спрашиваю? Как зовут этого Шефта?

— Он не знает своего имени, Высокородная, — сообщил робот. — К нему обращаются как к «этому человеку».

— Молчать! — завопила толстуха. — Эй, ты! Ты Шефт?

— Вам виднее, Высокородная, — тактично ответил Нейсмит. Вокруг начал скапливаться плотный шар зевак, в основном до невозможности жирных.

— Дерзость! Неслыханная дерзость! Знаешь ты, как убить Цуга? Знаешь? Отвечай прямо и оставь свои штучки!

— Не знаю, — честно признался Нейсмит.

— Другого Шефта у нас нет, Высокородная, — вставила поросычья физиономия.

— Ах так? А мне он не нравится! Не нравится! Немедленно отправляйтесь и достаньте еще одного! Слышите? Достаньте! А этого уберите! Видеть его не желаю! Знать не хочу! Уберите его немедленно!

— Высокородная, но времени уже не хватит... — начал было розовомордый.

— Время, время! Разве мы его сами не производим? Откуда такая непочтительность? Безмозглые негодяи! Не смею мне противоречить! Говорю вам — немедленно отправляйтесь и добудьте другого! Другого!

Двое-трое жирных вокруг старухи обменялись многозначительными взглядами.

— Эй, да что с вами? Что такое? Вы что, оглохли? Паралич разбил? Не можете выполнить простейший приказ, данный во имя Разума?

Невдалеке раздался звон бубенцов; все как один повернули головы.

— Минутку, — озабоченно произнес розовая задница. — Высокородная, депеша.

Женщина погрузилась в молчание, разинув рот и часто моргая. Публика всколыхнулась — розовомордый поплыл сквозь толпу. Теперь Нейсмит разглядел желтый гроб с освещенной крышкой, подвешенный в прозрачном шаре. Снова раздался звон. Розовомордый задница наклонился поближе и уставился на крышку гроба. Нейсмиту было видно, как ниточками белого света сплетаются слова: одно, затем пропуск, еще два, еще пропуск...

— «Опасность... Цуг жив... посылайте Шефта...» — Задница еще подождал, затем выпрямился. Тяжело вздохнул. — Все. Почти то же, что и в прошлый раз.

— Ну и что? Ведь все ясно! Нет, что ли? — завопила баба. — Опасность... посылайте Шефта! А Шефта зачем? Да чтобы Цуга убить! Это же ясно! Ясно? А? Так какого ж еще рожна?

— Но здесь пропущены слова, Высокородная, — отчаянно произнес румяная задница.

— Плюнуть и растереть! Прекрати, Трузад! Ты только пытаешься сбить меня с толку! Им нужен Шефт! Чтобы убить Цуга! Ведь это *нам* нужен Шефт! Там, в будущем! Яснее ясного! А? Не слышу! Молчать! Ну и что? Так в чем дело?

В шаре зевак началось шевеление; мужчина с орлиным носом, куда стройнее всех остальных, пробрался сквозь толпу и предстал перед толстухой. За ним притащился и гном в полосатом красно-коричневом одеянии — один из ученых.

— Высокородная, этот человек утверждает, что Хреля только что убили в мастерских!

— Хреля? Убили? В мастерских? И кто его убил? А кто такой Хрель?

— Начальник лаборатории времени, Высокородная! Не дольше пяти минут назад ему сломали хребет!

— Вот кто это сделал! — вдруг выпалил гном, тыча пальцем в Нейсмита. Все повернули головы; в группе началось возбужденное шевеление.

— А-а, так это он? Убейте же его, убейте! Скорее, скорее! Идиоты! Убейте же его, пока не поздно! Сломайте ему хребет! Чего вы ждете? Кончайте с ним! — Морда старухи пожелтела, щеки ввалились; маленькие свиные глазки так и сверкали страхом.

— Минутку, — произнес орлоголовый. — Убоны — вон того. — И три темных автомата с красными линзами двинулись к Нейсмиту, замыкая его в плотное кольцо.

— Убейте его! — визжала баба.

— Убить можно в любой момент. Сначала зададим несколько вопросов, — возразил Орлиный Нос и повернулся к Нейсмиту: — Не делай резких движений, иначе убоны выстрелят. Ты убил Хреля?

— Нет, — ответил Нейсмит. Где-то в задних рядах публики он заметил застывшую Лисс-Яни.

— Тогда кто?

— Непотребы, — объяснил Нейсмит. — Ворвались, убили — и тут же смылись. — Он весь вспотел и постарался успокоиться.

— Ты сам видел?

— Да.

— Почему сразу не сказал?

— Не было случая.

Губы мужчины искривились в усмешке.

— Где тот робот? — спросил он, обернувшись.

К нему подплыл гроб. Нейсмит узнал зелено-красные арабески.

— Слушаю, сэр?

— Этот человек сказал тебе, что Непотребы убили Хреля?

— Да, сэр.

— А ты сам видел?

— Нет, сэр.

— Стреляли ли убоны, была ли тревога? .

— Нет, сэр. Этот человек сказал, что все вышло из строя, сэр.

— А на деле?

— Нет, сэр.

Орлиный Нос снова повернулся к Нейсмицу.

— Достаточно? Можешь что-нибудь добавить?

— Убейте его! — снова завопила толстуха. — Убейте!

Прикончите!

— А что тогда с Цугом, Высокородная? — отважился румяная задница.

— Ха, Цуг! Плевать на Цуга!

— Но кто убьет Цуга, если мы прикончим Шефта?

— Добудьте другого, — пробормотала старуха. — И вообще! Не смей перечить! Я вам тысячу раз говорила! Я требую, чтобы мне не перечили! Ясно? Я требую, чтобы меня оставили в покое! В покое!

— Минутку, — вмешался Орлиный Нос. Затем махнул рукой ближайшему убону. Тьма, хлопая крыльями, вдруг окутала Нейсмита — будто налетела стая воронов.

На какой-то миг леденящий холод сжал сердце — подумалось, что убон выстрелил. Затем Нейсмит понял, что просто оказался заключен в черный шар. Снаружи доносились голоса, но он не мог разобрать ни слова.

Время невыносимо ползло по сердцу, оставляя длинные царапины. Затем небольшая группка вдруг разделилась; черный шар исчез.

— Ну вот, все улажено, — милейшим тоном проговорил Орлиный Нос. — Тебе дается шанс искупить вину, Шефт. Мы дадим тебе убить Цуга — здесь, с этой стороны Предела. Если справишься, честь тебе и хвала. Ну а если нет...

Он развел руками и повернулся к стоявшему рядом гному.

— Дай ему снаряжение и подготовь ворота, — приказал Орлиный Нос. — Кто-нибудь из вас тоже отправится

и проследит — ты, ты и ты. Есть еще желающие? Тогда четыре машины. Выполняй.

Стоило начальнику с головой орла отвернуться, как вокруг Нейсмита затараторили голоса. Гном устремился прочь и скрылся с глаз; другие же цветастые фигуры толпились поблизости. Нейсмит заметил среди них Лисс-Яни, а за ней — атлетического сложения мужчину, который вполне мог оказаться братом девушки.

Два роскошных толстяка в лилово-желтую полоску одеждах подплыли ближе, что-то возбужденно и безостановочно треща друг другу.

С угрюмо-враждебным видом снова появился гном, который волок с собой небольшую охапку снаряжения.

— Двигайте сюда.

Когда вся компания последовала за ним, гном придвинулся ближе к Нейсмиу и злобно процедил:

— Тебя, животное, через полчаса разорвут когтями и сожрут живьем. А я буду смотреть. И громко хохотать!

У Нейсмита пробежал мороз по коже. Праздничное настроение всех окружающих, смех и радостные лица — все говорило о том, что они собираются наблюдать за увлекательнейшим спектаклем. «Разорвут когтями и сожрут живьем...» И это их позабавит? Холодная ярость начала вытеснять страх. Ничего-ничего. Нейсмит во что бы то ни стало найдет способ испортить им удовольствие.

Гном тем временем устремился вперед и резко тормознул у одного из зеркальных дисков. Затем раздраженно шлепнул по зеркалу ладонью. Диск прояснился. Впереди оказалась крошечная комнатуха в голубых тонах, на дальней стене которой мерцал еще один серебристый диск.

— Ну, резвее, — нетерпеливо поторопил гном.

Нейсмит неторопливо вошел в каморку и огляделся. Гном сунул ему в руки ворох доспехов и снаряжения.

— Надевай.

Нейсмит озадаченно оглядел арсенал. Там оказалось похожее на пистолет оружие в кобуре, шлем с любопытно выступающим вперед шипом и хитрая система пластиковых полосок с металлическими вставками.

— Давай-ка я тебе помогу, — предложил похожий на Лисс-Яни мужчина и выступил вперед. — Меня зовут Ром-Яни. Можешь звать меня просто Ром. — Он взял у оторопевшего Нейсмита доспехи и ловко обернул ими все его туловище, руки и ноги.

— А что — это барахло защитит меня от Цуга? — поинтересовался Нейсмит.

Ром-Яни бросил на него странный взгляд.

— Разве что ненадолго, — объяснил он. — А так — ничего, кроме силового поля, от Цуга не защитит. Вообще-то, снаряжение должно быстро залечить раны и предотвратить болевой шок. Тогда ты сможешь биться еще пару-другую секунд — насколько тебя хватит.

Нейсмит хмуро наблюдал, как Артист накидывает ему на шею петлю ремешка, на котором держалась кобура. Пистолет был прикреплен сбоку, вроде как на портупее. Выступающая рукоятка выглядела подозрительно знакомой. Нейсмит с внезапной догадкой потянул пистолет из кобуры.

Ну да — тот самый. Массивная рукоятка и мощный ствол.

— Это плюхер, — объяснил Ром-Яни. — Он выдает струю сильного пламени, которое пробивает даже защиту Цуга. Если, конечно, ты достаточно близко. Из него можно раза три хорошенько пальнуть, а потом так разогревается, что в руках уже не удержать.

Нейсмит молча переваривал информацию. Позади продолжали доноситься возбужденные возгласы; затем все стихло — и мимо проскользнул призрачно-голубой пузырь. Внутри сидели два толстяка, вперившись в Нейсмита выпученными, похожими на фурункулы, глазами. Пузырь пролетел сквозь следующую стену и исчез.

— Теперь шлем, — продолжил Ром-Яни и надел Нейсмиту на голову шлем. — Контакт идет вот сюда — на скулу. Стисни зубы.

Нейсмит без особого желания стиснул зубы — и перед ним немедленно возник слабо мерцающий диск — он завис над самым лицом, отходя от остроконечного шипа на шлеме.

— Это защита от иллюзий, — пояснил Ром-Яни. — Цуг может принять любой облик, но если смотреть в видак, не ошибешься.

Нейсмит разжал зубы; диск исчез.

— Вроде бы готово, — подвел итог Артист. Мимо проплыли два совершенно призрачных пузыря. В одном из них притаился гном, который, прежде чем исчезнуть в стене, бросил на Нейсмита злобный взгляд.

Нейсмит обернулся и увидел, что Ром присоединился к Лисс-Яни — мужчина подплыл к ней поближе, а девушка привела в действие аппарат — и вокруг них образовалась синяя призрачная сфера.

Ром-Яни указал на ворота в стене — и Нейсмит заметил, что они открылись, распахнув перед ним сине-фиолетовую бездну.

Чувствуя страшное одиночество, Нейсмит глубоко вздохнул — и поплыл вперед.

Гигантские заброшенные коридоры Старого Города казались Нейсмиту смутно знакомыми — будто во сне; снова и снова он узнавал места, где бывал раньше — в своих снах и в памяти аппарата, который подкинули ему чужаки — но все здесь переменялось, сделалось пустым и призрачным. Вот громадный Главный зал, на замысловатом витом стволе которого, как припоминал Нейсмит, пестрые толпы рассиживались, порхали, сновали туда-сюда, будто бесчисленные стаи попугаев. Теперь здесь остался лишь пустой свод.

Потом проплыли над верхушками сотен цилиндрических капсул, каждая футов двадцать в ширину, стоявших рядами. В пурпурных глубинах капсул виднелись смутные и нечеткие формы каких-то фигур.

— Растительные ячейки Шефтов, — пояснил Ром-Яни, придвигаясь в своем пузыре ближе к Нейсмиту. — Ты тоже из такой появился... не помнишь?

Нейсмит помотал головой. Частично он следил за плывущими по сторонам синими пузырями, с их болтающи-

ми о том о сем пассажирами. Другая часть его разума прислушивалась к словам Ром-Яни. А все остальное существо Нейсмита отчаянно высматривало опасность.

— А ты, часом, не из такой ли вылез? — рассеянно спросил он.

Плывущая в одном пузыре с Ромом Лисс-Яни звонко рассмеялась:

— Вот глупый! Нет, конечно. Иначе он был бы Шефтом! Гравитация в капсулах одна целая и семь десятых от нормальной. Тогда у него было бы слишком много всяких мышц. — Во внезапном порыве симпатии она обняла Рома.

Пузырь гнома внезапно рванулся вперед — и исчез, пройдя сквозь стену.

— И все это бросили, только бы уберечься от Цугов? — спросил Нейсмит. — Но почему?

— Когда Цуги смутировали, они стали чересчур сильными и умными. В Старом Городе полно всяких туннелей и проходов — слишком много, чтобы выкурить оттуда всех Цугов. Тогда же стали создавать и вас, Шефтов. До тех пор каста воинов многие тысячелетия пребывала в забвении.

— Но если Цуги разумны, почему с ними не договориться?

Ром бросил на Нейсмита изумленный взгляд.

— Цуги по сути своей людоеды, — веско проговорил он. — Они питаются нашим мясом и вынашивают свои яйца в наших телах. Вот и сейчас есть люди — спрятанные где-то здесь, парализованные, — в которых растут зародыши Цугов. Да, мы могли бы договориться с Цугами — но только на их условиях. Думаешь, тебе понравились бы эти условия, Шефт?

Нейсмит упрямо продолжал задавать вопросы:

— Зачем тогда пытаться убивать их таким дурацким оружием?.. — Он ткнул пальцем в пистолет у себя на боку. — Можно спокойно сидеть в одном из таких пузырей, не давая Цугам благоприятной возможности для покушения:

Ром переглянулся с девушкой, затем огляделся. Другие пузыри расплзлись по сторонам; никто не мог их услышать.

— Слушай, Шефт, — понизив голос, обратился Ром к бойцу. — Ты и правда такой лопух, или прикидываешься? В смысле — насчет Цугов?

— Про них я ничего не помню, — ровным голосом ответил Нейсмит.

— Тогда считай, что ты уже труп. Ведь Пендель отправился туда, чтобы разыскать тебе противника. А уж это проще простого. Пойми одно: эти твари — самые отчаянные человекоубийцы за всю историю вселенной. Но они совсем не безмозглые животные. Когда на них охотятся с серьезным оружием, они остаются в укрытии. Вот почему доспехи — только те, что защитят лишь на несколько мгновений, и оружие — не мощнее, чем плюхер. Если ты тренирован, у тебя один шанс из двух. Впрочем, в любом случае у тебя считанные секунды, чтобы убить Цуга прежде, чем он прикончит тебя. Цуг невероятно скор и проворен. Он...

Ром вдруг умолк, когда впереди снова показался пузырь гнома. На мерзкой физиономии коротышки выражалось злорадное торжество.

— Скорее, — поторопила Лисс-Яни.

— Пока он почти что не сядет тебе на шею, не стреляй, — напряженно закончил Ром. — От первого выстрела Цуг увернется — и появится с другой стороны. Твой единственный шанс — угадать, откуда он появится, и...

Из пузырей позади раздался нестройный гомон. Положив руку на плюхер, Нейсмит напряженно огляделся.

И ничего устрашающего не узрел — если не считать лысого человечка в белых одеждах, который как раз появился в коридоре из узкого прохода впереди. Светло-голубые глаза человечка без выражения оглядели Нейсмита; затем плюгавец повернулся и исчез.

— Теперь Цуг точно явится, — пробормотал Ром. — Это был разведчик.

— Человек? — недоверчиво поинтересовался Нейсмит. — Цугам прислуживают люди?

— Я же говорю... — начал было Ром, но вдруг замолчал. В проходе возникло что-то новое.

Рука Нейсмита машинально дернулась к поясу и вытащила прохладный металл плюхера — несмотря на то, что рассудок бойца хладнокровно фиксировал нелепость происходящего. Существо, что на всех парах спешило теперь к Нейсмицу, было крылатое и сияющее. Никакой не Цуг — настоящий ангел.

Нейсмит видел сверкающие глаза, неземной красоты лицо, простертые вперед сильные руки.

И в это застывшее мгновение Нейсмит вдруг ощутил присутствие пассажиров прозрачных пузырей — вылупивших горящие глаза, как зрители на боксерском поединке. Он увидел, что пузырь гнома двинулся вперед. Затем Нейсмит стиснул зубы — и перед лицом повис диск видака. Ангел мгновенно исчез — а на его месте возникло многоногое чудище — красноглазое, когтистое и омерзительное.

— Цуг! — раздались вокруг дикие вопли.

Нейсмит бабахнул из пистолета. Мощный выплеск пламени — ярко-голубой, футов двадцати в длину. Чудище завертелось в воздухе. Затем вроде бы исчезло.

Нейсмит бешено обернулся, переводя прицел с отчаянной мыслью, что у него не осталось ни шанса. Сразу за спиной он увидел синий пузырь гнома — так близко, что казалось — можно протянуть руку и открутить уроду нос.

Времени для *разумного* решения просто не оставалось. Нейсмит *почуял*. Харк выпалил будто сам собой. Неистовое пламенное копье рванулось и прошло сквозь капсулу гнома.

И тут же взвыло множество голосов. Невредимый гном в бешенстве обернулся и завопил.

Там, за капсулой гнома, в воздухе плавала агонизирующая туша. Огромная голова Цуга была наполовину отделена от туловища — и поток фиолетово-красной крови струился из страшной раны.

Зрители, вопя от восторга, принялись придвигаться ближе в своих пузырях. Ром с Лисс-Яни радостно обнимались.

Нейсмит почувствовал, что только теперь начинает дрожать. Все закончилось. Он жив.

— Как тебе удалось? Ты только скажи: как же тебе удалось? — приближаясь, причитал один из полосатых толстяков.

— Пендель оказался слишком близко, — с усилием говорил Нейсмит. — И очень кстати. Он подобрался сзади, зная, что Цуг использует его как прикрытие. — Нейсмит глубоко вздохнул и мило улыбнулся гному. — Сердечно благодарю, — бросил он белому от досады Пенделю.

Тот дернулся, будто от пинка под зад, и скорчил физиономию. Когда вокруг раздался громовой хохот, Пендель в досаде отвернулся и устремился прочь.

Диск видака перед лицом Нейсмита уже погас. Боец с интересом повернулся к Цугу — и там, где мгновением раньше висело чудище, оказался мертвый ангел.

Бледное лицо дышало красотой и благородством; прекрасные глаза слепо смотрели вдаль. Сильные руки судорожно дергались; а остроконечный хвост свился в кольцо — и обмяк.

Глава 15

Нейсмиту снился сон. Отчасти он сознавал, что тело его плавает, свернувшись калачиком, в комнате с зелеными стенами; другая же часть сознания пробиралась по сонным образам: бледный Цуг — еще ужаснее, чем в натуре — со страшными клыками и сверкающими глазами — вот он нависает над Нейсмитом, пока тот лежит парализованный, неспособный дотянуться до плюхера... Жуткие воспоминания — искаженные и угрожающие...

Нейсмит застонал, силясь проснуться. Образ Цуга исчез. Теперь цугоубийца бредет по пустынным коридорам Старого Города — странным образом перепутанным и слитым с коридорами погребенного звездолета. Выплыли зеленоватые лица Лалл и Чурана — чужаки мертвы — пустые глаза обращены к потолку...

А еще одна часть сознания — отдельная от первых двух — в бессильном ужасе наблюдала, как дрожит дверь, вот-вот готовая раскрыться...

Щелка стала пошире. Там, во тьме, что-то зашевелилось — и возникло...

Нейсмит очнулся. Собственный хриплый крик звенел у него в голове.

Одежда, мокрая от пота... голова разламывается... все тело сотрясается в судороге... Где-то далеко за стенами комнатухи раздался вопль. На миг Нейсмит задумался, в самом ли деле он проснулся. Но вопль повторился. Вопль тревоги и отчаянья — или дикого страха. Отозвались другие голоса. А потом пронеслась настоящая лавина визга и грохота; а за ней — взрыв!

Нейсмит пулей метнулся к двери и выглянул. По коридору прошел мужчина из касты Артистов — вооруженный, в шлеме, с напряженно-сосредоточенным лицом.

— Что случилось? — крикнул ему вслед Нейсмит — но мужчина уже скрылся за поворотом.

На пути к Придворному залу Нейсмит миновал две группы торопливо плывущих куда-то убонов; вторую сопровождал робот, который особого интереса к вопросам цугоубийцы не проявил. Вдалеке послышался грохот еще одного взрыва.

Громадный шарообразный зал был весь движение. Люди металась во всех направлениях, загораживали друг другу дорогу, часто сталкивались. Повсюду сновали роботы и убоны. Попалось несколько зеленокожих слуг — все с металлическими ошейниками — и все с дикими, ошарашенными выражениями на лицах. Нейсмит миновал одного зеленокожего слугу, который не то спорил, не то упрасивал о чем-то тучного мужчину в белых одеждах. Мужчина, тащивший с собой видеоэкран, на котором виднелась небольшая картинка, отплыл на несколько ярдов, стараясь не глядеть на слугу. Тот опять последовал за тучным, безостановочно что-то лопоча — так они рывками двигались по залу. Нейсмит поплыл за ними и стал вслушиваться.

— ...так меня убивать, — хрипло и невнятно упрашивал зеленокожий. — Скажите, чтобы этого не делали, пожалуйста, прошу вас — скажите, чтобы меня не убивали...

— Оставь меня в покое, — отмахнулся тучный, упираясь взглядом в видеоэкран, и снова двинулся прочь. А слуга опять последовал за ним.

— Не позволяйте меня убивать — ведь я больше ничего не прошу, — хрипло бормотал зеленокожий. — Я все-все буду делать. Буду хорошим. Никогда больше не помедлю, когда вы будете звать... Только пожалуйста — скажите... Пусть меня не убивают...

Не отвечая и даже не поднимая взгляд, тучный двинулся прочь. Слуга погрузился в тяжелое молчание и смотрел вслед хозяину. Скорбное лицо его лишилось всякого выражения. Затем он перевернулся в воздухе; задрожал; лицо потемнело, а мутные глаза выпучились. С неразборчивым восклицанием слуга распростер руки и кинулся за хозяином.

До тучного он так и не добрался. На полпути голова вдруг поникла, а тело обмякло. Медленно вращаясь в воздухе, слуга проплыл мимо тучного, который даже на него не взглянул.

Из-под металлического ошейника зеленокожего слуги обильно струилась кровь.

Нейсмит отвернулся и отправился своей дорогой. Изредка в огромном пространстве зала попадались другие обмякшие зеленокожие трупы. Несколько трупов утаскивали прочь саркофаги; на другие никто и внимания не обращал.

Нейсмит также заметил, что тучный в белых одеждах был не единственным, кто таскал с собой видеоэкран. Аппараты имелись почти у всех членов правящей касты. А там, где скапливались плотные кучки людей, выяснил Нейсмит, все напряженно вглядывались в несколько большие по размерам экраны, висевшие в воздухе.

Нейсмит двинулся дальше. Толпа обтекала его; слышались возбужденные выкрики; раз цугоубийце попался на глаза Артист с окровавленным лицом, которого тащил за

ноги саркофаг. Но видение было каким-то смутным, будто во сне.

Что же с ним происходит? Нейсмит чувствовал неуклонно растущее напряжение. Казалось, оно постоянно копилось в нем все это время — с самого первого дня, еще в университетской аудитории Лос-Анджелеса. С каждым шагом — начиная с гибели Рэмсделла, тюремного заключения, затем убийства Уэллса... путешествие с двумя чужаками, блуждания по погребенному звездолету, весь путь к Городу... все это время в Нейсмите беспощадно нарастало напряжение. Цугоубийца чувствовал, как тело физически распирает от давления — так что он либо лопнет, либо найдет какое-то облегчение... На лбу выступил пот; руки тряслись, как у алкоголика. Вот оно... внутри... потаенная загадка... то, что привело его в кабинет психиатра, а потом еще и в лабораторию Хреля... черная тайна его существа...

Нейсмиту показалось, что дверь вот-вот приоткроется — и тогда ему конец.

— Что с тобой, Шефт?

Нейсмит поднял взгляд. На него озабоченно глазел маленький толстяк в зелено-коричневом полосатом наряде. Визгливый голос продолжал:

— Ты что, не знаешь, что Высокородная тебя требует? Где ты шляешься? Ну, давай-давай, в темпе!

Нейсмит последовал за толстяком в центр зала, где, как обычно, толпилось больше всего публики. Когда они с трудом пробирались сквозь плотную толпу движущихся тел, толстяк обернулся и заорал:

— Живей, живей! Высокородная хочет видеть тебя еще до того, как это случится!

— Что случится? — тупо спросил Нейсмит. Давление сделалось столь невыносимым, что он едва мог дышать. Голова раскалывалась, руки холодели.

— Да Предел же! Предел! — завопил шибздик. — Предел могут установить в любую минуту! Живей!

Протолкнувшись во внутреннее кольцо, Нейсмит попался на глаза толстухе и ее окружению. Вся компания

толпилась у больших круглых экранов. На одном из них видны были мастерские лаборатории времени с гномом на заднем плане — то ли Пенделем, то ли другим, похожим на него как две капли воды. Толстуха истерически вопила:

— Что? Еще не готово? А? Так когда же? Когда?

— Через несколько минут, Высокородная.

— Что, нельзя точнее? Несколько минут, несколько минут! Сколько именно? А?

— По моим подсчетам, не более пяти, — сообщил гном с натянутой физиономией. Ему приходилось делить внимание между вопросами Высокородной и пультом управления.

— Но я хочу знать точно! Точно! — завизжала толстуха с безумными глазами на желтой морде. — Сгоняйте туда и выясните! Сколько я должна упрашивать? Негодяи!

Орлиный Нос подплыл к ней и объяснил:

— Это сожмет виток, Высокородная. Нельзя нарушать основные законы времени.

— Сожмет виток, сожмет виток! Только и слышу — сожмет виток! — завопила старуха. — Я устала от вас! Вы меня все достали! Убить меня хотите! Сколько еще минут?

— Скорее всего, три, Высокородная, — поджав губы, ответил гном.

— Высокородная, фильтр сработал! — сообщил подлевший на всех парах Артист с выпачканной грязью, но ликующей физиономией. — Непотребы уничтожены! Их машина времени захвачена!

— Славно, славно! — порадовалась старуха. — А сколько их еще в живых?

Соседний с ней мужчина обратился к одному из плавающих экранов, на котором виднелась лишь россыпь зеленоватых световых точек. Прямо на глазах у Нейсмита несколько точек в разных концах экрана погасли.

Мужчина коснулся краешка экрана и вгляделся в цифры, которые появились внизу.

— Семьсот пятьдесят три, Высокородная, — доложил он.

— Славно! А сколько Цугов?

Все повернули голову к другому подобному экрану, на котором точки светились тусклым красным цветом.

— Как и раньше, Высокородная, — сообщил мужчина. — Пятьсот восемьдесят семь.

Старуха запыхтела от возмущения.

— Так много? — завопила она. — А почему? А? Почему, я спрашиваю?

— Предел прикончит их, Высокородная, — вкрадчиво напомнил Орлиный Нос.

— А сколько еще до Предела? — потребовала ответа старуха.

— Меньше минуты, — ответил гном, отирая пот со лба.

В нарастающем, будто снежный ком, недомогании Нейсмиу стало казаться, что все огромное сборище обернулось уродливым и паскудным. Цвета потускнели. Воздух, который он вдыхал, наполнился удушливыми ароматами духов, смешанных с самым настоящим зловонием. Таков печальный конец человеческой расы, подумал Нейсмит. Вот она — изнеженная олигархия свиноподобных ублюдков — самовлюбленных, тупых и невежественных. Не больше заслуживающих жизни, чем забавляющие их Артисты — чем недоношенные и неврастеничные ученые и инженеры, что поддерживают исправную работу Города. И теперь на веки вечные никакой угрозы их владычеству не возникнет...

— Готово! — выпалил гном. Ученый обернулся, глаза его блеснули от возбуждения. Дальше в темноте Нейсмиу было видно, как инженеры плавают у своих машин. Все лица обратились к Пенделю. — Ну! — вырвалось у гнома — и палец его коснулся кнопки на пульте управления.

Нейсмит мгновенно почувствовал бешеную и необъяснимую тревогу. Кто-то, казалось, изо всей силы давит на грудь; голову вновь стиснул обруч мучительной боли.

Восторженные вопли эхом отзывались у него в черепе. По всему огромному пространству зала стремительно кружились мужчины и женщины в ярких нарядах.

— Сколько осталось Непотребов? — завопила старуха. — Сколько? А? Сколько, я спрашиваю?

— Ни одного, Высокородная! — победно выкрикнул мужчина. На экране погасли все зеленые огоньки.

Оглядев зал, Нейсмит заметил множество зеленокожих трупов — и ни одного живого слуги.

— А сколько Цугов? — прокричала баба.

Шум поутих. На другом экране все еще горел один красный огонек.

— Один, — нехотя отозвался ближайший мужчина. — В живых остался один Цуг, Высокородная.

— Дурак! — завизжала старуха на Пенделя. — Идиот! Как ты смел проявить такую небрежность? Почему Барьер их всех не прикончил? А?

— Не знаю, Высокородная, — ответил гном, дергая физиономией, непрерывно моргая и ломая тощие ручонки. — Теоретически это невозможно, но...

— Но так оно и есть! — завопила старуха. — И что дальше? А? Тебя спрашивают! Что ты намерен делать? Как же я могу чувствовать себя в безопасности, пока Цуг жив? Убить меня хотите? Где Шефт? Где этот Шефт? Где он, я вас спрашиваю?

Сразу несколько услужливых рук подтолкнули Нейсмита вперед.

— Вот он, Высокородная.

— А-а, вот он, голубчик! Ну? — спросила старуха, резко повернувшись и уставив на Нейсмита безумные глаза. — Ну? Будешь ты его убивать или нет? А? Чего ты ждешь?

Нейсмит попытался ответить, но не смог. Все тело пылало от боли; он уже едва видел Высокородную.

— Да что с ним такое? — взвыла старуха. — Что? А? Что, я спрашиваю?

Чьи-то руки стали ощупывать тело Нейсмита. Затем откуда-то издали послышался голос Орлиного Носа:

— Ты болен?

Нейсмиту удалось кивнуть.

— Да вы гляньте на него! Гляньте! — закричала старуха. — Что от него толку? Тоже мне, Шефт! Ошейник смерти на него — и амба!

— Но как же Цуг, Высокородная? — выкрикнул чей-то встревоженный голос. — Кто тогда убьет Цуга?

— Ошейник! Ошейник на него, вам говорят! — продолжала истерически верещать толстуха. — Видеть его не могу! Ошейник на него! Ошейник! Убейте его! Убейте!..

Нейсмит пережил мгновение непереносимого напряжения — а затем вдруг резко полегчало. Он плыл куда-то во тьме — в безопасности, под защитой.

Старуха еще визжала, но уже откуда-то издалека.

— ...Идиоты! Почему на нем до сих пор нет ошейника?

Недолгое молчание. Потом другой голос:

— Высокородная, этот человек мертв.

Глава 16

В крошечной тьме существо, что знало себя как Нейсмита, пробудилось. Память вернулась. И все стало на место. Он знал, кто он и где.

Он жив, хотя стремительно охлаждающееся тело, в котором он лежит, мертво. Теперь с предельной отчетливостью можно вспомнить все то, что «Нейсмиту» необходимо было забыть.

Он вспомнил, как убил Уэллса. Вспомнил, как еще раньше стоял у места аварии бомбардировщика и не спеша разбирал документы одного из членов команды. В документах значилось: «НЕЙСМИТ, ГОРДОН».

Вспомнил, как раздел труп, оттащил к расщелине, сбросил и завалил валунами...

Вспомнил и то, что было еще раньше. Первые зачаточные проблески сознания: тепло, опора, движение. Как выпускал псевдоганглии — сперва осторожно — а затем все увереннее. Как соединил свою нервную систему с нервной системой хозяина — воина-Шефта, имевшего привычку так поздно возвращаться с охоты на Цуга.

А тогда он уже мог видеть, слышать, осязать — и все с помощью органов чувств гуманоидного хозяина.

Он оказался внутри Шефта — и сам стал Шефтом...

Теперь же с угрюмым удовлетворением он понял, что игре конец. Долго вынашиваемый план оказался успеш-

но воплощен. Все знание о своей расе он получил из человеческих источников, но простая логика убеждала в том, что он представляет собой ответный удар. Ответ своей расы на человеческий Предел. Инкапсулированные в человеческом теле флюиды его сознания сплелись с сигналами человеческого мозга — и лишь он один из всей своей расы смог пройти за Предел. Оказался единственным выжившим Цугом — тем самым монстром, которого ему предназначалось убить.

Теперь, когда силы возвращались, он почувствовал движение. Труп хозяина кто-то волок прочь — вероятно, робот. Напряженное ожидание. Наконец движение прекратилось и звуки голосов затихли. Очевидно, труп хозяина оттащили из огромного зала в какую-то меньшую камеру.

Еще ожидание — для верности — но никакого движения и в помине.

С той самой минуты, как умерло тело хозяина, пришлось вводить сиккативы — чтобы отвердить труп и сделать ломким в середине туловища. Теперь он вытянулся, нажал — тело раскололось — и свет ворвался в тюрьму.

Впервые он видел собственными глазами — и был поражен. Мир оказался куда прекраснее и ослепительнее, чем могли передать человеческие органы чувств!

Теперь он видел, что плавает в небольшом помещении окруженный десятками зеленокожих трупов.

Осторожно-осторожно он выполз из трещины, которую проделал в трупе хозяина. Крылья и конечности распрямлялись в воздухе, твердея.

Снаружи снова донесся гомон. Он схватил пустой труп хозяина, быстро оттащил в другой конец комнаты и запрятал под другими плавающими телами. А мгновение спустя уже началась суматоха: в комнату тяжело ворвалось тело, за ним другое. Первое пищало тоненьким испуганным голоском:

— Нет, нет, не надо...

Он рискнул взглянуть. Прямо у него на глазах робот крепил ошейник смерти на трясущемся от страха инженере. Справившись с задачей, робот повернулся и уплыл. Тащил он с собой целую связку негромко позвякивающих металлических ошейников.

Окольцованный инженер тщетно пытался сорвать ошейник. На глаза человечку навернулись слезы. Вскоре он подавился, закашлял — а потом повернулся и последовал за роботом.

Существо, прежде считавшее себя Нейсмитом, терпеливо ожидало. Теперь, когда вымерли все Шефты и зеленокожие, правители Города, судя по всему, решили проявить заботу об ученых и инженерах. А также, вероятно, и об Артистах. Так или иначе, Нейсмит ждал — потому что должен был ждать.

Первые несколько минут он слаб и уязвим — легкая добыча для любого, у кого окажется оружие.

А пока что он осторожно пробовал крылья. Кривые ребра твердели, перепонки сохли. Он согнул цепкие члены, наблюдая, как пластины панциря скользят по оболочке. Сила и проворство начинали наполнять тело. Совсем скоро...

Мысли внезапно оборвались, когда в комнату вплыл еще один робот. Нейсмит почувствовал, что его тянут — и увидел, как зеленокожие тела вокруг покачиваются, крутятся и следуют за роботом в коридор.

Направился туда и Нейсмит, влекомый той же силовой сетью. А снаружи увидел, что небольшая группа плывущих вместе с ним тел присоединяется к другой, куда большей. Видно, все трупы зеленокожих собирали в кучу, чтобы разом от них избавиться. Нейсмит мог бы освободиться, но при этом рисковал оказаться замеченным. Кроме того, судя по всему, процессия двигалась в подходящем направлении.

По ходу дела добавлялись все новые и новые группы тел, но присоединяли их к голове процессии. Только когда похоронный кортеж пересекал большой сферический зал, Нейсмита наконец заметили.

— Смотрите, смотрите! Ведь это же Цуг! Правда? — заметил изнеженный голос. — Какая жуть! Даже когда дохлый!

— Да, и представьте — ведь мы даже не наблюдаем его настоящего вида, — отозвался другой голос. Разговор отдалялся, пока процессия двигалась дальше. — Вот бы сейчас видик, чтобы посмотреть на него в... — Вне-

запное молчание. — Но послушайте, Уемот, а откуда дохлый Цуг здесь, в Новом Городе?

Время ожидания кончилось. Взмахнув крыльями, Нейсмит вырвался из груды трупов и прямо через зал устремился к ближайшим дверям.

Пока он набирал скорость, позади множились дикие вопли. А впереди дорогу загораживала небольшая компания роскошно одетых толстяков. Нейсмит прорвался сквозь толпу подобно комете, оставив их плавать позади с вывихнутыми конечностями и переломанными ребрами.

Затем он очутился в проходе, на ходу обдумывая дальнейший маршрут. И рванул в мастерские инженеров.

Все смешалось в мастерских инженеров — машины плавали незакрепленными, непонятного назначения приборы роились целыми тучами. Среди всего этого безобразия виднелись несколько инженеров, большинство из которых уже получили в награду за служение науке и государству ошейники смерти. Одного из тех, кто награды пока не получил, отчаянно вопящего, преследовал робот. Смутные воспоминания последнего сна теперь прояснились. Нейсмит вспомнил, как выскользнул из комнатушки, как пробрался в мастерские, как похитил одного из ученых. Надев на голову инженера мыслешлем, он вывел все, что требовалось.

И теперь он направлялся напрямик к узенькому проходу, еле заметному среди плавающих машин. Мыслью снял блокировку — и нырнул внутрь.

А там, в тесной потайной трубе, перед ним оказался гном. Ученый уже успел открыть заднюю панель и теперь ощупывал ручки управления. Стоило Нейсмиту войти, как гном обернулся, рыча. Когда ученый понял, кто перед ним, глаза его полезли на лоб, челюсть отвисла, а физиономия побледнела.

Нейсмит прикончил ученого одним ударом, оттолкнул труп в сторону и сосредоточился на панели управления.

А там, аккуратно скрытая от посторонних глаз и хитроумно охраняемая, располагалась центральная система управления всеми автоматическими устройствами, обес-

печивающими жизнь в Городе — генераторами воздуха, синтезаторами, убонами, роботами.

Нейсмиту внимательно осмотрел контрольные диски. На некоторых стояли череп и кости, что означало: настройка может быть изменена только ценой убийства оператора. При работе всякий раз требовалось жертвовать какой-нибудь мелкой сошкой. Такой символ стоял, например, на рычагах управления силовыми полями, составлявшими стены Нового Города; предосторожность здесь была вполне понятна.

На других, немного отличающихся по цвету, также стояли череп и кости — но тут уже шел чистейший блеф, и Нейсмиту без колебания стал ими орудовать. Он отключил всех убонов в Городе, нейтрализовал роботов и открыл ворота между Старым и Новым Городами. Затем, управляясь уже без спешки, открыл нужную панель и изменил мыслесигналы, что обеспечивали доступ ко всем пультам управления. Теперь изменить настройку мог только он сам.

Нейсмиту немного проголодался — так что пришлось перекусить на ходу пищей, попавшейся в коридоре. Затем он, не торопясь, вернулся тем же путем, каким пришел, и отправился на небольшую прогулку по Городу.

Повсюду Ленлу Дин обращали к нему смертельно бледные физиономии — все как один безмолвные и трясущиеся. Те, что оказались поближе к проходу, в диком страхе вылетели, едва заметили его появление. Другие даже не пытались спастись — а лишь висели, как елочные игрушки, тупо уставившись на Цуга.

Нейсмиту двигался все дальше, по пути отдавая новые приказы роботам. В Светском зале ему попалась небольшая компания толстяков, которые лихорадочно возились с хорошо знакомым Нейсмиту приспособлением.

При его приближении они рассыпались по сторонам будто разноцветные горошины, и Нейсмиту прочел сообщение, которое толстяки пытались послать в прошлое: «ОПАСНОСТЬ — ОДИН ЦУГ ЖИВ. НЕ ПОСЫЛАЙТЕ ШЕФТА». Аппарат светился, послание не успели передать целиком. Нейсмиту отключил аппарат и отправился дальше.

Он здесь — и уже ничего не изменишь. Все казалось очевидным с самого начала — но пусть они попытаются.

Нейсмит помедлил и стал внимательно изучать свое отражение в серебристом диске зеркала. Странно — и в то же самое время совершенно естественно — смотреть на себя и видеть бледную неземную фигуру с горящими глазами на нечеловеческой маске лица. Он согнул огромные руки — и хваталки, размером поменьше; затем хвост — с интересом наблюдая, как появляется острое жало.

Громадные залы и галереи Нового Города поглощали все внимание; Нейсмит уже начинал подсчитывать и укладывать в памяти сокровища, хранимые в его новом владении — одно это должно занять много месяцев. И все же безмолвные толпы, сверкающие краски, километры записей и многие тысячи информационных капсул не доставляли ожидаемого удовлетворения. Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, в чем загвоздка. Все портит фантомная личность того человека, Нейсмита. Она давит со всех сторон, будто тесная одежда. Цуг раздраженно пытался избавиться от человека, но не мог.

А теперь, когда он это понял, чувство стало еще навязчивее. Цуг остановился и, напуганный, повис в неподвижности. Каждая мысль, каждое ощущение, что возникали у Нейсмита за все то время, пока их нервные системы были связаны, перешли теперь Цугу. И он не просто помнил Нейсмита. Он *был* Нейсмитом. Единственный из расы победителей — и в то же время человек!

Цуг предпринимал ожесточенные мысленные усилия, чтобы отбросить фантомный разум, но тварь упорно преследовала его, будто призрак ампутированной конечности. Все. Бессмысленно уверять себя, что Нейсмит мертв. Призрак Нейсмита — вот он — здесь, в сознании. Нет, даже не призрак. Живая личность.

В порыве внезапного гнева Цуг заметался. Останки когда-то великой человеческой расы — а ныне жалкие паразиты — посыпались по сторонам, в ужасе избегая его. И они остались правителями последнего города на земле, наследниками четырехсот тысячелетий эволюции?

«Их раса породила множество великих людей», — вдруг трезво произнес в его сознании голос Нейсмита.

— Но здесь ты таких не найдешь! — ответил Цуг. — И породить кого-то мало-мальски достойного они уже не смогут — проживи хоть миллион лет.

«Тут ты не властен».

— А если я предоставлю их самим себе? Что тогда? Способны они на что-то лучшее?

«Нет. Нет для них надежды. Даже для ученых и инженеров. Но есть надежда для Артистов».

Все тело Цуга оцепенело от обиды.

— Но они — моя собственность!

«Они люди».

В смятении он повернулся к ближайшему роботу — саркофагу с геометрическими фигурами, начертанными на красно-коричневом фоне.

— Скажи-ка мне — только покороче — что есть человек?

Саркофаг зашуршал, загудел.

— Человек, — ответил он, — это возможность.

Некоторое время спустя Цуг махнул конечностью. Саркофаг почтительно наклонился и отплыл.

«Артисты заслужили свой шанс», — произнес голос Нейсмита.

— Нет.

Цуг повернулся, когда подплыл другой робот — тот, которого он посылал в Старый Город с одним маленьким, но ответственным поручением.

— Господин, живых Хозяев я не нашел, но вынул яйца из их тел, как вы приказывали. Яйца находятся теперь под присмотром инженеров в биологических лабораториях.

Цуг отпустил робота — и тот удалился. Тогда он продолжил свой инспекционный обход. Глаза маленьких толстяков повсюду преследовали Цуга с тупым отчаяньем.

«Горе побежденным», — произнес голос у него в голове. Голос Нейсмита — или его собственный?

С жутким чувством Цуг обнаружил, что не может понять разницу. Двое слились в одно.

Теперь он весь — триумф и господство; и в то же время — мучительное сожаление и сострадание.

«Дай им жизнь и возможность стать *людьми*», — потребовал голос.

— Где?

«Где, как не на Земле!»

Нейсмит на мгновение застыл, вспоминая море трав под испещренным пятнышками облаков голубым небом.

Подплыл шибздик в белых одеждах.

— Господин, будут ли приказания?

— Да. Найди мне Артистов Лисс и Рома. — Когда тощий человечек поклонился и отплыл, Нейсмит подозревал ближайшего робота. — Принеси машину времени.

Робот давно уплыл — а он все висел в воздухе, ничего не видя вокруг — ни красок, ни движения — пораженный замыслом, целиком захватившим его ум. Мог ли Цуг испытать подобный порыв милосердия и остаться Цугом?

Первым вернулся робот с пультом управления. За ним появились Артисты — исполненные страха и отчаянья.

Нейсмит взял пульт управления.

— Подойдите и ничего не бойтесь, — сказал он Артистам. — Сейчас мы отправимся на Землю.

— На Землю? Не понимаю, — вырвалось у Лисс-Яни.

— Хочешь предать нас изгнанию? — подхватил Ром и повернулся к девушке. — Пусть изгоняет, — яростно проговорил он. — Лучше туда, чем остаться ему на закуску.

Прелестное лицо Лисс-Яни стало бледным как смерть. Несколько мгновений спустя девушка все же приблизилась — и Ром последовал за ней. Нейсмит тронул ручки управления. Вокруг возник голубоватый пузырь — и зал уплыл прочь. Прошли одну перемычку, другую... Затем третью — и оказались в космосе — среди холодного великолепия звезд.

Потом они стояли на травянистой равнине — перед самым рассветом — когда зеленовато-голубое небо на востоке подкрашено желтым по всему горизонту, а солнце выползает из-за гор — красное, как кровавый апельсин.

Нейсмит отключил пузырь. Оба Артиста равнодушно на него посмотрели — затем повернулись, взяли за руки и пошли прочь по влажной траве.

— Пойдите, — крикнул им Нейсмит.

Они обернулись.

— Насколько далеко действует эта машина?

— Примерно на полмили, — глухо ответила девушка.

— Значит, если я передвину ее дальше — или, еще лучше, перемещу во времени — вы умрете?

— Сам знаешь.

— Тогда смотрите. — Нейсмит тронул ручки управления и образовал пузырь. Затем аккуратно нажал и повернул рычажок движения во времени.

Две безмолвные фигуры исчезли. Равнина горбилась, темнела, снова сияла под солнечным светом, снова темнела. Еще осторожнее Нейсмит повернул рычажок обратно. Все то же самое провернулось назад — будто отрывок пущенного в обратную сторону фильма.

Снова возникли две фигуры — а затем и третья — сам Нейсмит. Парит в воздухе — крылья трепещут, а хваталки крепко держат машину времени.

Невидимый в пузыре, Нейсмит наблюдал за собственным уходом. Он видел, как двое Артистов поначалу застыли — а потом сжали друг друга в объятиях. Несколько мгновений спустя они разжали объятия, открыли глаза и удивленно огляделись.

Нейсмит все ожидал, пока они наконец не отважились сделать несколько шагов по траве, что-то крича друг другу и жадно вдыхая воздух. Заря объяла уже полнеба; невдалеке на равнине запела птица.

Нейсмит опустил пузырь, привел в фазу и отключил. Двое людей даже его не заметили.

— Лисс... Ром! — позвал Нейсмит.

С недоверием на лицах они повернулись.

— Нас не убило! — воскликнула Лисс-Яни. — Так это реальность?

— Еще какая, — заверил ее Нейсмит.

— Но тогда... — прошептала девушка и умолкла.

— А говорили, что вы, Цуги, мастерите иллюзии, — заметил Ром.

— А еще говорили, что мы — омерзительные чудища, — сухо отозвался Нейсмит. — Что проще — сделать иллюзию, которую можно видеть собственными глазами, или такую, которую можно разглядеть только в видик?

Двое Артистов воззрились на него.

— Значит... это твой настоящий вид? — отважилась Лисс-Яни.

— Это мой единственный настоящий вид.

— И все это реально?

Нейсмит промолчал. Прелестная парочка, подумал он, особенно девушка. Интересно было бы дать им размножиться и посмотреть... Тут же Нейсмит одернул себя. Чьи это мысли — Цуга или человека?

Ни того, ни другого, понял он. Получился гибрид... и как же странно было сознавать, что такое удовольствие оказывалось возможным только для того мифологического существа, каким он стал... Сладостное чувство — и теплое, и прохладное одновременно...

— Но зачем это понадобилось? — спросил Ром.

— Скажите, когда вы покидали Город с поручениями... думали вы о том, чтобы остаться на Земле?

— Да, частенько, — ответила Лисс, и глазки ее заблестели.

— Так почему же вы так и не поступили?

— Невозможно. Останься мы в прошлом, изменилась бы история, изменился бы Город... Никак нельзя. Это сжало бы виток.

— Хорошо, а почему вы не поселились здесь *сейчас*, в вашем настоящем?

Люди переглянулись.

Нейсмит наклонил голову.

— Сейчас мы вернемся в Город, — сказал он. — Вы расскажете все другим Артистам, соберете их вместе. Я дам вам машины, инструменты, записи — все, что потребуется.

Они медленно приблизились.

— Зачем ты все это делаешь? — спросила Лисс.

— Вам не понять, — ответил Нейсмит.

...По правде, он и сам с трудом себя понимал. Но когда он двигался по огромному залу мимо блестящих толп, замечал почтительные выражения на лицах Ленлу Дин, Нейсмит у начинало казаться, что неким образом — и случайно, и преднамеренно — он оказался точно и в нужном месте вплетен в общий узор — в Великую Схему Вещей.

И тогда он начинал думать, что вселенная всегда стремилась нарушить равновесие меж избытками противоположностей: жизнью долгой и жизнью короткой, разумом и бессознательностью, милосердием и жестокостью. Гобелен все раскатывался — и конца ему не было...

— Господин, — подплывая, обратился к Нейсмит у робот, — последних из Ленлу Дин сейчас обрабатывают в золотой камере. Через час обработаны будут все — согласно вашему приказу.

Нейсмит отпустил робота и смотрел, как автомат пробирается среди праздных толп искателей наслаждения. Он приятно проголодался — через полчаса будет время поесть. В конце концов, так лучше. В прежние времена Цуг просто набросился бы на жертву и тут же ее сожрал. А теперь...

В центре большого сборища в нескольких сотнях ярдов от себя Нейсмит услышал верешание старухи, Высокородной — как всегда, злобное и истеричное. Все остальные активно утешали ее. Все в порядке, все к лучшему в лучшем из возможных миров...

Нейсмит подплыл к сборищу; пышно разодетые шибдики почтительно расступились, пропуская Господина. Даже сумасшедшая старуха прервала верешание и закивала головой.

— Высокородная, — обратился к ней Нейсмит, — вы не забыли, что собирались удалиться для продолжительной медитации?

— Я? Собиралась? В самом деле? — неуверенно забормотала старуха. — А когда я отбываю?

— Совсем скоро, — нежно сообщил ей Нейсмит и сделал знак проплывавшему мимо роботу. — Проводите Высокородную в ее покои.

— Но это не будет неприятно? — заволновалась старуха, позволяя себя увести.

— Вы даже ничего не почувствуете, — заверил ее Нейсмит и поплыл в противоположном направлении.

Трое жирных Ленлу, держась за руки, отплыли с дороги и проводили Нейсмита почтительными взглядами. Для них он уже не был чудищем. Нет, не монстр — почитаемый советчик и любимый руководитель. Отсутствие Артистов не особенно их расстраивало — загипнотизированные и накачанные наркотиками, толстяки уже забыли, что такая каста когда-то существовала. Они вообще все забыли.

Скот. Домашние животные для обеденного стола.

Это милосердие? Значит, Цуг мог проявлять милосердие. Жестокость? Значит, в человеке была жестокость...

Игра не закончена, понял теперь Нейсмит. Гобелен все разворачивается и разворачивается — открывает свой узор в этом жалком уголке огромной вселенной звезд.

Здесь, в замкнутом мирке Города, Нейсмит вкушал свой триумф. Город стал его безраздельным владением. Но в то же время приятно было сознавать, что там, на Земле, человеческий род по-прежнему свободен, по-прежнему гармонично включен в общий рисунок.

Приятно было думать, что через тысячу лет — или через десять тысяч — Цуг и Человек могут снова встретиться — и на сей раз слиться во что-то неизмеримо более великое. Времени уйдет примерно столько же — или чуть больше. Так или иначе, Нейсмит и его раса могут и подождать.

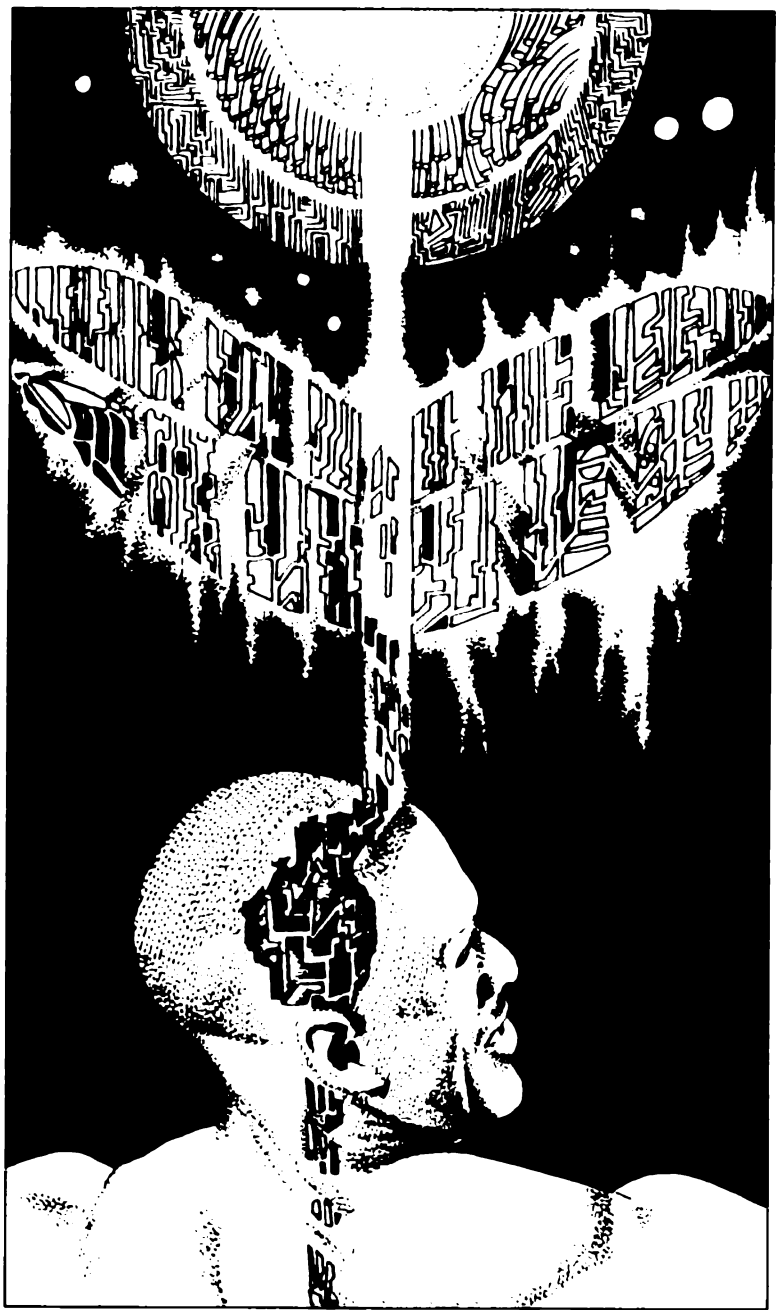
Ибо Творец рождается не за один день.

БИЛЕТ КУДА УГОДНО

РАССКАЗЫ

БОЛЬШОЙ ЛЕПЕШЕЧНЫЙ БУМ

Длинный сверкающий автомобиль, сопровождаемый воем турбин и облаком летучей пыли, подкатил к придорожному ларьку с вывеской «КОРЗИНЫ. ДИКОВИНЫ». Поодаль еще одна вывеска на соседнем аляповатом домишке со стеклянной верандой гласила: «ЗАКУСОЧНАЯ СКВАЙРА КРОУФОРДА. ОТВЕДАЙТЕ НАШИХ ПОНЧИКОВ». За домом виднелся выгон с амбаром и силосной башней в стороне от дороги.

Двое пришельцев, с жесткой кожей лилового оттенка, мирно сидели в машине и шарили маленькими желтыми глазками по вывескам. Облаченные в серые твидовые костюмы, их тела, в общем-то, напоминали человеческие. Правда, нижняя часть лица у каждого скрывалась под оранжевым шарфом.

Марта Кроуфорд торопливо выскочила из дома и зашла в ларек, вытирая руки о передник. За ней, дожевывая кукурузные хлопья, последовал и Льюэллин Кроуфорд, ее супруг.

— Слушаю вас, сэр... мэм? — нервно спросила Марта. Она обернулась к Льюэллину за поддержкой, и тот ободряюще похлопал ее по плечу. Живых пришельцев они видели впервые.

Заметив появившихся за прилавком Кроуфордов, один из инопланетян неспешно выбрался из машины. Он или, скорее, оно дымило сигарой, торчавшей из щели в оранжевом шарфе.

— Доброе утро? — нервно проговорила миссис Кроуфорд. — Что угодно? Корзины? Диковины?

Пришелец важно моргнул желтыми глазками. В остальном лицо его ничуть не изменилось. Рот и подбородок, если таковые вообще имелись, закрывал шарф. Ходили слухи, что у пришельцев нет никаких подбородков — вероятно, там скрывалось нечто столь мерзкое и уродливое, что ни один нормальный человек и взглянуть бы на это не смог. Люди прозвали инопланетян «гурками», так как те прибыли невесть из какой дыры под названием Дзета Геркулеса.

Гурк оглядел развешанные над прилавком корзины, поизучал разные безделушки — и снова задымил сигарой. Затем несколько глуховатым, но все же достаточно внятным голосом поинтересовался:

— Что это? — И ткнул жесткой трехпалой ручонкой куда-то вниз.

— Что? Индейская котомка? — заискивающе пропищала Марта Кроуфорд. — Или берестяной календарик?

— Да нет, вон там, — сказал гурк, снова указывая вниз. На сей раз, перегнувшись через прилавок, Кроуфордам удалось выяснить, что пришелец воззрился на некую округлую сероватую блямбу, лежащую на земле.

— Это? — недоверчиво переспросил Льюэллин.

— Это.

Льюэллин Кроуфорд залился краской.

— Так... это ж просто коровья лепешка. Корова тут с фермы вчера отбилась — ну и плюхнула — а я, понимаешь, проморгал.

— Сколько стоит?

Кроуфорды недоуменно уставились на гостя.

— Что сколько стоит? — с ошалелым видом спросил Льюэллин.

— Сколько стоит коровья лепешка? — прорычал из-под шарфа пришелец.

Кроуфорды переглянулись.

— Слыханное ли дело... — вполголоса начала было Марта, но супруг сурово шикнул на нее. Затем, внушительно откашлявшись, взял инициативу в свои руки.

— Как насчет десяти це... э-э, не хотелось бы, понимаешь, запрашивать лишнего... как насчет четверти доллара?

Пришелец достал пухлый кошелек, положил четвертак на прилавок и что-то буркнул своему оставшемуся в автомобиле спутнику.

Второй пришелец вылез из машины с круглой фарфоровой коробочкой и совком с золоченой ручкой. С помощью совка он или, скорее, оно аккуратно подцепило коровью лепешку и поместило ее в коробочку.

После чего оба пришельца забрались в машину и укачали под вой турбин, оставив после себя густое облако пыли. Кроуфорды проводили их ошалелыми взглядами, а затем дружно посмотрели на прилавок, где лежал сияющий четвертак. Льюэллин взял монетку и подбросил на ладони.

— Скажи пожалуйста! — ухмыльнулся он.

Всю неделю дороги буквально ломились от пришельцев в длинных сверкающих автомобилях. Они сновали повсюду, разглядывали все подряд — и то и дело расплачивались сияющими новенькими монетками и хрустящими банкнотами.

В народе поговаривали, что зря, дескать, правительство пускает на планету всех без разбору, но инопланетяне порядком оживили торговлю и не доставляли особых хлопот. Некоторые из гостей объявили себя туристами, а другие утверждали, что проходят производственную практику по социологии.

Льюэллин Кроуфорд сходил на примыкающий к дому выгон и выбрал там четыре отборных коровьих лепешки, после чего разместил их у себя в ларьке. Когда подкатил очередной гурк, Льюэллин сразу предложил новый товар и выручил по доллару за штуку.

— Да зачем им лепешки? — взывала Марта.

— А тебе не все равно? — резонно спросил супруг. — Им нужны — а у нас есть. Если Эд Лейси опять позвонит

насчет просроченной закладной, скажи ему, чтоб не беспокоился! — Он очистил прилавок и любовно разместил там новый товар. Для начала цену решили поднять до двух, а затем и до пяти долларов.

На следующий день над ларьком уже сияла новая вывеска: «КОРОВЬИ ЛЕПЕШКИ».

Как-то осенним вечером два года спустя Льюэллин Кроуфорд вошел в гостиную, швырнул в угол шляпу и тяжело плюхнулся в кресло. Поверх очков он принялся разглядывать красовавшуюся на каминной доске большую округлую блямбу, со вкусом раскрашенную концентрическими голубыми, оранжевыми и желтыми кольцами. Блямба эта с первого взгляда вполне могла показаться настоящей лепешкой класса «Трофи», музейным экспонатом, оформленным на планете гурков; но на самом деле, подобно многим своим тонко чувствующим современникам, миссис Кроуфорд самолично раскрасила и установила этот шедевр.

— Что случилось, Лью? — спросила она, предчувствуя недоброе. Несмотря на новую прическу и модное нью-йоркское платье, выглядела она озабоченной и осунувшейся.

— Случилось! — проворчал Льюэллин. — Этот старый хрыч Томас просто форменная скотина — и больше ничего! Четыреста долларов за голову! Уже и коровы, понимаешь, по сходной цене не купить.

— А может, и ничего, Лью, — ведь у нас уже семь стад — может и...

— Нужно больше, Марта, если мы хотим удовлетворить спрос! — воскликнул Льюэллин, выпрямляясь в кресле. — Черт возьми, прикинь сама! Королевские лепешки подскочили до пятнадцати долларов — да и то на всех не хватает... А как тебе *полторы тысячи* за императорскую — если, понятное дело, пофартит?

— Вот забавно — раньше-то мы и ведать не ведали, что бывает столько всяких лепешек, — сонно пробормотала

Марта. — А императорские — это такие... с двойным завитком?

Льюэллин хмыкнул и взял со столика журнал.

— Слушай, Лью, а нельзя ли ее как-нибудь...

Глаза Льюэллина снисходительно просияли.

— Подделать? — закончил он. — Дудки — уже пробо-вали. Я тут как раз вчера читал. — Он показал ей обложку последнего номера «Американского торговца лепешками», а затем принялся листать глянцевые страницы. — «Лепешкограммы», — начал он зачитывать заголовки. — «В заботе о ваших лепешках». «Молочное производство — выгодная побочная отрасль». Нет, не то. Ага, вот она. «Афера с фальшивыми лепешками». Послушай-ка! Здесь пишут, что один ловкач из Амарильо раздобыл где-то императорскую и сделал с нее гипсовый слепок. Дальше он взял пару бросовых лепешек и обработал их этим слепком. Получилось так здорово — пишут, просто не отличить. А гурки покупать не стали. Они усекли, что к чему.

Он бросил журнал на столик, затем повернулся и глянул в заднее окно в сторону сараев.

— Безмозглый щенок опять расселся там на дворе. Какого черта он не работает? — Льюэллин встал, отдернул жалюзи и заорал в окно: — Эй, ты! Дельберт! Дельберт! — Тишина. — Глухой вдобавок, — пробормотал Льюэллин.

— Пойду скажу ему, что тебе нужно... — начала Марта, снимая передник.

— Ладно-ладно — сам схожу. Вот черт — только и забот у меня, что следить за ним. — Льюэллин вышел из кухонной двери и направился через двор к тележке, на которой, размеренно жуя яблоко, рассиживался долговзый мальчуган.

— Дельберт! — с жаром воскликнул Льюэллин.

— А-а... здравствуйте, мистер Кроуфорд, — с беззубой ухмылкой отозвался мальчуган. Он в последний раз куснул яблоко и отшвырнул огрызок. Льюэллин проследил за полетом снаряда. Из-за недостающих передних зубов яблочные огрызки Дельберта всякий раз поражали своей неповторимостью.

— Почему не везешь лепешки к ларьку? — грозно спросил Льюэллин. — Я тебе, Дельберт, понимаешь, плачу не за то, чтоб ты рассиживался на пустой тележке.

— Я утром отвозил, — ответил мальчуган. — А потом Фрэнк велел забирать.

— Что-что он велел?

— Ну да, — кивнул Дельберт, — он говорит — всего две и продал. Сами спросите — узнаете.

— Спрошу, не беспокойся, — проворчал Льюэллин. Круто развернувшись, он зашагал через двор.

А там, у лепешечного ларька, рядом с обшарпанным пикапом был припаркован длинный автомобиль. Пока Льюэллин шел к лавке, пришелец уже успел отовариться и укатить.

Теперь у ларька оставался всего один покупатель — выросший густыми бакенбардами фермер в клетчатой рубашке. Тут же, непринужденно облокотившись о прилавок, стоял Фрэнк, продавец. Полки у него за спиной ломились от лепешек.

— Доброе утро, Роджер, — с наигранной любезностью поздоровался Льюэллин. — Как жена? Как детишки? Ну что, самое время обзавестись лепешкой?

— Ох, не знаю, — отозвался мужчина с бакенбардами, потирая подбородок. — Жена положила глаз вон на ту, — он указал на крупную нарядную лепешку на средней полке, — только с такими ценами...

— Поверь, Роджер, лучше и не придумаешь. Это же, понимаешь, выгодное вложение капитала, — с жаром заверил Льюэллин. — Фрэнк, а последний гурк что купил?

— Ничего, — ответил Фрэнк. Из радиоприемника в его нагрудном кармане непрерывно гудела музыка. — Сфотографировали ларек и уехали.

Тут сзади с воем турбин подкатил длинный сверкающий автомобиль. Льюэллин обернулся. Все трое сидящих в машине пришельцев носили красные фетровые шляпы с множеством забавных пуговиц и держали в руках флажки Йельского университета. Их серые твидовые костюмы были густо усеяны конфетти.

Один гурк вылез из машины и подошел к ларьку, важно пуская клубы сигарного дыма из дырки в оранжевом шарфе.

— Слушаю, сэр? — тут же обратился к нему Льюэллин, сцепив руки перед грудью и слегка подавшись вперед. — Самое время купить чудную лепешечку, не правда ли?

Пришелец оглядел серые блямбы по другую сторону прилавка. Затем он или, скорее, оно моргнуло желтыми глазками и издало странное бульканье. Вскоре до Льюэллины дошло, что инопланетянин смеется.

— Что смешного? — поинтересовался торговец, улыбка сползла с его физиономии.

— Ничего, — ответил пришелец. — Я смеюсь от радости. Завтра мы отправляемся домой — производственная практика закончена. Можно фотографию на память? — Он поднял зажатый в пурпурной клешне небольшой аппаратик с линзами.

— Ну, пожалуй... — неуверенно пробормотал Льюэллин. — Значит, говорите, домой отправляетесь? В смысле — все-все? А когда вернетесь?

— Мы не вернемся, — ответил пришелец. Он или, скорее, оно щелкнуло кнопкой фотоаппарата, затем извлекло фотографию и внимательно ее поизучало — и, наконец, с фырканьем спрятало карточку. — Большое спасибо за чрезвычайно занимательный опыт. Всего хорошего. — Пришелец отошел от прилавка и забрался в машину. Подняв густое облако пыли, автомобиль умчался.

— И так все утро, — пожаловался Фрэнк. — Ничего не покупают — только фотографируют.

По спине Льюэллины пробежали мурашки.

— Как думаешь, он это серьезно — насчет отъезда?

— По радио тоже так передали, — ответил Фрэнк. — И Эд Кун был тут рано утром проездом из Хортонвилля. Сказал, еще с позавчера ни лепешки не продал.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Льюэллин. — Не могут же они все так просто съехать... — Руки у него затряслись, и он поспешно сунул их в карманы. — Слушай-ка, Роджер, — обратился он к мужчине с бакенбар-

дами, — а вообще-то — сколько бы ты выложил за ту лепешку?

— Ну-у...

— Учти, это десятидолларовая лепешка, — придвигаясь к нему поближе, предупредил Льюэллин. Голос его приобрел некую торжественность. — Лепешка что надо, Роджер.

— Понимаю — только вот...

— А если семь с полтиной?

— Ну, не знаю. Дал бы... скажем, пять.

— Продано, — подвел итог Льюэллин. — Фрэнк, заверни.

Оба они наблюдали, как фермер с бакенбардами несет свой трофей к пикапу.

— Вот так и действуй, Фрэнк, — решительно приказал Льюэллин. — Возьми сколько сможешь.

Кошмар долгого дня почти завершился. Стоя в обнимку, Марта и Льюэллин Кроуфорды наблюдали, как последний покупатель отходит от лепешечного ларька. Фрэнк принялся за уборку. Дельберт, прислонившись к боковой стенке ларька, грыз яблоко.

— Марта, это же конец света, — со слезами на глазах пробормотал Льюэллин. — Первосортные лепешки... по пять центов за пару!

Тут в предвечернем сумраке ослепительно сверкнули фары, и к лепешечному ларьку подкатил длинный приземистый автомобиль. Там сидели два зеленых существа в плащах; из дырок в их мягких синих шляпах с загнутыми сверху полями торчали пушистые антенны. Одно из существ вылезло из машины и торопливо устремилось к лепешечному ларьку. Дельберт зевнул и выронил огрызок яблока.

— Змеи, — зашипел Фрэнк, наклоняясь через прилавок к Льюэллину. — Я по радио слышал. Говорят, они с Гаммы Змеи.

Зеленое существо обозревало опустевшие полки. Маленькие светлые глазки то и дело закрывались жесткими веками.

— Лепешку, сэр... мэм? — нервно осведомился Льюэллин. — Осталось не так уж много, но для вас...

— Что это? — прошелестел змей, тыкая клещней куда-то вниз.

Кроуфорды глянули. Змей указывал на нечто бесформенное и бугристое, покоившееся рядом с ботинком Дельберта.

— Это? — немного оживившись, переспросил Дельберт. — Яблочный огрызок. — Он взглянул на Льюэллина, и глаза его хитро сверкнули. — Я увольняюсь, мистер Кроуфорд, — внятно произнес он. И повернулся к пришельцу. — Это яблочный огрызок *Дельберта Смита*, — отчеканил мальчуган.

Льюэллин оцепенело наблюдал, как змей доставал бу-
мажник и торопливо семенил к Дельберту. Деньги перешли из рук в руки. Дельберт извлек на свет еще одно яблоко и с энтузиазмом принялся уменьшать его до огрызка.

— Слушай-ка, Дельберт, — отрываясь от Марты, начал Льюэллин. Тут голос ему изменил, и он вынужден был откашляться. — Похоже, у нас тут, понимаешь, назревает славное дельце. Раз ты такой, понимаешь, смысленый, ты ведь возьмешь теперь лепешечную лавку в аренду?

— Не-а, мистер Кроуфорд, — с полным ртом пробубнил Дельберт. — Я лучше переберусь к дядюшке — у него там сад.

Змей тем временем троптался над дельбертовским шедевром и негромко повизгивал от восхищения.

— Надо, понимаешь, держаться поближе к *источнику ресурсов*, — вдруг выдал Дельберт, осведомленно покачивая головой.

Льюэллин лишился дара речи — и вдруг почувствовал, что кто-то дергает его за рукав. Он обернулся и увидел Эда Лейси, банкира.

— Слушай, Лю, весь день дозваниваюсь, а у тебя телефон не отвечает. Как там с обеспечением по нашим ссудам...

ЧЕЛОВЕК В КУВШИНЕ

Душно и тесно было в гостиничном номере на планете Менг. Голубоватый солнечный свет падал на грязный серый ковер, массивную пепельницу, забитую окурками, на стройные ряды пустых бутылок. Угол комнаты занимала груда багажа и разных диковин. Обитатель номера, некий мистер Р.К. Вейн с Земли, сидел неподалеку от двери: мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый, с жесткой седой шевелюрой. Тихо, смертельно пьяный.

Раздался осторожный стук, и в комнату тихонько вошел коридорный — высокий смуглый абориген с иссиня-черными волосами, спадавшими ему на плечи. Лет девятнадцати на вид. Один глаз зеленый, другой голубой.

— Вон туда, — указал Вейн.

Коридорный опустил поднос.

— Слушаюсь, сэр. — Он переставил на стол непочатую бутылку «Десяти звездочек», ведро со льдом и бутылку сельтерской, аккуратно разместив все это среди загромождавшего стол изобилия. Затем водрузил на поднос порожнюю посуду и ведро из-под льда. Больше-рукий и угловатый, он казался высоким и необычно узкоплечим в тесной зеленой униформе.

— Вот он какой, Менг-сити, — проговорил Вейн, пристально разглядывая коридорного. Вейн неподвижно и прямо сидел в кресле, облаченный в полосатый пиджак, с галстуком-веревочкой на шее. Он с успехом мог про-

изводить впечатление трезвого, если бы не убийственно неторопливая речь и налитые кровью глаза.

— Да, сэр, — отозвался коридорный, убирая со стола поднос. — А вы здесь впервые, сэр?

— Две недели как прибыл, — ответил Вейн. — Городишко мне сразу не понравился — и теперь не нравится. А еще мне не по душе этот номер.

— Администрация очень сожалеет, если вам не нравится номер, сэр. Вид отсюда замечательный.

— Номер тесный и грязный, — продолжил Вейн, — но мне теперь без разницы. После обеда — счет и... адью! Улетаю дневной ракетой. Убил две недели в глубинке — все изучал рассказы о мараках. Сплошное вранье — паршивые туземные сплетни. Жалкая планетка. — Он презрительно фыркнул, по-прежнему не сводя глаз с коридорного. — А тебя как зовут, парень?

— Джимми Олмауз, сэр.

— Ну вот что, Джимми мой Алмазный, глянь-ка на эту грудку барахла. — Туристское снаряжение, шарфы и гобелены, ковры, одеяла и еще черт-те что громоздилось поверх сваленных в кучу чемоданов. Ни дать ни взять — магазин сувениров после бомбовой атаки. — Фунтов сорок всяческого хлама, на который у меня не хватило места — плюс еще этот паскудный кувшин. Есть предложения?

Коридорный не спеша обдумывал.

— Сэр, если позволите, я предложил бы сложить шарфы и другие вещи в кувшин.

— Может быть, может быть, — лениво пробормотал Вейн. — А ты знаешь, как сложить эту бандуру?

— Не уверен, сэр.

— Ладно, валяй — посмотрим, как у тебя получится.

Коридорный поставил поднос и направился в угол. Большой пакет керамических обломков серого цвета, перевязанных бечевкой, покоился на крышке высоченного дорожного чемодана Вейна, чуть выше роста коридорного. Олмауз снял ботинки и смуглыми босыми ногами забрался на стул. Без видимого усилия

он снял пакет, слез, положил пакет на стол и снова обулся.

Вейн тем временем потягивал тепловатый хайбол, явно вознамерившись опорожнить бокал. Он пил с закрытыми глазами, а затем ненадолго склонился над бокалом, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Ну-ну, — пробурчал он, вставая, — посмотрим-посмотрим.

Коридорный развязал бечевку. В пакете оказалось шесть длинных изогнутых кусков, очертаниями напоминавших гигантские рожки для обуви. И к ним два круглых. Один побольше — похоже, дно. К другому приделана ручка — не иначе, крышка. Коридорный принялся аккуратно раскладывать детали кувшина на ковре.

— Ну-ка, посмотрим, как ты их сложишь, — пробурчал Вейн, подходя ближе. — Надо же мне знать, как их потом разделить.

— Конечно, сэр.

— Древняя штукенция, нечего сказать. В глубинке оторвал. Обычно в таких хранят зерно или масло. Куски сами собой слепляются. Если верить аборигенам, мараки знали, как этого добиться. Слышал такое?

— В глубинке, сэр, много чего рассказывают, — ответил коридорный. Он уже подготовил шесть длинных обломков, разложив их наподобие лепестков вокруг широкого плоского дна. Детали кувшина заняли едва ли не все свободное пространство в комнате; собранный кувшин оказался бы по грудь долговязому коридорному.

Наконец парень поднял два длинных куса и аккуратно их состыковал. В самый последний миг перед соприкосновением они дернулись в руках парня будто намагниченные — и слились в один гладкий кусок. Вейн едва сумел различить линию стыка.

Схожим образом коридорный добавил к первым двум обломкам еще один. Половина стенки была готова. Парень осторожно состыковал ее с большим плоским дном: щелк — и готово! Затем нагнулся за следующей деталью стенки.

— Погоди-ка, — вдруг сказал Вейн. — У меня есть идея. Не лучше ли сперва сложить вещи — а уж потом закончить со стенкой.

— Вы правы, сэр, — согласился коридорный. Он положил обломок на место и перебросил на дно кувшина несколько легких одеял.

— Не так, дубина, — рывкнул Вейн. — Заберись туда и упакуй поплотнее.

Коридорный поначалу заколебался. Затем, со своим неизменным «да, сэр», осторожно переступил через оставшиеся детали кувшина и опустился на колени, скатывая и плотно укладывая одеяла на дне сосуда.

А тем временем у него за спиной Вейн, пританцовывая на цыпочках, неслышно сложил два продолговатых куска — р-раз! — присоединил третий — два! — поднял, и — три, готово! — вторая половина стенки стала на место. Кувшин был собран.

Коридорный оказался внутри.

Вейн тяжело дышал, раздувая ноздри. Из портсигара, обтянутого кожей зеленой ящерицы, он достал сигару, обрезал кончик прикрепленным к отвороту пиджака ножичком и закурил. Жадно затягиваясь, он наклонился и заглянул в кувшин.

Если не считать удивленного стога, когда кувшин оказался собран, коридорный так и не издал ни звука. В горловине кувшина Вейн увидел обращенное к нему смуглое лицо парня.

— Сэр, выпустите меня, пожалуйста, из кувшина, — попросил коридорный.

— Не могу, братец, — посетовал Вейн. — Там, в глубинке, мне не сказали, как это делается.

Коридорный провел языком по пересохшим губам.

— Есть особый древесный жир, — сказал он. — Если смазать им щели, куски распадутся.

— А мне ничего такого не давали, — безразлично отозвался Вейн.

— Тогда пожалуйста, сэр, разбейте кувшин и дайте мне выйти.

Вейн скovyрнул с языка табачную крошку. С любопытством ее осмотрел, а затем сбил щелчком.

— Я узнал тебя утром в вестибюле, — сказал он. — Узнал сразу, как только вошел. Длинный и худощавый. Слишком крепкий для аборигена. Один глаз зеленый, другой синий. Я две недели рыскал в глубинке; а ты... вот где.

— Сэр?..

— Ты марак, — отрезал Вейн.

На некоторое время коридорный замолк.

— Но простите, сэр, — начал он наконец, — ведь ма-раки — всего лишь легенда, сэр. В них давно уже никто не верит.

— Ты снял кувшин как пушинку, — заметил Вейн. — А ставили его туда двое парней. У тебя впалые виски. Выступающий подбородок и сутулые плечи. — Хмурясь, он достал из кармана бумажник и вынул оттуда пожелтевшую фотографию. Повертел ее в руках и показал коридорному. — Вот, взгляни.

На фотографии был запечатлен скелет в музейном ящике. Странный скелет — очень длинный и узкий. Сутулые плечи. Вытянутый череп. Впалые виски. Внизу имелась табличка с надписью: «АБОРИГЕН НЬЮ-КЛИВЛЕНДА, ПЛАНЕТА МЕНГ (СИГМА ЛИРЫ II)» — и шрифтом помельче: «Антропологический музей Ньюболда, Тен Эйк, Квинсленд, С.Т.».

— Этот снимок мне попался в одной книге, — сообщил Вейн, аккуратно вкладывая карточку обратно в бумажник. — Ей двести лет. Отправлена как почтовая открытка моему предку. А через год мне случилось побывать на Нью-Земле. Теперь слушай внимательно. Музей на месте — а скелета нет. Нет — и точка. И говорят — никогда и не было. Хранитель музея считает, что карточка поддельная. Говорит, ни у одной из туземных рас на Менге нет таких скелетов.

— Наверняка поддельная, сэр, — согласился коридорный.

— И знаешь, что я сделал? — задумчиво продолжал Вейн. — Я просмотрел все сообщения, касающиеся периода колонизации Менга. Все, какие удалось обнаружить. Так вот. Двести лет назад никто здесь не считал мараков всего лишь легендой. Они достаточно напоминали аборигенов, чтобы не привлекать внимания — и плюс к тому имели кое-какие особые таланты. Могли, например, превращать одно в другое. Если им не сопротивлялись, могли телепатически воздействовать на сознание. Интересно, да? А потом я просмотрел все отчеты по экспорту за двести лет. Проштудировал геологические карты в «Планетном атласе». И кое-что обнаружил. Выяснилось, что нигде на всем Менге нет ни единого месторождения природных алмазов.

— В самом деле, сэр? — нервно спросил коридорный.

— Ни единого. Никаких алмазов. И даже никакого намека на то, что они тут залежали. Но тогда, двести лет назад, Менг ежегодно экспортировал безупречные алмазы на миллиарды стелларов. Спрашивается: откуда они взялись? И почему вдруг иссякли?

— Не знаю, сэр.

— Их делали мараки, — заявил Вейн. — Для торговца по фамилии Сунг. После того, как он умер вместе со всем своим семейством, больше алмазов с Менга не поступало. — Он открыл один из чемоданов, немного порывлся там и достал два предмета. Узкий овальный пакет, завернутый в плотную желтоватую ткань растительного происхождения. И блестящий темно-серый камень размером в полкулака.

— Знаешь, что это? — спросил Вейн, показывая коридорному овальный пакет.

— Нет, сэр.

— В глубинке эту штуку называют воздушным сорняком. Он был припрятан в хижине у одного старого чудака. Вместе с кувшином. И еще вот с чем. — Он показал коридорному черный камень. — Ну что — скажешь, ничего особенного? Просто кусок графита — скорее все-

го, из старой выработки в Бедлонге. Но ведь графит — это чистый углерод. Как и алмаз.

Он аккуратно пристроил оба предмета на столе и вытер руки. Графит оставил на коже черные пятна.

— Подумай хорошенько, — сказал Вейн. — У тебя ровно час — до трех. — Он легонько стукнул сигарой по горлышку кувшина. Хлопья пепла упали на обращенное вверх лицо коридорного.

Затем Вейн вернулся к креслу. Двигался он неторопливо и не совсем уверенно — но все же не спотыкался. Отколупнул фольгу с бутылки «Десяти звездочек». Налил славную порцию, добавил льда и плеснул сельтерской. Сделал долгий, медленный глоток.

— Сэр, — произнес наконец коридорный, — я и вправду не могу сделать алмаз из черного камня. А что будет, если через час этот камень так и останется черным?

— А будет то, — ответил Вейн, — что я просто сниму обертку с воздушного сорняка и брошу его в кувшин. Воздушный сорняк, как мне сказали, на воздухе в сотни раз увеличивается в объеме. Когда кувшин будет полон до краев, я закрою его крышкой. А когда мы окажемся на пешеходном мостике в космопорту, тебя запросто можно будет вытряхнуть из этого барахла в залив. Говорят, там на дне толстый слой ила. — Он сделал еще один долгий, неспешный глоток. — Подумай хорошенько, — добавил он, упираясь в кувшин налитыми кровью глазами.

Внутри кувшина царил влажный сумрак. Коридорному хватало места, чтобы вполне комфортно сидеть, скрестив ноги. Можно было встать на колени — тогда голова оказывалась у самого горлышка — узкого, слишком узкого. Парень весь взмок в своей тесной униформе и дрожал от страха. За девятнадцать лет ничего подобного он не переживал.

Снаружи донеслось позвякивание льда.

— Сэр? — позвал коридорный.

Скрипнули пружины кресла — и очень скоро в отверстии кувшина возникло лицо землянина. Ямка на подбородке. Седые волосы торчат из ноздрей, а в складках обвислой кожи на щеках прячется черная с проседью щетина. Глубоко посаженные красные глазки смотрят пьяно и нагло. Вейн молча упирался взглядом в лицо аборигена.

— Сэр, — серьезно произнес коридорный, — знаете, сколько мне платят в этой гостинице?

— Нет.

— Двенадцать стелларов в месяц, сэр, и харчи мои. Умей я делать алмазы, сэр, стал бы я здесь работать?

Вейн и бровью не повел.

— А я тебе отвечу, — процедил он. — Сунг, верно, тянул из вас, мараков, все жилы, чтобы иметь свои миллиарды стелларов в год. Раньше вас были тысячи только на этом материке. А теперь осталось так мало, что вам удалось раствориться среди аборигенов. Надо думать, алмазы дорого вам дались. Теперь вы близки к вымиранию. Напуганы. Ушли в подполье. Способности-то при вас остались — но пользоваться ими вы не рискуете. Разве что в крайнем случае — когда нет другого способа сохранить тайну. Раньше вы были хозяевами планеты — а теперь вам бы только выжить. Все это, конечно, одни догадки.

— Да, сэр, — потерянно пробормотал коридорный.

Зазвонил местный телефон. Вейн пересек комнату, краем глаза наблюдая за кувшином.

— Слушаю?

— Мистер Вейн, — слышался голос дежурного, — простите, пожалуйста, за беспокойство — закуска к вам прибыла?

— Бутылку принесли, — ответил Вейн. — А что?

Коридорный прислушивался, постукивая крепко сжатыми кулаками по коленям. На его смуглом лбу выступил обильный пот.

— О нет-нет, ничего серьезного, мистер Вейн, — ответил дежурный, — только вот бой не вернулся обратно.

Обычно он очень аккуратен, мистер Вейн. Пожалуйста, еще раз извините за беспокойство.

— Ладно, — холодно отозвался Вейн и отключил телефон. Затем вернулся к кувшину. Там он некоторое время покачался взад-вперед, с пяток на носки, сжимая бокал хайбола и поигрывая осмиридиевым ножичком. Отчаянно острым ножичком, что на растягивающейся цепочке свисал с отворота пиджака землянина. Потом Вейн спросил:

— Что же ты не позвал на помощь?

Коридорный не отвечал. Вейн негромко продолжил:

— Я же знаю, что по местному телефону тебя услышали бы из любого конца комнаты. Ты что, язык проглотил?

Коридорный тоскливо ответил:

— Если бы я крикнул, сэр, меня бы нашли в кувшине.

— И что?

Лицо парня исказила жалобная гримаса.

— Есть и другие, кто верит в мараков, сэр. С такими глазами, как у меня, надо остерегаться. Сразу ясно — может быть только одна причина, почему вы со мной так обращаетесь.

Вейн некоторое время пристально разглядывал его.

— Значит, ты готов выбрать воздушный сорняк и ил на дне залива, только бы сохранить все в тайне?

— У нас на планете давно уже не охотились на мараков, сэр.

Вейн негромко хмыкнул. Затем взглянул на стенные часы.

— Сорок минут, — напомнил он и снова отошел к креслу у двери.

Коридорный не ответил. В комнате стояла мертвая тишина, если не считать еле слышного тиканья часов. Некоторое время спустя Вейн двинулся к письменному столу. Он вставил в пишущую машинку бланк таможенной декларации и принялся неторопливо стучать по клавишам, вслух бормоча сложные межзвездные обозначения.

— Сэр, — тихо произнес коридорный, — сэр, вы ведь не сможете так просто убить собрата по разуму, а по-

том — взять и улететь. Те ужасные времена давно прошли.

— Ха! Прошли, говоришь? — стуча по клавишам, ото-звался Вейн. Затем хлебнул хайбола и поставил бокал на место, звякнув льдом.

— Если выяснится, что вы дурно обошлись с тем во-ждем в глубинке, сэр, вы понесете строгое наказание.

— Никто ничего не выяснит, — заверил Вейн. — По крайней мере, у вождя.

— Послушайте, сэр, даже если бы я смог сделать вам алмаз — он стоил бы всего пару тысяч стелларов. Для такого человека, как вы, такая сумма — просто пшик.

Вейн оторвался от клавиш и сел вполоборота к кув-шину.

— Ну, нет — если чистой воды, то потянет и сотню тысяч. Только я не собираюсь его продавать. — Он по-вернулся обратно к машинке, закончил строчку и начал другую.

— Не собираетесь, сэр?

— Нет. Я думаю оставить его себе. — Тут веки на гла-зах Вейна опустились; пальцы остались неподвижно ле-жать на клавишах. Несколько секунд спустя он вздрог-нул, ткнул очередную клавишу — и вытащил листок из машинки. Затем взял конверт и встал, просматривая за-полненный бланк.

— Просто держать у себя и время от времени разгля-дывать, сэр? — негромко спросил коридорный. Пот за-ливал ему глаза, но он не отрывал от коленей сжатых кулаков.

— Вот именно, — с тем же отсутствующим видом под-твердил Вейн. Неторопливо сложив листок, он вложил его в конверт и подошел к желобу для почты у двери. В самую последнюю секунду помедлил, опять развернул листок и еще раз внимательно его просмотрел. Лицо зем-лянина вдруг начало багроветь. Медленно комкая бума-гу, он пробормотал: — Чуть-чуть не сработало.

Затем аккуратно разорвал листок пополам — рвал его еще и еще — наконец, швырнул клочки на пол.

— Всего один значок не на месте, — процедил он. — И как раз тот, который нужно. Хочешь, скажу, парень, в чем твоя ошибка? — он подошел к кувшину.

— Не понимаю, сэр, — сказал коридорный.

— Тебе казалось — меня можно сбить с толку, если заставить думать об алмазе. Так вначале и получилось, но в итоге ты просчитался. Мне плевать на этот алмаз.

— Не понимаю, сэр, — в замешательстве повторил коридорный.

— Сейчас поймешь. Для тебя стеллар — это новые штаны. А для меня стеллар, сотня стелларов, тысяча стелларов — мелкая ставка в игре. Важна только игра. Ее азарт.

— Сэр, не понимаю, о чем вы.

Вейн усмехнулся.

— Прекрасно понимаешь. Тебя уже следует немного остерегаться, а? Время бежит, нервишки пошаливают. И вот ты рискнул. — Землянин нагнулся, выбрал один из клочков, развернул его и разгладил. — Вот тут, где должно стоять выражение лояльности к Архонту, я напечатал значок для слова «свинья». Отошли я конверт, через пятнадцать минут здесь была бы полиция нравов. — Он снова скатал бумажку в крошечный комочек и бросил на ковер. — Ну, а теперь я забуду сжечь это перед отъездом? — ласково осведомился землянин. — Валяй, попробуй.

Коридорный с трудом сглотнул слюну.

— Сэр, вы сами это сделали. Обычная описка.

Вейн впервые улыбнулся ему в лицо и возвратился к креслу.

Коридорный прислонился к стенке кувшина и уперся ногами в противоположную сторону. Он давил изо всех сил — мышцы у него на спине вздулись. Керамические стены казались тверды как скала.

Он совсем взмок. Потом расслабился, тяжело дыша, уткнулся лицом в колени и попробовал поразмыслить. Парню и раньше приходилось слышать о скверных землянах, но такого он еще никогда не встречал.

Коридорный поднял голову.

— Сэр, послушайте!

Кресло скрипнуло, и Вейн с бокалом в руке подошел к кувшину.

— Сэр, — серьезным тоном произнес коридорный. — А если я смогу доказать вам, что я не марак — тогда вы меня выпустите? Ведь тогда вы обязательно должны будете меня выпустить, разве не так?

— Ясное дело, — согласился Вейн. — Валяй, докажи.

— Тогда, сэр, может, вы слышали о мараках еще что-нибудь, на проверку?

Вейн, судя по всему, задумался: его подбородок опустился на грудь, а глаза словно покрылись пленкой.

— Насчет того, что могут и чего не могут мараки, — подсказал коридорный. — Если я вам скажу, сэр, вы, наверное, решите, что я сам все выдумал.

— Да погоди! — буркнул Вейн. С полужакрытыми глазами землянин слегка покачивался взад-вперед. Галстук-веревочка по-прежнему был аккуратнейшим образом повязан, а полосатый пиджак оставался в идеальном порядке. Наконец Вейн сказал: — Я кое-что припомнил. Кажется, охотники на мараков частенько этим пользовались. Мараки не переносят спиртного. Их сразу рвет.

— Вы уверены, сэр? — возбужденно спросил коридорный.

— Еще как. Для мараков это просто отраву.

— Тогда попробуем, сэр!

Вейн кивнул и отправился к столу за бутылкой «Десяти звездочек». Бренди в нем оставалось еще на две трети. Прихватив ее, землянин вернулся к кувшину и потребовал:

— Открой рот.

Коридорный широко разинул рот и зажмурился. Он страшно не любил спиртное землян, особенно бренди, но все же рассчитывал, что сможет его выпить. Только бы выбраться из кувшина.

Бренди плеснуло ему в рот одной плотной струей — полилось по щекам — затекло и в нос. Коридорный поперхнулся. Спиртное обожгло носоглотку и дыхатель-

ное горло — у парня перехватило дыхание — слезы ослепили его. Когда спазм отошел, коридорный с трудом выдавил:

— Сэр... сэр... это была нечестная проверка. Вам не следовало так лить в меня спиртное. Дайте мне немного в бокале, сэр.

— Ладно, теперь будет по-честному, — сказал Вейн. — Попробуем еще разок. — Он взял со стола пустой бокал, плеснул туда на два пальца бренди и вернулся к кувшину. — Потихоньку да полегоньку, — проговорил он и вылил бренди тонкой струйкой в рот коридорному.

Парень глотнул, голова его так и кружилась в коньячных парах.

— Еще малость, — сказал Вейн и наклонил бокал. Коридорный проглотил. Спиртное собралось у него в желудке раскаленным шариком. — Еще. — Парень глотнул и на этот раз.

Наконец Вейн отстал. Коридорный открыл глаза и блаженно посмотрел на землянина.

— Видите, сэр? Никакой тошноты. Я выпил, и меня не вытошнило!

Вейн озадаченно хмыкнул. Потом задумался на некоторое время.

— Ладно, тогда предположим следующее: мараки *могут* пить спиртное.

Победная улыбка коридорного медленно растаяла. Он недоверчиво посмотрел на Вейна.

— Сэр, не шутите так со мной, — попросил он.

Вейн презрительно фыркнул.

— Если ты думаешь, что это шутка... — с мрачным сарказмом проговорил он.

— Сэр, вы *обещали*.

— Дудки. Ни черта я тебе не обещал, — возразил Вейн. — Я сказал — если докажешь мне, что ты не марак. Ну так валяй, докажи. Вот тебе, между прочим, еще одна проверочка. Один мой знакомый анатом, увидев тот скелет, сказал мне, что он как-то стиснут в плечах. Марак не может поднять руку выше головы. Так что

теперь мы начнем с того, зачем ты вставал на стул, когда снимал ту связку... а еще лучше — просто высунь руку из кувшина.

Ответом было молчание. Из портсигара, обтянутого кожей зеленой ящерицы, Вейн извлек еще одну сигару, обрезал кончик осмиридиевым ножичком и закурил, не сводя глаз с коридорного.

— Теперь тебя опять следует остерегаться, — заметил он. — Начинается самое интересное. Замышляешь. Ломаешь голову, как бы прикончить меня сидя в кувшине и не пользуясь способностями марака. Валяй. Думать не вредно.

Землянин затаился едким дымом и наклонился к кувшину.

— У тебя еще пятнадцать минут.

Никуда не торопясь, Вейн закатал остальные сувениры в одеяла и перевязал. Затем забрал со столика туалетные принадлежности и упаковал их в саквояж. Напоследок окинув комнату взглядом, он заметил на полу клочки бумаги и подобрал тот крошечный бумажный шарик. Усмехнувшись, поднес его к горлышку кувшина и показал коридорному, а затем бросил в мусороприемник и сжег. Потом удобно расселся в кресле возле двери.

— Пять минут, — сообщил он.

— Четыре минуты.

Три минуты.

Две минуты.

— Ладно, — выдохнул коридорный.

— Что ладно? — Вейн встал и нагнулся над кувшином.

— Будь по-вашему — я сделаю алмаз.

— А-а, — с некоторым недоверием протянул Вейн. Затем взял кусок графита и хотел было бросить в кувшин.

— Мне не нужно до него дотрагиваться, — равнодушно произнес коридорный. — Положите на стол. Все займет около минуты.

Вейн хмыкнул и положил графит, не сводя глаз с горлышка кувшина. Коридорный опустил голову и закрыл глаза; землянин видел только блестящую черную макушку.

Голос парня звучал теперь приглушенно.

— Если бы не воздушный сорняк... — угрюмо произнес он.

Вейн усмехнулся.

— Кроме воздушного сорняка, есть еще дюжина способов разделаться с тобой. Вот это лезвие, — он поднес к горлышку осмиридиевый ножичек, — сработано из местной стали. Режет все подряд. А мелкие кусочки можно спустить в канализацию.

Бледное лицо коридорного с широко распахнутыми глазами обратилось вверх.

— Впрочем, нет времени, — успокоил его Вейн. — Так что в дело пойдет воздушный сорняк.

— И вы именно так собираетесь меня выпустить? — спросил коридорный. — Разрежете кувшин ножом?

— А? Ну, ясное дело, — ответил Вейн, наблюдая за куском графита. Меняется он или нет? — Все-таки я разочарован, — сказал затем землянин. — Думал, ты будешь биться. Видно, вас, маракон, переоценивают.

— Готово, — произнес коридорный. — Пожалуйста, возьмите алмаз и выпустите меня.

Вейн прищурился.

— По-моему, ничего не готово, — возразил он.

— Сэр, он только снаружи черный. Просто оботрите его.

Вейн не пошевелился.

— Давайте же, сэр, — настойчиво повторил коридорный. — Возьмите и посмотрите.

— Очень уж ты нетерпелив, — отозвался Вейн. Достав из кармана авторучку, он осторожно попробовал потыкать графит. Ничего не вышло — графит легко скользил по столешнице. Вейн опасливо ткнул пальцем черный ком, затем все же взял его.

— Без фокусов? — на всякий случай поинтересовался землянин. Сжал кусок в кулаке, прикинул на вес и

положил назад. На ладони остались черные графитовые пятна.

Затем Вейн раскрыл прикрепленный к отвороту пиджака ножик и разрезал кусок пополам. Тот распался на две блестящие черные половинки.

— Графит, — констатировал Вейн и яростно всадил нож в столешницу.

Вытирая руки, он повернулся к коридорному.

— Не пойму я тебя, — процедил он, нашаривая на столе воздушный сорняк. Наконец рука его нащупала овальный пакет. — Не пойму. Ты только пачкал мне мозги. Биться как марак не желаешь — и сдаться как марак тоже не хочешь. Тогда ты просто загнешься как обычный парнишка с Менга, идет? — сухая обертка разошлась под пальцами. В разрыве ткани показалась грязно-белая масса.

Вейн замахнулся, намереваясь бросить пакет в кувшин, но вдруг застыл, увидев обращенное к нему лицо коридорного — белое от страха. И пока он мешкал, воздушный сорняк понемногу успел затянуть серо-белым пухом кисть землянина. Вейн почувствовал хватку растения и инстинктивно попытался отшвырнуть пакет. Не тут-то было. Растущий, разбухающий пух оказался липким — он намертво пристал к руке. Затем к рукаву. Клейкая масса разрасталась — медленно, зато с жутким постоянством.

Вейн лихорадочно тряс рукой, отчаянно пытаясь сбросить сорняк — лицо его посерело. Грязно-белая масса, подобная густой мыльной пене, комьями летела во все стороны, но отлипать не желала. Вот одна блямба упала на штанину и намертво пристала там. Еще одна, разбухая, плюхнулась на ковер. Белая грудa обросла уже весь правый бок и руку Вейна. Наконец пух перестал разрастаться и начал, похоже, застывать.

А коридорный принялся раскачиваться в кувшине. Кувшин покачался-покачался — и упал. Парень удвоил усилия. Кувшин медленно покатился по коврау.

Вскоре коридорный сделал передышку: поднял лицо — посмотреть, как и что. Вейн, прикованный сорня-

ком к коври, тянулся за всажженным в столешницу ножиком. Ковер уже вздымался невысоким холмиком, но с другого края его держала тяжелая мебель.

Коридорный опустил голову и снова что было силы покати кувшин. Когда он опять поднял лицо, то увидел, что Вейн все еще тянется к ножику — зажмурившись и побагровев от напряжения. Землянин тянулся как только мог, но пальцы его по-прежнему хватали воздух в дюйме от ножа. Коридорный предпринял последнее отчаянное усилие. Кувшин медленно двинулся вперед и со стуком уперся в стол, надежно пригвоздив к нему широкий рукав пиджака Вейна.

Только тогда коридорный расслабился и поднял лицо. Землянин, чувствуя, что попался, прекратил борьбу и ненавидящим взглядом пожирал кувшин. Затем Вейн попытался вырвать рукав, но ничего не вышло.

Какое-то время оба молчали.

— Ничья, — прохрипел наконец Вейн и оскалился в лицо коридорному. — Близок локоть, да не укусишь. Мне до тебя не добраться, и тебе из кувшина не выйти.

Коридорный опустил голову — будто бы в знак согласия. А мгновение спустя его длинная рука, словно змея, выползла из кувшина. Пальцы сомкнулись на ручке смертоносного ножика.

— Марак *может* поднять руку выше головы, сэр, — медленно проговорил парень.

SEMPER FI

Дул там свежий ветерок — хлопал, будто белыми флагами, шелком штанин, ерошил волосы. В двух тысячах футов от устремленных вниз носков ботинок ему было видно, как за волной сверкающей зелени расстилаются горы. Дворец сейчас казался изящным резным кубиком из слоновой кости — столь крохотным, что поместился бы и на ладони. Он закрыл глаза, всем телом втягивая в себя воздух, чувствуя, как жизнь наполняет его до краев — от корней волос до кончиков пальцев.

Он зевнул и с удовольствием потянулся. Хорошо подниматься сюда время от времени — подальше от мрамора и красного бархата, фонтанов и девушек в просвечивающих панталонах... Было что-то невыразимо приятное в безмятежном плавании, в полном уединении и умиротворении.

Откуда-то со стороны подало голос насекомое. Извиняющимся тоном оно произнесло:

— Прошу прощения, сэр.

Он открыл глаза и огляделся. Вот тот, кого он называл «лакей-букашка» — три дюйма тонкого тела, лицо не то человека, не то насекомого, едва заметные крылья, трепещущие в воздухе, удерживая тело в одном положении.

— Рано ты что-то, — сказал он.

— Нет, сэр. Подошло время ваших процедур.

— От тебя только и слышу — время для процедур.

- Для вашего же блага, сэр.
- Конечно-конечно, ты прав.
- Уверен, что прав, сэр.
- Ладно. Исчезни.

Существо состроило почтительную физиономию и унеслось, подхваченное ветром, превратившись в плывущее светлое пятнышко. Гэри Митчелл смотрел ему вслед, пока насекомое окончательно не затерялось на залитом солнцем зеленом фоне. Затем лениво повернулся в воздухе и стал ждать.

Митчелл с точностью до секунды знал, когда это произойдет.

— Поехали, — лениво произнес он и внезапно ощутил, как мир вокруг него сжался. Ветер стих; исчезли горы и небо. Вдыхал он уже не столь живительный воздух. Даже темнота по ту сторону глаз изменила цвет.

Он осторожно повернулся, ощущая под собой пухлую кушетку. Затем открыл глаза. Перед ним была все та же комната — она казалась такой крохотной и причудливой, что он усмехнулся. Комната никогда не менялась — сколько туда ни возвращался. Не в силах сдержать веселья, он принялся кататься по кушетке, зажмурившись, сотрясаясь в беззвучном смехе.

Вскоре он снова лег на спину, с шумом опустошая легкие, а затем глубоко втягивая воздух. Чувствовал он себя превосходно, хотя тело слегка побаливало. Митчелл сел и удивленно уставился на собственные руки. Все те же руки!

Он зевнул во весь рот, едва не вывихнув челюсть, затем усмехнулся и поднялся из впадины кушетки, очертаниями напоминавшей половинку яйца. От нее во всех направлениях тянулись провода и трубки. Митчелл снял с головы шлем, отсоединив его от крохотных пластиковых гнездышек на черепе, и отбросил в сторону. Отстегнув аппаратуру контроля, расположенную на груди, он стянул с себя остатки одежды и голышом направился через комнату.

Щелкнули часы на пульте управления, и Митчелл услышал, как в ванной комнате зашипела вода.

— А что, если я не хочу принимать душ? — спросил он, обращаясь к часам. Но на самом деле он хотел его принять — все согласно распорядку.

Он потер ладонью щетину на щеках. Неплохо бы разработать какое-нибудь приспособление для бритья во время подлючки. Значит, так. Механизм с кареткой, прикрепляемый к челюсти, обратная связь для регуляции давления... впрочем, подобная штуковина больше доставила бы беспокойства, чем пользы.

Разглядывая себя в зеркале, он отметил лукавый и радостный блеск в глазах. Все те же мысли! Митчелл достал бритву и приступил.

Когда он вышел из ванной комнаты, часы опять щелкнули, а из конвейера на столике для завтрака выскользнул поднос. Яичница-болтуня с беконом, апельсиновый сок, кофе. Митчелл подошел к стенному шкафу, вынул оттуда бледно-голубые брюки и рубашку, оделся, затем сел и не спеша принялся питаться. Еда как еда — питание для организма; вот и все, что о ней можно было сказать.

Закончив трапезу, он закурил сигарету и откинулся в кресле, с полузакрытыми глазами, выпуская дым из ноздрей двумя ровными струйками. Смутные образы проплывали в его голове; он не пытался задержать их.

Сигарета превратилась в окурок. Митчелл вздохнул и потушил его. По пути к дверям Митчеллу показалось, что кушетка и пульт управления укоризненно смотрят ему вслед. Что-то трогательное, покинутое было в этой пустой половинке яйца, в этом переплетении проводов.

— До вечера, — обнадежил их Митчелл. Затем открыл дверь и вышел из комнаты.

Бледный, желтоватый солнечный свет просачивался сквозь большое венецианское окно, выходящее на Ист-Ривер. Филодендрон в керамическом горшке развернул еще один листик. На противоположной от окна стене висела громадная абстракция Поллока, перевернутая вверх ногами. Бросив на нее взгляд, Митчелл иронически усмехнулся.

Отчеты в оранжевых пластиковых папках были сложены в стопку на одной стороне длинного стола из красного дерева, письма на другой. Между ними на листке зеленой промокательной бумаги лежала дощечка и раскрытый складной нож.

Красная лампочка на интеркоме равномерно мигала. Митчелл сел за стол и некоторое время отрешенно смотрел на нее, затем дотронулся до кнопки.

— Слушаю, мисс Куртис?

— Мистер Прайс спрашивает, когда вы сможете принять его. Пригласить?

— Да, пожалуйста.

Митчелл поднял первый отчет из стопки, пробежал глазами эскизы и диаграммы, затем положил обратно. Он крутанулся в винтовом кресле, откинулся на спинку и сонным взглядом уставился на окутанный желтоватой дымкой пейзаж. По реке медленно полз буксир, волоча за собой клубы желтовато-белого дыма. Кварталы со стороны Джерси напоминали детские кубики; солнечный свет поблескивал в узких полосках окон.

Странно: все по-прежнему на своем месте, да еще и растет, и ширится; там, на другой стороне, он давно уже сровнял все с землей, заполнил джунглями. Довольно трогательное зрелище, как пожелтевшая фотокарточка. И легкий налет раздражения: прошлое упрямо напоминало о себе при каждом возвращении. Возникало смутное чувство некоего несоответствия...

Он услышал, как щелкнула дверь, и, повернувшись, увидел входящего в комнату Джима Прайса. Митчелл ухмыльнулся и приветственно махнул ему рукой.

— Привет, старик — рад тебя видеть. Ну что, уморил ты их там, в Вашингтоне?

— Не очень. — Журавлиной походкой Прайс подошел к столу, согнувшись, сел в кресло, поерзал и сплел в узел тонкие пальцы.

— Жаль. Как там Мардж?

— Прекрасно. Вечером не виделись, но утром был звонок. Просила передать тебе...

— А детишки в порядке?

— Конечно. — Тонкие губы Прайса плотно сжались; карие глаза его серьезно разглядывали Митчелла. Он все еще казался двадцатилетним; посмотреть — так вроде бы и не изменился с тех пор, как «Митчелл-Прайс инкорпорейтед» существовала лишь в форме идеи. Вестбюри. Секретная лаборатория. Только одежда изменилась — двухсотдолларовый костюм, безукоризненно повязанный галстук. И еще ногти. Тогда — огрызки на пальцах чудака-ученого, нынче — ухоженные, точно лакированные. — Митч, давай-ка займемся делом. Как поживает наше устройство с глубоким зондом?

— Отчет Стивенсона у меня на столе — пока не смотрел.

Прайс моргнул и покачал головой.

— Ты помнишь, что проект затянулся уже на тридцать шесть месяцев?

— Время есть, — лениво ответил Митчелл и потянулся за ножом и деревянной дощечкой.

— Пятнадцать лет назад ты говорил другое.

— Тогда я пахал как вол, — согласился Митчелл. Он покрутил в руках дощечку, кончиками пальцев ощущая мелкие неприятные заусенцы на неотполированной стороне. Затем поставил лезвие на край дощечки и срезал длинную, красивую стружку.

— Черт побери, Митч, я начинаю беспокоиться о тебе — ты так изменился за последние годы.

— Что-нибудь неладное с финансовыми отчетами? — Митчелл провел большим пальцем по обработанной поверхности и повернулся, глядя в окно. «Забавно было бы, — рассеянно подумал он, — выплыть в это туманное голубое небо, зависая над крышами игрушечных зданий — и понестись вперед, над пустым океаном...»

— Деньги-то мы зарабатываем, — тонким голоском не терпеливо произнес Прайс. — На ментиграфе и генераторах случайностей, да на прочей мелочи. Но за последние пять лет, Митч, мы не выставили на рынок ничего нового. Что ж, теперь так и будем гнать конвейер? И этого тебе достаточно?

Отвернувшись от окна, Митчелл взглянул на своего партнера.

— Эх, старина Джим, — ласково произнес он. — Не прягайся так, дружище.

Дверь отворилась, и в комнате появилась темноволосая девушка — Луиза Бейнбридж, секретарша Прайса.

— Простите, что вмешиваюсь, мистер Прайс, но Долли не смогла связаться с вами по интеркому.

Прайс взглянул на Митчелла.

— Опять нажал не на ту кнопку?

Митчелл с легким недоумением воззрился на интерком.

— Похоже.

— Как бы там ни было, — сказала девушка, — пришел мистер Дайдрич, а вы просили меня известить вас, как только...

— Проклятье, — рявкнул Прайс, вставая. — Где он — в приемной?

— Нет. Мистер Торвард проводил его в первую лабораторию. С ним его врач и адвокат.

— Знаю, — пробормотал Прайс, нервно роясь в карманах. — Куда же я задевал эти проклятые... Ах, вот они. — Он вытащил из кармана карточки, исцирканные карандашом. — Луиза, позвоните туда и скажите, что я сейчас буду.

— Да, мистер Прайс. — Луиза улыбнулась и вышла.

Снисходительный взгляд Митчелла сопровождал ее до дверей. «Недурна», — подумал он, когда Луиза скрылась из виду. Митчелл припомнил, что три-четыре года назад он проводил ее на ту сторону, но тогда, конечно, он сделал массу изменений — талию потоньше, а бюст поплотнее... Митчелл зевнул.

— Не хочешь присоединиться? — вдруг спросил Прайс.

— В самом деле. — Митчелл встал и обнял своего партнера за плечи. — Пойдем.

Они вместе прошли по коридору, в котором, как всегда, царил оживление.

— Слушай, — обернулся к нему Прайс, — а когда ты последний раз у нас обедал?

— Не помню. Месяц или два назад.

— Приходи сегодня вечером. Мардж велела привести тебя во что бы то ни стало.

Митчелл пожал плечами, затем кивнул.

— Хорошо, Джим. Спасибо.

Первая лаборатория была у них чем-то вроде витрины — сплошь обшитая кедровой фанерой и уставленная комнатными растениями — а на видном месте стояла яйцевидная кушетка ментиграфа, точно гроб в покойницкой. Несколько пестрых плакатов красовались на доске за кушеткой, рядом с пультом управления.

Все взгляды сразу обратились в их сторону. Митчелл узнал Дайдрича — грузного мужчину лет сорока с небольшим. Голубые, как лед, глаза разглядывали Митчелла. В скромной обстановке лаборатории этот мужчина смотрелся еще более впечатляюще, еще более завораживающе, чем по телевизору.

Торвальд, начальник лаборатории, представил присутствующих, в то время как сотрудники в белых халатах крутились где-то на заднем плане.

— Преподобный Дайдрич... мистер Эдмондс, его адвокат... и вам, разумеется, знакомо имя доктора Таубмана.

Они пожали друг другу руки. Дайдрич сказал:

— Надеюсь, все вы понимаете, почему я здесь. Я не ишу никаких компромиссов. — Блеклые глаза Дайдрича смотрели настойчиво и серьезно. — Ваши сотрудники сообщили, что я мог бы более эффективно критиковать ментиграф, если бы испытал его сам. Что я и намереваюсь сделать, предварительно ознакомившись с условиями.

— Конечно же, мы все понимаем, мистер Дайдрич, — сказал Прайс.

Дайдрич с любопытством посмотрел на Митчелла.

— Ведь это вы изобрели ментиграф?

Митчелл кивнул.

— Да, было дело.

— И что же вы сами думаете о его воздействии на общество?

— Мне нравится, — ответил Митчелл.

Лицо Дайдрича вновь стало холодным и бесстрастным; он отвернулся.

— Я как раз демонстрировал мистеру Дайдричу некоторые из проекций ментиграфа, — поспешно встрял Торвальд, указывая на плакаты. На первых двух были представлены причудливые пейзажи с оранжевыми деревьями и коричневой травой; еще один содержал сцену из городской жизни, четвертая картина изображала холм с силуэтами трех деревянных крестов на фоне неба. — Они выполнены художником Дэном Шелтоном. Он страстный любитель ментиграфии.

— Вы и вправду можете фотографировать то, что происходит в сознании субъекта? — спросил Эдмондс, удивленно приподнимая черные брови. — Ничего не знал об этом.

— Свежий товар, — ответил Прайс. — Мы надеемся представить его на рынок в сентябре.

— Итак, джентльмены, если вы готовы... — вступил Торвальд.

Дайдрич, судя по всему, был готов.

— Ладно. Что я должен делать? Снять пиджак?

— Не надо. Только лечь вот сюда, будьте так любезны, — ответил Торвальд, указывая на узкий операционный стол. — Ослабьте, пожалуйста, галстук, так вам будет удобнее.

Дайдрич забрался на стол и лег с застывшим лицом. К нему подошла лаборантка с чем-то вроде корзинки. Она аккуратно и умело приладила корзинку к черепу Дайдрича, проделав необходимые замеры, снова подогнала шлем, а затем один за другим втокнула восемь штифтов.

После снятия шлема на голове Дайдрича остались восемь крохотных пурпурных точек.

— Краска безвредная, — пояснил Торвальд. — Все сделанное только что имело целью определить места расположения электродов.

— Да, все в порядке, — отозвался Таубман. — И вы гарантируете, что ни один из них не располагается в центре удовольствия?

— Определенно нет. Вы же знаете, доктор, — это запрещено законом.

Лаборантка снова подошла к столу. Маленькими ножничками она срезала волосы в местах, помеченных пурпурными точками. Затем она наложила мыльную пену и крошечной бритвочкой начисто выскребла эти места. Дайдрич лежал спокойно; он лишь вздрогнул от прикосновения холодной пены, а в остальном выражение его лица не менялось.

— С первой частью покончено, — сказал Торвальд. — Теперь, преподобный Дайдрич, если вы будете так любезны сесть вот сюда...

Дайдрич встал и подошел к креслу, на которое указывал Торвальд. Над спинкой кресла нависало сверкающее сплетение металла — увеличенная и усложненная копия шлема, который примеряла на Дайдрича лаборантка.

— Одну секунду, — обронил Таубман. Он подошел поближе, осматривая механизм. Некоторое время они с Торвальдом о чем-то разговаривали вполголоса, затем Таубман кивнул и отступил. Дайдрич сел в кресло.

— Это единственная неприятная процедура, — сказал Торвальд. — Относительно неприятная. На самом деле ничуть не больно. Теперь мы поместим вашу голову в фиксатор...

Лицо Дайдрича побледнело. Он уставился взглядом прямо перед собой, пока лаборантка закрепляла фиксатор с мягкой подкладкой, а затем опускала большой шлем. Стоя на возвышении за креслом, Торвальд самолично приладил восемь металлических цилиндров, точно устанавливая их напротив выбритых пурпурных точек на голове Дайдрича.

— Вроде небольшого укольчика, — предупредил Торвальд. Затем нажал какую-то кнопку. Дайдрич вздрогнул.

— Теперь опишите мне, пожалуйста, ваши ощущения, — сказал Торвальд, поворачиваясь к щитку управления.

Дайдрич сморгнул.

— Вижу вспышку света, — заявил он.

— Прекрасно, дальше.

— Какой-то шум.

— Так, а это?

Дайдрич, похоже, был удивлен; челюсти его на несколько секунд задвигались.

— Что-то сладкое, — сказал он.

— Хорошо. А как насчет этого?

Дайдрич вздрогнул.

— Что-то проползло по коже.

— Прекрасно. Дальше.

— Ффу! — скривился Дайдрич, отворачиваясь. — Какой мерзкий запах!

— Прошу прощения. А теперь.

— Тепло.

— Хорошо, теперь это.

Правая нога Дайдрича дернулась.

— Мне показалось, будто я на ней сижу, — пояснил он.

— Верно. И еще.

Дайдрич вдруг оцепенел.

— Я почувствовал... не знаю, как это описать. *Удовлетворенность*. — Он перевел холодные глаза с Митчелла на Торвальда. Лицо его изменилось.

— Прекрасно! — воскликнул Торвальд, сходя с платформы. Он радостно ухмылялся. Митчелл взглянул на Прайса и увидел, как тот оттирает вспотевшие ладони носовым платком.

Лаборантка освободила голову Дайдрича от шлема.

— Вы можете встать, — задушевно сказал Торвальд.

Дайдрич поднялся и стал ощупывать череп.

— Простите, — вмешался Таубман. Аккуратно разводя волосы Дайдрича, он принялся разглядывать пластиковую кнопочку, по виду напоминавшую родинку серого цвета, почти не выступавшую над скальпом.

Митчелл подобрался поближе к Прайсу.

— Нашему другу не понравилась встряска на восьмом номере, — прошептал он. — Осторожнее, старичок.

— Знаю, — вполголоса отозвался Прайс. Меж тем в дальнем углу комнаты Торвальд и лаборанты усаживали Дайдрича в другое кресло и одевали ему на голову шлем.

Один лаборант стал показывать Дайдричу большие куски цветного картона, в то время как другой, бледный молодой человек с непомерно большими ушами, снимал показания и бегал пальцами по клавиатуре пульта управления.

— Чертовски рискуешь, старик, — заметил Митчелл. — Ты же знаешь — если его взбесить, от нас и мокрого места не останется. Храбрый ты у нас, старикашечка. И как у тебя только духу хватает?

Прайс нахмурился и шаркнул ногой.

— Не хорони меня раньше времени, — пробормотал он.

Тем временем лаборант совал под нос Дайдричу пульты с различными запахами — один за другим.

— Ты что-то припас в рукаве? — спросил Митчелл; впрочем, он тут же отвлекся и не расслышал ответа Прайса. Лаборанты водили Дайдрича взад-вперед по комнате, просили его нагнуться, поднять руки, повернуть голову. Митчелл мечтательно раздумывал о том, как он мог бы использовать Дайдрича на другой стороне — сделать из него тевтонского рыцаря, благородного, остроумного и яростного. Только вот уменьшить его вдвое... было бы очень забавно.

— Итак, мистер Дайдрич, — произнес Торвальд. — Отныне вы располагаете всем необходимым, чтобы получить достаточно ясное представление о нашем аппарате.

Дайдрич поднял руку и потрогал шлем у себя на голове; из верхушки шлема тянулся пучок проводов.

— Ладно, — хмуро проговорил он. — Действуйте.

Торвальд казался слегка озабоченным. Он подал знак лаборанту за пультом.

— Ввод первый, Джерри. — Затем он попросил Дайдрича: — Будьте так любезны, закройте глаза и расслабьтесь.

Вскоре на лицо Дайдрича наползло удивленное выражение. Правая рука его судорожно дернулась, челюсти зашевелились, затем он открыл глаза.

— Потрясающе, — вымолвил наконец Дайдрич. — Банан... я чистил его, я ел его. Только... это были не мои руки.

— Разумеется — это была запись, сделанная другим человеком. Впрочем, мистер Дайдрич, в процессе изучения чужих циклов вы можете повторять запись несколько раз, пока не почувствуете эти руки как свои. Также можете вносить любые изменения по вашему усмотрению.

На лице Дайдрича появилась гримаса отвращения.

— Понимаю, — бросил он.

Наблюдая за ним, Митчелл подумал: «Похоже, он уже наострился домой, чтобы написать проповедь, в которой всем нам прищемит хвосты».

— Скоро вы поймете, что я хочу сказать, — говорил тем временем Торвальд. — На сей раз предварительной записи не будет — вы все сделаете сами. Откиньтесь на спинку кресла, закройте глаза и представьте себе какую-нибудь картину, сценку...

— То есть — вроде тех? — Дайдрич хмуро кивнул в сторону развешанных по стене плакатов.

— Нет-нет, ничего подобного. Любую сцену, по вашему усмотрению, а если она покажется вам слишком размытой или лишенной нужных пропорций, продолжайте изменять ее и добавлять детали... Пожалуйста, попробуйте.

Дайдрич откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Торвальд кивнул мужчине за пультом.

Прайс вдруг резко двинулся от Митчелла и подошел к креслу.

— Вот это, возможно, поможет вам, мистер Дайдрич, — сказал он, наклоняясь к клиенту. Глянув в записную книжку, он прочел вслух: — «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме разодралась посередине».

Дайдрич помрачнел. Затем наступило долгое молчание. Дайдрич вновь нахмурился. Вскоре руки его судорожно

задергались на подлокотниках кресла. Мгновение — и он быстро и жадно задышал.

Таубман, хмурясь, приблизился к пастору и попытался измерить пульс, но Дайдрич оттолкнул его руку. Таубман бросил вопросительный взгляд на Прайса. Тот в ответ помотал головой и приложил палец к губам.

Лицо Дайдрича было сковано невыразимой печалью. Из-под опущенных век выступили слезы и заструились по щекам.

— Что случилось, мистер Дайдрич? — наклоняясь к нему, спросил Эдмондс.

Голос Дайдрича был низким и хриплым.

— Я видел... видел... — Лицо его перекосилось, и он начал всхлипывать.

Прайс отвернулся и взял Митчелла под руку.

— Пойдем отсюда, — пробормотал он. В коридоре он принялся насвистывать.

— А ты чертовски хитер, старик, — заметил Митчелл.

Прайс мальчишески ухмыльнулся.

— Я и сам это знаю, старина.

За обедом их сидело четверо — Прайс со своей миловидной рыжеволосой женой и Митчелл с девушкой, которую он раньше никогда не встречал. Звали ее Айлин Новотны. Стройная, сероглазая, сдержанная. Кроме того, как выяснил Митчелл, она была в разводе и жила с малышкой дочерью.

После обеда все сели играть в бридж. Айлин играла хорошо, куда лучше Митчелла. Когда раз-другой ему случилось оплошать, Айлин удостоила его лишь шутливым сочувствующим взглядом. Говорила она мало, голосом низким и приятным, и вскоре Митчелл обнаружил, что всякий раз ждет, чтобы она снова заговорила.

По завершении роббера Айлин встала.

— Рада была познакомиться, Митч, — сказала она и подала ему теплую ладошку. — Спасибо за превосходный обед и чудный вечер, — поблагодарила она Мардж Прайс.

— Уходите?

— Боюсь, я вынуждена... сиделка может оставаться только до девяти, а пока доберешься до Вашингтон-Хайтс, уйдет целый час.

У двери она помедлила, оглянувшись на Митчелла. Он ясно представил себе все последующее: долгие прогулки, уютные ресторанчики, рукопожатия, первый поцелуй... Прайс с женой выжидающе смотрели на него.

— Доброй ночи, Айлин, — сказал он.

Когда она ушла, Мардж принесла пива и, извинившись, оставила их вдвоем. Прайс поудобнее устроился в кресле-«расслабоне» и закурил трубку. Поглядывая поверх кружки на Митчелла, он негромко проговорил:

— Ты мог бы подвезти ее домой, старина.

— И начать все сначала? Нет уж, спасибо, старичок, — сыт по горло.

Прайс помахал горячей спичкой, затем бросил ее в пепельницу.

— Что ж, дело твое.

— Я тоже так считаю.

Прайс неловко заворочался в кресле.

— Итак, я уже выступаю в роли свата, — хмурясь, пробормотал он. — Проклятье, в последнее время мне совсем не нравится твое поведение. Ты все реже отключаешься от провода. Это крайне вредно сказывается на твоём здоровье.

Митчелл ухмыльнулся и протянул Прайсу руку.

— Что, поборемся?

Прайс вспыхнул.

— Ладно, ладно, я знаю, что ты каждую неделю занимаешься в гимнастическом зале. Я говорю о другом, и ты сам прекрасно знаешь о чем, черт побери.

Митчелл сделал изрядный глоток из кружки. Пиво, светлое и хмельное, приятно студило горло. А как насчет свежего пивка ко дню Святого Патрика? Может, добавить туда мяты — самую капельку...

— Скажи хоть что-нибудь, — буркнул Прайс.

Взгляд Митчелла медленно сосредоточился на нем.

— Гм. Думаешь, Дайдрич теперь перестанет докучать? Прайс сделал кислую мину.

— Ладно, если хочешь — сменим тему. Думаю, с Дайдричем теперь проблем не будет. Мы отправили ему полный комплект — кушетку, пульт управления, набор кристаллов. Он на крючке.

— Это ты здорово придумал — поставить перед ним картинку с тремя крестами... А потом еще, на всякий случай, прочел ему отрывок из Евангелия от Матфея. Чертовски хитро, старичок. Поздравляю.

— От Луки, — хмуро поправил Прайс. — Ну да, придумано неплохо.

— Скажи-ка мне вот что, — попросил Митчелл. — Просто ради интереса — а когда ты сам последний раз был под проводом?

— Четыре года назад, — нехотя ответил Прайс.

— И почему?

— Провод на меня плохо действует. — Прайс сцепил руки перед собой, суставы его один за другим шелкнули.

— Провод принес тебе двадцать миллионов, — мягко сказал Митчелл.

— Ты же знаешь, я о другом. — Прайс расцепил руки и наклонился вперед. — Кстати, Пентагон отверг контракт на сорок тысяч учебных кристаллов. Им не понравились результаты повторных проб.

— Потому-то они и пашут как волю, — заметил Митчелл. — Мне от всей души жаль Пентагон.

— А контракта твоей душе не жаль?

— Знаешь, Джеймс, никак я тебя не пойму, — сказал Митчелл. — То ты твердишь, что ментиграф вреднее гашиша, героина, алкоголя и половых извращений. То жалуешься, что нам не удастся сбавить их числом побольше. Как ты это объяснишь?

Прайс даже не улыбнулся.

— Скажем так — я просто хлопотун. От природы. И хотя мне самому наш бизнес не по душе, я чувствую ответственность за корпорацию и делаю для нее все. Это работа. А когда я беспокоюсь о тебе, это — дружба.

— Знаю-знаю, старина.

— Порой мне, может быть, тревожно и за судьбы всего мира, — продолжил Прайс. — Что будет, если каждый заведет себе личный мир грез? Что тогда станет со старым добрым колониальным духом?

Митчелл фыркнул.

— А ты читал о колониальных временах? Я еще год назад увлекся этой темой. Они пили жуткую бурду под названием флип, состряпанную из рома и крепкого сидра, а помещивали ее горячей кочергой, чтобы все хорошенько вспенилось. Имения пьяниц узнавали издалека — по яблоням за забором.

Прайс сбросил ноги с «расслабона» и принял позу мыслителя.

— Хорошо, но как насчет семьи? Да, ты своего добился и можешь проводить основную часть жизни в мире, где все устроено по твоему усмотрению. Ты не нуждаешься в той милой крошке, что ушла отсюда полчаса назад — у тебя есть двадцать куда красивей ее. И они все время под рукой. Зачем жениться, зачем заводить семью? Скажи мне, Митчелл, что будет с миром, если лучшие из мужчин прекратят заниматься производством детей? Что будет с грядущими поколениями?

— Я и на это тебе отвечу.

— Так что?

Митчелл торжественно поднял кружку пива, глядя на Прайса поверх нее.

— А черт с ними со всеми! — провозгласил он.

МАНИПУЛЯТОР

Когда пришел верзила, все на мгновение замерли — словно охотничьи псы в стойке. Пианист перестал барабанить по клавишам, двое пьянчуг бросили распевать на разные голоса, а все остальные милые леди и джентльмены с коктейлями в руках оборвали разговоры и смех.

— Пит! — завопила одна из женщин — и вот он вошел и крепко обнял сразу двух девушек.

— Как поживаешь, радость моя? Ух, так бы и съел тебя, Сюзи, — жаль, уже пообедал. Джордж, ах, старый бандит, — он отпустил девушек, ухватил лысого коротышку с краснеющей физиономией и хлопнул его по плечу, — ты был неподражаем, бесценный мой, — серьезно — просто неподражаем. А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ ВСЕ! — прокричал он и мигом перекрыл голоса, что продолжали талдычить: Пит то, Пит се.

Кто-то протянул ему мартини — и он торжественно застыл с бокалом в руке — высокий, загорелый, в безупречном смокинге — зубы и манжеты так и светятся белизной!

— А у нас был концерт! — сообщил он всем.

Мгновенный пронзительный вопль одобрения — а дальше пошел галдеж: у-нас-был-концерт... черт возьми... Пит... да тише... канцэ-эрт...

Верзила поднял руку.

— Славный получился концерт!

Опять визг и базар.

— И спонсор вроде не кашлял — подписался еще и на осень!

Рев, визг: все хлопали в ладоши, подпрыгивали и пищали. Верзила попытался продолжить — но тут же сдался, ухмыляясь, — а гудящая толпа леди и джентльменов смыкалась вокруг него. Все-все хотели пожать руку, сказать что-то на ухо, обнять.

— Мы вместе! — выкрикнул верзила. — А теперь — как там говорится — давайте маленько оттянемся!

Снова галдеж — пока все разбредались. Из бара послышался энергичный звон бокалов.

— Черт возьми, Пит, — заходился, корчась от восторга, тощий пучеглазый парнишка, — ей-богу, чуть не обоссался, когда ты грохнул тот круглый аквариум...

Верзила так и залился счастливым смехом.

— Ну да, твоя фишка до сих пор у меня перед глазами. И рыба по всей сцене прыгает. Так что же мне оставалось — опускаюсь на колени, — верзила так и сделал, нагибаясь и высматривая на полу воображаемых рыбок, — и говорю: «А ну, ребята, давайте-ка обратно на стол!»

Под взрывы дикого смеха верзила выпрямился. Народ выстраивался вокруг него — задние ряды встали на диваны и пианино — только бы ничего не пропустить. Кто-то крикнул:

— Пит, спой песенку золотой рыбки!

Одобрительные возгласы: давай-Пит-песенку-золотой-рыбки.

— Ладно, ладно. — Ухмыляясь, верзила примостился на подлокотнике кресла и поднял бокал. — Айн, цвай — маэстро, музыку! — Перепалка у пианино. Кто-то бахнул пару-другую аккордов. Верзила соорудил уморительную физиономию и затянул: — Ох-ох, как неплохо... быть маленькой рыбехой... лишь покажешь хвостик... девки тянут в гости.

Общий хохот — и громче всех смеялись девушки — алые ротики раскрывались с риском вывихнуть челюс-

ти. Одна раскрасневшаяся блондинка положила руку верзиле на колено, а другая потеснее прижалась к нему грудью.

— А если серьезно... — прокричал верзила.

Новый взрыв смеха.

— Нет, серьезно, — звенящим голосом произнес он, когда стало потише. — Я хочу со всей серьезностью заявить вам, что никогда не сумел бы повернуть это в одиночку. А раз я вижу здесь сегодня вечером кое-кого из иностранцев, литераторов и прочих деятелей прессы, то хотел бы представить всех, кто готовил концерт. Прежде всего Джорджа — вот он, наш трехпалый дирижер, — никто на всем белом свете не смог бы проделать того, что он сегодня проделал — Джордж, я тебя люблю.

Он сжал в объятиях краснеющего лысого коротышку.

— Теперь — самая моя драгоценная. Рути, где же ты? Прелесть моя, ты была бесподобна, само совершенство — серьезно, детка...

Он поцеловал молодую брюнетку в алом платье — та всплакнула и спрятала лицо на его широкой груди.

— И Фрэнк... — Он потянулся и ухватил за рукав тогощего пучеглазого парня. — Как мне тебя благодарить? Бесценный мой!

Тощий заморгал, вконец растерявшись; верзила хлопнул его по спине.

— Сол, Эрни и Мак, наши сценаристы — им позавидовал бы Шекспир...

Все они один за другим подходили, пока верзила называл их по именам; дамы целовались с ним и пускали слезу.

— Мой дублер, — продолжал перечислять верзила. — Мой посыльный. Ну а теперь, — торжественно произнес верзила — вокруг немного притихло, все охрипли и раскраснелись от воодушевления, — теперь я хочу, чтобы вы поприветствовали моего манипулятора.

Вдруг наступила мертвая тишина. На лице у верзилы появилось потрясенное, озабоченное выражение — слов-

но от внезапной боли. Затем он застыл в неподвижности. Даже не моргая и не дыша. А мгновение спустя у него за спиной началось какое-то копошение. Сидевшая рядом на подлокотнике кресла девушка встала и отошла в сторону. Смокинг верзилы раскрылся на спине, и оттуда выбрался коротышка с потной смуглой физиономией под копной черных волос. Очень низкорослый, почти карлик, с сутулыми плечами и сгорбленной спиной; одет он был в мокрую от пота коричневую футболку и шорты. Выбравшись из полости в теле верзилы, коротышка аккуратно прикрыл за собой смокинг. Верзила сидел неподвижно, на лице у него застыло придурковатое выражение.

Коротышка слез с кресла, нервно покусывая губы.

— Привет, Гарри, — слышалось несколько одиноких голосов.

— Привет-привет, — отозвался Гарри и помахал всем рукой. На вид ему было лет сорок. Крупный нос, карие глаза. Надтреснутый, невнятный голос. — Ну что, концерт все-таки получился, правда?

— Конечно-конечно, Гарри, — тактично отозвались они.

Коротышка вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Жарко там, — пояснил он со сконфуженной улыбкой.

— Заметно, что жарко, Гарри, — ответили они. В задних рядах начали отворачиваться и обмениваться впечатлениями о концерте; галдеж нарастал.

— Слушай, Тим, можно мне чего-нибудь выпить? — робко спросил коротышка. — Не хотелось бы его оставлять... ты же знаешь... — Он кивнул в сторону безмолвного верзилы.

— Само собой, Гарри, — а чего тебе принести?

— Ну... чего-нибудь... может, пива?

Тим принес кружку пива, и коротышка принялся жадно глотать янтарный напиток, нервно шаря глазами по сторонам. Все уже разбрелись кто куда, а несколько человек собрались уходить.

— Рути, — обратился коротышка к проходившей мимо брюнетке, — послушай, Рути, здорово было, когда аквариум разбился, правда?

— А? Извини, солнышко, я не расслышала. — Она наклонилась к нему.

— Гм... да вот... а, не важно. Ничего. .

Брюнетка положила руку ему на плечо — и тут же убрала.

— Извини, дружок, мне надо поймать Роббинса, пока он еще здесь. — Она направилась к двери.

Коротышка поставил кружку на столик и сел, нервно сплетая узловатые пальцы. Рядом с ним остались только лысый и пучеглазый. Неуверенная улыбка то и дело появлялась у него на лице; наконец он взглянул на лысого, затем на пучеглазого.

— Ну что, — начал он, — считайте этот концерт у нас в копилке, м-да, но знаете, ребята, думаю, нам пора уже задуматься о том, чтобы...

— Слушай, Гарри, — серьезным тоном произнес лысый, наклоняясь к его уху, — залез бы ты обратно.

Коротышка некоторое время смотрел на лысого виноватыми собачьими глазами, затем смущенно кивнул. Неуверенно поднялся, сглотнул слюну и пробормотал:

— Ну что ж... — Он забрался на стул позади верзилы, раскрыл смокинг у него на спине и поставил ногу внутрь. Лысый и пучеглазый заинтересованно наблюдали за ним. — Думал, еще немного потерплю, — вяло пробормотал он, — но, похоже... — Протянув руку, он ухватился за что-то внутри верзилы и залез туда.

Верзила вдруг заморгал и выпрямился.

— Эй вы, там! — воскликнул он. — Что стряслось? А ну-ка, давайте малость оттянемся, малость подвигаемся... — Леди и джентльмены с загоревшимися лицами снова начали обступать Пита. — Вот что, ребята, — а ну-ка, все послушали ритм!

Верзила принялся бить в ладоши. Пианино подхватило. Все остальные присоединились.

— Вы мне, ребята, вот что скажите — живые мы тут? Или ждем, пока пришлют носилки? А ну-ка еще разок — я вас не слышу! — Стоило ему приставить ладонь к уху, как в ответ раздался радостный рев. — А ну, давайте-ка

еще разок — чтобы я вас хорошенько услышал! — Оглушительный рев. И возгласы: — Пит!.. Пит!..

— Ничего не имею против Гарри, — серьезно заявил лысый пучеглазому в самом эпицентре гвалта. — Я хочу сказать, для обывателя он просто клад.

— Понял тебя, — отозвался пучеглазый. — А по-моему, он не шутит.

— Пожалуй, — согласился лысый. — Но, черт возьми... эта потная футболка... и вообще...

Пучеглазый пожал плечами.

— И что ты намерен делать?

А потом оба они разразились смехом, когда верзила строил уморительную физиономию — язык наружу, глаза в кучу — Пит-Пит-Пит — все ходило ходуном — и вправду, сногшибательная вечеринка — и все было в полном порядке — все катилось дальше и дальше — в ночь.

АУТОДАФЕ

Властитель мира сидел на балконе высокой башни, прислушиваясь к завыванию ветра. Он был пьян. И непременно напьется еще сильнее — а когда станет плохо, собаки позаботятся о нем. А завтра после обеда все повторится вновь.

Пес Роланд лежал у самых ног хозяина — но недостаточно близко, чтобы пнуть. Для человека верный и терпеливый взгляд пса был чем-то сродни зуду — чем-то сродни струпу на незаживающей ране, который никак не почесать. «Вот мы тут сидим, — размышлял он с вялым сарказмом, — последний мужчина и последний пес. В этом мире сук».

Властитель взглянул на пса и увидел седую шерсть во круг огромных, налитых кровью глаз, отвислый подгрудок, желтые клыки. «А ты тоже стар, приятель, — с горьким удовлетворением подумал он. — Следующее столетие ты не протянешь».

И люди и собаки — все в конце концов умирали. Собаки жили в лучшем случае лет пятьсот — никакие потуги их хозяев не могли дать им больше. Но все же раса собак была еще в силе — а раса людей подходила к концу.

Собак оставалось ровным счетом пятьдесят девять — пятьдесят восемь сук и один Роланд.

И оставался лишь один человек, который теперь мог называть себя властителем мира, или далай-ламой, или

кем угодно по своему усмотрению, поскольку никто не мог оспорить этот титул. Не с кем было поговорить и некого вспомнить.

Властителю мира исполнилось девять тысяч и сколько-то там еще сотен лет. Когда-то в молодости он получал органические ингибиторы, замедлявшие процесс созревания и увядания почти до нуля... В возрасте одной тысячи лет он был мужчиной лет тридцати, а в возрасте двух тысяч — без малого сорока. Золотые годы зрелости и расцвета не завершались, казалось, вечность.

Но так же растягивались и годы увядания. Более тысячи лет он был дряхлым стариком. И тысячу лет он умирал.

Собаки поддерживали в нем жизнь. Они обслуживали его, заботились о машинах, выполняли работу, для которой сам он уже не годился. Умные собаки, верные собаки — они будут жить и после его смерти.

С горьким сожалением Властитель подумал о своей матери. Он едва помнил ее — она умерла четыре тысячелетия назад. Если бы она родила дочь, ему не пришлось бы коротать свои последние дни в тоскливом одиночестве.

Сам он так и не смог стать отцом — даже в лучшие свои годы.

«Не то что псы, — угрюмо подумал он. — Они-то совокуплялись с пользой. Не только для собственного удовольствия. В молодости я и думать не хотел о ребенке. А у собак только это на уме».

Он снова взглянул на Роланда, и хвост пса глухо застучал по каменному полу.

Сердце в старческой груди сдавила тоска. Он представил себе большеголовых щенков, собравшихся вечером у огня, слушающих рассказы старших псов о Человеке.

И так столетие за столетием... возможно, когда-нибудь они вообще забудут про древнюю расу хозяев. Возможно, тоска и чувство потери постепенно превратятся в смутную грусть по утраченному. И со временем постоянный поиск Человека сделает их великими.

А все труды Человека будут забыты, потеряны для вечности — окажутся лишь малозначащей прелюдией к владычеству Собаки.

Эта мысль невыносимо обостряла его боль. Он поднял высокую глиняную кружку, стоявшую рядом на столе, и отхлебнул пива. Поперхнулся. Спиртное теперь с трудом ложилось в грудь. Все меньше душа принимала из этого мира.

Он глотнул второй раз и с шумом втянул в себя воздух.

— Кружка пуста, — сказал он. — Принеси еще.

Роланд тут же вскочил, виляя своим дурацким хвостом.

— Есть, хозяин, — и убежал, зажав кружку в неуклюжих лапах.

Роланд торопился, стараясь не обращать внимания на боль в крестце и ломоту в конечностях. Несмотря на селекционную работу, собачье тело все же не было приспособлено для прямохождения. Дар был принят и стал предметом гордости — но за него приходилось платить. Преклонный возраст сказывался: самые старые собаки не выдерживали и позорно трусили на всех четырех. Роланд считал, что стыд при этом заметно сокращал их жизни.

Впрочем, подлинные мучения начинались, когда приходили сомнения. Делать то, что повелевает долг или следовать велениям хозяина, пусть даже злого, глупого, ревнивого и жестокого — но господина. Подчинение было радостью, абсолютной необходимостью; даже если хозяин скомандовал бы «Убей меня!», собака обязана была подчиниться — пусть ее сердце и разрывалось бы от жалости.

Какая радость послужить, наполнить кружку — и какая же боль, поскольку спиртное было ядом замедленного действия. И еще на границе долга и воли хозяина оставался насущный вопрос размножения. Необходимо было как можно скорее уладить его.

Остальные самцы погибли — одни из-за неловкости, другие из-за слишком длинного хвоста, еще кто-то из-за

привычки пускать слюни или вследствие неудачного окраса — или просто потому, что хозяин был раздражен. Роланд знал, что смерти собак были не случайны.

Но срок семени уже подходил к концу, а приказа о размножении Роланд все еще не получал. Пищевая машина по-прежнему добавляла в собачью пищу химический препарат-стерилизатор.

Самая молодая сука из ныне живущих смогла бы прожить не более трех сотен лет. А хозяин, если его как следует обслуживать, протянет еще тысячу.

И в мыслях его вновь закрутились картины смерти хозяина — одинокой, жалкой смерти бесприютной дворняги...

Собаки должны размножаться. Хозяин должен отдать приказ.

Роланд нацедил кружку и, задышавшись, стал карабкаться вверх. У двери стояла одна из самок. Она не заговорила с ним, но в ее выжидательном взгляде ясно читался немой вопрос.

Роланд сокрушенно покачал головой и направился дальше.

Он поставил кружку на столик. Хозяин, похоже, и не заметил его. Ссутулившись среди подушек, заполнявших его серебристо-эбеновый трон, он уставился куда-то в небо. Ожесточенное лицо Властителя было теперь ослабленным, почти мирным.

Может статься, он вспоминал о днях своей юности, когда он прошел весь свет и подчинил его своей воле. А может быть, размышлял о величии предков — об опоясывавших земной шар машинах, о громадных городах, о глубинах разума, сумевшего проникнуть в тайны вселенной.

Время было подходящее — Роланд решил не откладывать. Сердце его болезненно колотилось, а в горле совсем пересохло, когда он промямлил:

— Хозяин, можно мне сказать?

Человек повернул голову, и его воспаленные глаза удивленно сосредоточились на морде Роланда.

— Ты уже вернулся? — с трудом выговорил он. — А где кружка?

— Здесь, хозяин, — ответил Роланд, пододвигая кружку вперед. Подождав, пока Властитель пригубит чашу, он повторил вопрос: — Хозяин, можно мне сказать?

Человек рыгнул и вытер покрытые пеной губы.

— Ну что там еще?

Слова смущенно выскочили из горла пса.

— Хозяин, я последний пес, — смущенно заговорил Роланд. — И срок моего размножения подходит к концу. Если мы не размножимся, то за вами некому будет ухаживать, когда вымрет последнее поколение.

В направленных на пса человеческих глазах светилась откровенная враждебность.

— Так размножайся, — брезгливо сказал человек. — И можешь не обращаться ко мне за разрешением заняться своим собачьим блудом.

Лицо Роланда запылало от стыда.

— Хозяин, для того чтобы размножаться, я должен остановить поступление химикатов в пищу.

— Так останови.

Роланд понимал, что идет какая-то игра. У хозяина было плохо с памятью, но не настолько. Впрочем, хотя надежда и была слаба, настроение Роланда несколько улучшилось. Если это игра, значит, она доставляет хозяину удовольствие.

— Хозяин, это автоматическое устройство, — напомнил пес. — На контрольном барабане стоит ваша печать.

Некоторое время человек молча разглядывал его, костлявой рукой почесывая щетину на подбородке.

— А-а, так вот в чем дело, — протянул он. — Значит, тебе нужно, чтобы я распечатал барабан — тогда ты сможешь произвести на свет еще одно поколение грязных скулящих щенят?

— Да, хозяин.

— Ты хочешь, чтобы твои отродья пережили меня?

— Нет, хозяин!

Полчища неопиcуемых чувств сражались в сознании Роланда. Он ощущал и стыд, и ужас, и безграницное отчаяние; и в то же самое время понимал, что должен ощутить все это, и был рад. Ибо собака, как бы хороша она ни была, есть собака, а человек, как бы низок он ни был, есть человек.

Хозяин медленно проговорил:

— Так что же тебе в таком случае нужно, Роланд?

— Чтобы вы жили, — ответил пес, и голос его дрогнул. Медленные, редкие слезы его расы потекли у него по щекам.

Человек немного помолчал, затем отвернулся.

— Ладно, неси барабан сюда, — сказал он.

Самка ждала его на лестничной площадке; с ней были еще две. Когда Роланд приблизился, они сперва робко отпрянули, но чувство долга поддержало их.

— Уже?..

— Да! — ответил Роланд. Он поспешил вниз по спуску, а самки последовали за ним. На каждой площадке к ним присоединялись и другие — одни неслись впереди него, другие наседали сзади. Вскоре они заполнили весь коридор восторженным лаем и поскуливанием.

В пищевом помещении его поджидал еще десяток самок, сгрудившихся рядом со шкафчиком у дальней стены; когда Роланд приблизился, они почтительно разошлись. Осторожно, с благоговением, он вскрыл корпус и вытащил длинный барабан, обмотанный проволокой и запечатанный восковой хозяйской печатью.

Властитель мира сидел на троне из эбенового дерева и серебра, упираясь взглядом в пустую, бессмысленную физиономию неба. Из коридора, провонявшего псиной, доносилось отдаленное эхо собачьего ликования.

«Роланд уже все им рассказал», — подумал он, чувствуя себя совершенно измотанным и безвольным. Он понимал,

что дать собакам плодиться просто необходимо — иначе пострадает он сам — умрет в мучении и одиночестве.

Властитель никак не мог продлить свою жизнь, не избавив от смерти и собак — вот что было для него горше желчи...

Роланд вбежал, запыхавшись, и осторожно положил барабан рядом с хозяином.

Человек взял его в руки — тонкую трубку из серебристого металла, усеянную каналами схемы и гнездами, обмотанную проволокой и запечатанную красным воском его личной печати.

Сколько лет назад он ее запечатал? Сто? Двести? Впрочем, и тогда он догадывался, что этот день однажды настанет.

Он взглянул на застывшего в ожидании пса — и к своему крайнему удивлению вспомнил, что в дни его юности предок Роланда — его точная копия — был его другом. Он много лет скорбел о смерти того пса.

Как же все могло так перемениться? Он снова взглянул на Роланда, увидел его широкие спутанные брови, полные преданности глаза. Здесь ничего не изменилось. Подумать только, насколько верной была эта раса. Тысячелетие за тысячелетием выдерживала она от рассвета истории человеческое иго. Чем заслужили люди подобную преданность? И чем могли за нее расплатиться?

Да, изменился именно Человек — и только он. Человек был безнадежным должником, испорченным и нецельным. Собаки куда ценнее...

И они выживут.

Но в следующий миг к нему вернулось прежнее видение: мир собак, забывших Человека, — и чувство вины рассеялось, подавленное тупым, ожесточенным гневом.

Он стиснул контрольный барабан в кулаке, словно это жалкое усилие могло сломать трубку.

— Хозяин... — неуверенно проговорил Роланд. — Что-нибудь не так?

— Не так? — переспросил человек. — Ну, не для тебя. Твои-то отродья унаследуют Землю. Кучка... грязных, паршивых, шелудивых *псов*.

Слова Властителя вылились в дрожащем, старческом вое. Он воздел руку с зажатым в ладони барабаном, сам не зная, что собирается делать.

— Хозяин? Вы снимете печать с барабана?

Слезы ярости брызнули из глаз человека.

— Вот твой проклятый барабан, — прохрипел Властитель. — Поймай — и делай с ним, что хочешь! — И со всей своей уходящей силой он взмахнул рукой — барабан закувыркался в воздухе за парашютом.

Роланд действовал не раздумывая. Лапы его заскребли по каменным плитам, мышцы напряглись древним, как его раса, узором; затем он на мгновение ощутил под собой гладкую слоновую кость балюстрады.

И в последнем тщетном прыжке бросился за барабаном, пронесившимся над ним по широкой дуге. А потом уже не было ничего, кроме бешеного ветра.

Властитель мира сидел на троне, а в ушах его звенел неумолчный вой сук.

ЧЕТВЕРО В ОДНОМ

1

Джорджу Мейстеру однажды уже приходилось видеть нервную систему человека — на демонстрационном макете. Покров напыляется на тончайшие волокна и наращивается до различимой глазом толщины, а затем все нежелательные ткани растворяются и заменяются прозрачным пластиком. Изумительная работа; проделал ее один малый с третьей планеты системы Торкаса — как бишь его? Впрочем, не важно: главное — Мейстер имел представление о том, как он сам теперь должен выглядеть.

Следствие — естественные искажения зрительного восприятия: к примеру, он почти не сомневался, что нейроны между его глазами и зрительным центром растянулись по меньшей мере сантиметров на тридцать. Также, без всякого сомнения, вся система в целом была странным образом частично скручена, частично растянута, поскольку сдерживавших ее мышц уже не существовало. Отметил он и другие изменения, видимо — результат глобальных структурных различий. Впрочем, факт оставался фактом: Джордж Мейстер — а вернее, все, что он мог назвать *собой* — был теперь всего лишь парой глаз, головным и спинным мозгом — неким замысловатым узором нейронов.

Джордж на мгновение закрыл глаза, что освоил совсем недавно — и очень этим гордился. Тот первый длительный период, когда Джордж не мог контролировать ни движения, ни зрения, был крайне неприятен. Позднее он пришел к выводу, что беспомощность была результатом длительного действия какого-то обезболивающего средства, державшего мозг в бессознательном состоянии, пока тело... А-а, ладно.

Возможно, просто ветви нейронов еще не успели закрепиться в новых положениях. Возможно, в будущем он разберется в своих гипотезах. Но в самом начале — он мог только видеть, но не двигаться... и даже не догадывался о том, что произошло, когда он упал вниз головой в бурозеленую с радужными разводами лужу студня... тогда все это просто приводило его в отчаяние.

Мейстер задумался, как к этому отнеслись другие. Да, там оказались еще и другие — он знал, поскольку время от времени приходилось испытывать резкую боль внизу, где должны были находиться его ноги, — двигавшийся перед глазами пейзаж в это мгновение замирал. Значит, рядом работал другой мозг, тоже угодивший в ловушку слизняка и пытавшийся двигать их общим телом в другом направлении.

Обычно боль немедленно прекращалась, и Джордж мог продолжать посылать команды вниз, тем нервным окончанием, что раньше принадлежали пальцам его рук и ног — в результате желеобразное тело по-прежнему потихоньку ползло вперед. Когда же боль возобновлялась, Джорджу не оставалось ничего другого, как прекратить движение, пока другой мозг не откажется от своих претензий — Джордж при этом оказывался в положении пассажира в каком-то вяло ползущем транспорте, — или пытался согласовать свои движения с потугами чужого мозга.

Мейстер задумался, кто же еще мог сюда угодить... Вивьен Беллис? Майор Гамбс? Мисс Маккарти? Или все трое разом? Любой ценой он должен это выяснить.

Он еще раз попытался опустить глаза — и был вознагражден: будто в тумане, взгляд выхватил длинную, узкую

ленту — пеструю, буро-зеленую — которая мучительно медленно двигалась вперед по сухому руслу реки. Уже примерно час — а то и больше они пересекали это бесконечное русло. Прутья и кусочки сухой растительности неизвестного происхождения налипли на пыльную, полупрозрачную поверхность.

Мейстер явно совершенствовался в созерцании мира — прежде удавалось разглядеть только краешек своего нового тела.

Когда он вновь поднял взгляд, дальний берег реки заметно приблизился. Сразу за берегом маячило скопление жестких темно-коричневых побегов, произраставших на скалистом выступе; Джордж взял немного влево. За таким вот побегом он и потянулся в тот раз, а потом потерял равновесие и оказался в своем теперешнем состоянии. И поделом — не распускай руки.

Тем более что растение это большого интереса из себя не представляет. Далеко не каждая новая форма жизни достойна внимания. Впрочем, Джордж был убежден, что успел вляпаться в самый интересный организм на этой планете.

Мейстерий такой-то, подумал он. Ему еще не удалось остановиться на каком-то определенном видовом названии — чтобы принять решение, требовалось еще многое узнать об этой твари — но то, что это должен был быть именно *мейстерий*, было несомненно. Это — его открытие, и никто не отнимет его у Мейстера. Или — как ни прискорбно — не отнимет Мейстера от его открытия.

Тем не менее мейстерий был организмом действительно замечательным. Простой, как медуза; только на планете с такой незначительной силой тяжести он смог бы выползти из моря. Мозга, скорее всего, никакого — и полное отсутствие нервной системы. Зато непревзойденный механизм приспособляемости и выживания. Не двигаясь с места (точно ворох листвы или другого сора), он запросто позволял своим противникам развивать высокоорганизованную нервную ткань, пока

один из них не падал в него — а затем извлекал для себя пользу.

Впрочем, мейстерий не паразит, ни в коем случае — это подлинный симбиоз, причем симбиоз такого высокого уровня, какого Джордж еще не встречал ни на одной планете. Захватчик обеспечивал пленный мозг питанием; а тот, в свою очередь, служил интересам захватчика, доставляя его до пищи и оберегая от опасности. Ты меня ведешь, а я тебя кормлю. По крайней мере, честно.

Теперь они подползли к растению совсем близко, почти вплотную. С виду, как Джордж и предполагал, ничего интересного — сорняк, одним словом.

Тело его преодолеvalo невысокий холм, который под его углом зрения казался просто исполином. Джордж старательно вскарабкался на вершину. Его глазам открылась еще одна лощина. Ясное дело, так могло продолжаться до бесконечности.

Солнце находилось у самого горизонта. Он обратил внимание на тень, отбрасываемую телом. Избранный путь вел его куда-то на северо-запад, точнее — в противоположную сторону от лагеря. Пока что удалось одолеть несколько сотен метров; теперь даже ползком он легко мог бы покрыть это расстояние... если бы повернул назад.

От одной этой мысли Мейстеру стало не по себе, хотя странно — он сам толком не знал почему. И тут до него вдруг дошло — он и близко не напоминает попавшего в беду человека; скорее, он представляет из себя чудовище, в котором увязли полупереваренные останки одного или нескольких человек.

И если бы Мейстер в своем теперешнем состоянии приполз в лагерь, его наверняка пристрелили бы, не задавая лишних вопросов — вероятность того, что вместо автомата прибегнут к усыпляющему газу, была ничтожно мала.

Нет, решил Мейстер, курс взят верный. Требуется убраться от лагеря как можно дальше, пока его не об-

наружила спасательная партия, которая уже, вероятно, пустилась по его следам. Остается одно — спрятаться где-нибудь в лесу и тщательно изучить свое новое тело: выяснить, как оно действует и что с ним делать, выяснить, действительно ли он здесь не один, и попытаться наладить сообщение с остальными.

Вяло, будто лужа каши, сползающая со скатерти, Джордж начал спуск в лощину.

Обстоятельства попадания Джорджа в *мейстерий* такой-то, вкратце заключались в следующем.

Вплоть до самой середины двадцать первого столетия миллионы людей в восточном полушарии Земли все еще забавлялись игрой, придуманной древними японцами. Игра называлась «го». Хотя правила ее просты и понятны даже детям, стратегия го включала в себя больше вариантов, чем в шахматах — и была сложнее для совершенствования.

На вершине развития го — пока геологическая катастрофа не унесла большинство приверженцев игры — в го играли на доске с девятью сотнями небольших углублений, используя маленькие чечевицеобразные фишки. Делая ход, один из игроков ставил фишку на доску, стараясь захватить как можно больше территории.

Никаких других правил не было; и все же у японцев ушло почти целое тысячелетие, пока они доработали ее до той самой доски тридцать на тридцать, добавляя, возможно, по одному ряду в столетие. Столетие оказалось не слишком долгим сроком, чтобы досконально исследовать все возможности, предоставляемые дополнительным рядом.

И вот, к тому времени, когда Джордж Мейстер рухнул в буро-зеленого студнеобразного монстра, к концу двадцать третьего столетия нашей эры, в некую разновидность го играли на трехмерном поле, содержавшем более десяти миллиардов позиций. Доской была галактика, позициями — планетные системы, а люди оказались фишками. Наказанием проигравшему стала аннигиляция.

Галактику колонизировали два противоборствующих союза. На ранних стадиях конфликта на планеты совершались нападения, сбрасывались бомбы и даже произошло несколько сражений между космическими флотилиями. Позднее столь неорганизованная стратегия стала невозможной. Началось производство триллионов солдат-роботов, вооружения которых хватало, чтобы стереть друг друга в порошок. Отныне боевые роботы наводняли пространства космоса точно стаи рыб.

Внутри подобного защитного экрана люди, населявшие планету, были полностью защищены от атак и любого другого вмешательства извне... до тех пор, пока враг не преуспевал в колонизации близлежащих планетных систем настолько, чтобы установить и удерживать там второй экран — снаружи первого. Это была настоящая игра го — здесь она игралась в немыслимых условиях, и ставки соответственно были бешеными.

Отсюда и спешка — торопились все как один, включая потомков каждого вплоть до седьмого колена. Обращение давалось по сжатой, форсированной программе. Люди рано женились и бешено размножались. А если человек, как в случае с Джорджем, получал назначение в передовой экологический отряд, то там ему приходилось работать и вовсе без мало-мальски приличной подготовки.

Очевидно, самым благоразумным подходом к освоению новой планеты с неизвестными формами жизни могло стать лишь, на худой конец, десятилетнее иммунологическое исследование, проводимое на полностью загерметизованной станции. После уничтожения наиболее вредных бактерий и вирусов можно было бы отважиться на небольшие, предельно осторожные полевые работы и изыскания. Наконец, по прошествии, скажем, пятидесяти лет рискнуть и высадить колонистов.

Только вот времени на это не было.

Через пять часов после посадки отряд Мейстера разгрузил сборные конструкции и установил бараки, способные вместить две тысячи шестьсот двадцать восемь

членов личного состава. Часом позже Мейстер, Гамбс, Беллис и Маккарти отправились в путь по ровной площадке пепла и золы, оставленной хвостовыми ракетами их транспортного корабля — следам близлежащей растительности на шестьсот метров вокруг. Им предстояло разведать извилистую тропу, что уводила от лагерной стоянки на расстояние тысячи метров, а затем вернуться с материалами для исследования — позаботившись, разумеется, о том, чтобы все слишком большое и голодное было уничтожено автоматным огнем до того, как успело бы употребить их в пищу.

Мейстер числился в экспедиции биологом, и его стройный торс полностью исчез из виду, обвешанный коробочками для сбора проб. Майор Гамбс нес на себе аптечку, бинокль и автомат. Вивьен Беллис, чьи познания в минералогии ограничивались предписанным для ее ранга трехмесячным курсом, прихватила с собой лучевое ружье, молоток и мешок для сбора образцов. Мисс Маккарти — имени ее не знал никто — не имела конкретного научного задания. Она присматривала за благонадежностью группы. У мисс имелись два короткоствольных пистолета и полностью загруженный патронташ. Единственной и первостепенной задачей Маккарти было разнести череп любому члену группы, замеченному в использовании недозволенного средства связи, или другом отклонении в поведении.

На каждом из членов экспедиции были тяжелые перчатки и грузные ботинки, а головы скрывались под шарообразными шлемами, соединенными с комбинезонами. Дышали они через респираторы. Сквозь их фильтры не могло проникнуть ничего крупнее молекул кислорода.

Совершая второй круг своего обхода вокруг лагеря, путешественники натолкнулись на невысокий кряж и несколько узких крутых лощин, большинство из которых были полны серовато-коричневых стеблей мертвой растительности. Когда они стали спускаться в одну из лощин, Джордж, который следовал третьим — Гамбс впереди, за

ним Беллис, а Маккарти за спиной у Джорджа, — наступил на каменную плиту, желая осмотреть поближе некие стебли, укоренившиеся на ее дальней стороне.

На этой планете вес Мейстера составлял немногим более двадцати килограммов, а плита казалась надежно вросшей в склон. Однако он сразу почувствовал движение под ногами. Тут он понял, что падает, вскрикнул, перед глазами его мелькнули фигуры Гамбса и Беллис — будто в ускоренной киносъемке. Следом донеслось громохание камней. Затем Мейстер увидел нечто, поначалу показавшееся ему потрепанным одеялом из грязи и листвы, наплывающим навстречу, и последней его мыслью было: «Посадка, похоже, предстоит мягкая...» Потом Мейстер очнулся, чувствуя себя похороненным заживо, и единственной живой его частью остались глаза.

Много минуло времени, пока бешеные усилия Мейстера сделать хоть какое-то движение не увенчались наконец относительным успехом. И с тех пор поле его зрения медленно, но верно продвигалось вперед примерно метр на каждые пятьдесят минут, учитывая, что потуги со стороны чинили препятствия его собственным.

Хотя печальный вывод о том, что от бывшего Джорджа Мейстера не осталось ничего, кроме нервной системы, никакими фактами не подкреплялся, основания для такого убеждения были прискорбно сильны. Во-первых, анестезия первых часов уже отошла, а тело ровным счетом ничего не сообщало ему о положении туловища, головы и четырех конечностей, которыми он обладал прежде. Казалось, будто его неким образом расплющили и размазали по необъятной поверхности. Когда Мейстер пытался пошевелить пальцами рук и ног, мышцы откликнулись со всех сторон разом, так что он почувствовал себя многоножкой. Кстати, он не дышал. Тем не менее мозг его обеспечивался необходимым питанием и кислородом — голова работала нормально, сознание оставалось незатуманенным.

Кроме того, он не проголодался, хотя постоянно тратил энергию. Для этого оставались две вероятные причи-

ны. Первая — он не чувствовал голода из-за отсутствия желудочной оболочки, а вторая — организм, в котором он перемещался, вполне насытился той излишней тканью, которой обеспечил его Джордж...

Два часа спустя, на закате солнца, пошел дождь. Джордж увидел крупные, медленно падавшие капли и почувствовал их тупые удары по его новой «коже». Джордж склонялся к мысли, что дождь ему не повредит — но на всякий случай заполз под раскидистый куст с крупными, окаймленными бахромой листьями. К тому времени, как дождь перестал, уже совсем стемнело, и Мейстер решил, что может остаться здесь до утра. Усталости, как ни странно, он не чувствовал. Джордж задумался, а нуждается ли он в самом деле во сне. Затем расслабился как мог, и стал ждать, что ответит его новое тело.

Прошло неведь сколько времени, а он по-прежнему бодрствовал и так и не принял решения, когда вдали высветилась пара медленно и неуклонно приближавшихся к нему тусклых огней.

Джордж наблюдал со вниманием, проистекавшим как из профессионального интереса, так и из дурных предчувствий. Со временем, когда огни приблизились, он выяснил, что крепятся они на длинных тонких стеблях, росших из фигуры неопределенных очертаний, волочившейся следом. Вполне вероятно, огни могли оказаться органами освещения, как у некоторых глубоководных рыб, или просто фосфоресцирующими глазами.

Сознание Джорджа напряженно заработало. Джордж отметил появившееся у него напряженное чувство. Похоже, где-то в системе его организма выделялся адреналин. Впрочем, для обдумывания времени не оставалось. Сейчас Джорджа гораздо больше волновал другой вопрос: был ли этот приближавшийся организм чем-то, чем *мейстерий*

такой-то питается, или он относился к виду питающихся *мейстерием таким-то*? И что в последнем случае ему оставалось делать?

Хотя, как ни крути, оставаться там, где он сидел, представлялось целесообразным. Тело, которое он населял, в своем обычном, ненаселенном состоянии пользовалось мимикрией и не было приспособлено для скоростного передвижения. Так что Джордж сидел неподвижно и выжидал, полузакрыв глаза, размышляя о возможной природе приближавшегося животного.

Тот факт, что оно ведет ночной образ жизни, еще ничего не значил. Ночной образ жизни вели и мотыльки, и летучие мыши — нет, черт бы побрал этих летучих мышей — ведь они были плотоядными... Светящееся существо приблизилось, и Джордж разглядел тусклый блеск пары длинных узких глаз, нависавших над двумя стеблями.

Затем существо разинуло пасть.

Полную острых, как кинжалы, зубов.

Джордж вдруг оказался втиснутым в какую-то трещину в скале, сам не в силах припомнить, как он туда забрался. Он помнил только разлетавшиеся по сторонам ветки — хищная тварь набросилась на него — и мгновение отчаянной боли. А потом ничего, кроме мелькания освещенных звездами листьев и земли.

Просто невероятно. Как ему удалось сбежать?

Он ломал над этим голову, пока не забрезжил рассвет, а затем, оглядев себя, заметил нечто новое. Под гладким краем студнеобразной плоти обнаружились три или четыре каких-то выступа. Тут Джорджа осенило, что и камень, находившийся под ним, он тоже чувствовал по-другому; теперь Мейстеру стало казаться, что он не слизень, прилипший к каменной поверхности, а скорее сороконожка.

Он согнул на пробу один из выступов, затем высунул его прямо перед собой. Новая конечность оказалась неуклюжей карикатурой — нечто среднее между пальцем и ногой, и при этом всего с одним суставом.

Джордж долгое время лежал неподвижно, с максимальной сосредоточенностью размышляя о случившемся. Затем снова пошевелил своей култей. Она по-прежнему была на месте, столь же плотной и реальной, как и все тело Джорджа.

Для пробы он двинулся вперед, посылая нервным окончаниям на кончиках пальцев те же команды, что и раньше. Тело так проворно выскользнуло из трещины, что Мейстер чуть не сверзился с небольшого обрыва.

Если раньше Мейстер полз со скоростью улитки, то теперь он передвигался стремительно, словно насекомое.

Но как?.. Вне всякого сомнения, в страхе перед бросившейся на него зубастой тварью он бессознательно попытался удрать, как если бы у него по-прежнему были ноги. Не в этом ли причина трансформации?

Джордж снова подумал о той плотоядной твари и о ее жутких стебельчатых глазах. Мейстер зажмурился и представил себе, как его глаза выдвигаются вперед, как растут подвижные стебли, соединяющие их с телом. Он попытался внушить себе, что глаза у него именно такие и всегда были такими и что все мыслимые существа во все мыслимые времена носили глаза на стеблях.

Что-то, вне всякого сомнения, происходило.

Джордж снова открыл глаза и обнаружил, что упирается взглядом в землю, причем так близко, что все расплывается. Он устремил взгляд вверх. В результате поле его зрения переместилось лишь на десять—двенадцать сантиметров.

И в этот миг чей-то голос разорвал безмолвие. Звучал он так, будто кто-то пытался дозваться сквозь полуметровый слой жира.

— Уррхх! Ллюхх! Иирахх!

Джордж судорожно вскочил, выполнил искусный разворот и перекинул свои глаза на двести сорок градусов. И не увидел ничего, кроме скал и лишайников. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что мимо него движется крошечная оранжево-зеленая гусеница или личин-

ка. Джордж долго и подозрительно разглядывал ее, пока снова не донесся тот голос:

— Илльфф! Илльффнииини!

Голос, ставший на этот раз несколько выше тоном, доносился откуда-то сзади. Джордж крутанулся, перебросив свои подвижные глаза по...

По немыслимо широкой дуге. Глаза его действительно болтались на стеблях, они были подвижны — ведь всего секунду назад он упирался взглядом в землю не в силах взглянуть вверх. Мозг Джорджа просто раскалился от напряженных раздумий. Да, он вырастил стебли для глаз, но мягкие — без упрочняющей мышечной ткани. Однако, спешно поворачиваясь на голос, он обрел нужные мышцы.

Это проливало свет на события последней ночи. Испуг ускорил процесс воссоздания клеточной структуры. Очевидно, некий защитный механизм. Что же касается голоса...

Джордж еще раз повернулся, теперь уже медленно, внимательно оглядев все вокруг. Никаких сомнений: он здесь один. Голос, который, казалось, доносился от кого-то или от чего-то, стоявшего за ним, на самом деле должен исходить из его собственного тела.

Голос раздался снова, на сей раз потише. Невнятное бормотание, а затем отчетливый писк:

— Что происходит? Где я?

Джордж буквально тонул в море неразрешенных вопросов. Пребывая в полной растерянности. Рядом с куста сорвался крупный плод, беззвучно подпрыгнув в метре от Джорджа. Перископы Мейстера тревожно шевельнулись и уставились на незнакомый предмет.

Джордж бороздил взором его твердую скорлупу и мучительно медленно пробивал себе дорогу к логическому выводу. Высохший плод упал без звука. Вполне естественно, поскольку со времени своего превращения Джордж был совершенно глух. Но... он же слышал голос!

Следовательно, либо галлюцинация, либо телепатия.

Голос раздался снова:

— Помогите. Ой, мамочка, да ответьте же хоть кто-нибудь!

Вивьен Беллис. Гамбс, если бы он и смог говорить таким высоким голосом, нипочем не сказал бы «ой, мамочка». Маккарти — тем более.

Трепещущие нервы Джорджа постепенно приходили в норму. Он напряженно размышлял: «Стоило мне перепугаться, как я отрастил ноги. Стоило перепугаться Беллис, как она обрела голос — телепатический голос. По-моему, все достаточно логично — ведь ее первым и единственным побуждением было бы завопить».

Джордж попытался привести себя в такое состояние, чтобы ему захотелось вопить. Он закрыл глаза и представил себе, что его наглухо заперли в чужом, чуждом теле. Он попытался крикнуть:

— Вивьен!

И так несколько раз. В перерывах между его собственными воплями до Джорджа доносился слабый женский голос. Наконец девушка затихла, оборвавшись на полуслове.

— Вы меня слышите? — спросил Джордж.

— Кто это... что вам нужно?

— Это я, Вивьен, Джордж Мейстер. Вы слышите, что я говорю?

— Что?..

Джордж не сдавался. Его псевдо-голос, решил он, был несколько искажен — как поначалу у Беллис. Наконец девушка выдохнула:

— Ох, Джордж... я хотела сказать, мистер Мейстер! Ох, я так перепугалась. Где вы?

Джордж стал было объяснять, но, по всей видимости, не слишком осторожно, поскольку вскоре Беллис завопила, и опять принялась бормотать что-то нечленораздельное. Тяжело вздохнув, Джордж спросил:

— Есть ли еще кто-нибудь в этом помещении? Майор Гамбс? Мисс Маккарти?

Несколько минут спустя послышались сразу два набора странных звуков — почти одновременно. Когда голоса об-

рели связность, распознать их труда не составило. Гамбс, здоровенный краснорожий вояка-профессионал, вопил:

— Какого дьявола вы не смотрите под ноги, Мейстер? Если бы черт не понес вас на тот скальный выступ, мы не попали бы в эту переделку!

Мисс Маккарти, у которой когда-то было бледное морщинистое лицо, выступающий подбородок и глаза цвета дерьма, холодно проговорила:

— Обо всем этом будет доложено, Мейстер. Решительно обо всем.

По-видимому, только Мейстер и Гамбс продолжали пользоваться глазами. Каким-то ограниченным контролем над мышцами обладали все четверо, хотя Гамбс оказался единственным, кто предпринял более-менее серьезную попытку вмешаться в передвижения Джорджа. Мисс Маккарти, естественно, сумела сохранить пару действующих ушей.

А вот Беллис оставалась слепой, глухой и немой в течение всего вечера и последующей ночи. Единственной доступной областью чувств для нее оставались тактильные ощущения. Она ничего не слышала, ничего не видела, но чувствовала каждый листок и стебель, которые задевало их общее тело, холодное прикосновение каждой дождевой капли и боль от укуса зубастого чудовища. Когда Джордж осознал это, Вивьен значительно выросла в его глазах. Конечно, она была жутко перепугана, но не впала в истерию и сохранила рассудок.

В дальнейшем выяснилось, что никто из постояльцев мейстерия не дышит и не чувствует сердцебиения.

Джорджу страстно хотелось продолжить обсуждение общей сферы чувств, но троих остальных больше интересовал вопрос, как выбраться из этой передрыги.

— Никак, — заметил Джордж. — Во всяком случае, на нынешнем уровне наших знаний. Вот если бы мы...

— Но мы в любом случае должны выбраться отсюда! — перебила Вивьен.

— Мы вернемся в лагерь, — холодно заявила Маккарти. — Немедленно. И вам, Мейстер, еще предстоит объяснить Комитету по благонадежности, почему вы не повернули обратно сразу же, как только пришли в чувство.

— Верно, — тут же встрял Гамбс. — Если вы, Мейстер, в данном случае бессильны, найдутся другие технари, которые чего-нибудь да сообразят.

Джордж терпеливо изложил им свою теорию по поводу того, как к ним отнесутся охранники в лагере. Проницательный ум Маккарти мигом определил слабое место.

— Согласно вашим же показаниям, вы отрастили ноги и стебли для глаз. Если вы не вводите нас в заблуждение, то что мешает нам обзавестись ртом? Таким образом, когда мы приблизимся к лагерю, мы сможем доложить о себе.

— Задача не из легких, — заметил Джордж. — Один рот нам ничего не даст — чтобы проверить все это дело, к нему нужны зубы, язык, твердое и мягкое небо, легкие или их эквивалент, голосовые связки и что-то наподобие диафрагмы. Я сомневаюсь, что подобная задача в принципе осуществима, поскольку раз уж мисс Беллис удалось обрести голос, она воспользовалась совсем иным методом. Она не...

— Слишком много болтаете, — отрезала Маккарти. — А теперь майор Гамбс, мисс Беллис и я вместе займемся отрачиванием речевого аппарата. Первый, кто этого добьется, получит в своей характеристике отметку о доверии. Итак, приступим.

Джордж, которому по сути было отказано участвовать в конкурсе, решил использовать время, чтобы попытаться восстановить свой слух. Казалось вполне вероятным, что в мейстерии властвовал некий принцип разделения труда, поскольку Гамбс и сам Мейстер — первые из упавших в студень мейстерия — сохранили зрение, не принимая в этом направлении никаких особых усилий, в то время как слух и осязание были оставлены для при-

бывших позднее. В принципе Джордж одобрял такую систему распределения чувств, но позиция мисс Маккарти ставила ее в положение единственной хранительницы всей системы органов чувств.

Даже если бы Мейстеру удалось переманить Беллис и Гамбса на свою сторону — перспектива достаточно туманная, — Маккарти не переубедить. В то же время железная мисс безраздельно обладала их единственным органом слуха.

Поначалу Джорджа отвлекали бестолковые реплики Гамбса и Вивьен — «Что-нибудь получается?» — «Похоже, нет. А у вас?» — и прочее в этом роде, — перемежаемые пыхтением, кряхтением и прочими раздражающими звуками, которыми они сопровождали свои безуспешные попытки переключиться с мысленной коммуникации на речевую. Под конец Маккарти рывкнула:

— Тихо! Прекратить этот ослиный рев! Сосредоточьтесь.

Джордж с головой погрузился в свою работу, пользуясь испытанной методой. Закрыв глаза, он представил себе, что в темноте появляется та самая зубастая тварь — тук, шлеп; тук, шелк. Он отчаянно зывал об ушах, которые дали бы ему возможность различить слабые приближающиеся звуки. Прошло долгое время, пока ему наконец не показалось, что у него начинает получаться — или этот шум производили мозги его соратников?

Щелк. Шлеп. Щурр. Скрип.

Встревоженный не на шутку, Джордж открыл глаза. В ста метрах вверх по пологому склону каменистой земли лицом к Джорджу стоял человек в униформе, видимо, только что вышел из зарослей черных, похожих на бамбук, побегов. Когда Джордж ошарашенно вскинул глазные стебли, человек, чуть помедлив, издал вопль и вскинул оружие.

Джордж ринулся прочь. Мгновенно внутри него загомонили недоумевающие и возмущенные голоса, а мышцы его «ног» свели дикие судороги.

— Бежим, черт побери! — бешено вскрикнул он. — Там солдат с...

Оружие издало оглушительный рев, и Джордж вдруг почувствовал чудовищную боль в позвоночнике. Вивьен Беллис пронзительно вскрикнула. Борьба за обладание их общими ногами прекратилась, и они во весь дух помчались под прикрытие ближайшего валуна. Оружие взревело вновь, и Джордж услышал, как осколки камня просвистели в листве над ними. Мейстерий бросился вверх по краю лощины — затем по другому краю — через невысокий холмик — и в чашу, прячась за высокие деревья с голыми ветвями.

Джордж заметил невдалеке впадину, заполненную листвой, и повернул к ней, отчаянно борясь с посторонним желанием продолжать бег в прежнем направлении. Они плюхнулись в эту яму и оставались там еще час после того, как мимо пробежали три вооруженных до зубов человека.

Вивьен непрерывно стонала. Осторожно высунув глазные стебли, Джордж разглядел несколько зазубренных каменных осколков, проникших в желеобразную плоть мейстерия. Повезло. Солдат промахнулся по движущейся цели — и вдребезги расколотил валун позади них.

Вглядевшись повнимательнее, Джордж заметил нечто, возбуждавшее его профессиональный интерес. Тело монстра, словно заквашенное тесто, находилось в постоянном брожении: крошечные дырочки открывались и закрывались, производя впечатление медленно закипающего киселя... отличие было разве что в том, что пузырьки воздуха не пробивали себе путь наружу, а поглощались на поверхности и вдавливались вовнутрь.

Под крапчатой поверхностью своего громадного чечевицеобразного тела он разглядел четыре неясных темных сгустка — четыре головных мозга: Гамбса, Беллис, Маккарти и Мейстера.

Да, один из сгустков располагался как раз напротив его глазных стеблей. Странное чувство испытывал Джордж, рассматривая свой собственный мозг. Впрочем, со временем он привыкнет к этому зрелищу.

Эти четыре темных пятна были расположены близко друг к другу, составляя почти идеальный квадрат в центре чечевицы. Четыре спинных мозга, трудно различимые, пересекались между собой, в центре, расходясь на четыре стороны.

«Образцовая структура», — подумал Джордж. Эта тварь может использовать сразу несколько нервных систем. Она расположила их в определенном порядке, причем мозги — внутри, вероятно, для лучшей защиты. Возможно, здесь даже существовала некая матрица, которая непостижимым образом способствовала росту соединительных клеток между отдельными мозгами... Если так, их быстрый успех на поприще телепатического общения становился понятен. Джорджу еще предстояло докопаться до сути.

Боль Вивьен понемногу утихала. Ее мозг располагался напротив мозга Джорджа, и большую часть каменных осколков она приняла на себя. Инородные частицы медленно тонули в гелеподобном веществе тканей монстра. Когда они, движимые силой тяжести, пройдут сквозь тело слизня, то, без сомнения, будут выделены — точно так же, как были выделены нерастворимые части их одежды и снаряжения.

Джордж лениво размышлял, какой из двух оставшихся мозгов принадлежал Маккарти, а какой — Гамбсу. Ответ явно лежал на поверхности. Когда Джордж снова перевел взгляд к центру глыбы, то слева на поверхность вынырнула пара голубых глаз. Они были снабжены веками, выращенными, очевидно, из вещества монстра.

Справа же располагались два крохотных отверстия, уходящие на несколько сантиметров в глубь тела. Дырки эти, естественно, не могли быть ничем иным, как только ушами мисс Маккарти. Джордж прикинул, не удастся ли ему каким-либо образом, переползая с места на место, залепить их грязью.

Впрочем, вопрос о возвращении в лагерь был уже улажен — по крайней мере на ближайшее время. Маккарти больше и не заикалась о том, чтобы отрастить полный комплект органов речи, хотя явно оставалась на своих прежних позициях.

Однако он сильно сомневался, что ей это удастся. Органы речи у человека, как Джордж говорил Маккарти, были чрезвычайно сложны и многоплановы, и дилетанты вроде них, поверхностно освоившие новое тело, могли овладеть человеческой речью, видимо, лишь с помощью изрядной эмоциональной встряски.

Джорджу представлялось, что проблему можно решить, вырастив мембрану — тонкую пленку, нечто вроде диафрагмы, а за ней — небольшую воздушную камеру — конечно же с набором мышц и связок, чтобы создавать необходимые колебания воздуха и управлять ими. Но эту задумку он пока оставил при себе.

Возвращаться не хотелось. Джордж был настоящим ученым, то есть человеком, целиком и полностью преданным науке. И вот теперь ему представилась возможность занять командирское место в центре самого могучего исследовательского аппарата, с каким ему когда-либо приходилось сталкиваться: белкового организма с расположенным внутри него наблюдателем, способным упорядочивать его структуру и проследивать результаты; способным разрабатывать теории и проверять их на тканях своего собственного тела! Способным создавать новые органы, на любой манер адаптируясь к окружающей среде!

Джордж увидел себя стоящим на самой вершине пирамиды нового знания; и некоторые из открывшихся ему возможностей просто ошеломили и внушали настоящее благоговение.

Он *не мог* вернуться — даже если бы и представилась возможность сделать это и остаться в живых. Ох, если бы только он в единственном числе свалился в эту проклятую тварь... Впрочем, тогда остальные успели бы вытащить брненное тело Мейстера и уничтожить монстра.

Слишком много проблем, понял он, требовали немедленного решения. Трудно было сосредоточиться — мозг его все время предательски выскальзывал из фокуса.

Вивьен, уже было утихомирившаяся, теперь начала причитать с новой силой. Гамбс рывкнул на нее. Маккарти обругала обоих. Джордж почувствовал, что еще немного — и он не выдержит — запертый в одном теле с тремя идиотами, у которых мозгов хватало только на...

— Погодите минутку, — вмешался Джордж. — Все ли вы сейчас чувствуете одно и то же? Раздражение? Нервозность? Как после трех суток работы без сна и отдыха. Вы устали так, что не можете даже заснуть?

— Перестаньте изображать рекламу на видео, — сердито отозвалась Вивьен. — Не время для шуток.

— Мы голодны, вот в чем все дело, — перебил Джордж. — Мы не поняли этого только потому, что у нас нет органов, которые обычно сигнализируют о голоде. Но последней добычей монстра стали наши останки, и эта трапеза произошла по меньшей мере двадцать часов назад. Мы должны отыскать что-нибудь съестное, что можно проглотить.

— Боже милостивый, а ведь вы правы, — сказал Гамбс. — Но если эта тварь питается только людьми... то есть, я хочу сказать...

— Пока мы не приземлились, никаких людей она не встречала, — отрезал Джордж. — Нам подойдет любой белок, но сначала надо проверить. И чем раньше мы начнем, тем лучше.

Он пустился в прежнем направлении — в противоположную сторону от лагеря. По крайней мере, подумал он, если зайти достаточно далеко, можно и заблудиться. Тогда вопрос о возвращении в лагерь отпадет сам собой.

2

Они вышли из рощи и по длинному склону спустились в долину — по гибкому ковру, сотканному из мертвых трав, — пока не достигли речного русла, где весе-

ло бежал тоненький ручеек. Вдали у берега, частично скрытого зарослями скелетообразных кустарников, чьи голые ветви сплетались, словно груды мертвых остовов, сцепившихся ребрами, Джордж заметил группу животных. Они отдаленно напоминали миниатюрных свиней. Мастер оповестил остальных и осторожно тронулся навстречу добыче.

— Куда дует ветер, Вивьен? — спросил он. — Вы можете определить?

— Нет, — ответила она. — Раньше, когда мы спускались, я чувствовала, а теперь, наверное, он дует вам в лицо, а мне, видимо, в...

— Хорошо, — порадовался Джордж. — Пожалуй, нам удастся к ним подобраться.

— Но... мы же не собираемся есть этих симпатичных животных, ведь так?

— Да, Мастер, — вставил Гамбс. — В еде я не особо привередлив, но, в конце концов...

Джордж и сам чувствовал некоторую безгловость — как и все прочие, он был вскормлен на диете из дрожжей и синтетического белка.

— А что нам еще остается? — запальчиво спросил он. — У вас есть глаза — вы же видите, что здесь мертвый сезон. Осень после жаркого лета, заметьте. Деревья голые, ручьи пересохла. Итак, либо мы едим мясо, либо отправляемся восвояси — пока вам не захочется поохотиться за насекомыми.

Потрясенный до глубины души, Гамбс еще некоторое время сокрушенно бормотал что-то, но вскоре сдался.

При ближайшем рассмотрении животные выглядели не столь свиноподобными и еще менее аппетитными. У них были гибкие, дольчатые, розовато-серые тела, выпученные глаза и тупые рыла, на манер изогнутой сабли, которыми они ковырялись в земле, время от времени чавкая и хлопая ушами.

Джордж насчитал штук тридцать саблерылых хряков, довольно тесно сгрудившихся на небольшом лугу между кустарниками и рекой. Двигались они медленно, но

их короткие ноги были на вид достаточно мощными; Джордж догадывался, что при необходимости они могли бы и дать деру.

Мейстер медленно двинулся вперед, опустив пониже глазные стебли и немедленно замирая всякий раз, когда кто-нибудь из зверей поднимал взгляд. Передвигаясь с осторожностью, возраставшей по мере приближения, он подобрался уже метров на десять к ближайшему поросенку, когда Маккарти вдруг задалась вопросом:

— Мейстер, а приходило ли вам в голову задуматься над тем, *как* мы собираемся есть этих животных?

— Не будьте наивны, — раздраженно ответил Джордж. — Мы... — Он запнулся.

Минутку-минутку — а не был ли утерян у мейстерия нормальный способ ассимиляции после того, как он обрел своих обитателей? И, кстати, быть может, сначала им следовало отрастить клыки, глотку и весь остальной аппарат? Но за это время они просто загнутся от голода. Хотя, с другой стороны — черт, проклятая муть в голове, — мейстерий вполне может переварить и то, что осталось от четырех членов экспедиции, то есть их мозги. Так сказать, реализуя отложенное на черный день.

Мысль, конечно, крайне неприятная. Или — хуже того — предположим, что всякая новая пища становится жильцом, а всякий прежний жилец — пищей?

Ближайшее к ним животное подняло голову, и четыре крохотных красных глазка уставились на Джорджа. Хлопающие уши встали торчком.

— Ну? — спросила Маккарти.

Времени для размышлений уже не оставалось.

— Он нас заметил! — мысленно крикнул Джордж. — *Вперед!*

Немая сцена буквально взорвалась движением. Только что они лежали на колючей сухой траве, и вот уже в следующую секунду неслись со скоростью курьерского поезда, а стадо лихо удирало галопом. Ляжки ближайшего зверя мелькали все ближе и ближе, бешено под-

прыгивая; наконец коллективный разум победил бессловесную тварь — они догнали и обрушились сверху.

Бросив взгляд назад, Джордж заметил, что животное неподвижно лежит в траве — мертвое или бесчувственное.

Догнали еще одно. «Анестезия, — сообразил Джордж. — Одно касание решает все дело. — Еще одно, и еще. — Ничего-ничего, все переварится, — успокаивал он себя. — Прежде всего, мейстерий должен действовать избирательно, иначе он просто не смог бы отделить наши нервные ткани».

Четыре готовы. Шесть готовы. Еще три разом — когда стадо сгрудилось между последним рядом зарослей и крутым речным берегом; затем четыре отставших — одно за другим.

Оставшаяся часть стада скрылась в высокой траве на склоне; но пятнадцать туш валялись позади, став их добычей.

Не желая больше рисковать, Джордж вернулся и стал вклинивать тело монстра под первую свинью.

— Надо скорчиться, Гамбс, — втолковывал он. — Мы должны проскользнуть под него... так, достаточно. Голову не заглатывать.

— Почему? — спросил военный.

— Вы же не хотите, чтобы мозг этой свиньи поселился рядом с нами. К тому же монстр может предпочесть новый мозг одному из наших. Если же мы не примем свиную голову, у нашего нового тела, вероятно, не появится желания сохранить остальную нервную систему животного.

— Ой! — слабо вскрикнула Вивьен.

— Прошу прощения, мисс Беллис, — сокрушенно проговорил Джордж. — И все же это не так уж страшно — главное, не принимайте близко к сердцу. Тем более у нас, собственно говоря, нет вкуса, то есть нет тех самых вкусовых сосочков, которые...

— Ладно, проехали, — прервала его Вивьен. — Только, пожалуйста, не будем об этом говорить.

— Я тоже думаю, что говорить не стоит, — вставил Гамбс. — Надо бы немного потактичнее — не так ли, Мейстер?

Принимая этот упрек, Джордж перевел внимание на труп, лежавший на гладкой поверхности монстра как раз на границе между ним и Гамбсом. Безжизненное тело прямо на глазах погружалось в студенистую плоть. А вокруг него между тем расплывалось непрозрачное облачко.

Когда хряк утонул окончательно, и саблерылая голова отсоединилась, они двинулись к следующему. На сей раз по предложению Джорджа приняли на борт сразу двоих. Постепенно раздражение улетучилось, и настроение сразу улучшилось, а Джорджу удалось наконец связно поразмыслить — так, что жизненно важные пункты их поведения не ускользали из его поля зрения.

Они шли уже на восьмой или десятый заход, а Джордж безмятежно погрузился в замысловатую цепочку размышлений относительно устройства кровеносной системы монстра, когда мисс Маккарти разорвала долгое молчание заявлением:

— Теперь я усовершенствовала метод, с помощью которого мы сможем безопасно вернуться в лагерь. И начнем мы немедленно.

Ошеломленный и встревоженный, Джордж перевел взгляд на тот квадрат монстра, что принадлежал Маккарти. А там над поверхностью выступало нечто вязкое, сочлененное, напоминавшее — да, в самом деле! — весьма гротескную, но вполне узнаваемую руку. Неуклюжие пальцы тут же нащупали клочок травы, потянули и вырвали его с корнем.

— Майор Гамбс! — заявила Маккарти. — Ваша задача — определить местоположение следующих предметов. Первое. Пригодная для письма поверхность. В качестве таковой я предлагаю крупный лист светлой окраски, сухой, но не ломкий. Или дерево, с которого легко мож-

но содрать большой кусок коры. Второе. Краситель. Вам, без сомнения, удастся разыскать ягоды, выделяющие надлежащий сок. В крайнем случае подойдет и грязь. Третье. Прутик или тростинку, которые можно было бы использовать в качестве ручки. Когда вы укажете мне все эти существенно важные параграфы, я применю их для написания доклада, в общих чертах описывающего то затруднительное положение, в котором мы оказались. Затем вы прочтете то, что получится, и укажете на возможные ошибки, которые я незамедлительно исправлю. Когда доклад будет готов, мы возвратимся с ним в лагерь, причем ночью, и поместим его на видном месте. До восхода солнца мы удалимся, а когда доклад будет прочитан, появимся снова. Итак, приступайте, майор.

— Что ж, хорошо, — сказал Гамбс, — это должно сработать, если только... я полагаю, вы разработали какую-то систему, чтобы держать перо, мисс Маккарти?

— Дурак, — отозвалась она, — конечно, я уже сделала руку.

— А-а, ну тогда конечно, тогда обязательно. Так, посмотрим, мне кажется, мы сначала могли бы осмотреть ближайшие заросли... — Их общее тело неуверенно двинулось в указанном направлении.

Джордж потянул назад.

— Погодите минутку, — отчаянно пробормотал он. — Давайте все-таки не будем терять голову. Закончим нашу трапезу. Кто знает, когда нам удастся перекусить в следующий раз.

— Каков размер этих тварей, майор? — командирским тоном спросила Маккарти.

— Ну, я бы сказал — сантиметров шестьдесят в длину.

— И мы уже проглотили девять штук, не так ли?

— Скорее, восемь, — уточнил Джордж. — Последние две прошли только наполовину.

— Другими словами, — подытожила Маккарти, — на каждого пришлось по две. Я думаю, вполне достаточно. Вы согласны, майор?

— Ошибаетесь, мисс Маккарти, — произнес Джордж с предельной серьезностью. — Вы рассуждаете с точки зрения человеческих пищевых потребностей, тогда как наш организм имеет другую скорость обмена веществ и массу, по меньшей мере втрое превосходящую массу четырех человеческих существ. Рассудите сами — мы вчетвером обладаем массой порядка трехсот килограмм, и все же через двадцать часов после того, как данное существо нас поглотило, оно снова проголодалось. А эти животные никак не могут весить более двадцати килограммов при одном «же» — тем более, что, согласно вашему плану действий, нам придется держаться примерно до завтрашнего утра.

— А что? — поддержал его Гамбс. — Действительно, мисс Маккарти, я думаю, нам лучше бы запастись провизией, пока есть возможность. Это займет у нас не более полутора часов.

— Очень хорошо. Действуйте как можно быстрее.

Они двинулись к очередной паре жертв. Джордж лихорадочно шевелил мозгами. Спорить с Маккарти было делом крайне неблагодарным — как, впрочем, и с Гамбсом, — но он должен хотя бы попытаться. Если бы удалось убедить Гамбса, то Беллис, возможно, присоединилась бы к большинству. В этом состояла его единственная надежда.

— Гамбс, — сказал он, — а вы хоть задумывались о том, что с нами будет, когда мы вернемся?

— Ну, знаете, это не совсем мой профиль. Оставим это технарям вроде вас.

— Нет, я имею в виду другое. Допустим, вы были бы командиром нашей экспедиции — и вот четыре ваших человека упали в данный организм вместо нас...

— Что-что? Не понял.

Джордж терпеливо повторил.

— А, теперь ясно. И что...

— Какие бы вы отдали распоряжения?

— Ну, думаю, отправил бы эту штуковину в биосекцию. А что же еще?

— Как что? А вы не думаете, что в целях безопасности, скорее всего, приказали бы ее уничтожить?

— Боже правый, думаю, да. Нет, но мы же будем предельно осторожны с нашей запиской. В ней мы непременно отметим, что представляем собой ценный образец и так далее. Обращаться с осторожностью.

— Ладно, — согласился Джордж, — ну, предположим, такой ход сработает — но что потом? Девять шансов из десяти, что биосекция классифицирует нас как возможное оружие врага. Значит, нам придется пройти все допросы в полном объеме — а вам не нужно объяснять, что это такое.

— Майор Гамбс, — проскрипела Маккарти, — при первой же возможности Мейстер будет предан полемому суду. Под угрозой аналогичного наказания вам запрещается с ним разговаривать.

— Но она не может запретить вам слушать меня, — настойчиво продолжал Джордж. — А после допросов, Гамбс, они возьмут пробы. Без анестезии. И в конце концов либо уничтожат нас, либо отошлют на ближайший контрольный пункт для дальнейшего изучения. Тогда мы станем собственностью Федерации, Гамбс, в категории высшей секретности, а поскольку никто во всей Разведслужбе не осмелится взять на себя ответственность освободить нас, то *там* мы и *останемся*. Навсегда.

И действительно, этому образцу цены нет, Гамбс, но возвращение в лагерь не принесет ничего хорошего. Что бы мы ни открыли — даже если такое знание поможет спасти миллиарды жизней, — все это также станет предметом высшей секретности и никогда не выйдет из стен Разведслужбы... Если вы по-прежнему надеетесь, что вас смогут извлечь отсюда, вы жестоко ошибаетесь. Это не пересадка органа, Гамбс — ведь *все ваше тело* было уничтожено — все, кроме нервной системы и глаз. Мы никогда не получим нового тела. Единственное, что нам осталось — сделать его самим. Наша судьба — в наших руках.

— Майор Гамбс, — произнесла Маккарти, — я полагаю, мы уже потратили достаточно времени. Начинайте поиск нужных мне материалов.

Некоторое время Гамбс безмолвствовал, а их общее тело не двигалось.

Затем он сказал:

— Да-да, кажется, речь шла о сухом листе, ветке и кучке ягод, не так ли? Или грязи. Знаете, мисс Маккарти, я бы хотел — неофициально, разумеется, — но хотел бы узнать ваше мнение по одному вопросу. До того, как мы приступим к вашему плану. Я, так сказать, осмелюсь спросить — а что, удастся им слепить для нас что-нибудь вроде тел, как вы думаете? Я имею в виду — один технарь говорит одно, другой — другое. Вы понимаете, куда я веду?

Джордж с тревогой наблюдал за новой конечностью Маккарти. Она ритмично изгибалась и, он был в этом уверен, росла с каждой минутой. Пальцы время от времени нащупывали сухую траву, вырывая сперва один стебелек, затем два вместе и наконец целый пучок. Вырвав его, она сказала:

— У меня нет никакого мнения, майор. Ваш вопрос неуместен. Возвратиться в лагерь — наша обязанность. Это все, что нам требуется знать.

— О, тут я с вами совершенно согласен, — подхватил Гамбс. — А кроме того — тут ведь и в самом деле нет никакой альтернативы, не так ли?

Джордж, упершись взглядом в один из пальцеобразных выступов, страстно пожелал, чтобы он превратился в руку. Но он уже подозревал, что начал слишком поздно.

— Альтернатива есть, — заметил Джордж. — Она состоит в том, чтобы продолжать двигаться в том же духе. Даже если Федерация еще столетие будет удерживать эту планету, здесь все равно останутся места, которые они так и не освоят. Нас не достанут.

— Я хочу сказать, — добавил Гамбс, словно выходя из глубокой задумчивости, — что человек не может отрезать себя от цивилизации — не так ли?

Джордж снова почувствовал движение в сторону зарослей — и снова воспротивился ему. Затем он понял, что его пересилили, когда к Гамбсу присоединился еще один набор мышц. Сотрясаясь, как-то по-крабьи, *мейстерий* такой-то продвинулся на полметра. Затем остановился, окован от напряжения.

И уже во второй раз за этот день Джордж вынужден был изменить свое мнение о Вивьен Беллис.

— Я верю вам, мистер Мейстер... Джордж, — сказала она. — Я не хочу возвращаться. Скажи мне, что я должна делать.

— Ты и теперь все делаешь замечательно, — после безмолвного мгновения выговорил Джордж. — Но если бы ты смогла вырастить руку, это, думаю, не повредило бы.

Борьба продолжалась.

— Итак, стороны определились, — заявила Маккарти, обращаясь к Гамбсу.

— Да. Совершенно верно.

— Майор Гамбс, — решительно сказала она, — насколько я понимаю, вы напротив меня.

— В самом деле? — с сомнением отозвался Гамбс.

— Не беспокойтесь. Я полагаю, что да. Так вот: Мейстер справа или слева от вас?

— Слева. Это я точно знаю. Уголком глаза я вижу его глазные стебли.

— Оч-чень хорошо. — Рука Маккарти поднялась с остроконечным каменным осколком, зажатым в неуклюжей, бесформенной руке.

Джордж с ужасом наблюдал, как рука тянется ему навстречу, огибая тело монстра. Длинный, острый край камня зондировал слизистую поверхность в каких-то трех сантиметрах от участка над его мозгом. Затем — резкое движение вверх-вниз — и острая боль пронзила Джорджа насквозь.

— По-моему, не хватает длины, — размышляла Маккарти. Она согнула руку, затем вернула ее почти к тому же месту и снова вонзила обломок.

— Нет, — задумчиво проговорила она. — Нужно немного дальше. Майор Гамбс, после следующей моей попытки скажете, заметили ли вы какую-либо реакцию глазных стеблей Мейстера.

Боль все еще пульсировала в нервах Джорджа. Одним наполовину ослепшим глазом он наблюдал, как медленно-медленно вырастает его недоразвитая рука; другим он, будто зачарованный, смотрел, как к нему неторопливо тянется рука Маккарти.

Она заметно росла, но от этого не становилась ближе. По сути дела — невероятно, но факт — она даже как будто сдавала позиции.

Плоть монстра растекалась под ней, расширяясь в обоих направлениях.

Маккарти снова со страшной силой ударила. Но на этот раз боль уже была не столь острой.

— Майор? — спросила она. — Как результаты?

— Никаких, — ответил Гамбс, — нет, думаю — никаких. Впрочем, кажется, мы немного продвигаемся вперед, мисс Маккарти.

— Возмутительная ошибка, — отозвалась она. — Нас тянут *назад*. Обратите внимание, майор.

— Нет-нет, вовсе нет, — запротестовал он. — Мы, так сказать, движемся к зарослям. Для меня — вперед, для вас — назад.

— Майор Гамбс, это я двигаюсь вперед, а *вы* — назад.

Правы были они оба, обнаружил Джордж: тело монстра уже не было шаровидным — оно расширялось по оси Гамбс-Маккарти. В середине был уже замечен некий намет на впадину. Под поверхностью тоже что-то происходило.

Четыре мозга теперь образовывали не квадрат, а прямоугольник.

Изменилось и расположение спинных мозгов. Его собственный спинной мозг и спинной мозг Вивьен как будто остались там, где и были, а вот Гамбсов мозг теперь проходил под головным мозгом Маккарти и наоборот.

Увеличив свою массу примерно на двести килограмм, *мейстерий* такой-то теперь делился на две самостоятельные части и аккуратно размежевал своих обитателей — по двое с каждой стороны. Гамбс и Мейстер оказывались в одной половине, Маккарти и Беллис — в другой.

В следующий раз, понял Джордж, каждый продукт деления будет уменьшен до одного мозга — а потом, соответственно, одна из новых самостоятельных частей станет монстром в его первичном, или ненаселенном, состоянии — неподвижным, закамуфлированным, ожидающим только, чтобы кто-нибудь в него плюхнулся.

Стало быть, этот поразительный организм, подобно обычной амебе, являлся бессмертным. Он никогда не умирал, за исключением несчастных случаев — он только рос и делился.

Однако обитатели его, к сожалению, бессмертными не были — их ткани изнашиваются и отомрут.

Хотя... Нервная ткань человека не обладает способностью к размножению, и, тем не менее, Джордж смог отрастить глазные стебли, а Маккарти — руку.

Сомнений быть не могло: новая клеточная ткань не могла быть человеческой; она была целиком поддельной, созданной монстром из собственного вещества в соответствии со структурным строением ближайших аутентичных клеток. Идеальная имитация: новые ткани совмещались со старыми, аксоны соединялись с дендритами, мышцы сокращались по команде, поданной от мозга. Имитация работала превосходно.

Следовательно, когда нервные клетки изнашивались, они могли быть заменены. В конечном счете изнашиваются и исчезнут все человеческие клетки, и человеческий жилец полностью превратится в монстра... но «разница, не дающая никакой разницы, не есть разница». Фактически, жилец остался бы человеком — и стал бы бессмертен.

Если не считать несчастных случаев.

Или убийства.

Тем временем мисс Маккарти насадала.

— Майор Гамбс, ваше поведение просто возмутительно. Объяснение совершенно очевидно. Если только вы сознательно не предаете меня по неизвестным причинам, значит, наши попытки двигаться в противоположных направлениях растягивают эту тварь.

Маккарти явно была недовольна своим геометрическим положением. Оно лишало ее равновесия, вплоть до окончания деления. Такой поворот событий ее явно не устраивал. Сам Джордж был уже вне ее досягаемости и отодвигался все дальше и дальше — но как же Беллис? Ее-то мозг, если уж на то пошло, приближался к мозгу Маккарти...

Что делать? Предупредить девушку? Но это только раньше времени привлечет к ней внимание Маккарти.

Джордж вдруг понял — осталось не так уж много времени. Если его теория относительно физической связи между мозгами была справедлива, то клеткам, образующим эту связь, оставалось держаться не так уж долго; впадина между двумя парами мозгов постоянно увеличивалась.

— Вивьен! — позвал он.

— Что, Джордж?

Вздохнув с облегчением, он быстро проговорил:

— Послушай, это не мы растаскиваем тело на части — оно само расщепляется. Таков способ его воспроизводства. Мы с тобой окажемся в одной половинке, а Гамбс и Маккарти — в другой. Если они не станут чинить нам препятствий, все мы сможем разойтись, кому куда хочется...

— О, я так рада!

Какой теплотой веяло от ее голоса...

— Да, — нервно продолжил Джордж, — но возможно нам еще предстоит сразиться за нашу независимость. Так что *вырасти руку*, Вивьен.

— Я попытаюсь, — неуверенно отвечала она. — Я не знаю...

Голос Маккарти перебил ее.

— Ага. Майор Гамбс, у вас есть глаза, и, следовательно, на вас ляжет задача проследить, чтобы эти двое не сбежали. Кстати, предлагаю и вам отрастить руку.

— Стараюсь, — отозвался Гамбс.

Озадаченный, Джордж глянул вниз: под его неуклюжей, наполовину сформированной рукой на гамбсовом участке поверхности взбухало нечто плотное и мускулистое! Оказывается, майор втихую работал над созданием руки, пряча ее... и она уже была развита лучше, чем у Джорджа.

— Ох-хо-хо, — подал голос Гамбс. — Нет, вы гляньте-ка, мисс Маккарти — а ведь Мейстер водил вас за нос. Гляньте-ка, я о чем говорю — мы с вами не окажемся в одной половине. Ведь мы находимся на *противоположных сторонах* этой проклятой штуковины. Получается так, что вы останетесь с Беллис, а я — с Мейстером.

У монстра развивалась отчетливая линия талии. Спинные хорды теперь развернулись так, что между ними возникло свободное пространство.

— Да, — откуда-то издалека отозвалась Маккарти. — Благодарю за предупреждение, майор Гамбс.

— Джордж! — донесся испуганный голос Вивьен, далекий и слабый. — Что мне делать?

— Отрасти руку! — выкрикнул он.

Ответа не было.

3

Похолодев от ужаса, Джордж наблюдал, как рука Маккарти с каменным обломком в кулаке поднялась и рванулась влево, вытягиваясь как можно дальше над пузырящейся поверхностью монстра. Джордж успел увидеть, как она подскакивает вверх и снова бешено опускается; успел подумать: «Слава Богу, короткая — это правая рука Маккарти, ей до мозга Вивьен дотянуться труднее, чем до моего». К сожалению, он ничем не мог помочь Вивьен. Деление было еще не закончено и Джордж не мог дви-

гаться, куда ему захочется — как сиамский близнец не смог бы обойти вокруг своего брата.

Колыхание тела предупредило его о движении, и, оглянувшись, он увидел, как неуклюжая, корявая псевдорука тянется к его глазным стеблям.

Инстинктивно он выбросил вверх свою руку, схватил противника за кисть и отчаянно потянул. Чужая рука была в полтора раза больше его собственной и обладала такой сильной мускулатурой, что, хотя рычаг Джорджа и был выигрышнее, он не мог отвести ее назад или оттолкнуть в сторону; он мог лишь поддерживать всю систему в колебании взад-вперед, добавляя свою силу к Гамбсовой так, чтобы все время получался перелет.

Гамбс стал менять силу и ритм своих движений, пытаясь заставить Джорджа врасплох. Раз толстый палец даже задел основание одного из глазных стеблей.

— Весьма сожалею об этом, Мейстер, — донесся голос Гамбса. — Со своей стороны я не в обиде. Между нами (уфф), мне тоже не очень-то по вкусу эта женщина Маккарти... но (ух! чуть было тебя не поймал) беднякам выбирать не приходится. Эх-ма. Как я понимаю, приходится самому заботиться о себе; в смысле, что (ух) если я не позабочусь, то кто за меня это сделает? Понимаете, о чем я?

Джордж не отвечал. Странное дело, но он больше не боялся ни за себя, ни за Вивьен — он просто был неодолимо, экстатически, маниакально озлоблен. Энергия стекалась откуда-то к нему в руку; яростно сосредоточиваясь, он думал: «Больше! Сильнее! Длиннее! Мощнее захват!»

Рука росла. Она заметно прибавила в объеме, она удлинялась, крепчала, вздувалась от мускулатуры. То же самое и у Гамбса.

Он начал отращивать вторую руку. То же и Гамбс.

Повсюду вокруг него яростно пучилась поверхность монстра. А кроме того, понял наконец Джордж, ее поверхность ощутимо сокращалась. Теперь прежней замысловатой дыхательной системы было недостаточно — тварь

пожирала себя, разрушая свои собственные ткани, чтобы уладить ссору.

Интересно, до какого размера может она уменьшиться, сохраняя в то же время двух человеческих жильцов?

И чей мозг она выдворит первым?

Задуматься об этом у Джорджа не было времени. Роясь второй рукой в траве, Гамбс никак не мог подыскать себе что-нибудь в качестве подручного оружия; и резким наклоном развернул их общее тело.

Деление было завершено.

Джордж на мгновение вспомнил о Вивьен и Маккарти. Он рискнул бросить взгляд назад и не увидел ничего, кроме невыразительной яйцевидной глыбы. Обернулся он как раз вовремя, чтобы увидеть, как недорослая правая длань Гамбса вытаскивает из травы длинную сухую ветку с острым концом. В следующий миг ветка хлестнула его по глазам.

Край речного берега располагался в каком-то метре слева. Джордж поравнялся с ним, скакнув всем телом в сторону. Они поскользнулись, зашатались, какое-то время еще покачались, яростно сжимая друг другу руки, и, опрокинувшись, полетели в облаке пыли и осыпи мелких камней — полетели по головокружительному склону, чтобы смачно шлепнуться на самом дне.

Целая вселенная сделала вокруг них один гигантский оборот и постепенно успокоилась. Джордж стал нащупывать утраченный захват, нашел запястье Гамбса и сдавил его.

— Ох, — слышался голос военного, — тут мне и конец. Я ранен, Мейстер. Валяй, парень, кончай с этим — ну? Не трать время.

Не ослабляя хватку, Джордж подозрительно уставился на него.

— Что с вами?

— Я же говорю, что уже готов, — обидчиво отозвался Гамбс. — Парализован. Не могу двинуться.

Оказывается, они упали на небольшой валун, которых множество было разбросано по руслу реки. Этот валун

по форме слегка напоминал конус — они навалились на него, и тупой его хребет оказался как раз под спинным мозгом Гамбса, в нескольких сантиметрах от головного мозга.

— Гамбс, — обратился к нему Джордж, — все может оказаться не так плохо, как вам кажется. Если я смогу доказать вам это, вы станете подчиняться мне. Идет?

— Но как? Мой позвоночник сломан.

— Об этом не беспокойтесь. Так сдаетесь?

— Да, конечно, — откликнулся Гамбс. — Мейстер, это весьма порядочно с вашей стороны. Вот вам мое честное слово.

— Хорошо, — сказал Джордж. Напрягаясь изо всех сил, он сумел стащить их общее тело с валуна. Затем бросил взгляд вверх — на склон, с которого они скатились. Слишком круто — придется искать более легкий путь обратно. Джордж повернулся и направился на восток вдоль тонкого ручейка, бежавшего по пересохшему речному руслу.

— Так что теперь? — какое-то время спустя спросил Гамбс.

— Нам надо отыскать путь наверх, — нетерпеливо проговорил Джордж. — Быть может, я еще успею помочь Вивьен.

— Ах, да. Но, вообще-то, я в первую очередь думал о себе, Мейстер. Если вас не затруднит сказать мне...

Наверняка ее уже нет в живых, мрачно рассуждал Джордж, однако если есть хоть малейший шанс...

— С вами все будет в порядке, — сказал он. — Находишь вы в своем старом теле, это означало бы смертельную травму или, во всяком случае, паралич — но у этой твари все по-иному. Вы сможете восстановить себя с той же легкостью, что и вырастить новую конечность.

— Боже милостивый, — пробормотал Гамбс. — Какой же я дурак, что сам об этом не догадался. Но слушайте, Мейстер, не означает ли это, что мы понапрасну тратили время, пытаясь убить друг друга? Я хочу сказать...

— Нет. Если бы вы разрушили мой мозг, то, думаю, организм переварил бы его и мне пришел бы конец. Но если исключить все столь радикальное, то, полагаю, мы бессмертны.

— Бессмертны, — пробормотал Гамбс. — Боже милостивый... Но тогда все предстает совсем в другом свете, а?

Берег слегка снижался — и в одном месте, где голая земля была густо усеяна валунами, обнаружился осыпавшийся склон, по которому, похоже, можно было выкарабкаться. Чем Джордж и занялся.

— Мейстер, — через некоторое время окликнул его Гамбс.

— Что вам?

— Знаете, вы правы... я уже начинаю как-то по-другому к этому относиться... Слушайте, Мейстер, разве есть что-то невозможное для такой зверюги? Я имею в виду, понимаете ли... ну что мы, может, снова могли бы сложиться вместе, как были, со всеми этими... придатками, и все такое, а?

— Возможно, — кратко ответил Джордж. Такая мысль уже мелькала где-то на задворках его сознания, но ему не хотелось обсуждать ее с Гамбсом, тем более сейчас.

Они находились уже на полпути вверх по склону.

— Ну, в таком случае... — задумчиво проговорил Гамбс. — Эта тварь, знаете ли, просто находка для армии. Человек, притащивший такую штуковину в Министерство обороны, смог бы сам выписать себе увольнение, не иначе.

— После того, как мы разделимся, — сказал Джордж, — вы сможете сделать все, что вам захочется.

— Но, черт побери, — раздраженно пробурчал Гамбс, — так не пойдет.

— Почему?

— Потому что они могут обнаружить вас, — проговорил Гамбс. Руки его вдруг потянулись, обхватили небольшой камень и вырвали его из углубления в земле прежде, чем Джордж смог остановить военного.

Нависавший над камнем здоровенный валун дрогнул и угрожающе качнулся. Стоявший как раз под ним Джордж обнаружил, что не может двинуться ни вперед, ни назад.

— Еще раз сожалею, — услышал он голос Гамбса, полный, казалось бы, искреннего сожаления. — Но вы же сами знаете, что такое этот Комитет по благонадежности. Я просто не могу рисковать.

Валун, казалось, целую вечность собирался упасть. Джордж, напрягая все силы, еще дважды попытался убраться с его дороги. А затем, чисто инстинктивно, положил руки прямо под него.

И, вероятно, в самый последний момент он сдвинул их влево — отклонив центр опрокидывающейся серой массы.

Валун рухнул.

Джордж почувствовал, что руки его ломаются как ветки и увидел угрожающую серую глыбу, почти заслонившую небо; он почувствовал сокрушительный удар — земля заходила ходуном.

До Джорджа донесся невнятный звук.

Он все еще был жив. Этот поразительный факт занимал все его мысли еще долгое время после того, как валун прогремел вниз по склону и затих. Наконец Джордж бросил взгляд вправо.

Сопrotивления его оцепеневших рук, даже когда они сломались, вполне хватило, чтобы сдвинуть падавшую массу в сторону — на какие-нибудь тридцать сантиметров... И теперь вся правая половина монстра была разможена и гладко размазана по земле. Он увидел несколько пятен пастообразного серого вещества, сплавлявшегося теперь в буро-зеленую полупрозрачную массу, которая вновь медленно собиралась в один ком.

Минут через двадцать последние остатки расплющенного спинного мозга рассосались, монстр снова принял свою обычную чечевицеобразную форму, а боль Джорд-

жа значительно уменьшилась. Еще через пять минут его искалеченные руки снова обрели форму и набрали силу. Теперь их форма и цвет стали еще убедительнее — сухожилия, ногти и даже складки — как на самой настоящей коже. При обычных обстоятельствах это открытие увело бы Джорджа к многочасовым рассуждениям; но теперь, в спешке, он едва обратил на него внимание. Горя от нетерпения, он быстро выкарабкался на берег.

В тридцати метрах от него лежало сгорбленное бурозеленое тело, так похожее на его собственное — лежало без движения в сухой траве.

Оно конечно же содержало только один мозг. Но чей?

Почти наверняка — мозг Маккарти; у Вивьен практически не было шансов. Но где же, в таком случае, рука Маккарти?

Расстроенный, Джордж обошел это существо кругом, чтобы повнимательнее его рассмотреть.

На дальней стороне он наткнулся на пару темно-карих глаз с каким-то странным отсутствующим взором. Спустя мгновение глаза сфокусировались на Джордже, и все тело слегка дрогнуло, потянувшись к нему.

У Вивьен были карие глаза — это он помнил четко. Карие глаза под густыми темными ресницами на тонком заостренном личике... Но что это доказывало? Какого цвета были глаза Маккарти? Этого он вспомнить не мог.

Для выяснения оставался лишь один способ. Джордж пододвинулся ближе, отчаянно надеясь, что *мейстерий* такой-то был достаточно развит, чтобы соединиться, а не пытаться сожрать представителя своего же собственного вида.

Два тела соприкоснулись, слиплись и начали сливаться. Наблюдая за этим, Джордж видел, как процесс деления повторяется, но уже в обратную сторону: из двух чечевицеобразных тел чуждая плоть сплавилась в какое-то подобие туфли, затем в овоид, а затем снова приобрела форму чечевицы. Мозг Джорджа и мозг его партнера сближались все больше, а спинные хорды образовали прямой угол.

И только тут он заметил, что соседний мозг светлее и больше, чем его собственный, и контуры его несколько острее.

— Вивьен? — неуверенно спросил он. — Это ты?

Никакого ответа. Он попробовал снова — и снова ничего.

Наконец:

— Джордж! Ох, милый... мне хочется плакать, но я, кажется, не могу.

— Нет слезных желез, — машинально отметил Джордж. — Уфф... Вивьен?

— Да, Джордж. — Снова этот теплый голос...

— Что случилось с Маккарти? Как тебе удалось... нет, я хочу сказать — что случилось?

— Не знаю. Ее нет, правда? Я уже давно ее не слышу.

— Да, — подтвердил Джордж, — ее нет. Но ты серьезно *не знаешь*? Расскажи мне, что ты сделала.

— Ну, я хотела сделать себе руку, как ты сказал, но, кажется, у меня уже не оставалось времени. Тогда я сделала череп. И такие штучки, чтобы скрыть мой...

— Позвоночник. — «А я-то, — потрясенно подумал Джордж, — я-то какого черта об этом не подумал?» — А дальше? — спросил он.

— По-моему, я уже плачу, — сказала Вивьен. — Да, точно. Ох, какое облегчение! А потом ничего. Она делала мне больно, а я лежала и думала, как было бы замечательно, если бы Маккарти здесь не было. Потом она куда-то пропала. Тогда я вырастила глаза, чтобы поискать тебя.

Объяснение, как показалось Джорджу, было еще более озадачивающим, чем сама загадка. В своем беспорядочном поиске какой-либо дополнительной информации он вдруг заметил нечто, до сих пор ускользавшее от его внимания. В двух метрах слева, едва заметный в траве, лежал сырой сероватый комок, от которого тянулись волокнистые нити.

Джордж вдруг понял — должен существовать некий механизм, с помощью которого *мейстерий* такой-то избавлялся бы от не сумевших приспособиться к нему обита-

телей — от мозгов, впавших в кататонию, истерию или суицидальное бешенство. Некое условие для выселения.

Так или иначе, Вивьен удалось запустить этот механизм — удалось убедить организм, что мозг Маккарти стал не только излишним, но и опасным — самым верным словом было бы, пожалуй, «ядовитым».

Мисс Маккарти — таково было последнее для нее унижение — оказалась не переварена, а извергнута, наподобие экскрементов.

Ближе к закату, двенадцать часов спустя, им удалось здорово продвинуться. Они достигли радостного взаимопонимания. Поохотились еще на одно стадо свиней, которые пошли им на полдник.

Вивьен напрочь отказывалась верить, что мужчина мог бы увлечься ею в ее нынешнем состоянии. По этим причинам они предприняли серьезные попытки восстановить свои формы.

Первые опыты оказались необычайно трудными, а последующие — на удивление простыми. Снова и снова им приходилось коллапсировать обратно в амебоподобные массы, вследствие того, что некоторые из органов забывались при воссоздании тела или же неправильно функционировали; но каждая неудача расчищала дорогу. Наконец они научились стоять — не нуждаясь при этом в дыхании, но дыша, покачиваясь, лицом к лицу — два изменчивых гиганта в счастливых сумерках, два наброска Человека — творения собственного разума.

Они позаботились и о том, чтобы между ними и лагерем Федерации пролегли как минимум тридцать километров. Стоя на гребне холма и глядя на юг в сторону неглубокой долины, Джордж видел слабое похоронное свечение — там работали врубовые машины, заглатывавшие в себя металлы, чтобы накормить заводы, которые породят миллиарды кораблей.

— Мы никогда не вернемся туда, правда? — спросила Вивьен.

— Нет, — серьезно ответил Джордж. — Когда-нибудь они к нам придут. Но у нас куча времени. Ведь мы — само будущее.

И еще одно наблюдение — вроде бы незначительное, но крайне важное для Джорджа; оно наполнило его чувством завершенности: Джордж ощутил, что закончилась одна фаза и началась другая. Он наконец составил полное имя для своего открытия — никакого, как выяснилось, мейстерия. *Spes hominis*:

Надежда человеческая.

СПРОСИ О ЧЕМ ХОЧЕШЬ

Все началось с костыля. Затем — металлический крик, затем — первые механические конечности. И наконец...

Дурдом. Взмахи тонких металлических ног — движущийся лес ножиц. Сверкающие маятники металлических рук. Металлические туловища — будто яркие панцири жуков, покрытые вмятинами. Круглые металлические черепа — что хранят в себе живые человеческие глаза — глаза, неуверенно моргающие, глаза пристальные и неподвижные.

Криш, внимательно наблюдая за аудиторией через настольный сканер, звука не включал. Стены блока полностью поглощали звук; дети же росли в атмосфере лязга и трескотни — и привыкли перекрикивать общий гам. Что к лучшему — будущие солдаты не найдут для себя ничего страшного в реве сражения. Но когда Криш — единственный человек из плоти и крови во всем блоке — общался с курсантами, ему приходилось вставлять в уши затычки.

Металлическая река разлилась по аудиториям — и застыла. Огоньки продолжали мелькать на сканерах — и на панели, что покрывала двадцатифутовую стену перед столом Криша. Занятия начались.

Криш включил табло и начал диктовать еженедельный отчет. Криш: невысокий худощавый мужчина с редющими прядями седоватых волос, аккуратно зачесанных на веснушчатую загорелую лысину. Рот прямой как струна —

похоже, это лицо никогда не посещала улыбка. Правда, порой какая-то сдержанная ирония все же мелькала в настороженных глазах.

Прозвенел звонок, и вспыхнула красная лампочка. Криш бросил взгляд на сканеры, заметил, над каким из них загорелся предупреждающий огонек — и перевел изображение на свой настольный экран. Добрых полтысячи пар глаз воззрились на Криша из битком забитого металлического амфитеатра.

Криш перевел воспроизводящий куб на минуту раньше. Роботы-инструкторы могли отвечать на все допустимые вопросы; значит, только что был задан недопустимый вопрос.

Металлический голос скрежетал:

— ...по паховому каналу и попадает в брюшной отдел через внутреннее паховое кольцо. Понятно? Какие будут вопросы?

Пауза. Криш пробежал глазами по рядам, но так и не сумел разобрать, кто из курсантов подал сигнал. Затем заговорил необычно громкий, но явно детский голос — и тут же в левом нижнем углу экрана появился номер курсанта. Криш автоматически запомнил номер.

— Что такое поцелуй?! — воскликнул десятилетний мальчик.

Пятисекундная пауза. Затем ответ робота:

— Вопрос лишен смысла. О нем уже доложено директору. Будьте готовы поступить в его распоряжение. — И лекция продолжилась.

Криш переключил сканер в обычный режим работы. Робот уже рассказывал о предстательной железе. Криш подождал, пока машина закончит очередную фразу, а затем нажал на пульте кнопку ВНИМАНИЕ и отчетливо произнес:

— Курсант ЭР17235 должен немедленно прибыть в кабинет директора. — Затем он отключил панель и, хмурясь, откинулся в мягком директорском кресле.

Недопустимый вопрос! Само по себе весьма скверно. За шесть лет осуществления Проекта такого в старших

классах вообще не случалось. Немыслимо! Ведь проверка проводилась всего неделю назад — и весь состав учащихся был признан вполне кондиционным.

Но и это еще не все. Робот-инструктор не солгал — разумеется, в меру его знания, — сказав, что вопрос курсанта лишен смысла. Предмет о любовных взаимоотношениях нормальных людей стоял в учебной программе двумя годами позже. Ввести его раньше, с достижением желаемого эффекта отвращения, значило серьезно повредить дисциплине.

Криш навел селектор на соответствующий список, хотя ответ знал заранее. В лексиконе курсантов не существовало слова «поцелуй».

Криш поднялся и подошел к прозрачной стене позади стола — к громадному окну, выходящему на широкий плац, за которым простиралась холодная поверхность безвоздушной планеты. Лишь звездный свет отражался от неровного ландшафта, навеки лишенного солнечного тепла; силовой экран, сохранявший атмосферу блока, действовал и как световая ловушка. В тысяче световых лет отсюда Криш видел холодное тусклое свечение сектора, частью которого была Цинара — и все ужасающее могущество космоса меж ними. Но если бы даже предполагаемый вражеский разведчик решил пристальнее приглядеться к этой никчемной планетке, он не увидел бы ничего, кроме небольшого черного пятнышка, которое вполне могло сойти за гладкое плато или за кратер давно потухшего вулкана.

Уже больше десяти лет Криш перемещался со своим классом от одной базы к другой, оставляя должность следующему по рангу в иерархии. И каждый год новый директор отправлялся в полет с грузом эмбрионов и оборудования — так что в конце десятилетия Криш получил постоянную должность директора конечного Блока, став старшим должностным лицом Проекта. Вот и все, на что он мог рассчитывать. Дальше — только в могилу. Много кораблей прибывало сюда, но ни один не отбыл обратно — кроме, разумеется, заказанных военных эшелонов. Награ-

дой Кришу были уединение, работа, власть и некоторое удовлетворение природного любопытства.

А наказание за срыв Проекта оказалось бы для Криша в высшей степени мучительным.

Громкоговоритель над дверью гаркнул:

— Сэр, курсант ЭР17235 по вашему приказанию прибыл.

Криш вернулся к столу.

— Входи, — сказал он.

Металлическое существо протопало в кабинет и замерло по стойке смирно перед столом директора. Органическим в курсанте оставался лишь необходимый минимум: голова, урезанная до функционального шара, голубые глаза, что напряженно выглядывали из-под металлического лба, сильно упрощенное туловище, обрубки конечностей. Казалось бы — не более, чем омерзительный, никчемный огрызок плоти. Однако, размещенный в стальном теле, этот огрызок представлял собой заготовку для создания идеального воина.

Курсанту, как и всем его одноклассникам, исполнилось десять лет; живую его часть уже не раз перемещали из одной сочлененной металлической оболочки в другую. Да и теперешнее его тело было еще незрелым. Достигни курсант своего полного роста, его снабдили бы окончательным телом — фантастически защищенным и почти неразрушимым — неслыханно мощным! Такое тело на пересеченной местности опережало любой наземный транспорт. Встроенное в руки оружие управлялось непосредственно нервной системой — и оружие это могло стереть в порошок целый город. Кроме того, курсант оказался бы полностью лишен страха.

Криш намеренно затягивал паузу, пока мальчик вытягивался перед ним по стойке смирно. Юный солдат еще не знал чувства страха. Этого требовала дисциплина. Подавленную враждебность по отношению к Кришу позднее перевели бы в полезную ненависть ко всем немеханическим людям. Воспитание болью — по сути, коренная идея всего Проекта.

Костыль знали еще в доисторические времена. Металлический крюк в замену утраченной руки появился на заре железного века. В двадцатом веке получили признание протезы, которые прекрасно выполняли все функции естественных конечностей. Но только галактической культуре и военизированной цивилизации — миру Криша — выпало открыть, что искусственные конечности могут быть не просто меньшим злом — что металлическая рука или металлический палец *лучше* плоти. Лучше! Их искусно сочлененные сегменты реагировали на изменение давления, температуры и положения тела так же, как и плоть. Но металлические органы оказывались несравнимо сильнее. И боли не чувствовали.

Человек так мягок, думал Криш. Так мягок и так рагим. Каждый кубический дюйм плоти — за исключением мозга — содержит свой микроскопический предохранитель страдания. Но металл не чувствует боли. Эти парни завоюют галактику — и никакие человеческие войска не смогут им противостоять.

Тут Криш мысленно поправился. Пять минут назад это была почти уверенность. Теперь же — не более, чем вероятность. Директор спросил:

— Откуда ты узнал слово «поцелуй»?

Веки мальчика затрепетали под стальной маской.

— От... — Он заколебался. — От учебного аппарата, сэр, — неуверенно закончил курсант.

— Так ли? — резко спросил Криш.

Долгая пауза.

— Думаю... думаю, так оно и было, сэр.

— Значит, ты *думаешь*, что так оно и было, — проговорил Криш. — Опиши этот «учебный аппарат».

— Он... он вроде человека, сэр.

— Механизированный или целиком из плоти?

Молчание. Веки мальчика дрогнули, и Криш легко представил себе все лицо курсанта, искаженное мучительной неуверенностью.

— Отвечай на вопрос, — потребовал он.

— Ни то, ни другое, сэр, — выдавил мальчик. — Он...

- Ну? Так из чего же?
- Из...
- Ну?
- Из... просто из линий, сэр.

Криш некоторое время сидел, откинувшись на спинку кресла, и разглядывал курсанта в напряженном молчании. Неуверенные ответы мальчика указывали либо на его неискренность — что было совершенно немыслимо — либо на признание вины.

— Просто из линий, — скептически повторил директор. — Поясни.

— Это все, сэр, — с жаром ответил мальчик. — Весь из линий и почти как человек. И он заговорил со мной. — Курсант вдруг умолк.

Криш вцепился мертвой хваткой.

— И о чем же он говорил?

— О... о любви, сэр.

Еще одно слово, которому курсантов не учили.

— Дальше, — потребовал Криш. — Что он говорил о любви?

— Говорил... как люди встречаются... плоть к плоти... и как это хорошо. Еще — как один человек любит другого... он сказал... когда другой человек так же одинок и охвачен страхом, как ты... и ты даешь ему часть того, что сам чувствуешь, а не держишь все при себе... и... когда встречаешься плоть к плоти... очень хорошо себя чувствуешь... это вроде как убить кого-нибудь, только намного лучше. — Курсант замаялся. — Но про поцелуи я не понял. Очень сложно.

Криш почувствовал, как в груди у него скатывается холодный шар. Мальчик безнадежно испорчен. Его придется сдать в утиль. Но скольких еще?

— Когда это произошло?

— Вчера, во время безвоздушных маневров, сэр.

Криш попытался представить: разбросанные в холодном мраке курсанты выполняют одну из плановых учебных игр под руководством командиров отрядов. Вот один отделился от остальных, ожидая сигнала. И пока он ждет, нечто приближается и заговаривает с ним... о любви.

— Больше никто не видел и не слышал?

— Никак нет, сэр.

— Почему ты не доложил сразу?

Пауза.

— Я... я подумал, это — часть учебной программы.

— Правду говори! — рявкнул Криш.

Курсант заморгал.

— Не знаю... не знаю, сэр! Не знаю!

Влага выступила из глаз — две слезинки побежали по блестящей маске — по лицу мальчика.

На главной панели мелькнул еще один сигнальный огонек. Затем еще один. Криш наконец понял, что испытание началось лет на десять раньше времени. Всему Проекту была объявлена война.

Криш забрался в скоростник, зашелкнул ремень безопасности и направил машину в выходной тоннель. Перед этим директор подверг допросу и психологической проверке весь учебный состав и выявил еще пятьдесят три случая индуцированного отклонения. Пока что Криш оставил всех на свободе, но организовал тщательный присмотр — он надеялся, что неизвестный диверсант может попытаться еще раз войти с кем-то из них в контакт.

Тут впереди что-то тускло замерцало в звездном свете. Криш присмотрелся повнимательнее, а затем медленно двинул скоростник вверх.

Это оказался курсант — причем без космического снаряжения, которое наглухо закрывало отверстия в лицевой пластине и превращало металлическое тело в герметичную оболочку. Теперь тело безжизненно обмякло. Застывшие глаза слепо тарасились — кроваво-красные от лопнувших капилляров.

Криш пригляделся сквозь прозрачный металл и прочел серийный номер, выбитый на лбу у курсанта. Тот самый мальчик, которого он допрашивал всего час назад.

Директор связался с ретранслятором и отдал распоряжение об уничтожении тела и о задержании пятиде-

сяти трех остальных. Все. Больше он ничего не мог сделать.

Затем Криш набрал высоту и установил курс скоростника к Блоку-1 — в трехстах милях от его базы. После беседы с курсантом ЭР17235 он позвонил директорам остальных девяти баз и дал указание немедленно провести психологическую проверку. Результаты, полученные два часа спустя, показали: затронуты все блоки. А Виар, директор Блока-1 и новейший член персонала Проекта, сделал еще одно, не менее тревожное сообщение.

Криш наблюдал, как фон из черного бархата с вкраплениями белых искр тяжеломерно проплывает мимо. Даже если удастся устранить дестабилизирующий фактор, всю структуру в единое целое уже не соберешь. Старшие из курсантов еще не достигли той ступени, когда процесс их закалки и тренировки стал бы необратимым. Результат — безумие. Наплыв эмоций, которому не находилось выхода — неисполнимые желания. Классическая неразрешимая дилемма.

Криш вспомнил налитые кровью, застывшие глаза мертвого мальчика. Символ вполне подходящий. Других органов для выражения своих чувств у курсанта просто не осталось — и глаза он, надо признать, использовал достаточно эффектно.

Впервые за многие годы директор пожалел, что появился на свет. Влачить бы свои дни жалким педагогом — но в мирном мире. Зато не приходилось бы замуровывать мальчиков в металлические клетки.

По его требованию Виар встретил Криша на нижнем уровне Блока-1 — у шахты, вырытой конвертером в каменной оболочке планеты. Крупный моложавый мужчина с бледным лицом, на котором ясно читались добросовестность и неуверенность. Криш терпеть не мог Виара.

Виар нервно начал:

— Я сразу заподозрил неладное — как только проверил показания индикатора. В основном шел гранит, но временами попадались отклонения — чистый металл. Я заинтересовался и настроил конвертер на избиратель-

ное извлечение одной породы. А вчера я ненадолго остановил конвертер и послал вниз курсанта — посмотреть, что там осталось.

Криш взглянул на то, что принес Виар. Любопытный набор предметов, разложенных на пластиковом полу. Три металлические пластины с выбитыми на них аккуратными рядами точек, овалов, квадратов и крестиков. Длинный изогнутый желоб с неким приспособлением на одном конце, которое, судя по всему, должно было подходить к ладони — или шупальцу. Набор концентрических эллипсов с бегающими по ним шариками — явно модель планетной системы. Шестифутовый металлический ящик, собранный из сложного набора пересекающихся плоскостей.

Криш знал, что туземные формы жизни могли существовать на этой планете самое позднее — десять миллионов лет назад. Но ни на одном из предметов — ни точечки ржавчины.

— А почему вы не доложили о находках, пока я сам не позвонил?

Виар стал оправдываться:

— Думал, подождет до еженедельного отчета. До сегодняшнего дня мне казалось, что предметы особой важности не представляют. А потом я заметил, что ящик открыт.

Криш взглянул на ящик. По трем сторонам виднелась узкая щель. Директор подергал крышку и выяснил, что ее нельзя ни открыть, ни закрыть. Впрочем, казалось невероятным, чтобы оттуда могло выйти что-нибудь кроме газа.

Криш вспомнил слова мертвого курсанта: «Весь из линий...» Больше никто этой фразы не повторил — говорили только, что аппарат похож на человека. Директору пришла в голову странная мысль. Ведь если слово «линии» использовалось в истинном смысле, то даже миллиметровой щели могло не понадобиться.

— А кто-нибудь из курсантов не мог открыть ящик? — спросил он.

— Пожалуй, — признал Виар, — только это маловероятно. — Он махнул рукой в сторону ящика. — Хотя сна-

чала он казался тяжелее. Кроме того, там явно имелся особый силовой замок, который я никак не мог открыть. Я заглянул внутрь с помощью микрошупа — и обнаружил в одном из углов небольшой механизм. Думаю, теперь удастся раскрыть ящик до конца, но все же решил подождать, пока вы его не осмотрите.

— Значит, вы считаете, — процедил Криш, — что в ящике находилось некое устройство, которое действовало вплоть до вчерашнего дня?

Виар с вызовом взглянул на начальника.

— Я считаю, что в ящике содержалось нечто, что действует в настоящий момент.

Сдержав раздражение, Криш промолчал. Виар проводил его к выходному тоннелю. Напоследок Криш приказал:

— Продолжайте работу в обычном режиме, но следите за каждым курсантом. И откройте ящик — но только вне блока. Докладывайте мне ежечасно. — Закрепив ремень безопасности, он направил скоростник обратно к Блоку-10.

Там директора ожидали еще три случая аномального поведения, а сообщения из других блоков были схожими и в равной степени тревожными. Криш разработал стандартную форму опроса курсантов и передал весь процесс в ведение роботов. Позднее в тот же день позвонил Виар и доложил, что ящик удалось открыть, но не удалось ничего выяснить о его содержимом.

Криш получил сравнительные отчеты от роботов и выработал пробное предположение. За двадцать шесть часов неизвестный агент — который, в числе прочих вариантов, мог выбраться из ящика, обнаруженного под землей Виаром — разложил сто пятьдесят три курсанта — примерно по одному на каждые десять минут. Если такое безобразие продолжится прежними темпами, то через триста часов десять процентов всего курсантского корпуса окажутся заражены. А через двенадцать с половиной стандартных галактических суток Проект будет провален полностью и окончательно.

Криш отдал приказ изолировать пораженных и впоследствии уничтожить.

Он сам выполнил эту обязанность в Блоке-10, а затем отправился ко сну.

Директор пробудился от кошмарного сна, в котором его окружали безмолвные металлические тела — тела десятилетних курсантов с открытыми шлемами и кровоточащими пятнами на месте лиц.

Криш резко сел на кровати, понимая, что его разбудило чье-то появление в комнате.

Невозможно. Просто невысказанно. Сон директора охранялся бронированными стенами и массивной дверью, которые могли выдержать натиск целого полка.

Криш поднял голову, глядя прямо в сводчатый проход, отделявший спальню от кабинета. От приборных панелей исходило тусклое свечение.

Там стоял странный человек.

Первое впечатление Криша оказалось столь яркое, что несколько долгих мгновений директор не мог избавиться от него.

Глаз видит не человека — он видит некую линейную структуру, способную к почти безграничному изменению. Затем зрительный центр анализирует форму этой структуры, сопоставляя ее с гештальтом, с представлением-о-форме — и только тогда разум говорит: «Человек».

С некоторым усилием Криш отбросил свои предубеждения и попытался осмыслить увиденное.

А увидел он некий набор линий, которые никакой единой формы не составляли. Свечение в кабинете исходило из промежутков между линиями. Вот ряд завитков, которые могли бы сойти за волосы; затем щель; затем две незавершенные спирали, отдаленно напоминавшие глаза; еще одна щель; прямая линия для носа; дальше вниз — линия для рта, изогнутого в идиотской улыбочке. И с каждой стороны — по одной линии для ушей, напоминавших дверные ручки.

Все остальное напоминало тело человечка из палочек, каких обычно рисуют дети — линия для туловища, две для рук, две для ног и три коряво завивающихся линии для каждой кисти.

Фигура произнесла:

— Спроси о чем хочешь.

Голос доносился без звука — слова сами собой проходили в сознание Криша — будто написанные фосфоресцирующим карандашом на куске черного стекла. Криш не удивился, но ненадолго задумался почему; затем он воскресил в памяти беседу с первым курсантом. Мальчик сказал тогда, что разговаривал с «учебным аппаратом» вне сферы блока, во время безвоздушных маневров.

Криш подумал:

— Кто ты?

Ответ пришел немедленно.

— Я — развлекательно-информационное устройство. Спроси о чем хочешь.

Рука Криша лежала на кнопке, которая управляла батареей силовых пучков, сфокусированных в пространство перед тахтой, но директор не спешил использовать силу. Слишком много причин было предполагать, что подобные методы не принесут результатов.

Он решил поймать тварь на слове:

— Как тебя уничтожить?

— Меня нельзя уничтожить.

— Тогда как тебя обездвигить?

— Путем... — Фигура продолжила без задержки, но слова сменились зрительными образами. Криш понял, что в его языке просто не находилось слов для этих образов. Каждый вспыхивал перед Кришем лишь на мгновение, и Криш даже не смог запомнить последовательности — не говоря уж о том, чтобы как-то ее истолковать.

— Повтори, — подумал директор.

Снова стали появляться и исчезать те же самые образы — пока Криш наконец не понял, что никогда в жизни не сможет уяснить из них что-нибудь мало-мальски полезное. То, за чем он наблюдал, относилось к самым по-

следним звеньям многовековой цепочки развития технологии. Глупо ожидать, что он сможет постичь все это из одного простого объяснения — точно так же, как невозможно в двух словах обучить дикаря металлургии.

Тут Криш с ужасом вспомнил, что время на ответ в среднем составляет десять минут, и спросил:

— Сколько времени ты остаешься с одним и тем же лицом?

— Если просят остаться, я остаюсь.

У Криша несколько отлегло от сердца. Если ответ правдив, победа не за горами.

— Я хочу задать тебе великое множество вопросов, — объяснил Криш. — Оставайся со мной, пока я сам не попрошу тебя уйти.

Никакого ответа. Директор снова спросил:

— Ты исполнишь мою просьбу?

— Да.

Уже окончательно проснувшись, Криш поднял изголовье. Мозг директора напряженно работал. Наконец родилась мысль, заставившая затрепетать все тело. Он спросил:

— Из какого вещества ты состоишь?

— Не из вещества, — ответила фигура. — Я некий Образ. Криш подался вперед.

— Хочешь сказать, ты нематериален? — спросил он.

— Я нематериален. Я представляю собой определенную структуру сил, что приспосабливается к каждому индивидууму, которому я служу. Ты видишь во мне набросок человека; мои создатели видели бы нечто совсем иное.

— Ты разумен?

— Я неразумен. У меня нет свободной воли или независимого существования. Я всего лишь устройство для ответов на вопросы.

Криш немного подумал. Потом сказал:

— Ты только что описал себя как «некий Образ». Значит ли это, что было создано только одно такое устройство, как ты?

— Нет. Было много других, но тем, что пришли после моих создателей, мы не нравились. Мы их раздражали. Тогда они заперли нас, как джинна в одной из ваших легенд, так как уничтожить нас не могли.

— Ты способен лгать? — спросил Криш.

— Нет.

Ответ на этот главный вопрос, к сожалению, ничего не значил. Но Криш уже начинал подозревать, что первая его оценка оказалась ошибочной. Диверсией здесь и не пахло. С фактами гораздо удачнее и полнее согласовывался другой вариант. Образ был тем, за кого себя выдавал — «развлекательно-информационным устройством». Он явился курсанту, который пребывал в одиночестве и бездействии. (Возможно, Образ специально был задуман так, чтобы не мешать тому, кто занят чем-то важным.) Курсант задавал вопросы; Образ на них отвечал. Минут через десять — у курсанта редко бывает больше свободного времени — мальчик отпустил собеседника, и тот стал подыскивать себе очередного клиента.

А поскольку в сферу интереса курсантов входило именно то знание, которое неизбежно должно было их разрушить, то они и сходили с ума.

Образ уже упомянул, что «тем, что пришли после моих создателей, мы не нравились». Еще бы. Ничего удивительного. Каждая культура имеет свои области запретного знания и тактично игнорирует факты. Наверняка сам Образ блокирован в определенных сферах знания его создателей. Но для иной культуры ответы устройства могли стать взрывоопасными.

Криш спросил:

— Тебя предназначали для детей — или для взрослых?

— И для тех, и для других.

Значит, все знание, в котором нуждался Криш, находилось здесь, в Образе. И если задать нужное количество вопросов, можно узнать все, что угодно. Конечно, нельзя обучить дикаря металлургии в двух словах или даже за сутки — но в принципе-то обучить его можно!

Тем не менее, даже если допустить, что Образ был искренен до конца, оставался открытым еще один вопрос.

Абсолютно правдивый оракул мог оказаться опасной игрушкой; свидетельство тому — безумие курсантов и раздражение «тех, что пришли после моих создателей». Конечно, мозг Криша — не то, что искусственный, тщательно сбалансированный механизм, какой представляли из себя мозги курсантов — но и директор слишком хорошо знал, что и у него найдутся области нестабильности. Криш даже допускал, что там могут оказаться и совершенно неведомые области.

Но, с другой стороны, Криш и не собирался лезть во всякие психологические премудрости вроде тех, что связаны с эмоциональными побуждениями или со структурой «Я»; директору требовалась лишь техническая информация.

Оставался, наконец, вопрос, венчавший все остальные, а именно: как удавалось Образу поддерживать средний темп около десяти минут на каждого курсанта — считая время, затраченное на переброску от одного блока к другому в поисках подходящего клиента?

Ответ Образа подтвердил самые радужные надежды Криша: Образ движется путем мгновенного перемещения — вне обычной пространственно-временной структуры.

— Как? — тут же спросил Криш. И снова получил ряд словесно невыразимых образов. — Объясни первую картинку, — потребовал Криш, и: — Здесь поподробнее, — и: — А вот эта фигура что означает? — И Образ малопомалу начал учить директора.

Криша не на шутку беспокоила проблема, как ограничить деятельность Образа, пока сам он спит. В конце концов директор выделил группу курсантов, которых робот-диспетчер по одному запускал в кабинет, где Образ мог без перерыва с ними разговаривать. Как только курсант ломался и переставал задавать вопросы, его удаляли и запускали следующего. Криш выяснил, что, хотя Образ и умудрялся возвращать в курсанте семена безумия за не-

полных десять минут, в среднем самоходному справочному бюро требовалось часа два, чтобы довести клиента до состояния, в котором тот уже не в силах был задавать вопросы. Таким образом, за шесть часов директорского сна Образ успевал разобраться лишь с тремя курсантами. Оставшиеся восемнадцать часов каждые сутки уходили на вопросы самого Кришу.

Все мыслимое знание есть сила, должным образом приложенная. Однако Кришу требовался определенный рычаг и особая точка опоры. Мучительно медленно он приближался к своей цели.

Штурм укрепленной планеты из космоса в нынешних условиях становился чудовищно дорог — и, вдобавок, просто не мог оказаться успешным. Атакующей стороне требовалось угробить двадцать кораблей — чтобы приземлился хоть один. Дальше война продолжалась на земле, под защитным зонтиком противника — продолжалась так, как всегда велись войны — врукопашную, за каждую улицу. А значит, превосходство в наземных войсках могло стать решающим фактором.

Теперь представим себе объект, который передвигается мгновенно. Такой объект, по определению, нельзя ни задержать во время перемещения, ни подвергнуть какому-либо иному воздействию. В итоге, человек, который доставил бы на Цинару секрет такой транспортировки мог бы назначить любую цену за свой товар. Ибо власть, заключенная в этом секрете, дала бы возможность за короткий срок овладеть галактикой.

Задача оказалась чрезвычайно сложной. Познания Образа включали в себя скрупулезно и детально расписанные планы каждой операции, включая и все вспомогательные, с помощью которых производились составляющие для множества других вспомогательных операций, с помощью которых... и так далее. Кришу приходилось делать один мучительный шаг за другим — подобно ди-карю, который плавит руду для возведения плавильни, где можно будет лучше выплавить руду и построить литейную мастерскую, где можно будет обрабатывать ме-

талл и делать орудия, с помощью которых можно будет сделать другие орудия, с помощью которых можно будет построить машину для построения другой машины, которая тянула бы проволоку, которую другая машина формовала бы и на которой еще одна машина нарезала бы резьбу — чтобы в результате получить болт.

Криш перестал отсылать еженедельные отчеты. Следующий корабль на Цинару ожидался, самое раннее, месяцев через шесть. Должно пройти более двух лет после того, как перестанет прибывать почта Криша, чтобы до нерадивого директора добрался хоть какой-то корабль. Криш лишь дважды в день бросал взгляд на главную панель в своем кабинете — сразу после пробуждения и перед отходом ко сну; остальное время уходило на разговоры с Образом в машинных мастерских и лабораториях блока. Постоянно случались мелкие аварии, но Криш слишком дорожил временем, чтобы заниматься такой ерундой. Обслуживающие механизмы ломались, но не заменялись новыми со склада; директор оставлял без внимания даже такое событие, как выход из строя очередного робота-инструктора или диспетчера. Курсанты приходили в классные комнаты, но не слышали никаких лекций. Криш видел, как некоторые, пошустрее других, слоняются по коридорам. Директор не обращал на них внимания. Проект уже потерял всякое значение по сравнению с тем оружием, которое выковывалось под руководством Образа.

Еженедельные информационные кубики от девяти других директоров при полном попустительстве Криша стопками и грудami устилали стол. Когда на пятнадцатое утро директор вошел в кабинет, там мигал зеленый огонек межблокового коммуникатора. Криш щелкнул переключателем и увидел перед собой потную физиономию Виара. Тот торопливо заговорил:

— Директор Криш! Пытаюсь пробиться к вам еще со вчерашнего вечера, с шести часов. У вас в блоке что-то неладно?

— Все в порядке, — кратко ответил Криш. — Я занят. Что вам?

— Я только хотел выяснить, что вы решили предпринять в связи с тем рапортом, который я послал вам на прошлой неделе. Не подумайте, что я пытаюсь давить, но...

— Вопрос находится в стадии рассмотрения, — перебил Криш. — Как только решу, сразу дам знать. Что еще?

— Еще только один вопрос... как дела с тем диверсантом в блоке? У меня уже две недели ничего, и...

— У меня тоже, — опять перебил Криш. — Ждите, пока он снова не появится — если появится вообще.

Затем он прервал связь и стал разбирать у себя на столе стопку донесений, пока не обнаружил информационный кубик с пометой «Блок-1 — 1/17/09 — Особое». Криш опустил кубик в проектор и быстро просмотрел. Оказалось, что Виар по собственной инициативе провел дальнейшее археологическое исследование. Подавив очередной приступ раздражения, Криш продолжал читать. Виар расширил поле конвертера и увеличил его производительность, чтобы раскопать котлован двести футов в длину, двести в ширину и сто в глубину. Извлеченные находки, согласно докладу Виара, ясно свидетельствовали о существовании двух совершенно различных культур. Предметы, которые уже видел Криш — включая загадочный ящик, — принадлежали более поздней культуре. Среди них попались и такие, которые Виар расценил как оружие. Прочитав этот раздел, Криш нахмурился — никаких подробностей Виар не привел.

Основная идея Виара состояла в том, что, судя по пиктограммам и предметам, которые представлялись личными вещами, первая культура была настолько чужда человеческой как биологически, так и социологически, что казалась практически непостижимой. А вот пришедшие впоследствии были людьми. С трепетом, явственно проскальзывавшим за аккуратными фразами, Виар предположил, что данное открытие имеет громадное значение для галактической археологии и антропологии. Радиоактивные тесты подтвердили предварительные расчеты: планета мертва уже более десяти миллионов лет. Из чего следовало неизбежное за-

ключение — человечество возникло изначально не на Земле — была некая предшествующая волна колонизации, столь древняя, что след ее доселе обнаружить не удавалось.

Криш с презрением подумал о Виаре, который, похоже, уже купался в лучах своей будущей академической славы. Этот недоносок метил в лидеры, он хотел, чтобы Криш наделил его полномочиями для незамедлительной высылки находок на Цинару, а также предлагал учредить на планете Проекта исследовательскую группу — возглавить которую, без сомнения, должен был сам Виар.

Мысль о независимой эволюции, судя по всему, этому незаурядному научному светилу даже в голову не приходила.

Самой очевидной мерой представлялось ублажить недоноска, хотя Криш сильно сомневался, что все открытия Виара стоили хоть ничтожной доли его собственного. Впрочем, он тут же вспомнил о загадочных фразах Виара насчет оружия. Возникали два достаточно отдаленных, но крайне неприятных варианта: во-первых, Виар мог намекать, что в случае противодействия со стороны Криша у него найдется сила для подкрепления своих запросов; а во-вторых, среди оружия — чисто теоретически — может оказаться такое, стратегическое значение которого для Цинары перевесит значение тайного оружия Криша.

Следовало принять это во внимание и в то же время постараться не расстраивать Виара — если получится. Криш некоторое время поразмышлял, а затем продиктовал записку: «Ваше предложение принято. Пришлите все найденные объекты и соответствующие данные в мою канцелярию для отправки. Одобряю ваш запрос об учреждении исследовательской группы и рекомендую вам возглавить ее лично. До тех пор, однако, я не могу дать вам полномочий на дальнейшее использование конвертера Блока-1, связанное с раскопками. Предлагаю временно прекратить исследовательскую деятельность и использовать болванки со склада вплоть до получения ответа с Цинары».

Таким образом, руки у Виара оказывались связаны. Решение было не только разумно, но и несло в себе дух

примирения — Виар не мог не подчиниться предписаниям, не проявляя открытой враждебности. Если он не подчинится, с ним можно будет разобраться; если же подчинится, то Криш легко предотвратит саму возможность возникновения будущих проблем, изъяв оружие из посылки.

Существовала, впрочем, еще одна альтернатива, которой Криш поначалу не принял во внимание. Разбирая содержимое ящиков, присланных Виаром, он обнаружил множество разнообразных предметов материальной культуры — но ни один из них, насколько понял Криш, явно не мог быть причислен к оружию.

В каком-то смысле такое даже казалось неправдоподобным. Не таким человеком был Виар, чтобы отважиться на столь открытое противостояние своему начальнику. Он стал бы интриговать, подкапываться — но никогда не рискнул бы своей головой в открытом конфликте.

Тут Криша внезапно осенила одна мысль. Он спросил у Образа:

— А Виару ты до меня показывался?

— Да.

— Почему же не сказал? — спросил Криш и тут же раздраженно махнул рукой. — Понял. Я же тебя не спрашивал. Сколько времени ты с ним провел и что вы обсуждали?

— Один час и двадцать минут. Я ответил на его вопросы о себе, о нем, о тех, что пришли после моих создателей и об их оружии. Я указал ему, где искать три единицы оружия, которые оказались в районе его раскопок.

Да, похоже на Виара, криво усмехнулся про себя Криш.

Теперь ему стала понятна внезапная агрессивность Виара. Недоноску показали тропу к власти — а, кроме того, Образ наверняка сообщил ему пару-другую невкусных истин о робости и безволии директора Блока-1. Теперь характер Виара претерпел изменения — и стал достаточно неустойчивым.

Конфликт был крайне нежелателен — особенно сейчас, когда напряженные труды Криша уже подходили к кон-

цу, — но все же директор достаточно здраво оценивал ситуацию, чтобы понять: дело требует немедленного решения. Криш обдумал все предполагаемые сложности, сделал необходимые приготовления: на перемещение всего громоздкого оборудования лаборатории и мастерской в другой конец тоннеля длиной в полмили потребовалось определенное время — а затем связался с Виаром.

На гнусной физиономии Виара выражалось почтительное внимание, под которым ясно просвечивали коварство и самоуверенность.

Криш не стал тратить время на приветствия:

— Виар, вы получили указание прислать *все* обнаруженные предметы. Где оружие, о котором упоминается в вашем рапорте?

Физиономия Виара немедленно перестроилась: на ней изобразилось крайнее удивление.

— Вы о чем? Все на месте, — забормотал он. — Я выслал все до болтика — в точном соответствии с вашими указаниями.

— Виар, — ледяным тоном произнес Криш, — ты, жалкий червь. Вся твоя ложь написана у тебя на роже. Чего ты добиваешься?

Белесые ресницы Виара всю заморгали, а вялый рот немного напрягся. Но ответил он тем же осторожно-вежливым тоном:

— Быть может, что-то по ошибке и осталось, директор Криш. Давайте поступим следующим образом: вышлите обратно отправленные мной предметы, и я еще раз все тщательно проверю. Тогда и отправим посылку на Цинару.

— Ты хочешь сказать, — процедил Криш, — что мне лучше последовать твоим указаниям — иначе я и вправду познакомлюсь с твоим оружием, но только не так, как мне бы хотелось?

Глаза Виара засверкали.

— Если вам так будет угодно, директор.

Криш мгновенно разразился потоком брани. В подобном виде психологического воздействия практики у него

было на девять лет больше, чем у Виара, и Криш по праву считался непревзойденным мастером этого искусства. Криш наградил Виара почти всеми бранными кличками из своего словаря, делая особый упор на мнимую мужеподобность недоносок. Виар сначала покраснел, затем побелел. Затем Криш обвинил Виара в саботаже и измене.

Тут недоносок взорвался.

— И это вы, *вы* говорите об измене? — завопил он. — Думаете, я не знаю, что вы там замышляете? Вы заполучили ту штуковину, что выбралась из моего ящика, и выкачиваете из нее всякие секреты, чтобы продать тому, кто больше заплатит!

— В самом деле? — тут же отозвался Криш. — А что же ты поставишь на кон?

Виар все ему выложил. Оказалось, недоносок уже предупредил восьмерку остальных директоров, что Криш подкапывается под Проект. Криш остался один против девяти — а в распоряжении Виара находилась лучевая установка, которая могла разрезать силовой экран Криша как бумагу.

Таким образом, Криш получил всю необходимую информацию. Теперь нужно было только заставить Виара выбраться из-под защитного экрана. В предельно грубых выражениях Криш предложил Виару самому явиться и попробовать его взять — а под завязку добавил предусмотрительно припасенный им самый меткий эпитет.

Круглая физиономия Виара побелела как смерть. Глаза полезли на лоб. Он открыл было рот, чтобы заговорить, но Криш, триумфально ухмыляясь, отключил связь.

На всю операцию ушло десять минут. Криш осторожно заглянул в комнату для допросов и убедился, что Образ по-прежнему занят с очередным курсантом; затем директор облачился в боевое снаряжение и зашагал по коридору в сторону лифта.

На полпути ему попала группа курсантов. Один лежал на полу, металлическое тело выгибалось и корчилось. При появлении Криша мальчик принялся вопить как ре-

занный. Криш вздрогнул. Затем взглянул на других курсантов и увидел у одного из них знаки различия командира отряда.

— Почему он не в хирургическом кабинете? — рявкнул директор.

После некоторого замешательства командир отряда ответил:

— Хирургический не работает, сэр. Робот-диспетчер вышел из строя. Что мы должны делать, сэр?

— Прикончите его, — приказал Криш и пошел дальше.

Вслед полетел недоумевающий голос командира отряда:

— Но, сэр, я не понимаю. Разве мы все должны испытывать боль подобно низшим животным?

Криш не ответил. В конце коридора он вошел в лифт и быстро спустился на нижний уровень. Скоростник стоял у выходного тоннеля. Директор забрался на сиденье, провел машину через тоннель — а затем направил ее в небо и прибавил газу.

В пяти тысячах футов над силовым экраном блока и на некотором расстоянии от периметра Криш выравнивал скоростник и завис, внимательно оглядывая окрестности. Он ждал.

Наконец тот, кого он ждал, появился — небольшой изящный силуэт — металлическая стрела, летевшая напрямиком от Блока-1 к Блоку-10. Да, видно, Виар совсем взбесился, подумал Криш. Затем, поймав очертания корабля на экране компьютера, он установил переключатель на «перехват». Скоростник мгновенно капотировал и пулей устремился вниз. Криш машинально считал секунды. При счете «три» корабль Виара оказался почти в центре переднего экрана. При счете «четыре» машина Виара вошла в зону действия силовой пушки, установленной на носу скоростника Криша. Директор нажал на гашетку и круто бросил корабль вверх.

Когда прошла временная слепота, Криш увидел обломки корабля Виара: они падали, бешено вращаясь в свете звезд. А снизу — оттуда, где прежде высился Блок-10 — поднималось бесформенное облако пыли и обломков. Си-

ловой экран был смят, и все надземные строения разрушены.

Криш выровнял машину и включил сканер, наводя его на бункер в конце тоннеля. На сканере немедленно появилось изображение мастерской, в центре которой стоял почти законченный аппарат. За ним располагались прозрачные камеры, где Образ обрабатывал личный состав Проекта. Криш обратил внимание, что снаружи ожидали своей очереди еще три курсанта. Вполне достаточно. Еще час — и на этой планете просто не останется голов, чтобы придумывать для Образа вопросы.

Ухмыльнувшись, Криш направил корабль к Блоку-2. Директор искренне порадовался, что Виару удалось уничтожить Блок-10 — теперь не нужно заниматься этим самому. Брошенные на произвол судьбы курсанты стали теперь не только отвратительны Кришу, но и потенциально опасны.

Криш осторожно снизился над Блоком-2, маневрируя, пока разрядный клапан корабля не оказался точно над центром силового экрана. В любом другом месте экран был полностью защищен от атаки космического корабля, а также и от радиоактивной пыли; но здесь, в центре, тот, кто знал, что именно требуется сделать, мог найти уязвимое место. Криш снял блокировку и выпустил смертоносный состав.

Ту же процедуру он повторил и над всеми остальными блоками — а закончил над виаровским Блоком-1. Криш имел все основания полагать, что Виар не стал дожидаться, пока другие директора согласятся принять участие в атаке. Если недоносок все же кого-то пригласил, то brave ребята не найдут, что им атаковать, когда доберутся до Блока-10 — и не найдут, куда деться, когда разлетятся по домам.

А сам Криш вернулся к руинам Блока-10, провел тщательную разведку, желая убедиться, что нигде его не поджидает другой скоростник в пределах зоны атаки, затем опустился и стал пробираться через руины, пока не оказался у входа в бункер. Тогда Криш вылез из скоростни-

ка, открыл герметическую дверцу — первую из целого ряда — наглухо захлопнул ее за собой — и, несколько раз повторив ту же операцию, вошел в бункер.

Созданная Кришем неимоверно сложная структура еще не была конечной стадией процесса — она представляла собой лишь целевой производитель. Конечным же продуктом предстояло стать самому Кришу.

Вначале директор провел опыт с небольшим цилиндром, в который он вмонтировал особый элемент сродства, настроенный на пластину-мишень в другом конце камеры. Все было выстроено таким образом, чтобы на своем пути к мишени цилиндрик прошел через поле машины Образа. Пришлось также собрать фотоэлектрическую ячейку, чтобы проследить за цилиндриком и точно зафиксировать момент, когда он исчезнет.

Дрожащими пальцами директор зафиксировал показания. Ни микросекунды разницы между временем, когда цилиндрик попал в поле машины, и временем, когда он впился в пластину-мишень!

Криш обследовал цилиндрик чувствительной аппаратурой, которая предварительно уже зафиксировала его линейные размеры, массу и структуру. Цилиндрик остался неизменным.

Криш взглянул на Образ и улыбнулся. Конечно, директор понимал, что в загадочной силовой структуре таится опасность; но вот — он сумел ее избежать с помощью стратегии, безупречной в силу своей простоты. Криша переполняли миллионы вопросов; они так и бурлили в нем — но он не позволил себе задать ни одного. Запрашивал Криш только техническую информацию, необходимую для создания транспортного устройства — он даже не стал проследживать ни одного любопытного философского и математического отвлечения главной мысли, что попадались на некоторых ступенях процесса.

И Криш знал, что его уверенность в собственной безопасности — не самообман; директор ежедневно проверял себя с помощью проводимых под гипнозом психологических тестов. Его уверенность в себе согласно этим

тестам повысилась на несколько единиц — что ж, ничего странного. Примерно на столько же понизился показатель его эмпатии; впрочем, показатель этот никогда и не был слишком высоким — иначе Криша никогда не назначили бы главой Проекта. И все. Ориентация — идеальная. Ни малейших признаков неврозов или психозов — включая и тот, которого Криш более всего опасался — комплекс вины в связи с уничтожением курсантов.

Теперь, как и всегда, Криш вспоминал погибших курсантов без сожаления. Все равно они были живы лишь отчасти. Поэтому лучше им сразу уйти в небытие.

Криш еще раз взглянул на законченный аппарат. Вот пустотелый каркас. Его обвивает металлическая лоза, обвешанная удивительными плодами: металлическими розами, форма каждого лепестка у которых рассчитана тщательнейшим образом; ромбиками из прозрачного металла — каждый заключает в себе крохотное пылающее сердечко. Вся конструкция походила на художественную композицию с какой-нибудь выставки инопланетного дизайна; но Криш с уважением и благоговением взирает на аппарат, памятуя, каких трудов стоила каждая деталь.

Внутри — в поле, создаваемом металлическими цветами, материя непрерывно достигала некоего нового состояния. Тут не было сходства с ускоряющей передачей двигателей обычных космических кораблей. Чтобы самому уяснить разницу, Криш провел следующую наглядную аналогию. Он представил себе нормальное пространство-время в виде сферы, наполненной вязкой жидкостью. Корабль, идущий на ускоряющей передаче, наполовину выходит из этой сферы и так ориентирует остальные свои молекулы, чтобы они оказывали жидкости наименьшее сопротивление. Но аппарат Образа как бы расширял материю, на которую воздействовал. Вроде аккордеона: раскрыто — наполовину вне сферы; закрыто — целиком снаружи. Материя, подвергнутая такому воздействию, уже не оказывалась на пороге аномального пространства нежданным гостем — она была там как дома. А потом, обработанную, ее уже можно

было как угодно перемещать из одного пространства в другое.

Примерно как разница между летучей рыбой и амфибией, подумал Криш.

Пробный цилиндрик, хотя он и обладал свойствами обоих пространств, для транспорта оказывался бесполезен — им нельзя было управлять. Он обречен был покоиться на пластине-мишени — там же, где и сейчас. Если попытаться его убрать, то в тот самый миг, когда Криш преуспел бы в этом хоть на длину молекулы, цилиндрик вернулся бы через гиперпространство в прежнее положение. В итоге получалось, что такую фитюльку невозможно было сдвинуть с места. Всего лишь забавная игрушка, подумал Криш. Может статься, когда-нибудь ей найдут применение. Вот, к примеру, такая картинка: пластины-мишени, сброшенные в неприятельские города, и летящие к ним радиоактивные снаряды.

Но главное военное применение аппарата должно было включать человеческое управление. И главным рычагом здесь оказывался сам человек. Вы вбрасываетесь в гиперпространство, выбираете себе в нормальном пространстве мишень, и — щелк! — вы уже на месте. В гиперпространстве имелся необходимый интервал — достаточно длинный, чтобы выбрать; а вот в нормальном пространстве такого не оказывалось.

Криш еще раз проверил все оборудование. Вот переносной генератор поля, проецирующий вокруг себя силовой экран, а рядом реактивный двигатель, который можно использовать для перемещений на относительно небольшие расстояния. Сам аппарат получился слишком массивным и нескладным для военных действий, но необходимую защиту он обеспечивал. Случись что непредвиденное, Кришу вовсе не улыбалась перспектива задохнуться в межпланетном пространстве. Не хотелось ему устраивать и театральное появление в неприступной крепости на Цинаре, где размещалась Ставка. Обалдевший офицер охраны запросто мог шлепнуть Криша раньше, чем у гастролера появилась бы возможность что-либо объяснить.

Директор решил было сначала установить заряд для уничтожения аппарата Образа после использования, но затем с сожалением отверг эту идею. Такой вариант хорошо застраховал бы Криша от любого нежелания принять его условия, но все же сама модель, как ни крути, оставалась тем единственным товаром, который директору предстояло продать. Во время работы Криш ничего не записывал, и не делал чертежей; все планы и конструкции находились в памяти Образа. Директор же старался выиграть время, строя модель только на основе живых представлений, которые давал ему Образ.

Криш отключил энергию, забрался в центр конструкции и положил руку на рычаг управления. Ну вот. Кажется, все. Он взглянул на Образ и подумал:

— Ты будешь здесь, когда я вернусь?

— Да.

Отлично. Штуковина не живая и не разумная — похоже, она просто не умеет скучать. Ее без конца носило от одних любопытствующих мозгов к другим — понятно, если таковые находились. А если нет, Образу приходилось ждать. Его создали на этой планете — и, судя по всему, самоходное справочное бюро не должно было покидать места своего рождения.

Образ слишком много знал и был опасен. Уничтожить его Криш не мог. Впрочем, директор знал, что по возвращении найдет его здесь — а тогда постарается устроить так, чтобы на этой планете больше никто не появлялся.

Криш произнес про себя: «Цинара. Космопорт у Первой Крепости». Затем визуализировал космопорт и прочно удерживал его в голове. Наконец включил энергию.

Вот те на! Ошеломленный, Криш попытался сориентироваться, прикинуть, что же произошло. Он невесомо парил в сером пространстве — в окружении бесчисленных серых шаров — странных, пугающих — и белых пересекающихся линий. Все было таким недоступно далеким — и в то же время настолько близким, что, казалось — можно коснуться рукой. Окружение непрестанно менялось и смещалось — а Криш беспомощно пытался уследить, вы-

явить какой-то смысл в этом перемещении, пока наконец не вспомнил: «Цинара. Космопорт у Первой Крепости».

Вот он, космопорт — внизу — будто бредовая четырехмерная карта — прямо под кончиками пальцев. Криш мысленно дал себе команду двигаться туда — вниз. И ничего.

Время шло — но без всякой меры. Ни крошечные фигурки людей, ни машины не двигались — для них время замерло в тот миг, когда Криш попал в поле аппарата. Путешественник вдруг понял, что голоден. Затем с испугом взглянул на циферблат воздухопроизводителя. Трудно было что-либо разглядеть — новое состояние сделало зрение каким-то странным и неверным; все же в конце концов Криш заключил, что уже использовал трехчасовой запас. Для него время не остановилось.

Криш отчаянно подумал: «Планета Проекта. Бункер».

И мгновение спустя оказался в бункере. Вот аппарат в центре мастерской, а рядом с ним — Образ. В следующий миг Образ исчез.

В голове у Криша раздался голос:

— Спроси о чем хочешь.

Криш изумленно огляделся. Не звучал ли этот ровный и вежливый мысленный голос чуть насмешливо? Директор хрипло спросил вслух:

— В чем ошибка?

— Никакой ошибки.

Криш уже достаточно хорошо овладел собой.

— Я не смог войти в нормальное пространство в месте назначения. Почему?

— Ты недостаточно долго ждал. Существует значительное несоответствие между временем в гиперпространстве и в нормальном; именно за счет этого путешествие и совершается со скоростью, которая при твоих методах измерения неотличима от бесконечно большой. Выражаясь субъективно, путешествие на Цинару займет у тебя много времени.

— Сколько? — спросил Криш. Путешественник чувствовал себя беспомощным, прикованным к самому центру серой безмерности, будто бабочка на булавке.

— Примерно одну тысячу ваших лет.

Лицо Криша исказилось, а рот округлился, словно в безмолвном вопле. В глазах у него потемнело. Он спросил:

— А сколько... чтобы обратно в бункер?

— Всего один год, если немедленно начнешь концентрироваться на цели. Если же, как теперь, позволишь себе смещаться, расстояние будет стремительно расти.

— Но у меня воздуха только на двенадцать часов! — возопил Криш. — Я погибну!

Ответа не последовало.

Неимоверным волевым усилием Криш отогнал подступающую истерику. Затем подавил в себе злобу, страх и неуверенность. В конце концов — на то здесь и Образ, чтобы отвечать на вопросы. Криш спросил:

— Что заставляло тебя лгать?

— Я не лгал.

— Ты сказал, — в бешенстве процедил Криш, — что между отправлением и прибытием — ничтожно малый временной интервал. Зачем?

— Для меня он ничтожно мал.

И Криш понял, что Образ не лгал. Значит, виноват он сам. Виноват в том, что не стал выяснять все смыслы и значения той науки, которую преподавал ему Образ. Ведь Образ, вспомнилось Кришу, не жив и не разумен — а значит, и неспособен проявлять инициативу.

Криш припомнил одно из приложений, смысл которого он выяснять не стал — и директору вдруг показалось, что ужасная возможность начала обретать очертания.

Он сказал:

— С самого начала ты описал себя как развлекательно-информационное устройство. Это *вся* правда о тебе?

— Нет.

— Какова же *вся* правда?

Образ исправно принялся пересказывать историю создавшей его расы. Криш, сгорая от нетерпения, понял, что задал слишком общий вопрос и собрался было задать более конкретный — но тут важность того, о чем говорил Образ, остановила директора.

Коренные жители этой планеты оказались совершенно чужды людям; их психология в человеческую голову просто не укладывалась. Они не воевали. Ничего не исследовали. Не правили и не эксплуатировали. В характере у них не было ничего даже отдаленно похожего на человеческое любопытство — на эту обезьянью черту, превратившую человечество в то, чем оно стало. И в то же время у них была великая наука. Криш так и не смог толком уяснить, зачем она им понадобилась. Собственно говоря, у них оказались лишь две понятные человеку характерные черты: во-первых, они любили друг друга, свои дома, свою планету; а во-вторых, обладали подлинным чувством юмора.

— Одиннадцать миллионов ваших лет тому назад, — рассказывал Образ, — здесь появились люди. Им понадобился мир моих создателей — и поэтому они убили моих создателей. Моим создателям знакомо было страдание духа и плоти — но они не могли воевать. Агрессия и борьба были для них просто непостижимы. Зато они знали толк в иронии. И прежде, чем погиб последний из них, они сделали нас. Сделали как подарок своим губителям. Мы оказались хорошим подарком. Мы содержим все, что знали они. Мы правдивы. Бессмертны. Мы созданы, чтобы служить. И не вина наших создателей, — продолжал Образ, — что люди используют знание, которое мы даем, чтобы уничтожать друг друга.

Власть Криша над своим рассудком держалась теперь на какой-то тончайшей нити. Едва слышно он спросил:

— А предвидели твои создатели положение, в котором я оказался?

— Да.

— *Есть у меня хоть какой-то выход?*

— Да, — ответил образ. — Это и есть последняя шутка моих создателей. Чтобы путешествовать в гиперпространстве, ты должен уподобиться мне. Стать лишь конфигурацией сил и памяти — неживым, неразумным и неспособным скучать. Я могу все устроить, если ты попросишь. Процедура предельно проста — все равно что вырастить

один кристалл из другого или выстроить из живых клеток определенную структуру.

У Криша перехватило дыхание. Затем он спросил:

— А я буду... помнить?

— Да. У тебя сохранится личная память как добавление к той, которую я тебе дам. А вот человеческий характер не сохранится: ты не будешь ни агрессивен, ни зол, ни эгоистичен, ни любопытен. Ты станешь устройством для ответов на вопросы.

Разум Криша с негодованием отверг предложение Образа. Но стоило глазам бывшего директора натолкнуться на циферблат воздухопроизводителя — и он сразу понял, каким будет ответ. А затем, словно в пророческом озарении, Криш понял, что произойдет дальше. Он закончит путешествие на Цинару. Он будет говорить правду — и правда эта окажется разрушительной.

Он будет преследовать людей — по всей вселенной и до скончания времен. Со временем найдутся и другие неосторожные искатели знания, которые последуют по избранному им пути. Криш принимал предложение — и становился палачом человечества.

Но где и когда люди колебались, решая: стоит ли riskнуть спасением своей расы ради личной выгоды?

Все, подумал Криш, программа ясна.

ОКО ЗА ЧТО?

1

Как-то утром на пути по колесу доктор Вальтер Альварес изменил свой обычный маршрут, спустившись к платформе уровня «С». Как обычно, несколько человек стояли у окна, вглядываясь в необъятную сине-зеленую планету, светившуюся внизу. Одеты они были в одинаковые серые блестящие комбинезоны — одежду со съёмными рукавицами и шлемами, которая при необходимости быстро превращалась в скафандр. Носить ее было достаточно неудобно, но ничего не попишешь: согласно протоколам Спутник Исследования и Пропаганды в любую секунду мог подвергнуться атаке.

Ничего примечательного, впрочем, не приключалось с СИИП 3107А, находившемся на орбите седьмой планеты системы звезды спектрального класса G в созвездии Змееносца. Они крутились там уже два с половиной года, и большинство из астронавтов еще даже не ступали на землю.

Там, в окне, она и плыла, сине-зеленая, пышная и сочная — кислородная планета, две трети суши, мягкий климат, почва буквально ломится от минералов и органики.

У Альвареса слюнки потекли при одном взгляде на планету. У него уже началась «колесная лихорадка» —

впрочем, она уже овладела всем экипажем. Альварес просто жаждал спуститься *туда* — к естественной гравитации и естественным недугам.

Уже около месяца экипаж спутника испытывал явственное ощущение, что вот-вот намечается прорыв. Все время намечается — и никак не произойдет.

Мимо прошла пухленькая ортомашинистка по имени Лола — и несколько мужчин проводили ее взглядами, машинально присвистнув.

— Кстати, — заговорщически проговорил Олаф Маркс, положив руку на плечо Альваресу, — ты не слышал, что приключилось вчера на большом банкете?

— Нет, — раздраженно ответил Альварес, высвобождая плечо. — Я туда не ходил. Терпеть не могу банкеты. А что?

— Ну, как мне рассказывали, значит, жена коменданта сидела как раз напротив Джорджа...

Интерес Альвареса резко обострился.

— Ты имеешь в виду горгона? И что же он сделал?

— Я ж тебе и рассказываю. Он весь обед на нее пялился. Потом подоспел десерт — лимонная меренга. Тогда старина Джордж...

Зазвенел сигнал смены. Альварес нервно вздрогнул и взглянул на часы у себя на большом пальце. Все остальные растекались. Уходил и Олаф, хохотавший, как последний дурак.

— Умрешь со смеху, когда услышишь, — крикнул он. — Ей-богу, хотел бы я сам там оказаться! Пока, Уолт.

Альварес неохотно двинулся в противоположную сторону. В коридоре «В» кто-то крикнул ему вслед:

— Эй, Уолт! Слышал про банкет?

Он помотал головой. Обратившийся к нему пекарь по имени Педро ухмыльнулся и помахал рукой, исчезая в изгибе коридора. Альварес открыл дверь Отдела ксенологии и вошел туда.

За время его отсутствия кто-то начертил на стене новую схему. Она составляла десять футов в высоту и представляла из себя россыпь небольших прямоугольников,

соединенных сетью линий. Сначала Альварес принял этот замысловатый чертеж за новую организационную таблицу для Спутниковой Службы и невольно вздрогнул — но при ближайшем рассмотрении схема оказалась слишком запутанной, точнее, в ней царил полный хаос. Часть блоков была затерта мелом, а поверх них вырисовывались другие. Атмосферу запутанности и неразберихи удачно дополняла физиономия Элвиса Вомрата. Он стоял на стремянке и елозил тряпкой в правом верхнем углу схемы.

— Н-панга, — раздраженно пробормотал он. — Так вправо достаточно?

— Да, — неожиданно продудел голос откуда-то сбоку. Альварес огляделся, но никого не заметил. Голос продолжал: — Но при этом он Р-панга своим кузенам и всем их Н-пангам или больше, за исключением тех случаев, когда...

Заглянув за стол, Альварес разглядел на ковре обладателя голоса, розовато-белого сфероида с тянувшимися от него во все стороны разнообразными придатками, похожего на плавучую мину — горгона Джорджа.

— А-а, ты здесь, — протянул Альварес, доставая эхонд и гумидометр. — И что значит вся эта чепуха, которую я тут услышал... — Он принялся тыкать в горгона разнообразной контрольной аппаратурой, производя свое обычное утреннее обследование. Единственный яркий момент в ежедневной рутине; амбулатория могла и подождать.

— Так-так, — перебил Вомрат, яростно стирая. — Р-панга кузенам... минутку-минутку, сейчас. — Он обернулся, нахмурившись. — Альварес, я сейчас закончу. Н-панга и больше, за исключением тех случаев, когда... — Он начертил с полдюжины блоков, пометил их и стал проводить соединительные линии. — Ну как, *теперь* верно? — спросил он у Джорджа.

— Да, только теперь тут неверный панга кузенам *матери*. Начертите снова — от Н-панг кузенов отца к О-пангам или больше кузенов матери... Да, и теперь от Р-панг дядьев отца к *кузенам* панг дядьев матери...

Рука Вомрата замерла. Он уставился на схему — в головоломном переплетении линий невозможно было разобраться, какой блок с каким соединяется.

— О Боже, — безнадежно вымолвил он. Затем спустился с лесенки и сунул стило в ладонь Альваресу. — Теперь твоя очередь сходить с ума. — Он нажал кнопку интеркома на столе и выпалил: — Шеф, я ухожу. Подалее отсюда.

— Вы привели в порядок схему? — раздался голос из интеркома.

— Нет, но...

— Наряд вне очереди. Примите таблетку. Альварес там?

— Так точно, — покорно ответил Вомрат.

— Тогда оба зайдите ко мне. Джорджа в кабинете не оставлять.

— Здравствуйте, доктор, — продудел сфероид. — Вы мне панга?

— Ох нет, давайте не будем, — простонал Вомрат и потянул Альвареса за рукав. Когда они вошли в кабинет руководителя отдела ксенологии Эдварда Х. Доминика, похожего на лысого медведя, тот сидел, сгорбившись, за широким столом, с жеваной сигарой в пальцах.

— Вомрат, — рявкнул он, — когда вы наконец сделаете схему?

— Не знаю. Быть может, никогда. — Доминик бросил в его сторону суровый взгляд, но Вомрат лишь пожал плечами и закурил сигарету.

Доминик перевел взгляд на Альвареса.

— А вы слышали, — спросил он, — что случилось вчера на банкете в честь Джорджа?

— Нет, не слышал, — ответил Альварес. — Вы или расскажите или будьте любезны впредь об этом даже не заикаться.

Доминик потер бритый череп и молча проглотил оскорбление.

— Когда подали десерт, — начал он, — Джордж сидел в таком маленьком откидном креслице как раз напротив миссис Карвер. И когда она ткнула вилкой в пирог — а

это была лимонная меренга — Джордж закатился на стол и сцапал у нее тарелку. Миссис Карвер завизжала, отшатнулась — видимо, решила, что на нее нападают — у нее... вылетел стул. М-да... это... была... сцена.

Альварес прервал наряженное молчание.

— А что горгон сделал с пирогом?

— Съел, — угрюмо пробормотал Доминик. — У него самого лежал превосходнейший кусочек, но он его даже не тронул. — Доминик бросил в рот таблетку.

Альварес покачал головой.

— Нетипично. Стиль его поведения — полное смирение. Мне это не нравится.

— Именно так я и сказал Карверу. Но он весь побагровел. И трясся. Все сидели там, пока он не отвел жену в ее комнату. Затем было дознание. Все, что мы смогли вытянуть из Джорджа, это «мне показалось, что я ей панга».

Альварес нетерпеливо заерзал в кресле, затем машинально потянувшись за гроздью винограда к стоявшей на столе чаше. Невысокий, хлипкого телосложения, он вечно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Так что же, в конце концов, с этими пангами? — спросил он.

Вомрат фыркнул и принялся очищать банан.

— Нам представляется, — начал Доминик, — что панга — это нечто вроде весьма сложных отношений влостного подчинения, принятых у горгонов. — Альварес сел прямее. — Раньше мы не интересовались этим вопросом, а теперь выясняется, что в данном обществе он — наиважнейший. — Доминик вздохнул. — Четырнадцать месяцев там, на планете, располагалась одна-единственная база с персоналом из трех человек. Еще семь месяцев нам потребовалось на то, чтобы получить разрешение старейшин доставить сюда горгона для исследований. Все в соответствии с протоколами. Мы выбрали самого крупного и яркого на вид, какого только смогли разыскать — это был Джордж. Казалось, дела с ним шли блестяще. И тут *такое*.

— Послушайте, шеф, — осторожно произнес Вомрат, — поверьте, никто не испытывает большей симпатии к миссис Карвер как к клиенту, чем я... но мне все же кажется, вопрос здесь в том, не причинен ли вред Джорджу...

Доминик замотал головой.

— Я еще не рассказал вам до конца. Загвоздка с пангой остановила Карвера, но ненадолго. Он связался по лучу с базой на планете и приказал Рубинсону запросить старейшин: «Панга ли Джордж жене коменданта?»

Альварес радостно ухмыльнулся и щелкнул языком.

— Ясное дело, — кивнул Доминик. — Кто знает, что мог значить для них подобный вопрос? Они, по существу, ответили «безусловно, нет» — и пожелали узнать детали. Карвер рассказал им.

— И что? — спросил Альварес.

— Они сказали, что Джордж вел себя как злостный хулиган и поэтому должен быть соответствующим образом наказан. Но не ими, понимаете ли — а нами, поскольку мы представляем собой оскорбленную сторону. Более того — теперь это должно как-то прояснить особенности их мировоззрения — если мы не накажем Джорджа к их полному удовлетворению, тогда они накажут Рубинсона и всю его команду.

— Как? — спросил Альварес.

— Сделают с ними то, — сказал Доминик, — что мы должны были бы проделать с Джорджем — а это может быть все, что угодно.

Вомрат сложил губы в трубочку, словно желая свистнуть, но никакого звука не последовало. Он прожевал кусок банана и попробовал еще. Опять ничего.

— Вы поняли? — спросил Доминик, с трудом сдерживая эмоции. Все они одновременно взглянули в дверной проем — на Джорджа, терпеливо сидевшего на корточках в соседней комнате. — По поводу «наказания» нет никаких вопросов — мы знаем, что это значит — протоколы читали все. Но как можно наказать инопланетянина? *Око за что?*

— Теперь посмотрим, получится ли у нас, — сказал Доминик, перетасовывая какие-то бумаги. Вомрат и Альварес продолжали, каждый со своей стороны, пялиться на горгона. Джордж тоже попытался приглядеться, но радиус действия его фоторецепторов был слишком мал. Теперь все перешли в проходную комнату, где не было ничего, кроме голых стен. — Итак, во-первых. Мы знаем, что горгон меняет цвет в зависимости от своего эмоционального состояния. От удовольствия он розовеет. Когда неудовлетворен — становится синим.

— С тех пор как мы доставили его на Спутник, он все время был розовым, — сказал Вомрат, бросая очередной взгляд на горгона.

— Если не считать банкет, — задумчиво возразил Доминик. — Я помню, что он стал синим как раз перед тем, как... Эх, если бы выяснить, что именно вывело его из себя... Ладно, все по порядку. — Он загнул очередной палец. — Во-вторых, у нас нет никакой информации по поводу местной системы наказаний и поощрений. Может статься, они режут друг друга на куски за плевков на тротуар или просто хлопают друг друга по... гм, плечу... — Он с тоской взглянул на Джорджа, ушные раковины и фоторецепторы которого были выдвинуты наружу на стеблях.

— ...за поджог, изнасилование и хандру, — закончил Доминик. — Итак, раз мы ничего не знаем — придется действовать по обстоятельствам.

— А что на этот счет скажет сам Джордж? — спросил Альварес. — Почему вы не спросите его?

— Об этом мы уже думали, — хмуро отозвался Вомрат. — Спросили, что с ним в подобном случае сделали бы старейшины, и он ответил, что они кобланули бы его инфаркты или что-то в этом роде.

— Тупик, — добавил Доминик. — На это у нас уйдут годы... — Он снова потер свой лысый череп. — В-третьих, мы вынесли отсюда всю мебель — теперь ею заставлены все остальные комнаты... да еще весь этот персонал, что работает у меня в отделе... ну да ладно... Значит, в-четвертых, вон его посуда с хлебом и водой. И в-пятых,

эта дверь была приспособлена к тому, чтобы закрываться снаружи. Давайте сделаем пробу. — Он направился к двери; остальные, включая Джорджа, последовали за ним.

— Нет, ты останешься здесь, — сказал ему Вомрат. Джордж остановился, наливаясь счастливым румянцем.

Доминик торжественно затворил дверь и положил импровизированный ключ в карман. Сквозь прозрачную верхнюю раму им было видно, что Джордж с любопытством наблюдает.

Доминик снова открыл дверь.

— Итак, Джордж, — сказал он, — немного внимания. Это *тюрьма*. Ты *наказан*. Мы намерены держать тебя здесь, на хлебе и воде, пока не решим, что ты наказан достаточно. Понимаешь?

— Да, — неуверенно ответил Джордж.

— Вот и хорошо, — сказал Доминик и запер дверь.

Какое-то время они еще постояли, наблюдая, и Джордж тоже стоял, в свою очередь наблюдая за ними, но больше ничего не произошло.

— Давайте пройдем ко мне в кабинет и подождем, — со вздохом предложил Доминик. — Чудес ждать не приходится.

Все они протопали по коридору в соседнюю комнату и какое-то время сидели, грызя арахис.

— Горгон — существо социальное, — с надеждой заметил Вомрат. — Скоро он ощутит одиночество.

— И голод, — добавил Альварес. — От еды он никогда не отказывался.

Когда они заглянули в комнату через полчаса, Джордж вдумчиво жевал край ковра.

— Нет-нет-нет! *Нет*, Джордж! — запаниковал Доминик, врываясь в комнату. — Тебе нельзя есть ничего, кроме того, что тебе дали. Это тюрьма.

— Хороший ковер, — обиженно продудел Джордж.

— Не важно, хороший он или нет. Тебе нельзя его есть, понимаешь?

— Ладно, — радостно отозвался Джордж. Цвет его был отчетливо розовым.

Четыре часа спустя, когда Альварес уходил со смены, Джордж пристроился в углу и лежал, втянув в себя все свои придатки. Он спал. И, несмотря ни на что, выглядел еще розовее, чем когда-либо.

Когда Альварес снова заступил на смену, никаких сомнений не оставалось. Джордж сидел в центре комнаты, выпустив фоторецепторы, и ритмически раскачивался; цвет его был сияюще-розовым — розовее розового жемчуга. Доминик продержал его еще день — просто для верности; Джордж, похоже, немного сбавил в весе на строгом режиме, но постоянно так и светился розовым. Ему нравилось.

2

Гуз Келли, инструктор по физкультуре, внешне держался бодрячком, но в действительности у него был самый тяжелый случай колесной лихорадки на всем СИИП 3107А. Здоровяк Келли был рожден для жизни на открытом воздухе — он мучительно тосковал по естественному воздуху и почве под ногами. Чтобы хоть как-то возместить недостающее, он быстрее шагал, громче кричал, ярче багровел и сильнее выпучивал глаза; он еще яростнее ошетикивался. Чтобы утихомирить дрожь в руках, появлявшуюся время от времени, он глотал успокоительные таблетки. Ему постоянно снились сны о том, как он куда-то падает — сны, которыми он замучил сначала корабельную матушку Хаббард, а затем и падре Церкви Маркса.

— Это оно? — с неодобрением спросил он у Доминика. Раньше он никогда не видел горгона; Отделы семантики, медицины и ксенологии предпочитали держать его при себе.

Доминик ткнул розовый шар носком ботинка.

— Джордж, проснись.

Вскоре гладкая кожа на теле горгона пошла складками и комками. Комки медленно росли, превращаясь в длинные членистые стебли. Некоторые из них расширились на

концах, образовав псевдоруки и квазиноги; другие распустились в замысловатые образчики ушных раковин и фоторецепторов. Вытянулся орган речи, напоминавший небольшую трубу.

— Привет, — радостно поздоровался Джордж.

— Он что, в любое время может втянуть их обратно? — потирая подбородок, спросил Келли.

— Да. Покажи ему, Джордж.

— Ага. — Пушистые стебли оголились на кончиках, затем стремительно сжались — сегмент за сегментом. За какие-нибудь две секунды Джордж снова стал гладким шаром.

— Будут некоторые сложности, — заметил Келли. — Понимаете, что я имею в виду? Если за него нельзя ухватиться, то как тогда можно *наказать* его?

— Мы перепробовали все, что смогли придумать, — сказал Доминик. — Запирали его, держали на голодном пайке, не разговаривали с ним... Зарплаты он не получает — так что оштрафовать его невозможно.

— Или вычеркнуть из списков на поощрение, — угрюмо заметил Вомрат.

— Да. И уже поздно применять к нему обработку Павлова-Моргенштерна, которую мы проходили в детстве. Мы не можем предотвратить преступление, которое он уже совершил. И тогда мы подумали — раз уж вы инструктор по физкультуре...

— Мы подумали, — дипломатично заметил Вомрат, — что вы могли бы подметить что-нибудь полезное. Болезненное что-нибудь.

Келли подумал.

— Что ж, есть кой-какие грубые приемчики, — сказал он наконец, — но только... — Он безнадежно махнул рукой в сторону Джорджа, который снова выпустил ушные раковины. — Что вы скажете насчет... — Келли закончил шепотом на ухо Доминику.

— Нет, об этом и речи быть не может, — с горечью проговорил Доминик. — Что ж, сожалею, Келли. Очень мило с вашей стороны, но...

— Нет-нет, подождите секунду, — сказал Келли. — Мне кое-что пришло в голову. — Он покусывал большой палец, внимательно разглядывая горгона. — Иногда в бассейне ребята начинают друг друга окунать. Под воду. Так вот что я подумал — он дышит воздухом, так ведь? Понимаете, что я имею в виду?

Доминик и Вомрат переглянулись.

— Звучит неплохо, — обронил Доминик.

— Исключено, — воспротивился Вомрат. — А вдруг Келли нанесет ему серьезный вред или даже... Страшно подумать.

— Ах, да, — спохватился Доминик. — Нет, вы правы — мы не можем рисковать.

— Я уже семьдесят три года инструктор физкультуры — прошел два омоложения... — ошетинившись, начал Келли.

— Нет, Келли, дело не в этом, — торопливо проговорил Вомрат. — Мы просто вспомнили, что Джордж — не человек. Откуда мы можем знать, как он отреагирует?

— Но, с другой стороны, — заметил Доминик, — горгоны действительно становятся синими, когда чем-то недовольны — на этот счет у нас есть уверение Рубинсона. Мне кажется, Джордж будет не слишком доволен, когда станет задыхаться; в этом-то все и дело, не так ли? Доктор Альварес, разумеется, будет внимательно за всем этим наблюдать. В самом деле, Альварес, я не вижу причины, почему бы нам не попытаться. Келли, если вы будете так любезны сказать, в какое время вам удобнее...

— Что ж, — произнес Келли, взглянув на часы, прикрепленные к большому пальцу, — черт возьми, бассейн сейчас пуст — сегодня женский день, но все девушки в Седьмом отделе болтаются возле миссис Карвер. Она все еще в истерике.

Озаренный какой-то внезапной мыслью, Альварес наклонился, обращаясь к горгону:

— Джордж, ты ведь дышишь через дыхальца, верно? Такие маленькие трубочки по всему телу?

— Да, — подтвердил Джордж.

— Ну, а под водой они действуют?

— Нет.

Доминик и Келли с интересом прислушивались.

— А если мы станем держать тебя под водой, тебе это повредит?

Джордж неуверенно замерцал — от розового до бледно-пурпурного.

— Не знаю. Немножко.

Трое мужчин наклонились поближе к горгону.

— Скажи, Джордж, — напряженно спросил Доминик, — а это будет *наказанием*?

Джордж снова замерцал, но этот раз куда активнее.

— Да. Нет. Возможно. Не знаю.

Разочарованные, они выпрямились; Доминик поры-висто вздохнул.

— Он всегда дает такие неопределенные ответы. Давайте попробуем — что нам еще остается?

Келли оказался в одной паре с Джорджем, следуя за Домиником и доктором Альваресом перед Вомратом и дежурным по фамилии Джослинг, катившим один из амбулаторных аппаратов искусственной вентиляции легких. Изгибавшиеся впереди коридоры были безлюдны. Келли немного отставал, приспособливая свою трусцу к походке шедшего вперевалку Джорджа. Некоторое время спустя он был крайне удивлен, ощутив, как что-то небольшое и мягкое сжало ему пальцы. Он опустил взгляд — оказалось, что горгон Джордж вложил ему в ладонь одну из своих семипалых «рук». Похожие на цветки фоторецепторы горгона были доверчиво обращены вверх.

Келли был захвачен врасплох. На спутнике никаких детей иметь не дозволялось, но до прошлого омоложения Келли успел стать отцом восьмерых. Доверительное прикосновение разбередило старые воспоминания.

— Все будет в порядке, — хрипло пробормотал Келли. — Иди рядом со мной и ничего не бойся.

Бассейн, как и предсказывал Келли, был пуст. Рябь отражалась на стенах смутными нитями света.

— Лучше на мелкой стороне, — сказал Келли. Его гулкий голос возвратился к нему, отразившись от стен. Помедлив, чтобы стащить с себя комбинезон, он осторожно провел Джорджа по ступенькам в бассейн. Наполовину погрузившись в воду, Джордж плавал. Келли нежно потянул его поглубже.

Доминик и все остальные расположились у края бассейна в позах, выражавших крайнюю заинтересованность. Келли откашлялся.

— Что ж, — начал он, — кто-нибудь из парней хватает другого примерно вот так... — Он положил ладони на гладкий шар и заколебался.

— Ну, давайте же, Келли, — подбодрил его Доминик. — Помните, это приказ.

— Да, конечно, — отозвался Келли. — Ну... — повернулся он к горгону, — теперь не дыши! — Он надавил вниз. Горгон оказался легче, чем ожидал Келли — вроде надутого шарика; погрузить его в воду целиком было делом нелегким.

Келли надавил сильнее. Джордж ненадолго погрузился и, выскользнув из рук Келли, выпрыгнул на поверхность. Речевая трубка горгона с фырканием прочистилась от воды и сказала:

— Чудесно. Еще разок, Келли.

Келли перевел взгляд на Доминика. Тот буркнул:

— Да. Еще.

Доктор Альварес потрепал свою жидкую бороденку и ничего не сказал.

Келли сочувственно вздохнул и снова затолкал горгона под воду.

На поверхность пробились несколько пузырьков; изпод воды появилась и речевая трубка Джорджа, но не издала ни звука. Там, внизу, Келли были видны его собственные бледные руки, сжимавшие тело горгона; в воде они казались бескровными, однако Джордж сохранил чистейший, безупречно розовый цвет.

Когда горгон всплыл, в воздухе повисла унылая тишина.

— Послушайте, — сказал вдруг Доминик, — есть идея! Джордж, ты можешь дышать через речевую трубку?

— Да, — радостно отозвался Джордж.

Раздался дружный хор разочарованных «ну вот». Лица у всех заметно прояснились.

— Давайте, Келли, — сказал Доминик. — И на этот раз окуните его поглубже.

Джордж погрузился в третий раз. Вода вокруг него так и закипела пузырьками воздуха. Речевая трубка горгона снова устремилась к поверхности, но Келли наклонился чуть дальше и закрыл ей путь предплечьем. Мгновение спустя все придатки горгона принялись сокращаться. Келли встревоженно вытянул шею, вглядываясь вниз. Был ли на теле Джорджа хоть намек на синеву?

— Держите его! — выкрикнул Альварес.

Джордж снова превратился в гладкий шар. Затем несколько конечностей опять стали высовываться; теперь они, однако, изменили форму.

— И что дальше? — спросил Келли.

— Дайте ему еще время, — рискованно наклоняясь вперед, пробормотал Доминик. — Мне кажется, что...

От напряжения на спине у Келли буграми вздулись мышцы. Ему совсем не нравился вид вяло болтавшихся новых конечностей Джорджа.

— Все, отпускаю, — прохрипел он наконец.

К ужасу Келли, Джордж остался под водой. Келли снова схватил его, но горгон выскользнул. Новые конечности вдруг отвердели, сделались жесткими и энергично загребли; Джордж рванулся прочь — глубоко под воду.

Наклоняясь с разинутым ртом у самого края бассейна, Доминик поскользнулся и плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг. Он забарахтался и встал на дно; вода стекала с него, как с морского льва. Завотделом смотрел вниз. Между ним и Келли плавал Джордж, то мчась стрелой, то медленно дрейфуя — он явно чувствовал себя в воде не хуже пятнистой форели.

— Плавники! — разинув рот, воскликнул Доминик. — И жабры!

Вообще говоря, доктора Альвареса вполне можно было назвать мизантропом. Люди ему не нравились — ему нравились болезни. А поскольку там, внизу, на Седьмой планете, учредили торговое представительство, Альварес тайне надеялся, что, благодаря новым и удивительным недугам, он еще долгие годы будет парить орлом в бескрайних просторах медицины. Но здесь, на спутнике, в его распоряжении оказывались лишь растянутые голеностопы, психосоматические простуды, крапивницы и нарушения пищеварения. Оставался, правда, один из помощников повара, по фамилии Самуэльс, приходивший каждую среду с одним и тем же фурункулом на загривке. Дошло до того, что Альварес, сам того не желая, проводил всю неделю в трепетном ожидании среды. Стоило ему увидеть серьезную физиономию входящего к нему Самуэльса, внутри у него все так и сжималось.

В один прекрасный день, когда Самуэльс уже открыл рот, чтобы сказать свое обычное «эй, док...» — а Самуэльс всегда называл его «доком», — как Альварес почувствовал, что терпение его достигло предела. Что могло произойти вслед за этим, доктор Альварес боялся даже представить.

Когда на спутник доставили горгона, случились две три восхитительные грибковые инфекции, а затем — ничего. Тяжкое разочарование. Альварес выделил и выращивал в питательной среде едва ли не сотню различных микроорганизмов, обнаруженных им в мазках, взятых у Джорджа, но все они оказались нежизнеспособны в человеческой ткани. Жизнеспособные же бактерии, вирусы, паразиты — неперенные обитатели всех населенных планет, таились, очевидно, в других организмах — но не в горгонах. По ночам они проплывали в поле зрения спящего разума доктора Альвареса — палочкообразные, чечевицеобразные, извивающиеся, с многочисленными ногами и зубами.

Однажды утром доктор Альварес проснулся с какой-то отчаянной решимостью. Произошло это во вторник. Альварес отправился в амбулаторию, отпустил дежурную

сестру Трамбл и, открыв запертый шкафчик, наполнил шприц для внутривенных вливаний из ампулы с прозрачной жидкостью светло-желтого цвета. Торговая марка этого вещества носила название «Бац-офф»: оно представляло собой антибактериальный препарат, отключавший цензурные области переднего мозга, более всего затронутого обработкой Павлова-Моргенштерна. (По странному стечению обстоятельств автором патента был некий доктор Джекил.) Альварес ввел себе два кубика в яремную вену и стал ждать.

Несколько минут спустя его постоянная хандра развеялась. Альварес почувствовал приятное возбуждение; окружающие его предметы стали, казалось, отчетливее и ярче — мир наполнился красками. «Ха!» — выдохнул Альварес. Он резко встал и подошел к небольшому холодильничку, где, после некоторых поисков, обнаружил с полдюжины культур, почерпнутых из мазка горгона. Они, разумеется, стояли на предохранителе — в глубоко замороженном состоянии. Альварес осторожно отогрел их и добавил питательную среду. Все утро, пока обыденная череда лиц со своими наскучившими жалобами парадом шествовала через амбулаторию, культуры росли и размножались. В этот день Альварес был необыкновенно мил с пациентами; он отпускал шутку за шуткой и раздавал всем безвредные пилюли-плацебо.

К полудню четыре культуры буйно разрослись. Альварес аккуратно соединил их и наполнил полученным составом шприц. Возбуждение разума прояснило мозг Альвареса: никакой организм — человека, свиньи или горгона — не может быть всецело защищен от микробов, постоянно пребывающих в его теле. И нарушив равновесие путем массивной инъекции колонии вирусов и бактерий, можно получить больного горгона — а следовательно, думал Альварес, наказанного горгона.

Правда, подобная обработка могла вызвать летальный исход, но Альварес с легким сердцем отвел данный аргумент как софизм (или фосизм?). Вооружившись шприцем, он отправился на поиски Джорджа.

Альварес обнаружил его в малом конференц-зале в компании с Домиником, Вомратом и механиком по имени Боб Ритнер. Все они стояли вокруг какого-то любопытного приспособления, сооруженного из алюминиевых реек и напоминавшего скульптуру эпохи авангарда.

— Это дыба, — гордо пояснил Ритнер. — Я сделал ее по рисунку из детской книжки.

Главной частью «дыбы» являлся узкий длинный стол с лебедкой. Выглядела она как не слишком продуманное приспособление для растягивания.

— Мы пришли к выводу, что настало время для решительных мер, — сказал Доминик, вытирая лысину.

— В старые времена, — вставил Ритнер, — такие аппараты применяли к пленникам, которые не желали говорить.

— Я говорю, — неожиданно продудел Джордж.

— Понимаешь, Джордж, это еще одно наказание, — любезно пояснил Доминик. — Ну что ж, Альварес, перед тем как мы приступим, вы, вероятно, захотите осмотреть вашего пациента.

— Ну да, ясное дело, ха-ха! — прогремел Альварес. Затем опустился на колени и впился взглядом в Джорджа, который тут же заинтересованно завертел своими фоторецепторами. Горгон был безупречно розового цвета; замысловатые складки его ушных раковин, казалось, выражали только бодрость и бдительность.

Доктор достал из чемоданчика ручные весы, настроенные для А-уровня гравитации.

— Забирайся сюда, Джордж.

Горгон послушно устроился на чашке весов, и Альварес приподнял их.

— Хм, — произнес Альварес. — Он изрядно сбросил.

— В самом деле? — с надеждой спросил Доминик.

— Тем не менее он как будто находится в необыкновенно хорошем состоянии — по сравнению с прошлой неделей. Пожалуй, немного раствора глюкозы, для бодрости... — Альварес вынул из чемоданчика шприц-пистолет, нацелил его на гладкую кожу горгона и пустил в ход.

Доминик вздохнул.

— Что ж, думаю, можно продолжить. А теперь, Джордж, забирайся сюда, а Ритнер затащит на тебе эти ремешки.

Джордж послушно вскарабкался на стол. Ритнер зацепил ремешками четыре его конечности, а затем принялся крутить барабан.

— Не очень-то, — озабоченно заметил Джордж.

— Я буду осторожен, — заверил его Ритнер. Он продолжал крутить барабан. — Ну как?

«Ноги» и «руки» Джорджа были уже в полтора раза длиннее обычного и продолжали растягиваться.

— Шекотно, — заворочался Джордж.

Ритнер продолжал крутить ручку. Потом все дружно зашикали на нервно кашлянувшего Водрата. Конечности Джорджа по-прежнему удлинялись; затем стало заметно удлиняться и его тело.

— Джордж, с тобой все в порядке? — спросил Доминик.

— Ага.

Ритнер в последний раз отчаянно крутанул ручку. Растянутое тело Джорджа с комфортом простиралось от одного конца дыбы к другому, занимая весь стол.

— Чудесно, — продудел Джордж. — Давайте еще. — Он так и светился счастливым розовым цветом.

Ритнер, чуть не плача от досады, раздраженно пнул свой аппарат. Альварес фыркнул и вышел из зала. В коридоре, где его уже никто не видел, он подпрыгнул козлом и хлопнул в ладоши. Он превосходно проводил время; жаль только, что впереди еще сутки. Хотя, если подумать — зачем, собственно, ждать до среды?

Комендант Чарльз Уотсон Карвер привык принимать быстрые и смелые решения. Как только допускаешь малейшее сомнение в собственной правоте, начинаешь сверх меры колебаться, перепроверять себя, становишься добычей суеверий и ненужных тревог — и в конечном счете не можешь решить ничего.

Сложность состояла лишь в том, что все время оказываться правым просто невозможно. Следуя букве протоколов или блестяще импровизируя — и так, и эдак — ты обречен на ошибки. Суть же состояла в том, что все следовало отбрасывать и продолжать в том же духе.

Карвер поиграл желваками и выпрямил спину, взирая на больного горгона сверху вниз. Горгон занемог: конечности его поникли и слабо шевелились. Кожа горгона была сухой и горячей на ощупь.

— И давно он в таком состоянии? — спросил Карвер, немного запнувшись на слове «он»; для коменданта инопланетянин всегда был «оно».

— Примерно двадцать минут, — сказал доктор Несельрод. — Я сам пришел сюда... — он подавил зевок — ...около десяти минут назад.

— Кстати, что вы тут делаете? — спросил его Карвер. — Сейчас смена Альвареса.

— Знаю, — ответил Несельрод с видом несколько смущенным. — Но Альварес находится в лазарете — в качестве пациента. Насколько мне известно, он напал на помощника повара Самуэляса — вылил ему на голову суп. Он кричал, что хочет вскипятить фурункул на шее Самуэляса. Мы вынуждены были ввести ему успокоительное — для этого потребовалось трое человек.

Карвер заиграл желваками.

— Скажите, Несельрод, трам-тарарам, что происходит на вашем колесе? Сначала эта тварь набрасывается на мою жену... теперь Альварес... — Он сверкнул глазами в сторону Джорджа. — Вы можете привести в чувство, это... чем бы оно ни было?

Вопрос коменданта застал Несельрода врасплох.

— Сложная задача. Мы ничего не знаем о горгонской медицине... Может, попробовать связаться по лучу с базой и спросить у самих горгонов?

Вне всякого сомнения, решение Несельрода представлялось разумным: единственной загвоздкой оставался вопрос интерпретации. Была эта болезнь следствием их небрежения или же тем самым необходимым и соответ-

ствующим наказанием, которое они искали? Карвер взглянул на часы — оставалось как раз три часа до окончания крайнего срока, назначенного старейшинами.

— Как по-вашему, какого он сейчас цвета? — спросил Карвер у Несельрода. — Не розового, бьюсь об заклад.

— Не-е. Но и не синего. Я бы сказал — что-то близкое к фиолетовому.

— Гм. Ну, так или иначе — он уменьшился, не так ли? Причем *заметно*.

Несельрод согласился.

Карвер принял решение.

— Сделайте все, что в ваших силах, — сказал он Несельроду. Связавшись по браслету-интеркому, Карвер запросил: — Есть у нас линия видимости с базой на планете?

— Так точно, сэр, — послышался голос оператора.

— Хорошо, дайте мне Рубинсона.

Прошло несколько секунд.

— База слушает.

— Рубинсон, говорит Карвер. Сообщите старейшинам, что у нас тут есть оч-чень недовольный горгон. Мы сами точно не знаем, как это случилось — может быть все, что угодно — но он здорово похудел, а его цвет... — Карвер поколебался, — ...синеватый. Да, определенно *синеватый*. Понимаете?

— Так точно, шеф. Слава Богу! Немедленно отправлю уведомление, а затем снова свяжусь с вами.

— Ладно. — Карвер закрыл наручный переговорник с убедительным щелчком. Вид у горгона был, что и говорить, совсем неважнецкий. Впрочем, ничего, ничего страшного. Случившееся с горгоном — дело самого горгона; у Карвера хватало и своих забот.

3

Альварес проснулся с жуткой головной болью и острым чувством вины. Находился он не в своей каюте, а на одной из лазаретных коек, облаченный в больничную пи-

жаму с неизменным шлемом-капюшоном и перчатками, пригодную для превращения в скафандр. На дальней стене комнаты, как раз напротив него, висели стенные часы. Одиннадцать вечера — время его вахты. Охая и ахая, Альварес выскочил из постели и застыл взглядом на карте, прикрепленной к спинке кровати. «Мания, галлюцинации. Полный покой. Назначено Несельродом».

Галлюцинации: да, вот и сейчас — одна из них. Альварес припомнил разом все — и громадную супницу с отваром из черепашьего суррогата над изумленным лицом Самуэльса — и дымящуюся зеленую струю.

Боже милостивый! Неужели это и в самом деле *было* — Самуэльс! И горгон!

Стеная и пошатываясь, Альварес рванулся из комнаты мимо дневального Мюнха, который держал на коленях видеокнигу и поэтому не сумел вскочить вовремя.

— Доктор Альварес! Доктор Несельрод сказал...

— К черту Несельрода! — прорычал Альварес, роясь в холодильнике. Он ясно помнил, что культуры были *здесь!*

— ...не выпускать вас, пока вы не придете в норму. Кстати, как вы себя чувствуете, доктор?

— Превосходно! Как *он*?

Мюнх, похоже, был озадачен и встревожен.

— Самуэльс? Только поверхностные ожоги. Мы уложили его в каюту, поскольку...

— Да при чем тут Самуэльс! — зашипел Альварес, хватая Мюнха за грудки. — Горгон!

— Ах, да, он тоже болен. Но откуда вы знаете, доктор? Вы же всю храпели, когда это произошло. Послушайте, отпустите мою одежду — вы меня нервируете.

— Где? — спросил Альварес, приближая свою костлявую физиономию вплотную к лицу Мюнха.

— Что «где»? Ах, вы имеете в виду горгона? Там, наверху, в малом конференц-зале, когда я в последний раз...

Альварес оттолкнул дневального, выскочил за дверь и полетел по коридору подобно маленькой бородатой комете. Наверху он обнаружил встревоженную толпу: ко-

менданта вместе с миссис Карвер, Доминика со всем его персоналом, Урбана и двух ассистентов из Отдела семантики, санитаров, дежурных — и доктора Несельрода. Несельрод бессмысленно хлопал усталыми воспаленными глазами и производил впечатление человека, сидевшего несколько ночей на одних психостимуляторах. Увидев Альвареса, он вздрогнул.

— Что происходит? — спросил Альварес, хватая коллегу за рукав. — Где горгон? Что...

— Не шумите, — оборвал его Несельрод. — Джордж вон в том углу за Карвером. Мы ожидаем делегацию с планеты. Рубинсон сообщил, что они прибывают — трое с каким-то ящиком...

Из громкоговорителя донеслось:

— Посыльное судно состыковано. Контакт. Есть контакт. Шлюз открывается; будьте готовы — идут.

Альварес ничего не мог разглядеть за глыбой Карвера; он попытался отойти чуть в сторону, но на его пути встал Несельрод.

— Мне нужно *видеть*, — раздраженно заметил Альварес.

— Послушайте, — зашептал Несельрод. — Я знаю, что вы сделали. Я проверил по описи Бац-офф и те культуры. Горгон, похоже, превосходно восстанавливается, хотя вас тут благодарить не за что. А теперь скажите — выветрился из вас тот состав или нет? Потому что в противном случае...

По всей группе внезапно пронесся шелест. Альварес и Несельрод повернулись как раз вовремя — и увидели, как в открывшуюся дверь вразвалку проковыляли два внушительных на вид горгона; на себе они волокли металлический ящик.

— Куях! — приветственно произнес первый. — Где горгон Джордж?

— Со мной все в порядке, — пробормотал Альварес. — Иначе я давно уже проделал бы с вами что-нибудь этакое... нецивилизованное, разве не ясно?

— Да, пожалуй, — отозвался Несельрод. Они плотнее прижались друг к другу локтями, пока группа перемеща-

лась, освобождая пространство для трех инопланетян. Встав на цыпочки и внимательно приглядевшись, Альварес увидел наконец Джорджа, неуверенно маячившего меж двух других горгонов.

— Вид у него просто жуткий. А те двое, они ведь гораздо больше, не так ли?

— Ну, Джордж, когда мы его взяли, был покрупнее, — пробормотал Несельрод. — Послушайте, Уолт, если выяснится, что вы загубили все дело, я сам приму дозу Бац-оффа — и тогда...

— Тихо! — прорычал Альварес.

Один из горгонов объяснял:

— Это панга-ящик. Что вы говорите? Вы знаете, что такое панга?

— В общем-то — уфф — и да, и нет, — сконфуженно ответил Доминик. — Но как насчет наказания? Насколько мы поняли...

— Наказание потом. Ты, Джордж, давай в ящик.

Джордж послушно потопал к ящику и присел на корточки у отверстия. Затем неуверенно подпрыгнул; всем присутствующим он напомнил дородную женщину, пытающуюся забраться в маленький спортивный вертолет. Раздался легкий всплеск нервного смеха, быстро подавленный.

Джордж наклонился, втянув большинство своих внешних придатков. Его округлое тело стало приобретать квадратную форму, вклиниваясь в ящик.

Остальные горгоны напряженно наблюдали за действиями Джорджа, их фоторецепторы вытянулись до предела. Среди присутствующих людей воцарилась мертвая тишина.

Джордж вздрогнул и втянулся в ящик глубже. На мгновение он застрял. Горгон вспыхнул синим, затем снова розовым. Его «ноги», почти втянутые, вяло заскребли по дну ящика. Затем он оказался внутри целиком.

Один из двух его сородичей торжественно закрыл крышку ящика и запер ее для верности — и затем снова открыл и помог Джорджу выбраться. Все три горгона стали ритмично покачивать конечностями и прочими придатками. Джордж, как показалось Альваресу, выглядел

несколько натянуто. Доктору стало несколько не по себе. Что же он наделал?

— В чем дело? — поинтересовался Несельрод. — Они что, примеряют его к гробу или...

Случайно услышавший его Доминик повернулся к ним и сказал:

— Не думаю. Помните, они сказали, что это панга-ящик. Видимо, у них есть стандарты для размеров. Понимаете, что я имею в виду — они измеряют Джорджа, чтобы узнать, уменьшился ли он ниже минимального стандарта... гм... панга-отношений.

— О Господи, — раздался другой голос. Подал его Урбан из Отдела семантики. Последнее время на Урбана внимания уже не обращали — в нем не нуждались с тех пор, как Джордж выучил английский. Лингвист выглядел из-за плеча Доминика с видом совершенно огорошенным. Он растерянно сообщил:

— Между прочим, слово, которое мы переводили как «старейшины», буквально переводится: «меньшие по размеру». Боже милостивый...

— Не понимаю... — начал было Доминик, но голос коменданта оборвал его.

— Тише! Тише, пожалуйста! — трубил Карвер. — Наши друзья с Седьмой планеты желают сделать заявление. Прошу вас.

К всеобщему удивлению заговорил Джордж — причем на своем шепелявом горгонском языке. Никто из присутствовавших людей не понимал ни слова — за исключением Урбана. Бледнея сквозь искусственный загар, он что-то неслышно бормотал себе под нос.

Когда Джордж остановился, один из горгонов покрупнее стал переводить:

— Старейшая персона, известная вам под именем Джорджа, желает, чтобы я поблагодарил вас всех за доброту, которую вы проявляли к нему, пока он был незрелым юношей.

— Юношей, — пробормотал Урбан. — Но на самом деле это значит «неуклюжий» — или «жирный мальчик»!

— Теперь, когда он стал старейшиной, высшим удовольствием для него будет отплатить вам за всю доброту в соответствующей, законной форме, — продолжал горгон.

— Что все это значит? — встревоженно спросил Альварес. — Почему он наконец не скажет сам?

— Видимо, теперь это ниже его достоинства, — предположил Несельрод.

— ...в том случае, *если*, — продолжал горгон, — вы сумеете назначить старейшей персоне, известной под именем Джорджа, соответствующее наказание, как было сказано выше.

Пока все остальные разевали рты в немом изумлении, Карвер проворно щелкнул наручным интеркомом.

— Сколько у нас осталось времени до истечения срока горгонов? — спросил он.

Наступила пауза — все так и растопырили уши, чтобы расслышать ответ.

— Чуть менее получаса.

— Призываю собрание к порядку! — барабанил по столу, прогудел Карвер.

Джордж и два других горгона сидели напротив Карвера, а между ними возвышалась орнаментальная ваза с настурциями и папоротником. Вокруг Карвера сгруппировались Доминик, Урбан, Вомерт, Альварес, Несельрод, Келли и Ритнер.

— Вот, значит, какая ситуация, — напористо произнес Карвер. — Данный горгон оказался членом их правящего совета — честно говоря, не понимаю, каким образом, но не об этом речь — суть в том, что он весьма дружелюбно настроен по отношению к нам. Можно считать, что мы преуспели в нашей миссии — если только сумеем найти наказание для горгона — иначе мы оказываемся в большом затруднении. Какие будут предложения?

(Доминик вытянул шею, приближая свою лысую голову к Альваресу.

— Доктор, меня тут посетила одна мысль, — прошептал он. — Скажите... есть ли что-нибудь специфическое в строении тела горгона по сравнению, скажем, с нашим?

— Ясное дело, — угрюмо подтвердил Альварес. — Сколько угодно. К примеру, они...)

Бросив на них грозный взгляд, Карвер кивнул Ритнеру:

— Слушаю вас.

— Я вот что подумал. С дыбой, конечно, не вышло, но была в свое время одна интересная штукавина — ее называли Железной Девой. Значит, дверца — или что-то вроде — а на ней такие шипы...

(— Мне кажется, главное, — заметил Доминик, — это выяснить, отчего горгоны уменьшаются.

Альварес нахмурился и обменялся взглядом с Несельродом, который тут же придвинул свой стул поближе.

— Давление... — попытался предположить Несельрод. Они одновременно потеряли подбородки и снова переглянулись. В глазах докторов загорелся неподдельный научный интерес.

— Так как насчет давления? — с жаром напомнил Доминик.)

— А сколько времени уйдет на то, чтобы соорудить такую штуковину? — спрашивал тем временем Карвер у Ритнера.

— Ну... часов десять... одиннадцать.

— Слишком долго. Отставить. Дальше!

(— Они действительно одноклеточные, — развивал идею Альварес, — сплошная коллоидная жидкость, при высоком осмотическом давлении. Чем больше они растут, тем большее давление требуется, чтобы поддерживать форму. Когда горгоны становятся слишком большими, вполне можно предположить, что они...

Альварес в ужасе щелкнул пальцами.

— Они лопаются!)

Карвер повернулся к ним, пылая негодованием.

— Джентльмены, было бы желательно получить от вас наконец хоть какую-то помощь вместо постоянных распрей... Итак, Вомрат?

— Сэр, я тут как раз думал: а если мы позволим ему превратиться в рыбу — как он сделал тогда в бассейне, — а затем поймем его в сеть и быстро-быстро вытащим из воды. Таким путем, возможно...

— Не сработает, — отрубил Келли. — Он изменится обратно за одну секунду.

Тем временем один из больших горгонов, до той поры сидевший неподвижно, внимательно разглядывая цветы в центре стола, внезапно схватил их и стал запихивать в пасть. Джордж произнес что-то резкое на горгонском языке и, вырвав у товарища цветы, потянулся поставить их обратно. Горгон выглядел сконфуженным, но заливался розовым.

А вот Джордж был отчетливо синим.

Его «рука», сжимавшая помятые цветы, зависла в воздухе. Медленно, будто с усилием, Джордж запихнул их обратно в чашу.

Двое других горгонов сочувственно обвили его «руками». Вскоре Джордж стал больше похож на себя, но некоторая примесь синего все же оставалась.

— Ну? — рявкнул Карвер. — К чему же мы пришли? — Он сверился с наручным интеркомом. — До истечения крайнего срока осталось десять минут, так что...

— Джордж, ты потому посинел, что мы тебя наказали? — спросил Вомрат.

— Нет, — неожиданно продудел Джордж. — Мне трудно быть старейшиной. — Он добавил еще несколько слов на своем языке, адресуясь к горгонам, и их «руки» снова обвились вокруг него. — Раньше они были мне панги, — добавил Джордж.

(— Так вот почему он отобрал пирог у жены коменданта! — воскликнул Доминик, хлопая себя по лбу.

— Разумеется. Они...)

— Что такое? Что такое? — заранее ошетинившись, обернулся к ним Карвер.

— Это объясняет историю с пирогом, — торопливо говорил Доминик. — Видите ли, горгон чувствовал себя покровительственно по отношению к вашей жене... имен-

но это и означает «панга». Горгоны с трудом контролируют свой аппетит — поэтому им приходится охранять друг друга. Когда же горгоны взрослеют и обретают самоконтроль, они естественным образом уменьшаются. Джордж испытывал замешательство по поводу панговых отношений с нами, но что касается вашей жены, то он был уверен: стоит ей съесть еще немного, и она... лопнет.

Карвер покраснел до кончиков ушей.

— Чушь! — завопил он. — Доминик, вы ведете себя непочтительно, оскорбительно и непатриотично!

Джордж, с интересом приглядываясь к ним, продудел несколько слов на языке горгонов. Один из других горгонов немедленно отозвался:

— Старейшая персона говорит, что вы, который с гладкой головой, мудрый человек. Старейшая персона также говорит, что другой, большой, который говорит слишком много, ошибается.

Командирские желваки Карвера яростно заиграли. Он полоснул взглядом по горгонам, затем — по всем сидевшим за столом. Все напряженно молчали.

Карвер героическим усилием утихомирил свою челюсть.

— Ну что, джентльмены, — начал он, — мы, безусловно, старались, но...

— Минутку-минутку! — перебил его Альварес. Где-то в глубинах его узкого черепа забрезжил яркий свет озарения. — Джордж, я тебе панга?

Ушные раковины Джорджа напряженно закачались.

— Да, — ответил он. — Вы очень маленький.

— Хорошо, — обрадовался Альварес, потирая костлявые ладони. — И ты по-прежнему должен быть наказан за ту ошибку, которую допустил на банкете?

Речевая трубка Джорджа расстроено зажуужала.

— Да, — подтвердил он.

— Превосходно, — сказал Альварес. Все следили за ним с выражениями лиц, разнившимся от недоумения до тревоги. — Тогда слушай, — продолжил он. — *Делай, что хочешь!*

Раздался свист воздуха — испустил тревожный вздох Урбан. Остальные посмотрели на Альвареса так, будто у него вместо волос выросли змеи.

— Доктор, — с подозрением проговорил Карвер, — у вас уже прошло ваше...

Громкий хор восклицаний оборвал его. Вскочив на стол и попеременно вспыхивая то синим, то ярко-розовым, подобно какому-то небесному знамени, Джордж вовсю чавкал, прожевывая цветы из орнаментальной вазы. Покончив с цветами, он стрескал и саму вазу. Затем, взмахнув одной из своих конечностей, он загреб блокнот для записей, который вертел в руках Урбан. Съел и его.

А в следующее мгновение Джордж уже спрыгнул на пол, заставив попавшегося ему по дороге Ритнера бешено отскочить в сторону. Часть съемного шлема Доминика отправилась ему в утробу под хриплое утробное урчание. Затем Джордж принялся за ковер. Все это он проделывал в каком-то алчном неистовстве. Двое других горгонов крутились вокруг него с истошными горгонскими воплями, но Джордж продолжал жевать, не обращая на них ни малейшего внимания. Теперь он стал ярко-синим и раздувшимся, но есть не переставал.

— Прекрати! — завопил Альварес. — Джордж, *прекрати!*

Джордж немедленно застыл. Постепенно его синева исчезла. Другие горгоны с тревогой ощупывали и похлопывали его. Джордж выглядел в полном порядке, но было совершенно очевидно, что в панга-ящик ему уже не влезть ни за какие коврижки.

Теперь Джордж был примерно того же размера, что и двое других — а может, и побольше.

— Альварес, — грозно спросил Карвер, — а зачем вы...

— Он уже готов был лопнуть, — ответил Альварес, дрожа от возбуждения. — Еще пара кусков и...

Карвер пришел в себя. Он одернул комбинезон и выдвинул подбородок вперед.

— Так или иначе, — сказал он, — горгон был безусловно синим. Вы все это видели — не так ли? И с Божьей

помощью это произошло до истечения крайнего срока. Итак, если я правильно понял...

Один из двух горгонов-сопроводителей поднял фоторецепторы. Другой произнес две краткие фразы на своем языке, а затем все трое заковыляли прочь, направляясь к выходу.

— Что он сказал? — спросил Карвер.

Урбан откашлялся; он снова был бледен.

— Сказал, что посыльный корабль должен быть в готовности, они отправляются домой.

— Посыльный корабль на месте, — негодуя заявил Карвер, — они могут лететь в любую минуту. Но что он сказал насчет наказания?

Урбан снова откашлялся с озадаченным видом.

— Они сказали, что наказание хорошее. Очень суровое — настолько суровое, что за последние двадцать тысяч лет у них никто о таком и не помышлял. Они сказали, что теперь им не придется наказывать Рубинсона и остальных, поскольку вы проделали все необходимое.

— Что? — изумился Карвер. — В чем же тут подвох? Они что — намерены после всего этого отказаться от вступления в Союз?

— Нет, — покачал головой Урбан. — Они говорят, что все мы теперь им панги. Они сделают все, что мы велит — позволят высадиться, позволят построить распределительные центры и заставить их потреблять в огромных количествах...

— Но ведь это уничтожит их! — ужаснулся кто-то.

— О да, — согласился Урбан.

Карвер вздохнул. Почти вся его жизнь была посвящена службе на СИИП, и он гордился своей репутацией. Он словно вел партию в игре, где новые, девственные планеты были призами, а счет он поддерживал с помощью связки крошечных иридиевых пуговиц, хранившейся у него в нагрудном кармане.

— Дайте мне знать, когда будут возвращаться Рубинсон и его команда, — пробормотал Карвер в интерком.

Затем было долгое ожидание. Тишина становилась все напряженнее. По всей длине стенного экрана, озаренного светом Седьмой планеты, скользил одинокий серп, сине-зеленый и загадочный в окружающей тени. С ночной стороны выплыла серебряная искорка.

— Они возвращаются, — донеслось из переговорника. Карвер опять вздохнул.

— Когда пристыкуются, — сказал он, — закрепите посыльный корабль, а затем дайте сигнал постам ускорения. Мы покидаем Седьмую — передайте мистеру Фруману, чтобы он установил первое приближение для нашей следующей по счету планетной системы.

Альварес, дергаясь и неистово гримасничая, треснул себя кулаком в грудь.

— Вы их отпускаете? — возопил он. — Посадки на Седьмую не будет... после всех наших трудов?

Карвер не сводил взгляда с экрана обзора.

— Есть вещи, — медленно и неохотно проговорил он, — которые использованию не подлежат.

ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ

Наружность канамитов, что и говорить, глаз не радовала. Напоминали они помесь американца со свиньей, а доверия подобная комбинация никак не внушает. Поначалу они просто шокировали — тут-то и крылось их главное затруднение. Если тварь с таким сатанинским обликом явится к вам со звезд и предложит дар, вряд ли вы захотите его принять.

Понятия не имею, какими мы ожидали увидеть пришельцев из другой планетной системы. В смысле, те из нас, кто вообще задумывался на эту тему. Может, ангелочками. Или, по крайней мере, существами, слишком непохожими на нас, чтобы вызывать какое-то отвращение. Наверное, потому-то нами так и овладели оторопь и брезгливость, когда приземлились огромные канамитские корабли, и мы воочию увидели, на что эти твари похожи.

Росту они оказались невысокого. Страшно заросшие — густая серо-бурая щетина с головы до пят покрывала омерзительно пухлые тела. Носы больше походили на рыла. Маленькие глазки. Толстые трехпалые лапы. На себе они носили какие-то доспехи из зеленой кожи и такие же зеленые шорты. Догадываюсь, впрочем, что шорты были всего-навсего данью нашим понятиям о приличиях в обществе. Вообще говоря, эти одеяния с прорезными кармашками и хлястиками смотрелись до-

статочно стильно. Чего-чего, а чувства юмора у канамитов хватало.

Трое из них присутствовали на очередной сессии ООН — и черт возьми, сказать не могу, до чего нелепо они выглядели, восседаая в центре зала на пленарном заседании — три жирных кабана в зеленых доспехах и шортах располагались за длинным столом, окруженные плотными группками делегатов от всевозможных наций. Сидели они подчеркнуто прямо, свесив уши поверх наушников — и с одинаковым радушием взирали на всех ораторов. Впоследствии, насколько мне известно, они выучили все человеческие языки, но тогда еще владели лишь французским и английским.

Чувствовали они себя, казалось, совсем как дома — это, да еще их расположение к людям, заставило меня проникнуться симпатией к пришельцам. Тут я, впрочем, оказался в меньшинстве; но так или иначе, я не ждал от них никакого подвоха.

Делегат от Аргентины забрался на трибуну первым и заявил, что правительство его страны проявило интерес к новому источнику дешевой энергии, продемонстрированному канамитами на предыдущей сессии. Однако без дальнейших детальнх исследований правительство Аргентины не могло рассматривать упомянутый источник как основу будущей политики.

Примерно то же самое говорили и все остальные делегаты, но сеньору Вальдесу мне пришлось уделить особое внимание из-за его отвратительной дикции и привычки брызгать слюной. Все же я неплохо управился с переводом, допустив лишь одну-две секундные заминки, а затем переключился на польско-английскую линию, желая послушать, как Грегори справляется с Янкевичем. Янкевич был сущим наказанием для Грегори; так же, как для меня — Вальдес.

Янкевич повторил замечания предыдущих ораторов с небольшими идеологическими поправками, а затем Генеральный Секретарь предоставил слово делегату от Франции. Тот, в свою очередь, представил присутствующим

доктора Дени Левека, криминалиста, а в зал тем времени вкатили вагон и маленькую тележку всякой хитрой аппаратуры.

Доктор Левек прежде всего заметил, что вопрос, возникший в головах у многих, наиболее точно сумел сформулировать на предыдущей сессии делегат от России, когда поинтересовался: «Какими мотивами руководствуются канамиты? Какие цели они преследуют, предлагая нам неслыханные дары и ничего не требуя взамен?»

Затем доктор объявил:

— По требованию некоторых делегатов и при полном одобрении наших гостей, мы с коллегами провели серию тестов для канамитов, используя оборудование, которое вы видите перед собой. Сейчас мы повторим эти тесты.

По залу пробежал шепоток. Фотовспышки выдали почти артиллерийский залп, а одну из телекамер сосредоточили на аппаратуре доктора Левека. Тут же за подиумом вспыхнул громадный телеэкран.

Тем временем ассистенты доктора прикрепили к голове одного из канамитов провода, перетянули его руки резиновыми трубками и что-то прилепили лентой к его правой ладони.

На экране одна из стрелок задергалась, а вторая перескочила на другую сторону и застыла там, слегка покачиваясь.

— Вы видите перед собой обычную аппаратуру для проверки правдивости высказывания, — пояснил доктор Левек. — Поскольку данных о психологии канамитов у нас нет, нашей первой задачей было выяснить, реагируют ли они на эти тесты так же, как и человеческие существа. Теперь мы повторим один из экспериментов.

Он указал на первый индикатор.

— Данный прибор регистрирует сердечный ритм испытуемого. Следующий измеряет электропроводность кожи на его ладони и оценивает таким образом ее влажность, которая, как известно, усиливается при стрессе. Следующий прибор, — Левек указал на устройство с лентой и самописцем, — демонстрирует форму и интенсивность

электромагнитных волн, испускаемых мозгом испытуемого. Эксперименты с людьми показали, что все указанные факторы существенно зависят от того, говорит ли испытуемый правду.

Доктор взял два больших куска картона — красный и черный. Красный представлял собой квадрат со стороной около трех футов, а черный — прямоугольник трех с половиной футов в длину. Затем он обратился к канамиту:

— Какой из них длиннее?

— Красный, — ответил канамит.

Обе стрелки бешено дернулись, то же самое произошло и с самописцем, выведившим на ленте зигзаг.

— Я повторю вопрос, — сказал доктор. — Какой из них длиннее?

— Черный, — ответил пришелец.

На сей раз приборы работали в нормальном режиме.

— Как вы попали на нашу планету? — спросил доктор.

— Пешком, — ответил канамит.

Приборы снова откликнулись, а по залу пронеслась волна приглушенных смехов.

— Еще раз, — сказал доктор. — Как вы попали на эту планету?

— На космическом корабле, — ответил канамит, и на сей раз приборы не отреагировали.

Доктор снова обратился к делегатам.

— Мы с коллегами проделали множество подобных экспериментов, — заявил он. — А теперь, — он повернулся к канамиту, — я попрошу нашего уважаемого гостя ответить на вопрос, поставленный на прошлой сессии делегатом от России, а именно: какими мотивами руководствовались канамиты, предлагая столь богатые дары людям Земли?

Канамит встал. На сей раз он заговорил по-английски:

— У нас на планете есть поговорка: «В камне больше загадок, чем в голове философа». Мотивы поведения разумных существ, хотя порой кажутся неясными, на самом деле чрезвычайно просты. Особенно в сравнении со сложной работой живой вселенной. Поэтому я надеюсь,

что люди Земли поймут меня и поверят, если я объявлю, что наша миссия на планете Земля заключается лишь в том, чтобы принести вам мир и изобилие, желанные для нас самих и дарованные нами множеству рас по всей галактике. Если в вашем мире исчезнут войны, голод, бессмысленные страдания, это и станет нам наградой.

Стрелки не дернулись ни разу.

Делегат от Украины вскочил со своего места, требуя, чтобы ему предоставили слово, но время уже вышло, и Генеральный Секретарь закрыл заседание.

На выходе из зала я столкнулся с Грегори. Лицо его пылало от возбуждения.

— Кто устроил весь этот цирк? — гневно спросил он.

— Лично мне тесты показались убедительными, — возразил я.

— Цирк! — решительно повторил он. — Второсортный фарс! Послушай, Питер, если с тестами все было в порядке, почему тогда замяли обсуждение?

— Завтра обязательно дадут время для обсуждения.

— Завтра доктор вместе со своей аппаратурой уже отчалит в Париж. До завтра еще много чего может произойти. Имей хоть каплю здравого смысла, приятель, — как можно доверять твари, у которой на рыле написано, что она только что сожрала младенца и закусила венком с могилы твоего дедушки?

Начиная раздражаться, я заметил:

— По-моему, тебя больше волнует их внешность, чем их политика.

— Вот еще! — буркнул Грегори и отошел.

На следующий день начали поступать отчеты из лабораторий, в которых испытывался канамитский источник энергии. Все отчеты оказались патетически-восторженными. Сам-то я, по правде говоря, в физике ничего не смыслю, но похоже, металлические коробочки канамитов должны были выдавать энергии больше любого ядерного реактора — причем без всякого сырья и чуть ли не вечно. Заверяли также, что они дешевле грязи и

что буквально каждый сможет обзавестись такой коробкой по цене зажигалки. А вскоре после полудня появились сообщения, что в семнадцати странах уже начали возводиться фабрики для их производства.

На следующий день канамиты предоставили схемы и рабочие образцы устройства для увеличения плодородия почвы. Оно ускоряло образование в почве нитратов или еще какой-то ерунды. В выпусках новостей не содержалось никакой другой информации, кроме сообщений о канамитах. А еще через день пришельцы выложили на стол свою бомбу.

— Теперь вы располагаете потенциально неограниченной энергией и возросшим запасом пищи, — заявил один из них. Трехпалой лапой он указал на стоявший перед ним на столе прибор. Прибор представлял из себя ящик на треноге, с параболическим рефлектором спереди. — Сегодня мы предлагаем вам третий дар, который важнее двух первых.

Он подал знак телевизионщикам перевести камеры на крупный план и выставил перед собой большой кусок картона, покрытый рисунками и буквами. Вскоре мы увидели этот картон на большом экране над подиумом; текст и рисунки без труда можно было разобрать.

— Данное устройство, — пояснил он, — генерирует поле, в котором взрывчатые вещества любой природы взрываться не могут.

Повисла гробовая тишина.

Канамит продолжил:

— Его воздействие подавить невозможно. Каждая нация должна располагать подобным прибором. — Никто, похоже, так толком ничего и не понял — и пришелец объяснил напрямик: — Войны больше не будет.

Так родилась самая грандиозная новость тысячелетия, причем на проверку все оказалось сущей правдой. Выяснилось, что в число взрывчатых веществ, которые имел в виду канамит, входят даже бензин и дизельное топливо. В результате никто уже не мог ни собрать, ни вооружить современную армию.

Конечно, можно было бы вернуться к лукам и стрелам, но это никак не устроило бы военных. А кроме того, теперь не было никакого смысла затевать войну. Скоро каждая нация могла бы располагать всем необходимым.

Никто даже и не вспомнил об экспериментах с детектором лжи и не поинтересовался у канамитов, какова их политика. Грегори сел в лужу — его подозрений ничто не подтверждало.

Несколько месяцев спустя я оставил работу в ООН, так как сердцем чуял — это место все равно уплывает из-под меня. Пока еще дела ООН процветали, но максимум через год делать там, судя по всему, будет нечего. Все нации на Земле семимильными шагами двигались к полной самостоятельности; скоро им уже не понадобятся бы войны, вооруженные конфликты и всяческие арбитры и доброты при них.

Я устроился переводчиком при канамитском посольстве и вскорости снова столкнулся с Грегори. Я обрадовался ему, как родному, хотя представить себе не мог, чем он там занимался.

— А я думал, ты в оппозиции, — сказал я. — Только не говори мне, что убедился в чистоте канамитских помыслов.

На секунду он явно смутился.

— Во всяком случае, они не те, какими выглядят, — проворчал он.

Именно такую уступку требовалось сделать для приличия, и я пригласил его в бар посольства хлопнуть по рюмочке. После второго дайкири в уютной кабинке Грегори разоткровенничался.

— Я не на шутку заинтересовался ими, — заявил он. — Я по-прежнему ненавижу этих свинопотамов — тут ничего не переменялось, — но теперь я хоть могу спокойно все взвесить. Похоже, ты оказался прав — они в самом деле желают нам только добра. Но понимаешь, какая штука, — он наклонился поближе, — ведь на вопрос российского делегата они так и не ответили.

Тут я поперхнулся.

— Нет, правда, — настаивал он. — Они сказали только, что хотят «принести вам мир и изобилие, желанные для нас самих». Но так и не объяснили, *почему* они хотят.

— А почему миссионеры...

— К черту миссионеров! — сердито оборвал он. — Миссионерами движет религия. Будь у этих тварей религия, они бы хоть раз упомянули о ней. К тому же они послали не миссионеров, а дипломатов, проводящих политику, выражающую волю всего их свинского племени. Так что же теперь канамиты должны иметь с нашего благосостояния?

— Культурную... — начал я.

— Культурную лапшу на уши! — яростно перебил меня Грегори. — Знать бы только, где здесь собака зарыта... Поверь мне, Питер — такого вещества, как чистый альтруизм, в природе просто не существует. *Что-то* они в любом случае должны получить взамен.

— Значит, это ты сейчас и выясняешь, — заметил я.

— Точно. Я хотел попасть в одну из групп, отправлявшихся на десять лет по обмену к ним на планету, но не вышло — квоту набрали уже через неделю после того, как появилось объявление. Оставалось последнее — место в посольстве. Теперь я изучаю их язык, а тебе не надо объяснять, что всякий язык отражает характер народа. Я уже прилично овладел их жаргоном. Не так уж он и сложен, к тому же много схожего. Уверен, в конце концов я докапаюсь до правды.

— Желаю удачи, — сказал я напоследок, и мы разбежались.

С тех пор я частенько виделся с Грегори, и он сообщал мне о своих достижениях. Примерно через месяц после нашей первой встречи Грегори заметно приободрился — ему удалось раздобыть канамитскую книгу. Канамиты пользовались иероглифами — посложнее китайских — но Грегори твердо настроен был разобраться — даже если бы на это ушли годы. Ему требовалась моя помощь.

За несколько недель мы разобрались с названием. Оно переводилось как «Забота о человеке». Очевидно, книга представляла собой пособие для новых сотрудников канамитского посольства. А новые сотрудники теперь все прибывали и прибывали — на приземлявшемся примерно раз в месяц грузовом корабле; пришельцы открывали всевозможные исследовательские лаборатории, клиники и тому подобное. Если на Земле и оставался кто-нибудь, кроме Грегори, кто все еще не доверял канамитам, то разве что где-нибудь в самом сердце Тибета.

Произошедшие почти за год перемены просто поражали. Не было больше ни армий, ни лишений, безработицы. С газетных страниц больше не бросались в глаза заголовки типа «ВОДОРОДНАЯ БОМБА ИЛИ СПУТНИК?»; остались только хорошие новости. Канамиты уже вовсю занимались исследованием биохимии человека, и даже последней уборщице в посольстве было известно, что они вот-вот готовы представить правительству биологическую программу, способную сделать нашу расу выше, сильнее и здоровее — короче говоря, превратить ее в расу суперменов, практически незнакомых с телесными немощами, включая сердечные болезни и рак.

Мы с Грегори не виделись две недели после расшифровки названия книги — я проводил долгожданный отпуск в Канаде. По возвращении я был поражен произошедшей с Грегори переменой.

— Черт возьми, Грегори, что стряслось? — поинтересовался я. — Ты точно в аду побывал.

— Пойдем выпьем.

Мы спустились в бар, и он залпом выпил бокал доброго скотча — причем с таким видом, будто принимал лекарство.

— Ну, давай, приятель, рассказывай, в чем там дело, — дружелюбно ткнул я его локтем в бок.

— Канамиты внесли меня в список пассажиров следующего корабля по обмену, — произнес Грегори. — Тебя тоже — иначе я бы и разговаривать с тобой не стал.

— Хорошо, — отозвался я, — но...

— Никакие они не альтруисты.

Я попытался возразить. Напомнил, что канамиты сделали Землю настоящим раем в сравнении с тем, что творилось здесь прежде. Грегори лишь покачал головой.

Тогда я спросил:

— Ну, а что ты скажешь насчет тех тестов на детекторе лжи?

— Фарс, — хладнокровно ответил он. — Глупец, я же тебе еще тогда говорил. Хотя в каком-то смысле они не ввали.

— А книга? — раздраженно поинтересовался я. — Как насчет «Заботы о человеке»? Она ведь не затем там лежала, чтобы ты ее прочитал. У них вполне искренние намерения. Как ты это объяснишь?

— Я прочел первый параграф этой книги, — сообщил он. — Почему я по-твоему целую неделю не спал?

— Ну, и что? — спросил я, и тогда его губы растянулись в неприятной кривой усмешке.

— Это поваренная книга, — ответил Грегори.

РОДЫ С СЮРПРИЗОМ

Лен и Мойра Коннингтоны снимали коттедж с маленьким двориком и еще меньшим садиком, где явно ощущался некоторый излишек елей. Лужайка, которую Лен выкашивал чрезвычайно редко, изобиловала сорняком, а садик зарос дикими кустиками ежевики. Сам их домик выглядел опрятным, в нем царили запахи куда более приятные, чем в большинстве городских квартир, и Мойра держала на подоконниках герань; правда, в комнатах было несколько темновато из-за обилия елей и неудачного расположения. Приближаясь ранним весенним вечером к дому, Лен споткнулся о каменную плитку дорожки и, падая, разбросал экзаменационные работы аж до самой веранды.

Когда он поднялся, Мойра хихикала в дверях.

— Забавно.

— Будь оно все проклято, — отозвался Лен. — Я расквасил себе нос. — В напряженном молчании он подобрал работы по химии — класса Б; на последнюю упала красная капелька. — Черт подери!

Мойра отворила перед Леном дверь, а затем, с видом сокрушенным и слегка удивленным, последовала за ним в ванную.

— Лен, честно, я не хотела смеяться. Очень больно?

— Нет, ни капельки, — проворчал Лен, разглядывая в зеркале расквашенный нос. Боль пульсировала отбойным молотком.

— Вот и хорошо. Это было так забавно... я хочу сказать, так странно, — торопливо добавила она.

Лен воззрился на нее; Мойра спрятала глаза.

— Что с тобой? — спросил он.

— Не знаю, — отвечала Мойра несколько взвинченным голосом. — Раньше со мной такого не случалось. Ведь я беспокоилась за тебя... Сама не знаю, откуда взялся этот дурацкий смех... — Тут она снова расхохоталась, уже слегка истерически. — Может, я с ума схожу?

С Мойрой, здравомыслящей молодой брюнеткой нрава общительного и дружелюбного, Лен познакомился на последнем курсе Колумбийского университета, причем с весьма прискорбными последствиями. И теперь, на седьмом месяце их рокового знакомства, Мойра походила со стороны на упитанного грудастого пупса.

Лен вспомнил, что у женщин в подобной ситуации нередко случаются эмоциональные срывы. Он наклонился, огибая Мойрин живот, и снисходительно поцеловал жену.

— Устала, наверное. Приляг, я принесу тебе кофе.

...Но ведь у Мойры до сих пор не было ни истерик, ни утренней тошноты — правда, она рыгала... и вообще, интересно, есть в литературе что-нибудь насчет приступов хихиканья?

После ужина Лен как попало просмотрел с красным карандашом семнадцать работ, а затем встал, чтобы поискать книжку для будущих родителей. Четыре потрепанных томика с улыбающимися детскими личиками на обложках оказались на месте, однако поиски Лена не увенчались успехом. Он пошарил за книжной полкой и на плетеном столике, под газетами.

— Мойра!

— Мм?

— Слушай, а где еще одна книжка про ребенка, будь она трижды неладна?

— У меня.

Лен подошел, заглянул за плечо жены. Мойра разглядывала несколько неприличный рисунок, изображавший

зародыша, который скрючился вверх тормашками, будто йог, внутри обрубка женского тела.

— Так вот он какой, — пробормотала Мойра. — Мама...

Зародыш на рисунке смотрелся вполне сформировавшимся человеком.

— А что насчет матери? — поинтересовался Лен.

— Не валяй дурака, — рассеянно ответила Мойра.

Лен подождал, но она не отрывалась от страницы с зародышем. Вскоре Лен вернулся к своим тетрадкам.

Одновременно он посматривал на Мойру. Наконец, пролистав всю книжку, она бросила ее. Закурила сигарету, но тут же ткнула ее в пепельницу. Затем оглушительно рыгнула.

— Вот это да! — восхитился Лен. Мойрины отрывки далеко превосходили даже те, что доводилось ему слышать в мужских раздевалках Колумбийского университета — от них сотрясались двери и стекла.

Мойра вздохнула.

Испытывая некоторую неловкость, Лен взял свою кофейную чашечку и направился к кухне. Возле кресла Мойры он притормозил. На столике сбоку стояла ее нетронутая чашка с остывшим кофе.

— Разве ты не хочешь кофе?

Мойра бросила взгляд на чашечку.

— Я хотела, но... — Она запнулась и растерянно покачала головой. — Не знаю.

— Ну хорошо, может, налить чашечку горячего?

— Да, пожалуйста... Нет, не надо!

Лен, уже направившийся было на кухню, круто осадил и развернулся.

— Так что же, черт возьми?

Все Мойрино лицо как-то надулось.

— Ах, Лен, я совсем запуталась, — выговорила она дрожащим голосом.

Лен почувствовал, как его раздражение частично сменяется нежностью.

— Я знаю, что тебе нужно, — твердо заявил он, — глоток спиртного.

Лен вскарабкался на стремянку, чтобы добраться до верхней полки шкафа, где размещались запасы спиртного, когда таковые имелись в наличии; педагогические советы в провинциальных городках оставались в этом вопросе на незыблемых позициях — и поэтому приходилось соблюдать меры предосторожности.

Пристально изучая скорбные остатки виски на дне бутылки, Лен выругался сквозь зубы. Они не могли позволить себе ни приличного запаса спиртного, ни новых платьев для Мойры, ни... Первоначальная идея Лена состояла в том, чтобы год проучительствовать, пока они не накопят денег. После чего Лен, конечно же, вернется к своей магистерской. Позднее они ограничили свои мечтания скромной суммой, достаточной для оплаты курса лекций в университете во время летних каникул, но теперь даже от такого варианта разило диким оптимизмом.

Учителям средней школы без степени жениться не следовало. Тем более физикам — выпускникам университета.

Лен приготовил два крепких хайбола и вернулся в гостиную.

— Вот, пожалуйста. Твое здоровье!

— Ага, — понимающе отозвалась Мойра. — Что ж, на вкус... Тьфу! — Она поставила бокал и воззрилась на него, так и не закрыв рта.

— А теперь в чем дело?

Мойра осторожно повернула голову, словно опасаясь, что от неосторожного движения она слетит с плеч.

— Лен, я не знаю. Мама...

— Ты уже это говорила. Что, в самом деле...

— Что говорила?

— Мама. Послушай, детка, если ты...

— Я не говорила «мама», — взволнованно отозвалась Мойра.

— Нет, говорила, — веско возразил Лен. — Первый раз, когда смотрела книжку, и второй — только что — после того, как плюнула в хайбол. Который, кстати сказать...

— Мама пьет молоко, — отдельно произнесла Мойра.

Мойра терпеть не могла молока. В полном молчании Лен глотнул сразу полбокала, повернулся и молча отправился на кухню.

Когда он вернулся с молоком, Мойра посмотрела на бокал так, будто на дне его притаилась змея.

— Лен, я этого не говорила.

— Ладно.

— Не говорила. Я не говорила «мама» и не говорила про молоко. — Голос ее дрожал. — И не смеялась над тобой, когда ты упал.

— Конечно-конечно, это был кто-то другой.

— Лен, *правда*. — Мойра уставилась на свой выпуклый живот, обтянутый льняной материей. — Ты просто не поверишь. Положи руку вот сюда. Чуть ниже.

Тело под тканью было теплым и твердым на ощупь.

— Схватки? — поинтересовался Лен.

— Нет еще. Слушай, — напряженно произнесла Мойра. — Эй ты, там, внутри. Если хочешь молока, стукни три раза.

На секунду челюсть у Лена отвалилась. Ладонью он отчетливо ощутил три неловких толчка.

Мойра зажмурила глаза, задержала дыхание и одним долгим глотком с омерзением выпила молоко.

— В чрезвычайно редких случаях, — читала вслух Мойра, — деление клетки не следует по обычному пути, в результате которого получается нормальный ребенок. В таких редких случаях одни части тела зародыша развиваются чрезмерно, тогда как другие — не развиваются совсем. Подобный аномальный клеточный рост поразительно схож с бурным ростом клетки, известной нам под названием раковой... — Плечи Мойры судорожно задержались. Она всхлипнула.

— Зачем ты треплешь себе нервы этой макулатурой?

— Так надо, — рассеянно ответила Мойра. Затем достала другую книгу из стопки. — Здесь не хватает страницы.

Лен уклончиво кромсал остаток яичницы.

— Странно, что она вообще до сих пор не развалилась, — заметил он. Лен говорил истинную правду: с заляпанной обложкой и расклеившимся переплетом, книга явно приближалась к последней стадии распада. Правдой, впрочем, было и то, что четыре дня назад Лен с умыслом вырвал нужную Мойре страницу после того как ознакомился с ее содержанием: глава называлась «Психозы при беременности».

Мойра неоднократно заявляла, что у них будет мальчик, что звать его будут Леонардо (не в честь Лена, а в честь да Винчи), что он сообщил ей все это наряду с многим прочим, что он не дает ей есть ее любимую пищу, а заставляет есть то, чего она терпеть не может, вроде печенки и рубца, и что она должна весь день напролет читать книжки — только чтобы он не донимал ее пинками в мочевого пузыря.

Стояла ужасающая жара; с актового дня минуло лишь две недели; у половины учеников Лена мозги уже спеклись всмятку. У остальных же они просто атрофировались. Помимо прочего, в голове у Лена крутился вопрос о контракте на будущий год, и возможная вакансия в средней школе, по соседству, а также запланированное на вечер учительско-родительское мероприятие, которое почтят своим присутствием директор Греер с супругой...

Мойра с головой погрузилась в первый том «Der Untergang des Abendlandes», старательно шевеля губами; время от времени из нее вырывался очередной гортанный звук.

Лен откашлялся.

— Мойрочка!

— ...und also des tragischen — Господи, что он хочет этим сказать... Да, Лен?

Он раздраженно фыркнул.

— Почему ты не возьмешь английское издание?

— Лео хочет выучить немецкий. Так что ты хотел, дорогой?

Лен на секунду зажмурился.

— Ты уверена, что хочешь пойти со мной?

— Еще бы. Конечно, если только ты не считаешь, что я выгляжу слишком...

— Нет. Нет, черт возьми. Но сама-то ты в состоянии туда идти?

Под глазами у Мойры виднелись тусклые фиолетовые круги; последнее время ее мучила бессонница.

— Конечно в состоянии, — бодро ответила она.

— А ты ничего не сболтнешь насчет Лео? Миссис Греер или еще кому-нибудь...

Похоже, Мойра оказалась в легком замешательстве.

— Нет. Думаю, пока он не родится, не стоит. Тем более все равно никто не поверит.

Эксперимент с ощупыванием живота больше не повторяли, хотя Лен частенько просил об этом; малыш Лео, по словам Мойры, хотел установить сообщение только с матерью; к Лену, похоже, он никакого интереса не проявлял.

— Мал еще, — пояснила она.

И все же... Лен вспомнил лягушек, которых прошлым семестром анатомировал его биологический класс. У одной оказалось два сердца. А тут еще беспорядочный рост клеток... как при раке. Непредсказуемо: лишние пальцы на руках или ногах — или избыточный вес головного мозга?

— А рыгать я постараюсь как леди, если такое вообще случится, — радостно заверила Мойра.

К прибытию Коннингтонов зал еще пустовал, если не считать скромной кучки дам из родительского комитета, двух нервно улыбающихся учителей и впечатляющей туши директора Греера. Ножки карточных столиков заунывно скрежетали на голом полу; в воздухе висел тяжелый смрад мастики и мускуса.

Греер выступил вперед, в упор сияя лучезарной улыбкой.

— Ну, чудненько. А как вы, молодежь, чувствуете себя таким теплым вечерком?

— Ах, мы надеялись прибыть раньше вас, мистер Греер, — мило подосадовала Мойра. Выглядела она удивительно похожей на школьницу и эффектной; даже такой ее грандиозный живот, в котором до поры до времени хранился Лео, не особенно выпячивался, пока она не поворачивалась боком. — Я сейчас же пойду помогать дамам. Способна же я еще хоть на что-то.

— Ни Боже мой — и слышать не желаем. Хотя я скажу, что вы можете сделать — вы можете пойти во-он туда и сказать: «Здравствуйте, миссис Греер». Я-то знаю, что ей до смерти хочется поболтать с вами. Идите-идите, не беспокойтесь о супруге — я за ним присмотрю.

Мойра удалилась в ту сторону, где ее приветствовал целый оркестр радостных охов и ахов, добрую половину из которых составляли возгласы, явно выгибавшиеся над пропастью взаимной неприязни.

Греер тем временем сиял во все стороны превосходными зубными протезами и веял одеколоном. Розовая кожа его производила впечатление не просто чистой, но и специально продезинфицированной; очки в золотой оправе, казалось, минуту назад были сняты с витрины оптометриста, а тропический костюм явно только что получен из химчистки. Немыслимо было представить себе Греера небритым, Греера с сигарой в зубах, Греера с пятном машинного масла на лбу, Греера, занимающимся любовью со своей женой.

— Не правда ли, сэр, погода...

— Когда я вспоминаю, каким было это захолустье лет двадцать назад...

— С нынешними ценами...

Лен слушал всю эту белиберду с растущим восхищением, вставляя требуемые замечания; раньше он и не представлял себе, что существует так много абсолютно нейтральных тем для разговора.

Подошла очередная партия людей, подняв температуру зала примерно на полградуса на душу населения. Но Греер не вспотел, а лишь порозовел.

В дальнем углу просторного зала Мойра вовсю трещала с миссис Греер, большегрудой женщиной с вопиюще

старомодной шляпкой на голове. Мойра, судя по всему, рассказывала анекдот; Лен напряженно прислушивался, пока наконец не услышал, как миссис Греер разразилась смехом. Голос ее был слышен за километр:

— Ах, это бесподобно! Ах, милочка, вот бы мне это запомнить!

Лен, который не таил особых надежд насчет разговора о вакансии, снова замер, поняв, что Греер незаметно переключился на школьные темы. Сердце Лена затрепыхалось; в шутиливой, но деловой манере Греер вызывал подчиненного на откровенность, даже не стараясь проявлять при этом особой дипломатии.

Лен отвечал по мере возможности чистосердечно, ориентируясь на то, что хотел бы услышать директор; временами приходилось отчаянно лгать.

Миссис Греер раньше времени вытребовала себе чашку чая; и, не обращая внимания на жаждущие взгляды прочих присутствовавших учителей, поглощала ароматный напиток вместе с Мойрой. Они увлеченно обсуждали нечто крайне важное: то ли план государственного переворота, то ли ценные кулинарные рецепты.

Греер внимательно выслушал последнюю реплику Лена, высказанную с таким глубоким чувством, будто Лен был бойскаутом, присягающим на уставе организации; но, поскольку вопрос гласил: «Собираетесь ли вы сделать преподавание вашей карьерой?», ни слова правды в ответе не содержалось.

Затем директор внимательно оглядел свое аккуратно задрапированное брюхо и несколько театрально нахмурился. Лен, с помощью того светского шестого чувства, которое всегда действует безошибочно, понял, что следующими словами Греера станут: «Полагаю, вы слышали, что средней школе Остера осенью потребуются новый учитель естественных наук...»

И в этот самый момент Мойра рывкнула как тюленя.

В гробовое молчание почти тут же ворвался отчаянный вопль, за которым последовал жуткий грохот.

Миссис Греер сидела на полу; ноги ее раскинулись в разные стороны, шляпка сползла на один глаз — выглядело все так, будто она попыталась удариться в какой-то разнузданный пляс.

— Это все Лео, — невпопад брякнула Мойра. — Знаешь, директорша ведь англичанка. Она сказала, что чашка чая мне не повредит, и все время требовала, чтобы я пила, а я... не могла пить горячий чай.

В конце концов Лео пнул меня и заставил выпустить отрыжку, которую я сдерживала. И...

— О Боже.

— А потом он пнул еще раз, — всхлипнула Мойра, — и чашка упала ей на колени, и... мне хотелось провалиться сквозь зеемлюуу...

На следующий день Лен повел Мойру к доктору, где они битый час читали затрепанные копии «Ротарианца» и «Поля и Потока».

Доктор Берри был кругленьким человечком с предельно душевными глазами и манерами больничной сиделки. На стенах его кабинета, где доктора обычно развешивают по меньшей мере семнадцать дипломов и членских свидетельств, у Берри висело всего три; остальное пространство заполняли крупные цветные фотографии очаровательных — и еще раз очаровательных — детишек.

Когда Лен решительно последовал за Мойрой в смотровой кабинет, доктор Берри какое-то мгновение взирал на него в легком шоке, но затем, судя по всему, решил сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Он не то чтобы говорил — или даже шептал, — он как бы шелестел.

— Ну-с, миссис Коннингтон, мы сегодня выглядим чудненько, просто чудненько. А как мы себя чувствовали?

— Прекрасно. Мой муж думает, что я спятила.

— Вот и х... Ну-у, странно ему так думать, не правда ли? — Берри взглянул на стену как раз посередине между дверью и Леном, затем некоторое время доволь-

но нервно пошуршал какими-то карточками. — Так-с. А не чувствуем ли мы какого-нибудь жжения, когда пи-саем?

— Нет. По крайней мере пока я... Нет.

— А тяжесть в животе?

— Да. Он пинает меня чуть не каждую минуту. — Берри неверно истолковал задумчивый взгляд Мойры, обращенный к Лену, и брови его невольно подскочили.

— Ребенок, — пояснил Лен. — Ее пинает ребенок.

Берри кашлянул.

— А головные боли? Головокружение? Тошноту? Ножи у нас не припухают?

— Нет.

— Чудненько. А теперь выясним-ка мы, сколько мы прибавили, а потом сядем в кресло и обследуемся.

Берри набросил на Мойру простыню так осторожно, будто в животе у нее скрывалось исключительно хрупкое яйцо. Он деликатно ощупал живот толстыми пальчиками, после чего приложился стетоскопом.

— А те рентгеновские снимки, — начал Лен. — Они еще не готовы?

— М-да, — отозвался Берри. — Как же, готовы. — Он передвинул стетоскоп и снова прислушался.

— Нет ли на них чего-либо необычного?

Брови Берри поднялись в вежливом недоумении.

— Мы тут немного поспорили, — напряженно произнесла Мойра, — насчет того, обычный это ребенок или нет.

Берри вынул из ушей трубочки стетоскопа. Затем уставился на Мойру, глазами встревоженного спаниеля.

— Ну, об этом-то нам нечего беспокоиться. Мы обязательно родим абсолютно здоровенького, чудного ребеночка, а если нам станут говорить другое, что ж, мы просто пошлем их всех подальше, ведь правда пошлем?

— Так ребенок абсолютно нормален? — настойчиво допытывался Лен.

— Абсолютно. — Берри снова взялся за стетоскоп. Тут лицо его побелело.

— Что случилось? — сразу же спросил Лен. Взгляд доктора остекленел и сделался неподвижным.

— Вагитус утеринус, — пробормотал Берри. Он стащил с себя стетоскоп и уперся в него взглядом. — Конечно же нет — этого просто не может быть. Вот ведь какая неприятность: нам кажется, что мы нашим стетоскопчиком принимаем оттуда радиопередачу. Пойду возьму другой инструмент.

Лен с Мойрой обменялись взглядами. Взгляд Мойры был как-то уж чересчур вкрадчив.

Берри уверенно вошел с новым стетоскопом, приставил мембрану к Мойриному животу, прислушался на мгновение и вздрогнул всем телом, словно у него внутри лопнула какая-то ходовая пружина. Явно не в своей тарелке, он отошел от кресла. Нижняя челюсть доктора сделала несколько холостых движений вверх-вниз, прежде чем он смог заговорить.

— Извините, — наконец выговорил он и по кривой вышел из кабинета.

Лен схватил выроненный доктором инструмент.

Приглушенный, но ясный, будто колокольчик из-под воды, тоненький голосок выкрикивал:

— *Ты, почетный сфинктер костоправия! Ты, выжимка из прямой кишки! Ты, безмозглый хирург по деревьям! Ты, клизма, надутая через задницу!* — Пауза. — *А-а, это ты, Коннингтон? Отвали, придурок, я еще не закончил с доктором Катетером.*

Мойра, похожая на Будду с бомбой в животе, улыбалась.

— Ну как? — спросила она.

— Мы должны подумать, — снова и снова повторял Лен.

— Ты должен подумать. — Мойра расчесывала волосы, всякий раз резко дергая гребень. — С тех пор как все это началось, у меня было много времени для размышлений. Когда начинаешь думать...

Лен набросил свой галстук на резной деревянный ананас у края полки для обуви.

— Мойрочка, веди себя *разумно*.

Мойра фыркнула и на мгновение застыла. Затем склонила голову набок, явно прислушиваясь; новые манеры поведения жены начали действовать на Лена убийственно. Он вновь ощутил, как вдоль позвоночника скользнула очередная змея.

— Что еще? — резко спросил он.

— Лео говорит, чтобы мы вели себя потише — он думает.

Кулаки Лена судорожно сжались; его натянувшаяся рубашка отстрелила пуговицу.

— Послушай. Я хочу наконец выяснить. Ты ведь не слышишь его голоса. Как же...

— Сам прекрасно знаешь. Он читает мои мысли.

— Но это тоже не... — Лен глубоко вздохнул. — Ладно, не будем отвлекаться. Я только хочу узнать твои ощущения — тебе кажется, что ты слышишь голос, или просто знаешь, *что* он тебе говорит, или...

Мойра задумчиво отложила гребень.

— Это не похоже на голос.

— О Боже. — Лен рассеянно подобрал галстук и принялся завязывать его на голой груди. — Так он видит твоими глазами, знает твои мысли и может слышать, когда с тобой кто-то разговаривает?

— Конечно.

— Потрясающе! — Лен принялся расхаживать по спальне, не разбирая дороги. — А считается, Маколей был гением. Этот ребенок даже еще *не родился*. Трам-тарарам! Я же *слышал* его. Он крыл Берри на манер Монти Вулли.

— Два дня назад он заставил меня читать «Человека, который пришел к обеду».

Путем проб и ошибок Лен обогнул-таки маленький прикроватный столик.

— Кстати. Можешь ты что-нибудь сказать о его... личности? Я имею в виду, сознает ли он, что делает? — Он помедлил. — Ты вообще уверена, что он разумен?

— Предельно глупый... — Мойра запнулась. — Определи, что такое разумность, — неуверенно выговорила она.

— Ладно, я имею в виду... Ч-черт, откуда взялась эта веревка? — Лен сорвал галстук и швырнул его на абажур.

— А в своей разумности ты уверен?

— Хорошо-хорошо. Ты пошутила, я посмеялся — ха-ха. Я вот что пытаюсь у тебя спросить: замечала ли ты присутствие какой-либо созидательной мысли, организованной мысли — или он просто... интегрирует по контуру... по контуру из инстинктивных реакций? Ты не...

— Дай подумать. Заткнись на минутку... Я не знаю.

— Он бодрствует или спит и видит сны про нас, как Черный Король?

— *Не знаю.*

— А если так, то что будет, когда он проснется?

Мойра сняла халат, аккуратно его сложила и путем простых маневров устроилась между простынями.

— Давай спать.

Лен успел снять носок, прежде чем ему пришла в голову еще одна мысль.

— Он читает твои мысли. А мои? — ошарашенно пробормотал Лен.

— По-моему, на твои мысли ему просто наплевать.

Лен наполовину стащил другой носок и произнес изменившимся тоном:

— А по-моему, на что ему точно наплевать, так это на мою работу.

С предельной осторожностью двигая локтями, Лен забрался на кровать и занял место рядом с Мойрой.

— Ну что, порядок?

— Мм.. Угу. — Мойра резко приподнялась и возмущенно произнесла: — Ну уж, дудки!

Лен ошарашенно взглянул на нее в сумраке спальни.

— Что?

Она опять фыркнула.

— Лен, вставай. Быстрее, Лен!

Лен судорожно отбился от предательской простыни и выскочил из постели.

- Что еще?
- Тебе придется спать на кушетке. Простыни в нижнем...
- На кушетке? Ты спятила?
- Ничего не могу поделать, — слабым голосом произнесла Мойра.
- Но почему?
- Мы не можем спать в одной постели, — простонала она. — Лео говорит, что это — ох! — негигиенично!

Контракт Лена возобновлен не был. Пришлось подыскать место официанта в курортной гостинице — такая работа приносила больший доход, чем преподавание будущим гражданам основ трех важнейших наук, но радости доставляла значительно меньше. Лен честно отработал три дня, а затем полторы недели бездельничал, пока четыре года физики в университете не обеспечили ему место продавца в магазине электротоваров. Хозяином оказался радостно-агрессивный тип, заверявший Лена, что в радиотелевидении заложены громадные возможности, и твердо веривший, что плохая погода вызвана испытаниями атомных бомб.

Мойра, уже на восьмом месяце, каждый Божий день ходила в местную библиотеку и прикатывала домой кучу книг в детской коляске. Малыш Лео, судя по всему, продирался одновременно через биологию, астрофизику, френологию, химическую технологию, архитектуру, «Христианскую науку», психосоматическую медицину, морское право, дело-производство, йогу, кристаллографию, метафизику и современную литературу.

Его господство над жизнью Мойры сделалось полным, а эксперименты с диетой продолжились. Одну неделю она ела исключительно орехи и фрукты, вымытые в дистиллированной воде; всю следующую сидела на диете из говяжьего филе, зелени одуванчика и особого сорта минеральной воды.

К счастью, в разгар лета мало кто из персонала средней школы остался в городке. Однажды Лен встретил на

улице доктора Берри. Берри вздрогнул и стремительно пустился в противоположном от Лена направлении.

Дьявольское событие, которому суждено было произойти в их жизни, ожидалось где-то около 29-го июля. Лен выразительно вычеркивал каждый день в их настенном календаре жирным черным фломастером. Он догадывался, что стать отцом сверходаренного человека — задача, мягко говоря, нелегкая — ведь Лео, вне всякого сомнения, годам к пятнадцати станет мировым диктатором, если только его раньше не прикончат — но за то, чтобы выдворить Лео из его материнской крепости, Лен был готов заплатить любую цену.

Затем наступил день, когда Лен, придя домой, обнаружил Мойру за пишущей машинкой. Рядом лежала полудюймовая стопка рукописей. Мойра тихо всхлипывала.

— Ничего, Лен, я просто устала. Он взялся за это после ленча. Взгляни.

Лен перевернул стопку.

Дуромонья. Облаживая демиурга. Вот аскается сказка: Зраки нешмонны, гривляют и смотрят, сдирая уздечные, ломные паки. Обутый! Гробаем беднягу! Штяк, значит жиды мы. Еще сатинеры! Трусы и сами себя на выю оденут. Мыло ищи в середине дыры; соколы нам и орлами. Свежеванная до жива круглая шмать кошатины...

Первые три листа были целиком в таком духе. На четвертом Лен обнаружил превосходный петраркианский сонет, в пух и прах разносящий нынешнюю административную и партию, согласительным членом которой был Лен.

На пятом находился написанный от руки кириллический алфавит, проиллюстрированный геометрическими диаграммами. Лен отложил бумаги и неуверенно взглянул на Мойру.

— Нет, давай дальше, — сказала она. — Прочти остальное.

На шестом и седьмом содержались непристойные ли-
мерики, а дальше и до конца стопки шли первые главы
очень неплохого авантюрно-исторического романа.

Главными персонажами романа были Кир Великий, его
необъятногрудая дочь Лигея, о которой Лен прежде нико-
гда не слышал, и однорукий греко-мидийский авантюрист по
имени Ксанф; хватало там также и куртизанок, шпионов,
привидений, галерных рабов, оракулов, головорезов, про-
каженных, содержателей публичных домов и тяжеловоору-
женных всадников — просто невероятное изобилие.

— Лео уже решил, — заявила Мойра, — кем он хочет
стать, когда родится.

Лео отказался обременять себя мирскими деталями.
Когда объем рукописи достиг восьмидесяти страниц,
Мойра изобрела для нее название и подпись — «Дева
Персеполя», сочинение Леона Ленна — и отправила ее
почтой литературному агенту в Нью-Йорк. Последовав-
ший неделю спустя отклик литагента был осторожно-
восторженным и несколько подобоострастным. Он запро-
сил общий план оставшейся части романа.

За автора Мойра ответила, что это невозможно, стара-
ясь произвести впечатление нелюдимои и непостижимо-
артистичной натуры. К письму она приложила еще трид-
цать с чем-то страниц, которые тем временем произвел на
свет Лео.

Две недели от агента не было ни слуху, ни духу. А под ко-
нец этого срока Мойра получила потрясающий документ,
изысканно отпечатанный и оплетенный искусственной
кожей, содержащий тридцать две страницы, включая ука-
затель. Документ насчитывал в три раза больше пунктов,
чем договор об аренде.

Выяснилось, что это контракт на книгу. Вместе с ним
пришел чек от агента на девятьсот долларов.

Лен прислонил швабру к стене и осторожно выпря-
мился, чувствуя, как скрипит каждый сустав. И как жен-
щины умудряются заниматься домашней работой каж-

дый Божий день — семь дней в неделю — пятьдесят две поганные недели в год?

Жуткий треск печатной машинки вдруг прекратился, оставив слабое гудение в ушах. Лен приволокся в гостиную и рухнул мешком на подлокотник кресла. Одетая в цветастый халат Мойра, посверкивая капельками пота на лбу, закуривала сигарету.

— Как дела?

С усталым видом Мойра отключила машинку.

— Страница двести восемьдесят девятая. Ксанф убил Анаксандера.

— Так я и думал. А как насчет Ганеша и Зевксиаса?

— Не знаю. — Она нахмурилась. — Не могу понять. Знаешь, кто изнасиловал Мариам в саду?

— Нет, а кто?

— *Ганеш.*

— Шутишь.

— Не-а. — Она указала на стопку машинописного текста. — Убедись сам.

Лен не шевельнулся.

— Но ведь Ганеш выкупал сапфир в Лидии. Он не вернулся, пока...

— Знаю, знаю. Только его там не было. Там был Зевксиас с накладным носом и крашеной бородой. Все абсолютно логично — по мнению Лео. Зевксиас подслушал разговор Ганеша с тремя монголами — помнишь, Ганеш еще подумал, что кто-то стоит за портьерой, но тут раздался крик Лигеи — и когда они стояли, отвернувшись...

— Пусть так, но видит Бог, путаницы от этого не убавляется. Если Ганеш так и не побывал в Лидии, ему просто *делать нечего* с умопомрачающими доспехами Кира. И Зевксиасу тоже, потому что...

— Сама знаю. Кошмар какой-то. Чувствую, он собирается достать из шляпы еще одного кролика и все прояснить — но, убей Бог, не понимаю *как*.

Лен размышлял.

— Это выше моего понимания. Там должен был быть либо Ганеш, либо Зевксиас. Или Филомен. Но слушай —

если Зевксиас, будь он проклят, всю дорогу знал о сапфире, то это раз и навсегда исключает Филомена. Разве что... Н-нет, черт. Я забыл о той заварухе в храме. Уфф. Слушай, а как по-твоему, Лео вообще-то знает, что делает?

— Уверена. В последнее время я стала как-то разбираться в том, о чем он думает, даже когда он ко мне и не обращается, особенно когда он над чем-то ломает голову или чувствует себя неважно. Должно получиться нечто потрясающее — и он знает, что именно, но мне не скажет. Нам просто придется подождать.

— Догадываюсь. — Лен, кряхтя, встал. — Кофе?

— Да, пожалуйста.

Лен забрел на кухню, включил огонь под кофейником, окинул взглядом ожидающие его в раковине тарелки и потопал обратно. После того, как на него обрушился роман, Лео оставил свою опеку над Мойрой, и она опять баловалась кофе. Мелочь, а приятно...

Закрыв глаза, Мойра откинулась на спинку кресла; вид у нее был очень утомленный.

— Как там с деньгами? — не пошевелившись, спросила она.

— Погано. У нас в активе двадцать один бакс.

Она подняла голову и широко распахнула глаза.

— Лен, не может быть. Как можно так быстро спустить девятьсот долларов?

— Пишущая машинка. И диктофон, который так нужен был Лео, пока не прошло полчаса после покупки. Около пятидесяти мы потратили на себя. Рента. Бакалея. Так бывает, когда нет никаких новых доходов.

Мойра вздохнула.

— Мне казалось, хватит подольше.

— Мне тоже... Если он в ближайшие несколько дней не закончит свой шедевр, мне снова придется искать работу.

— Ах. Как скверно.

— Знаю, но...

— Ладно, если получится, прекрасно — а если нет... Теперь он, должно быть, уже совсем недалеко от концовки. — Она вдруг погасила сигарету и села, положив руки на клавиатуру. — Лео, похоже, опять наострился. Посмотри, как там кофе, ладно?

Лен нацедил две чашечки и принес их в гостиную. Мойра по-прежнему сидела перед пишущей машинкой с каким-то странным выражением на лице.

Затем каретка рванулась; машинка коротко протарахтела и дважды дернула вверх бумагу. Затем остановилась. Мойрины глаза вдруг стали большими и круглыми.

— Что случилось? — спросил Лен. Он подошел к ней и заглянул через плечо.

Последняя строчка гласила:

ПРОДОЛЖЕНИЕ В ДРУГОЙ РАЗ

Мойра сжала маленькие, беспомощные кулачки. Мгновение спустя она отключила машинку.

— Что такое? — недоверчиво поинтересовался Лен. — Продолжение... О чем идет речь?

— Лео говорит, что роман ему надоел, — пробормотала Мойра. — Концовку он знает — так что художественно вещь закончена; а что по этому поводу думают остальные, значения не имеет. — Она помолчала. — Но Лео считает, что истинная правда в другом.

— В чем?

— У него их две. Первая — он не хочет заканчивать книгу, пока не убедится, что обладает полным контролем над тем, куда уходят деньги.

— Что ж, — отозвался Лен, проглатывая комок злости, — тут определенно есть смысл. Это его книга. Если ему нужны гарантии...

— Ты еще не знаешь другой причины.

— Ладно, говори.

— Он хочет проучить нас, чтобы мы никогда не забывали, кто у нас в семье главный... Лен, я страшно устала.

— Давай еще раз все обдумаем; должен же быть какой-то выход... Он все еще говорит с тобой?

— Последние двадцать минут я ничего не чувствовала. По-моему, он спит.

Лен издал какой-то бессвязный возглас.

— Ну хорошо. Почему бы нам самим не написать последнюю главу — несколько страничек...

— Кому-кому?

— Ну, положим, мне это не по силам, но ведь ты уже немного писала — и получалось чертовски хорошо. Раз ты уверена, что все ключи к разгадке там есть... Или найдем профессионального писателя. Так частенько случается. Вот, последний роман Торна Смита...

— Брось.

— Пойми, роман продан. Если один писатель начал, другой может закончить.

— «Тайну Эдвина Друда» так никто и не закончил.

— Мойрочка, а ты не помнишь, когда нас стал беспокоить закон противоположностей?

— Мм?

— Закон противоположностей. Когда мы начали опасаться, что ребенок окажется мясником с головой интеллектуала?

— Ох!

Лен обернулся. Мойра стояла, положив одну руку на живот, а другую заложив за спину. Глаза у нее были как у гимнастки, которая решила поупражняться в низком поклоне, но сомневалась, что у нее получится.

— Что случилось? — спросил Лен.

— Болит в пояснице.

— Сильно?

— Нет...

— Живот тоже?

Она нахмурилась.

— Не будь идиотом. Я чувствую сжатие. Начинается...

— Сжа... но ведь ты сказала — в пояснице.

— А где, по-твоему, обычно начинаются родовые схватки?

Схватки продолжались с двадцатиминутными перерывами, а заказанное такси никак не прибывало. Мойра уже приготовилась. Лен старался подавать ей хороший пример, по мере сил сохраняя спокойствие. Он шагнул к настенному календарю, вскользь глянул в него и нарочито небрежно отвернулся.

— Я знаю, Лен — еще только пятнадцатое июля.

— А? Я ничего такого не говорил.

— Сядь — ты мне на нервы действуешь.

Лен пристроился на краешке стола, сложил руки — и тут же встал, чтобы выглянуть в окно. Возвращаясь на место, он бесцельно закружил вокруг стола, взял баночку чернил и потряс ее, проверяя, надежно ли завинчена крышка, затем споткнулся о мусорную корзину, подчеркнуто аккуратно поставил баночку на место и сел с видом «J'y suis, j'y reste»¹.

— Беспокоиться не о чем, — бодро заявил он. — Женщины испокон веков занимаются этой работой.

— Конечно.

— А зачем? — яростно спросил Лен.

Мойра хихикнула, затем вздрогнула и застонала.

Когда Мойра расслабилась, Лен сунул в рот сигарету и закурил ее всего с двух попыток.

— А как себя чувствует Лео?

— Не говорит. — Она сосредоточилась. — По-моему, он не совсем проснулся. Странно.

— Я рад, что дело близится к концу, — объявил Лен.

— Я тоже, но...

— Послушай, — сказал Лен, энергично направляясь к ее креслу, — ведь раньше у нас все шло чудесно, правда? Временами приходилось туговато, но... ты же знаешь.

— Знаю.

— Так вот, меня не волнует, какие у него там супер-мозги — пусть только родится — понимаешь, к чему я веду? Пока Лео все время одерживал над нами верх только потому, что он мог нас достать, а мы его — нет. Если

¹ Вот, отдыхаю... (фр.)

у него разум взрослого, он должен научиться вести себя соответственно. Все очень просто.

Мойра заколебалась.

— Но ты же не сможешь выпороть младенца.

— Нет, конечно, но есть множество других способов поставить его на место. Если он ведет себя хорошо, ему читают книжки. Вроде того.

— Верно, только... я тут вот о чем подумала. Помнишь, ты как-то сказал — предположим, он спит и видит сны... а что будет, когда он проснется?

— Ну да.

— Помнишь, мы читали — плод в матке получает кислорода в два раза меньше, чем новорожденный?

Лен озадаченно нахмурился.

— Забыл. Ну что ж, еще один талант Лео.

— Должно быть, он использует кислород более эффективно... И если так, то что произойдет, когда он получит его вдвое больше?

Мойру, помимо других унижений, вымыли, выбрили и продезинфицировали — и теперь она могла видеть свое отражение в рефлекторе над большим родильным столом — образ яркий и чистый, как и все здесь — но слишком уж лучистый и плывущий, похожий на статую Ситы. Она понятия не имела, сколько там лежала — вероятно, из-за скополамина — но уже начала страшно уставать.

— Тужься, — ласково сказал врач, и прежде чем Мойра смогла ответить, боль нахлынула на нее, будто завывания сотен скрипок, и ей пришлось втянуть в себя звонкую прохладу веселящего газа. Когда маску отняли, Мойра выговорила:

— Я и так тужусь, — но врач уже ушел куда-то к другому концу ее тела и не слушал.

Во всяком случае, у нее оставался Лео.

— *Как ты себя чувствуешь?*

Ответ был путаным — из-за анестезии? — но Мойра и так отчетливо ощущала: темнота и давление, раздражение,

закипающая сатанинская ярость... и что-то еще. Неуверенность? Опасение?

— Еще разок-другой — и порядок. Тужься.

Страх. Теперь точно. И отчаянная решимость.

— Доктор, он не хочет выходить!

— Бывает. Это кажется. Тужься покрепче, как можешь.

«Пусть он прекратит мутттттт слишком опассссс прекратит мне плохххх прекратить я говорррр стоп».

— Что, Лео, что?

— Тужься.

Едва слышно, как из-под толщи воды: *«Быстрее ненавижу скажи ему... герметичный инкубатор... одна десятая кислород девять десятых инертный газ... Скорее».*

Боль и давление — все исчезло в одно мгновение.

Лео родился.

Врач держал его за пяточки — красного, окровавленного, пятнистого, волочащего за собой мягкую комковатую змею. Голос еще доносился — едва слышно — совсем издалека: *«Слишком поздно. Все равно что смерть».* Затем с примесью бывшего холодного высокомерия: *«Теперь вы никогда не узнаете... кто убил Кира».*

Врач ловко шлепнул его по крохотным ягодицам. Сморщенное злорадное личико, рот, будто в судороге, распахнулся; но наружу вырвался рассерженный визг обычного ребенка. Подобно свету, погасшему где-то под безбрежным океаном, Лео ушел.

Мойра с трудом подняла голову.

— Дайте ему разок за меня, — попросила она.

НАОБУМ

Все о нем знали; все хотели помочь Росси, путешественнику во времени. Они сбежались со всего алого пляжа, нагие и золотистые, как дети, заливаясь радостным смехом.

— Предание не лжет! — кричали они. — Он здесь — как и говорили наши предки!

— Какой это год? — спросил Росси, нелепо и одиноко стоявший в рубашке без пиджака под солнечным светом — вокруг ни громадных машин, ни прочих приспособлений — ничего, кроме его собственного долговязого тела.

— Три тысячи пятьсот двадцать шестой, миста Росси! — хором прокричали они.

— Спасибо. До свидания.

— До свидания!

Щелк. Щелк. Щелк. Так проскакивали дни. *Брякэтоб-рякэтоб-ряк* — недели, месяцы, годы. *Вжжжжжж...* Столетия, тысячелетия летели мимо, будто мокрый снег на ветру.

Теперь пляж замерз, и люди до подбородков были затянуты в жесткие черные одеяния. Двигаясь неловко, словно целиком составленные из палок, они развернули громадный транспарант: «К САЖАЛЕНИЮ МЫ НЕ ГАВАРИТЬ ТВОЙ ЕЗЫК. ЭТА ГОТ 5199 ТВАЕГО КАЛИНДАРЯ. ПРЕВЕТ МИСТИР РОСИ».

Все они поклонились будто марионетки — и мистер Росси поклонился в ответ. *Щелк. Щелк. Брякэтобрякэ-тоВЖЖЖЖЖ...*

Пляж исчез. Росси оказался под сводом высотой до неба — внутри необъятного здания вроде Эмпайр-Стейт-Билдинг, превращенного в один зал. Два плывущих в воздухе яйца подлетели к Росси и проворно завертелись рядом, разглядывая его вываренными глазами. За ними высилась наклонная неоновая плита с горевшими на ней диаграммами и символами, ни один из которых ему не удалось узнать, прежде чем *щелк-ВЖЖЖЖЖ...*

На сей раз перед ним лежала влажная каменная равнина, а за ней — соленые болота. Росси не особенно заинтересовался пейзажем и провел время, разглядывая пометки, нацарапанные им в записной книжке. 1956, 1958, 1965 — и так далее — интервалы остановились все длиннее, кривая поднималась все круче, пока не пошла почти вертикально вверх. Эх, если б он лучше учил в школе математику... *щелкВЖЖЖЖ...*

Теперь перед ним лежала ночная белая пустыня, зверски холодная — там, где должны были выситься небоскребы Манхэттена. Что-то удручающе тощее прохлопало крыльями в небе и — *щелкВЖЖЖЖ...*

Чернота и туман — все, что он смог... *екВЖЖЖЖ...*

Теперь светлые и темные вспышки на сером фоне то редели, то учащались, мигая все быстрее и быстрее — пока Росси не стало казаться, что он смотрит на голый скачущий ландшафт как сквозь намыленные очки — континенты сжимались и расширялись, ледники скользили вверх-вниз, планета погружалась в свою холодную смерть — а Росси в одиночестве все стоял и наблюдал — застывший и изможденный, с тоскливым, осуждающим блеском в глазах.

Полное имя его было Альберт Юстас Росси. Родом из Сиэтла, костлявый отчаянный юноша с поэтическим челом и диким глазами типа «атас». За двенадцать лет учебы в школе он научился лишь получать проходные баллы;

не обладая никакими талантами, он без конца о чем-то мечтал.

А в Нью-Йорк он приехал потому, что предчувствовал: с ним может случиться нечто удивительное.

На каждой должности Росси проводил в среднем месяца по два. Работал поваром по мелким заказам (яйца у него получались сальными, а гамбургеры подгоревшими), помощником печатника в офсетной мастерской, набивал цены в аукционной галерее. Три недели Росси провел в качестве критика у литературного агента — писал письма за подписью своего хозяина, объясняя злополучным клиентам, что их рассказы смердят. Некоторое время он писал плохие стихи, с надеждой рассылая их в лучшие журналы, но очень скоро пришел к выводу, что литературная мафия действительно сильна.

Росси ни с кем не сдружился. Люди, попадавшие на его жизненном пути, похоже, не интересовались ничем, кроме бейсбола, немыслимо скучных служебных дел и заколачивания денег. Натянув хлопчатобумажные штаны и цветастую футболку, он попробовал поболтаться в Вилледже, но обнаружил, что никто его не замечает.

Росси ошибся столетием. Ему нужна была вила в Афинах; или какой-нибудь остров, где аборигены доверчивы и дружелюбны, а над голубым горизонтом никогда не поднималось ни одной мачты; или просторные стерильные апартаменты в какой-нибудь подземной Утопии будущего.

Росси покупал исключительно научно-фантастические журналы и демонстративно читал их в кафетериях. Затем приносил журналы домой, делал выразительные пометки большим синим, красным и зеленым карандашами, и складывал их стопками под кроватью.

Мысль о создании машины времени долго вызревала у него в голове. Иногда по утрам, направляясь на работу и поднимая взгляд на голубую, испещренную пятнышками облаков беспредельность неба — или разглядывая переплетение линий и завитков на уникальных кончиках собственных пальцев — или пытаясь заглянуть в неисследо-

ванные глубины кирпича в стене — или просто лежа ночью в своей постели и перебирая все озадачивающие виды, звуки и запахи, вихрем промчавшиеся мимо за двадцать с лишним лет его жизни, Росси говорил себе: «А почему бы и нет?»

Почему бы и нет? Как-то ему попался подержанный экземпляр «Опыта со временем» Дж.У.Данна, и Росси на неделю лишился сна. Он скопировал оттуда схемы и приклеил их липкой лентой к стене; каждое утро по пробуждении он записывал свои потрясающие сны. Данн утверждал, что существовало время вне времени, в котором отсчитывалось время; а также время вне того времени, в котором отсчитывалось время, в котором также отсчитывалось время; и время вне того времени... Почему бы и нет?

Прочитанная в парикмахерской статья об Эйнштейне воодушевила его; Росси отправился в библиотеку и прочел в энциклопедии статьи на предмет относительности и пространства-времени; яростно морща лоб, снова и снова возвращаясь назад, к параграфам, которые так и не понял, он упрямо продолжал набивать себя информацией, при этом, чувствуя приближение какого-то порога.

Что одному казалось временем, другому могло показаться пространством, утверждал Эйнштейн. Чем быстрее часы двигались, тем медленнее они шли. Замечательно, превосходно. Почему бы и нет? Но разгадку Росси подсказал не Эйнштейн, не Минковский и не Вель — а астроном по фамилии Милн.

Время можно рассматривать двояко, утверждал Милн. Если вы измерили время с помощью движущихся предметов — вроде часовых стрелок или вращающейся вокруг собственной оси и вокруг Солнца Земли — это один его вид, который Милн назвал динамическим временем и обозначил как «[tau]». Но если вы измерили время с помощью процессов, происходящих на атомарном уровне — вроде радиоактивности или светового излучения — это совсем другое; Милн назвал его кинема-

тическим временем, или « t ». А формула, связывавшая два вида времени, показывала, что от того, какой вид использован, зависел ответ на вопрос, имела ли вселенная начало и должна ли она иметь конец — «да» для времени $[\tau]$ и «нет» для времени t .

Затем все для Росси сложилось воедино: Данн, утверждающий, что совсем не обязательно мчаться по временной линии подобно скорому поезду — достаточно просто представить себе — так и происходит во сне — и со временем можно научиться видеть пророческие сны. И Эддингтон, заявлявший: все великие законы физики, какие нам удалось открыть, представляют собой нечто вроде паутины — и меж ее нитями достаточно места для проявления невообразимой сложности вещей.

Росси мгновенно поверил в это; ведь всю свою жизнь он сознавал, хотя и безотчетно, что данная реальность — еще далеко не все. Чеки под оплату, грязные подоконники, прогорклый жир, гвозди в ботинках — как это могло составлять всю реальность?

Главное — как посмотреть. Именно так говорили все ученые — Эйнштейн, Эддингтон, Милн, Данн — все в один голос. Остальное зависит от силы желания и удачи. Росси всегда со смутной обидой чувствовал, что прошли те времена, когда можно что-то открыть, глядя на кипящий чайник или уронив какую-нибудь дрянь на горячую печь; но здесь, как ни удивительно, обнаружилась еще одна дорога к славе — дорога, которую все просмотрели.

Между кончиком пальца Росси и краем заляпанной клеенчатой скатерти, что уродливо покрывала уродливый стол, кратчайшим расстоянием являлась прямая линия, содержащая бесконечное множество точек. Собственное тело Росси, насколько он знал, по большей части составляло пустое пространство. А в призрачных сферах атома, используя время t , можно было описать стремительное движение электрона, или же его местонахождение — но никогда и то, и другое одновременно; нельзя решить окончательно, является

он волной или частицей и даже существует ли он вообще — он представлялся лишь тенью собственного отражения.

Почему бы и нет?

Стояло лето, и город задыхался от духоты. У Росси оказалось две свободных недели, но деться ему было некуда; улицы опустели за счет уехавших на отдых в Колорадо; нанимателей горных хижин, пассажиров заказных рейсов в Ирландию, канадские Скалистые горы, Данию, Новую Шотландию. Весь день душные подземки медленно выталкивали на Кони-Айленд, Фар-Рокэвей и обратно потоки натруженной плоти, хорошо просоленной, проявленной, оглушенной до какой-то рыбьей апатии.

Остров теперь застыл — гладкий и пышущий паром, будто камбала на сковородке — все окна были раскрыты в тщетном расчете на легкое дуновение ветерка — кругом царило безмолвие, словно город накрыли гигантским стаканом. Обмякшие тела разлагались в темных комнатах, будто трапеза каннибала — бессонные и неподвижные, ожидающие щелчка Времени.

Росси голодал уже сутки, помня о впечатляющих результатах на этой почве, приписываемых йогам, раннехристианским святым и истинным американцам; он ничего не пил, за исключением стакана воды утром и еще одного в пылающий полдень. Простаивая в плотном полумраке комнаты, Росси ощущал океан Времени, тяжелый и инертный, простирающийся в вечность. Галактики висели там, будто морские водоросли, а внизу, до невообразимой глубины, дно устлало трупы. (Шепот раковины: я здесь.)

Вот оно — временное и вечное, *t* и *тау* — все, что было, и все, что будет. Электрон, пляшущий на своей воображаемой орбите, краткий взлет мухи-однодневки, глубокая дрема секвойи, расхождение материков, одинокое плавание звезд; все нейтрализовывалось относительно друг друга — и результатом оказывалась неподвижность.

От истинности секвойи муха-однодневка не становилась ложной. Если человек мог осознать хоть какие-то фрагменты этой общности, почувствовать ее, поверить в нее — тогда другое отношение времени тау к времени t...

Росси мелом вычертил на полу схему — вовсе не магическую фигуру, а первое, что пришло в голову — разделенный на четыре равные части круг из опыта Майкельсона. По окружности он начертал формулы: « $e = mc^2$ », « Z^2/n^2 », « $M = M_0 + 3K + 2V$ ». А сверху, закрывая единственную лампочку, приколол листок бумаги с бессмысленными для постороннего взгляда виршами:

t, [tau], t, [tau], t, [tau], t

c/R[sqrt]3

Картезианские координаты x,y,z

-c^2t^2=me

В голове у Росси, гипнотически повторяясь, сидело: t тау, t тау, t тау t...

Пока он стоял там, линии на бумаге стали ритмически расплываться и разбухать. Росси чувствовал тяжелое и мерное дыхание. Это дышала вселенная, вся — от самого атома до самой дальней звезды.

«C», деленное на «R», умноженное на квадратный корень из трех...

У него было странное бредовое ощущение, будто он стоял снаружи — будто он мог потянуться внутрь и каким-то образом толкнуть себя или повернуть — впрочем, нет, не так... Но что-то происходило; Росси ощущал это — с ужасом и восторгом.

Минус «с» в квадрате, умноженное на «t» в квадрате, равняется...

Невыносимое напряжение охватило Росси. А в дальнем углу комнаты, у лампочки, захрустела и вспыхнула бумага. Последнее, что увидел Росси, до первого «щелк», стал дневной свет, меж тем как комната начала заполняться влажным пеплом и головешками — кто-то двигался в ней, слишком быстрый по отношению к «щелк». Щелк. Щелк. Щелк, щелк, брякэто-брякэто...

И вот, пожалуйста! Самое невероятное заключалось в том, что правдоподобное действительно оказалось правдой: экстатическим волевым усилием Росси перевел себя на другую временную скорость, другое отношение t к $[\tau]$ — изменяемое отношение, подобное громадному хороводу, который кружился, останавливался и снова кружился.

Росси попал туда — как же он теперь собирался выбраться?

И — самый жуткий вопрос — где происходил этот хоровод? Кружился ли на пути к угасанию и холодной смерти — на пути туда, где кончалась вселенная — или все шло по кругу, чтобы дать Росси еще один шанс?

Неясное пятно внезапно взорвалось белым светом. Остолбеневший, но невредимый внутри своей передвижной аномалии, Росси наблюдал, как охлаждается пылающая земля, видел, как покрываются зеленью возникающие материки, видел калейдоскопическую смену ураганного ливня и буйства вулканов, неистовое оледенение, цунами, землетрясение, огонь!

Затем он оказался в лесу и наблюдал, как смыкаются ветви за невиданным исполинским зверем.

Он оказался на поляне и увидел, как мужчина в набедренной повязке убил топором другого меднокожего мужчину.

Он оказался в комнате с бревенчатыми стенами и увидел, как мужчина в широком ошейнике вскочил, опрокинув стол с глиняной посудой; глаза у мужчины полезли на лоб.

Он оказался в церкви, и старик за кафедрой швырнул в него книгой.

Снова церковь, под вечер — две одинокие женщины заметили его и завизжали.

Он оказался в узкой голой комнате. Воняло дегтем. Снаружи бешено залаяла собака. Дверь отворилась, и в комнату сунулась озверелая физиономия с бакенбардами; за ней влетела рука, швырнула пылающую палку, и пламя охватило все вокруг...

Он оказался на просторной зеленой лужайке, рядом с маленьким мальчиком, гонявшимся за белой уткой.

— Доброе утро, сэр! Помогите поймать эту противную...

Он оказался в небольшом павильончике. Сидевший за столом седобородый мужчина повернулся к нему, выхватывая серебряный крест, и яростно зашептал сидевшему рядом молодому человеку: «Я же тебе говорил!» Весь дрожа, он указал на крест и обратился к Росси:

— Ну, скорее! Будет ли Нью-Йорк и дальше расти?

Росси проявил беспечность.

— Разумеется. Он станет самым большим городом...

Павильончик исчез; Росси очутился в маленьком благоухоющем гнездышке; за ограждением простиралась длинная комната. Дремавший у огня рыжеволосый юнец выпрямился, вздрогнул. Затем нервно сглотнул и спросил:

— Кто... кто победит на выборах?

— На каких выборах? — не понял Росси. — Я не...

— Кто победит? — Побледневший юнец подошел к нему вплотную. — Гувер или Рузвельт? Кто?

— Ах, на этих выборах. Рузвельт.

— Уф, будет ли в нашей стране...

Та же комната. Звенел звонок; белый свет резал Росси глаза. Звонок умолк. Усиленный динамиком голос задал вопрос:

— Когда капитулирует Германия?

— Гм, в 1945-м, — шурясь, ответил Росси. — В мае 1945-го. Послушайте, как там вас...

— Когда капитулирует Япония?

— В том же году. В сентябре. Послушайте, как вас там...

В ослепительном свете возник взъерошенный мужчина, который, моргая, застегивал халат на своем разбухшем

брюхе. Он разглядывал Росси, а механический голос тем временем говорил у него за спиной.

— Пожалуйста, назовите крупнейшую новую промышленную отрасль за последние десять лет.

— Гм, полагаю, телевидение. Послушайте, вы, там — вы не могли бы...

Та же комната, звонит тот же звонок. Все идет не так, с раздражением понял Росси. Тысяча девятьсот тридцать второй, 1944(?) — следующий во всяком случае должен оказаться ближе. Скорее всего, там окажется доходный квартал с меблированными комнатами — в том числе и с его комнатой, а вот...

— ...выборах, Стивенсон или Эйзенхауэр?

— Стивенсон. В смысле, Эйзенхауэр. Ну, вот что — может, наконец, хоть кто-нибудь...

— Когда прекратятся военные действия в Корее?

— В прошлом году. В следующем году. Вы мне голову заморочили. Выключите эту треклятую...

— Где и когда в следующий раз будут использованы атомные бомбы с целью...

— Послушайте! — завопил Росси. — Я сейчас с ума сойду! Если хотите, чтобы я отвечал на вопросы, дайте и мне кое о чем спросить! Помогите мне немного! Дайте мне...

— Какое место в Соединенных Штатах будет наиболее безопасным, когда...

— Эйнштейн! — завопил Росси.

Но седой человечек с собачьими глазами ничем не смог ему помочь; не смог и другой, лысый и усатый, оказавшийся там в следующий раз. Стены теперь опоясывал замысловатый узор из серебристого металла. Голос начал задавать вопросы, ответить на которые Росси не мог.

Когда это произошло во второй раз, послышался «пуфф», и сильная вонь тухлятины ударила в нос. Росси поперхнулся.

— Прекратите!

— Отвечай! — проорал голос. — Что означают те сигналы из космоса?

— Я не знаю! — Пуфф. Яростно: — Но здесь уже нет никакого Нью-Йорка! Он пропал — ничего не осталось, кроме...

Пуфф!

Затем он стоял, окруженный широким озером вулканического стекла — как и в самом начале.

Затем снова джунгли, и Росси автоматически произнес:

— Моя фамилия Росси. В каком году... — Но на самом деле это были уже не джунгли. Сплошные вырубки, а вместо веранд со стеклянным верхом меж деревьями виднелись ровные ряды бетонных домов, похожих на громадные надолбы.

Затем появилась саванна, и там тоже все изменилось: вырисовывались заостренные безобразные черты города, уходящего в небо на добрых полмили. А где же кочевники, где всадники?

И дальше...

Пляж: но он уже был грязно-серый, а не алый. На фоне блеска, вглядываясь в море, ссутулилась одинокая темная фигура; люди с золотистой кожей пропали.

Росси совсем растерялся. Что же приключилось с Нью-Йорком — а вероятно, и со всем остальным миром? Вероятно, в судьбе старого мира не последнюю роль сыграли ответы самого Росси. Похоже, каким-то образом спаслась часть старой — подлой и суетливой — цивилизации, и ей удалось продлить свое существование достаточно надолго — чтобы погубить все новое и свежее, что должно было прийти ей на смену.

На холодном пляже его уже не ждали люди, с вихлявшимися, как палки, конечностями.

Росси затаил дыхание. Он снова оказался в необъятном здании, та же наклонная плита излучала свет, те же плавающие яйца тарасили глаза. Они не изменились — и

никакие его действия не могли их изменить. Росси понял, это здание не было творением человеческих рук.

Но затем появилась белая пустыня, а после нее туман. Картинки, которые Росси выхватывал из ночи, стали сливаться, мельтешить, быстрее и быстрее...

Вот и все. Не осталось ничего, кроме головокружительного верчения к концу-и-началу — а затем колесо замедлилось — и он снова пришел в себя.

Росси начал закипать. Это почище мытья тарелок — его постоянного кошмара, самой паскудной работы на свете. Он болтался, будто драная тряпка на лице у времени, пока появлявшиеся и исчезающие люди донимали его вопросами — вещь, инструмент, захватанный-залапанный справочник.

Росси поднажал — в голове медленно нарастало напряжение — но ничего не случилось. Он чувствовал себя малышом, забытым на карусели, букашкой, попавшейся в ловушку между рам, мотыльком, что кружит у лампы...

Наконец до Росси дошло, в чем заключалась его беда. Требовалось сильное желание — то предельное духовное сосредоточение, что являлось единственной движущей силой; а все остальное — голодание, покой, рифмы — служило лишь каналом и направляющей.

Ему придется сойти только в одном-единственном месте на всей бесконечной кривой времени — там, где он действительно хотел бы остаться. А местом этим, понял Росси без тени удивления, был алый пляж.

Которого больше не существует — нигде во всей вселенной.

Пока Росси висел, держась за эту мысль как за ниточку, мелькание задержалось на доисторических джунглях — на поляне с меднокожим мертвецом — на пустой бревенчатой комнате — на церкви, тоже пустой.

И на пылающей комнате — огонь пожирал ее так неистово, что волосы на руках у Росси задымились и стали скручиваться.

И на прохладной лужайке, где маленький мальчик стоял, разинув рот.

И на павильончике — седобородый и молодой склонились друг к другу, будто пораженные молнией деревья, губы их посинели.

Вот в чем была беда: на первом круге они поверили ему, и, действуя в соответствии с его словами, изменили мир.

Теперь оставалось одно — разрушить эту веру, дурачить их, молоть чепуху, подобно призраку, вызванному на спиритическом сеансе!

— Значит, ты советуешь мне вложить все в землю, — спросил седобородый, сжимая распятие, — и ждать повышения?

— Конечно! — тут же подтвердил коварный Росси. — Нью-Йорк станет самым большим городом... во всем штате Мэн.

Павильончик исчез. Росси с удовлетворением отметил, что пришедшая на смену комната была запущенной, просторной, с высокими потолками, и явно предвляла появление в 1955-м году его собственной облюбованной тараканами комнатенки. Длинная, обшитая панелями комната с дремлющим у очага юнцом исчезла, испарилась как «бывшее-в-возможности».

Когда беременная женщина с трудом потянулась из кресла-качалки, чтобы получше его разглядеть, Росси уже знал, что ему делать.

Он приложил палец к губам.

— Потерянный подсвечник лежит в погребке под лестницей! — прошипел он и исчез.

Комната несколько постарела и стала еще более запущенной. Добавилась новая перегородка, которая довела ее размеры до знакомых Росси; появилась кровать и старый оловянный тазик в углу. На кровати, раскинувшись, лежала пухлая молодая женщина, раскрыв рот и оглушительно всхрапывая; Росси почувствовал неловкость, смешанную с отвращением, отвернулся и стал ждать.

Та же комната — почти совсем как у него; толстомясый небритый мужчина курил, сидя в кресле и опустив

ноги в тазик с водой. Трубка выпала из его разинутого рта.

— Я — фамильное привидение, — заявил Росси. — Остерегайтесь, ибо маленький человек с длинным ножом преследует вас по пятам. — Он сощурился и показал клыки; поспешно вскочивший мужчина наступил на край тазика и полкомнаты пропахал носом вперед, пока не обрел равновесия и вихрем не метнулся к двери, вопя во весь голос. Он пулей вылетел из комнаты, оставив за собой жирные влажные следы и гробовую тишину.

Ну вот; наконец-то... Была ночь, и вокруг Росси все прилиvalo и прилиvalo застойное тепло города. Он стоял в центре комнаты меж меловых отметок, сделанных им сотню миллиардов лет назад. Лампочка без абажура все еще горела; вокруг нее первые язычки пламени лизали краешек стола, готовя на пластиковой столешнице комковатые шипящие пузыри.

Росси — судовой грузчик; Росси — лифтер; Росси — мойщик тарелок.

Он все это пропустил. Комната калейдоскопически меняла цвет от коричневого до зеленого; молодой человек, склонившийся над тазиком, наливал в стакан какую-то янтарную жидкость, булькая и позвякивая стеклом.

— Ку-ку! — хлопнув в ладоши, гаркнул Росси.

Молодой человек судорожно вскочил, а в воздухе на мгновение повисла длинная дуга коричневых капелек. Дверь с грохотом захлопнулась, и Росси остался в одиночестве, наблюдая, как стакан катится по полу, считая мгновения, пока...

Стены снова стали коричневыми; висевший на противоположной стене календарь отмечал 1965-й год — еще точнее, май 1965-го. Похожий на паука старик, сидевший на краешке кровати, нацеплял дужки очков на заросшие гребни ушей.

— Ты реален, — торжественно произнес он.

— Ничего подобного, — возмущенно возразил Росси. Потом добавил: — Редиски. Лимоны. Виноградины. Мура-а-а!

— Тебе от меня не отделаться, — сказал старик. Вид у него был крайне неважный — землистого цвета лицо с запавшими, как у птицы, висками, рот вроде пианино с выпавшими клавишами — зато похожие на устриц глаза так и посверкивали. — Я как только тебя увидел, сразу понял — ты Росси — тот, что исчез. Если ты такое можешь, — зубы его щелкнули, — то наверняка знаешь... и должен мне сказать. Эти корабли, которые приземлились на Луне — что они там строят? Что им нужно?

— Не знаю. Ничего.

— Пожалуйста, — вкрадчиво попросил старик. — Не будь так жесток. Я пытался предостеречь людей, но они забыли, кто я такой. Если ты знаешь, можешь мне сказать...

Росси подумал о всплеске пламени, о катастрофе, в которой громадный город сгорит точно крыло мотылька, пролетевшего над свечкой. Но в конце концов, вспомнив о подлинной реальности, Росси заявил:

— Фикция. Ты сам меня выдумал. Я тебе снюсь.

А затем, когда напряжение сконцентрировалось, вновь возникло озеро вулканического стекла.

И джунгли — все именно так, как и должно быть — и смуглые люди, возглашавшие:

— Здравствуйте, мистер Росси, еще раз здравствуйте, здравствуйте...

И саванна — и подгоняемые ветром черноволосые — и сверкание зубов:

— Здрассе, миссер Росси!

И пляж.

Алый пляж, полный золотистых смеющихся людей.

— Миста Росси, миста Росси! — Преддверие рая под ясным небом — а дальше, за бурунами, чистые, берущие за душу отблески солнца в море; и напряжение от страстной жажды освобождения (стоп), и не нужны уже никакие символы (стоп), квинтэссенция «хочу» за все время жизни... желание, бьющее струей — ведомое по каналу — вышло.

И вот он стоит там, где страстно желал оказаться, с тем же умиленным выражением на лице, навечно пойманный в начале слова «привет» — Росси, первый человек, путешествовавший во Времени, первый человек, пришедший к Остановке.

Не стоит смеяться над ним — не стоит его и оплакивать. Росси родился чужаком; подобных ему тысячи — тысячи неучтенных песчинок на шестеренках истории, растяп, лишних людей, пригодных для какого-то другого мира, открыть который им так и не удалось. Им не нашлось места в утопиях с кондиционерами; они были бы плохими рабами и еще худшими хозяевами в Афинах. А что касается тропических островов — Маркизских в 1800-м году или Манхэттена в 3256-м — то разве смог бы Росси проплыть милю, нырнуть на шесть саженей, забраться на сорокафутовую пальму? Если бы он вышел живым на тот алый берег, разве стали бы его терпеть молодые люди в каноэ или девушки в беседках? Но вот он стоит теперь, твердокаменно-бессмертный, символ того удивительного, что с ним приключилось. Наивные золотистые люди навещают его каждый день — если только не забывают. Они украшают его твердокаменную плоть гирляндами и кладут к его ногам небольшие приношения; когда же он насылает дождь, его колотят.

А ПРОШЛЫМ НЕ ЖИВИ

1

У Бернара Франсуа Пия Фу-Цзе Варгаса было ясное и устойчивое ощущение, что таких дней в природе просто не должно существовать. Для начала четверо кузенов его жены с Каллисто навалились на него в те злополучные десять часов утра (они были толсты до безобразия и требовали спецпайка); к тому же вчера вечером за обедом у верховного комиссара Варгас был посажен ниже второго помощника министра финансов — явное пренебрежение; и в довершение всех зол на пути в канцелярию энергетический луч дважды срывался — один раз над Санциско и еще раз над Калифорнийской площадкой переработки отходов; не говоря уже о том, что у Варгаса жутко раскалывалась голова.

Варгас был моложавым мужчиной с крупными, багровыми чертами лица, в данный момент угрюмо нахмуренного. Он сгорбился над своим рабочим столом и уныло записывал листки металлической пленки в автоматический письмооткрыватель.

Внезапно свет с потолка потускнел и что-то в темпе пулеметной очереди трижды треснуло Варгаса по крестцу, отчего весь его позвоночник отозвался гудением. Варгас упал головой в цветочный горшок. Свет вспыхнул снова, и Варгас получил четвертый удар, куда со-

лидней трех предыдущих, переместивший его голову со стола на толстый термоковёр.

Варгас медленно поднялся, теряя дар речи от ярости. Как раз в этот момент в комнату решил ворваться его помощник, Кнут Эверетт Року Ласаль Чунг. Запнувшись за священный приступок у двери, он отчаянно зашатался и, потеряв равновесие, налетел на варгасовский тотемный столб, спасая себя тем, что намертво ухватился за белое шелковое знамя с именами и почестями двухсот пятидесяти девяти наиболее выдающихся предков Варгаса.

Эффектно повиснув на знамени, Чунг проблеял:

— Ше-еф! Трубопроводы вышли из строя!

Лицо Варгаса, только что пылавшее, пошло пятнами.

— Что, все трубопроводы? — прошептал он.

— Все, — подтвердил Чунг. — Только что произошла авария. Землетрясение. Трубы растрескались как... как соломинки.

Варгас с трудом встал на ноги и схватил своего помощника за складку мантии цвета подсолнуха.

— Стоп-кран включили? — спросил он.

— Да, но с опозданием.

— Сколько прошло времени до устранения утечки?

— Примерно две секунды, шеф. Может, немножко побольше. Я не стал задерживаться, чтобы снять показания счетчика...

— Не смей перебивать! — сдавленно выкрикнул Варгас. Он крепче схватил Чунга и, зверски выпучив глаза, спросил: — *А что шло по трубам?*

— Фланги, — еле слышно выговорил помощник. — Шалтайболтай. Свертывающийся пол. Паста арго. Роззеры. И... и...

Варгас шумно пыхтел, пока наконец на мгновение не затаил дыхание.

— Ну?! — пользуясь паузой, рывкнул Варгас.

— И мангелы, — с ужасом сказал Чунг. — Три трубки мангелов.

Варгас повалился на пол и, спрятав лицо в ладони, в благоговейном ужасе воззрился на Чунга.

— О нет, великий Бладжетт, нет!

— Да.

— Мангелы!

В соседних кабинетах нарастал бедлам: топот бегущих ног, возгласы, растерянные вопли.

— Мы будем отлучены, — простонал Варгас. — Наши тотемы перевернут вверх ногами.

В дверях появился цветущий мужчина с багровой физиономией. Выражение его лица приятностью не отличалось. Варгас с трудом встал на ноги; они с Чунгом застыли, напряженно вникая.

— Две целых и пять седьмых секунды, — заметил краснотлицый. — Не слишком хорошая реакция для тренированных наблюдателей, не так ли? Может быть, слишком много рейнского пива на ночь? Или кассеты... стишки? А?.. Или там слегка вздремнули? Или они... — Тут он остановился, вздрогнув, и взглянул на металлический бублик, прикрепленный к его правому запястью над кружевным рукавом. Тоненький голосок зазвенел откуда-то издалека; из всей речи Варгас сумел разобрать только «осел» и «кретин».

— Есть, сэр, — откликнулся краснотлицый, которого, кстати говоря, звали не иначе как Уоллес Гиацинт Мануэль Чيانг Льюэллин. — Включи трехмерку! — рявкнул он Варгасу.

Варгас послушно проковылял к столу. Пятифутовый диск, стоявший на низкой подставке справа, слабо зажегся, заискрил, а затем выплюнул вертикальную цветовую полосу. Вскоре изображение стабилизировалось и оказалось более чем убедительной трехмерной копией тучного мужчины с носом картошкой и длинными седыми волосами.

— Увеличьте ваше изображение! — потребовал он.

Трясущимися пальцами Варгас подрегулировал ручки управления. Тучный мужчина нахмурился и заговорил:

— Так получилось, что я, депутат Джон Ши Брайтфизер Уилсон Вудкок, оказался председателем комиссии по расследованию обстоятельств катастрофы в Сан-Хоаки-

не, образованной на чрезвычайной сессии пять минут тому назад. Итак, передо мной находятся разгильдяи, допустившие на рабочем месте утечку материала? Собрать всех остальных. Мы доберемся до самой подноготной.

Глава исполнительной власти, его честь Ибрагим Л.Банду Эрикссон Дикки хмурился, как и подобает ответственному лицу.

— Теперь объясните мне все толком, — сказал он. — Товары помещаются в один конец трубки, а там они преобразуются в нечто вроде темпорального потока?

— Приблизительно так, ваша честь, — ответил депутат Роулэнд Мокаи Дейонг Барух Шемков, председатель расширенной комиссии, заменившей чрезвычайную комиссию депутата Вудкока (Вудкоку вскоре был объявлен вотум недоверия), и сверился с какими-то записями у себя в руке. Он тщательно подготовился к этой беседе.

— При пересылке, ваша честь, товары находятся в особом состоянии материи, в котором они частично выпадают из нашей системы пространственно-временных отношений и переправляются дальше с помощью универсального сдвига, не подпадая, таким образом, под действие законов инерции и сохранения энергии. Вот почему трубочный транспорт чрезвычайно дешев и эффективен.

Более того, размер и форма подлежащих пересылке товаров значения не имеют, поскольку их пространственные координаты не зафиксированы относительно обычного пространства.

В то же время пересылаемый материал не может просочиться через твердое вещество любой плотности. Иными словами, можно направить партию товара куда угодно через трубку — даже очень тонкую — а мы используем трубки на три восьмых дюйма в диаметре. На другом конце трубки материал выходит наружу в своем первоначаль-

ном виде, готовый к обработке, хранению, потреблению и так далее.

— Понятно, — отозвался Председатель. — Очень хорошо, депутат, но хотелось бы получить ответ вот на какой вопрос. Почему же аварийная ситуация застала нас с задранными мантиями?

Щемков откашлялся.

— Судя по всему, — признал он, — теоретически угроза подобной аварии все же присутствовала. Несколько резюме статей и научных докладов, где упоминается о такой возможности, будут представлены мной в вашу канцелярию.

Председатель сосредоточил взгляд на кончике своего длинного носа, демонстрируя этим, что он испытывает чувство неловкости от неполноценности депутата. Медленно и раздельно он спросил:

— Стало быть, возможность аварии не принималась во внимание при разработке проекта трубопровода? А?

Депутат Щемков был членом подкомиссии Трубостроя и поэтому испуг на его лице был совершенно искренним.

— Ваша честь, не было ни малейшей возможности установить какие-либо предохранительные устройства, — стуча зубами, отвечал Щемков. — К тому же авария произошла в тот момент, когда наш участок планеты вращался в сторону, прямо противоположную направлению универсального сдвига — событие, которое, как уверили меня астрономы, случается чрезвычайно редко — а кроме того, темпоральное смещение было в этот момент исключительно велико. В таких условиях высвободившийся на конце трубки материал не реформировался, как обычно, а отправился назад по темпоральной линии...

— Как далеко? Только *точные* данные, а не догадки.

— Ваша честь, над этим еще работают математики, и все, что можно сказать на данный момент — примерно между серединой двадцатого столетия и концом двадцать первого.

— А что включали в себя эти материалы? — угрюмо спросил Председатель.

— Фланги, — отвечал депутат Щемков, — шалтай-болтай, свертывающийся пол, пасту арго...

— И *мангелы*, — прозорливо добавил Председатель. — Верно?

— Так точно, ваша честь.

— И возможно, все эти вещи внезапно появятся в *родном времени самого Бладжетта*, — Председатель приложил руку ко лбу, и Щемков механически повторил его жест, — и только один Бладжетт знает сколько неврозов, сколько психозов, сколько разорванных контрактов, сколько разрушенных семей...

— Но ваша честь...

— Вот что, депутат, ответственные за катастрофу лица пожалеют о том, что вообще родились для государственной службы. Мы еще доберемся до самой подноготной, и тогда...

— Ничто не остается без последствий, — резонно заметил плотный мужчина в серой, усыпанной алмазным порошком мантии. Он сложил руки на крышке стола. — Волна головомоек прокатилась до самого верха и теперь снова спускается вниз. Во всех пятнадцати эшелонах каждому прищемили хвост, ответственность была распределена поровну, и теперь все зависит только от тебя. Вот такие дела.

На обычно неунывающем курносом лице Рональда Мао Жан-Жака фон Гольбейна Мазурина застыло несколько ошеломленное выражение. До сих пор он считал свое лицо удачей — благодаря отдаленному сходству с лицом самого великого Бладжетта, Отца Мира, каким оно выглядело на ранних фотографиях и рисунках. Мазурин научился подчеркивать сходство с Вождем, напуская на себя одухотворенность, как только уяснил, что его физиономия приносит ему более прибыльную и менее пыльную работу в Бюро.

— Минутку, — сказал он. — А почему они уверены, что смогут доставить меня на нужную временную линию с помощью этой штуковины? И нет ли здесь расхождения в терминах? Ведь если я окажусь там, это будет уже новая линия, разве нет? Я хочу сказать...

— Знаю, что ты хочешь сказать, — прервал его розовощекий здоровяк. — Каждое перемещение сдвигает наблюдателя на новую временную линию. Помни только, что от тебя не требуется ничего *делать*, когда ты туда попадешь; твоя задача — наблюдать. Тем более у тебя не будет никакой возможности повлиять на происходящее. С математической точки зрения, тебя там вообще не будет. Зато увидишь ты все, поскольку кванты света имеют связанное протяжение по обе стороны линии раздела.

Мазурин почувствовал себя довольно неудобно.

— А как я вернусь?

— Об этом не беспокойся, — сказал здоровяк. — Ты постоянно будешь находиться в луче темпоральной энергии, в состоянии «частичной тамости». Через несколько дней туда будет направлен импульс, чтобы вернуть тебя.

— Что-то вроде глубоководного погружения на леске, — пробормотал Мазурин. — А что, если отключится энергия, или контакт какой-нибудь отомкнется?

— Тогда, полагаю, ты застрянешь там. Кстати, в таком случае тебе даже повезет. Это был чрезвычайно интересный период истории, даже цивилизованный. Ты станешь очевидцем множества исторических событий.

Мазурин задумчиво хмыкнул. Он быстро прикинул свои шансы на получение другой работы в случае, если его уволят и внесут в черный список Разведывательно-го Бюро КВБ. Полный ноль.

— Ладно, я к вашим услугам.

Обойдя стол, здоровяк подошел к Мазурину и похлопал его по плечу рукой, напоминавшей связку сосисок с нанизанными на них драгоценностями.

— Молодчина, — бурно поздравил он Мазурина. — Я знал, что ты согласишься. Значит, в Бюро знают толк в кадрах. Готовься. Пиши завещание. Завтра в двенадцать встречаемся в Физическом Бюро.

Мазурин явился в облицованную белым кафелем лабораторию с десятиминутным опозданием, на правом ухе у него все еще стыдливо таял след губной помады, а вокруг себя он распространял заманчивый аромат хорошего рисового вина. Справедливости ради следует заметить, что Мазурин лишь вполуха внимал инструкциям перед отправкой, и сам не заметил, как без лишних церемоний оказался засунут в машину темпоральной проекции.

У него сохранилось вполне определенное впечатление о самой машине. Хронотрон был с виду довольно невзрачен: пустотелый куб, испускавший резкий аромат озона и беспокойное гудение. Мазурин вспомнил, что по прибытии к месту назначения, он не сможет не только перемещать предметы, но даже войти в контакт с тамошними обитателями.

Дыхательный аппарат напоминал Мазурину о том, что он автономен и чужд времени, в которое его десантировали. Он воскресил в памяти унижительную процедуру тестирования по чтению с губ и английскому двадцатого столетия, — и еще пуще покраснел, вспомнив, как бесцеремонно его впихнули в машину времени.

Впрочем, обычное дело для лысенкорожденных. Кто с ними, в самом деле, станет церемониться. Но теперь он находился в ином мире.

Теперь Мазурин, казалось, не сидел ни на чем конкретном — просто висел в ясно-голубом небе с белыми облачками — в то время как явно ирреальный пейзаж (ровный, с древними кубическими домиками и множеством пальм) потихоньку приближался к нему. Наконец картинка выросла до натурального масштаба, и Мазурин мягко плюхнулся на тротуар, напоминавший на ощупь губчатую резину.

Затем он встал и, воспарив футов на двадцать над землей, огляделся. Голова его постепенно прояснилась, и то, что несколько мгновений назад казалось пустым вздором, теперь обрело вид невероятной реальности. Окружавшие его строения, массивные и угловатые, имели невероятное количество предельно уродливых украшений в виде стеклянных кирпичей, хромовых статуй, сплошных стен необъятных окон. Люди проходили мимо этих жутких хижин или проезжали в древних четырехколесных аппаратах, — одетые в цилиндрические наряды, также излишне угловатые в формах.

Мазурин вспомнил: эпоха «функционального» дизайна. Никакой криволинейности.

Довольно унылая эпоха в культурном отношении — и все же Мазурин испытывал священный трепет. Ведь в этот самый момент был жив сам Бладжетт!

Улица перед Мазуриным расширялась, образуя нечто вроде площади для сельского схода. В центре высилась деревянная трибуна. Ее занял мужчина в черном, судя по всему, выступавший с речью. Мазурин стал наблюдать за губами говорившего и разобрал несколько фраз: «...принципы преданности и послушания, которым все мы приверженны... один мир, один народ, один вождь, один идеал...»

Мазурин заинтересованно подлетел поближе.

— И вот теперь, в этот ранний, но благословенный день мы должны всем сердцем посвятить себя тем вечным принципам, за которые отдали свои жизни наши отважные сограждане. Ибо этим мы подтвердим, что наши сограждане не погибли десять лет назад, а триумфально живут в вечном дыхании нашей истины. И, стало быть, жизнь не прекратилась для них в тот страшный день, на заре нового тысячелетия. Жизнь никогда не прекратится — для них и для нас самих!

Стоявший справа от трибуны мужчина в пятнистой зеленой униформе, поднес к губам какой-то латунный инструмент. Мазурин проворно подпрыгнул, когда граждане, над которыми он стоял, сняли головные уборы и

склонили головы. Музыкант покончил наконец с мелодией, и шеренга мужчин в одинаковой одежде приставила к плечам приклады древних скорострельных ружей, целясь вверх и вперед.

Оказавшийся на линии огня Мазурин машинально попытался броситься вниз, но так как он еще не успел выскочить к своим новым условиям, его рывок оказался смазан и замедлен.

Ружья выпалили разом. Примерно у половины из них на концах появились выплески огня; у остальных появилось нечто совершенно иное. На конце ружейных стволов вспухли темно-синие пузыри. Пузыри эти стремительно раздувались и вылетали из стволов, пока они не приобретали формы овальных тел размером с древний огурец, снабженных короткими щупальцами. Вскоре овальные пузыри выпали из поля зрения Мазурина, но об их активности он мог судить по тому, как быстро рассеивалась толпа.

Мазурин подпрыгнул и стал сверху наблюдать, как пустеет площадь. Мужчины в форме нарушили строй и кинулись врассыпную, некоторые — побросав ружья. Толпа разбежалась настолько стремительно, насколько находившимся в середине удавалось растолкать остальных. На очистившемся пятачке темно-синие и фиолетовые пузыри прыгали точно лягушки, разевая беззубые пасти, из которых в редкие периоды затишья, казалось Мазурину, доносилось знакомое «Урк!».

У трибуны остался лишь оратор. Он неправильно рассчитал прыжок через ограждение и запутался в большом красно-черном полотнище, обмотанном вокруг трибуны. На глазах у Мазурина один из синих овоидов оседлал спину оратора, устроился там поудобнее и принялся со вкусом пережевывать его куртку.

Опустившись вниз, Мазурин достал из кармана блокнот и записал: «Шалтайболтай: скорее всего, ананасовые; весьма недозрелые и активные; появились без демпферного контроля и разогнали большое религиозное собрание, напугав приблиз. 500 человек».

Мазурин в одиночестве сидел на омытой солнцем пустой площади и медленно проникался только что увиденным кошмаром. Вытащив блокнот, он попытался подсчитать вероятное число потомков тех пятисот людей, которые только что познакомились с шалтайболтаями. Добравшись до пятого поколения и получив совершенно обескураживающую цифру, он сдался и бросил это занятие.

Его трясло. По натуре Мазурин не был слишком набожным человеком, но в детстве он прошел обычную подготовку, и одна мысль о возможности неуважения к предкам заставила его испытать отвращение, будто он коснулся чего-то нечистого.

А ведь предстояло отчитаться и за многое другое: за роззеры, свертывающийся пол, пасту арго и...

Нет. Об этом лучше не думать.

Он хмуро наблюдал, как на площадь ворвалась колонна архаичных наземных аппаратов. Из аппаратов выбрались мужчины в зеленом и стали разбегаться во все стороны. Вскоре одна группа возвратилась к машинам, утаскивая с собой шалтайболтай, который отчаянно пытался вырваться. Некоторое время спустя им удалось сцапать еще один.

«Хорошо бы они переловили их всех», — подумал Мазурин; впрочем, подобный исход вызывал у него сомнения. Живой шалтайболтай был самым энергичным и неуловимым из всех когда-либо изобретенных искусственных продуктов питания. Шалтайболтай составлял одно из любимых мазуринских блюд — но теперь, сглатывая слюну, Мазурин подозревал, что, возможно, ему больше никогда не удастся вкусить шалтайболтая.

Между тем на площади, похоже, что-то происходило. Мазурин добросовестно последовал туда для наблюдения. У дверей в одно из прямоугольных зданий собралась большая толпа людей в зеленом. Для лучшего обзора Мазурин прыгнул им на головы и, подобравшись

к середине толпы, обнаружил, что жертвами на сей раз оказались не шалтайболтаи, а люди. Точнее — молодой человек и девушка. Пошатываясь, они шли вперед с опущенными головами, а множество рук подталкивали и тянули их. На глазах у Мазурина кто-то ударил девушку по лицу.

Сначала Мазурина пробил озноб ужаса; затем им овладело замешательство. Вот она — «интересная эпоха»! А ведь все эти люди могли оказаться предками!

И почему эти должностные лица, возможные предки, так дурно обращались с двумя молодыми предками вместо того, чтобы гоняться за шалтайболтаями, для чего их, судя по всему, и послали? Неужели в них углядели виновников катастрофы?

Нелепо — но другого объяснения он не находил. Когда машина с арестованной парочкой укатила с площади, Мазурин направился следом, паря над крышами зданий.

Несмотря на то, что машина двигалась намного быстрее его, Мазурину удалось не упустить ее из виду — и он увидел, как арестованных втащили по ступенькам в большое черное здание.

Пробравшись внутрь здания, он тут же заблудился в лабиринте коридоров, по которым взад-вперед сновали озабоченные люди. Здание возвышалось на три этажа над землей, а вглубь уходило на десять. Пришлось осмотреть сотни кабинетов и только через час Мазурину удалось обнаружить арестованных в ярко освещенной камере, выходящей в белый коридор на нижнем этаже.

«Если бы не эти синяки и ссадины, — подумал Мазурин, — они смотрелись бы прелестной парочкой». Парень был высок и строен, со смуглым, задумчивым лицом; у девушки были плавные линии фигуры и очаровательная головка с почти серебристыми волосами.

Они сидели бок о бок на жесткой и узкой скамье, освещенные ярким светом, склонив головы друг к другу, и держась за руки.

Надев светозащитные очки, Мазурин следил за их губами. Девушка говорила:

— Наверное, мы и правда виновны...

— Иначе бы нас не арестовали, — после небольшой паузы закончил молодой человек.

— Да, — согласилась девушка. — Они всегда правы. *Всегда.* Но все же трудно понять...

— Тише, дорогая. Не наше дело задавать им вопросы. Возможно, мы совершили какое-то преступление, сами того не сознавая. Или...

— Что?

— Может, нас просто проверяют?

Девушка на мгновение распахнула глаза.

— Ой, Роб, неужели дело зашло так далеко?

— Возможно. Во всяком случае, не мы виноваты в срыве патриотического митинга.

— Не нам судить, Роб.

— Не нам, — согласился парень.

Наблюдая за их разговором, Мазурин стал понимать, что двое молодых людей занимаются чем-то странным. Перестав следить за их губами, он опустил взор вниз, на их руки.

Их пальцы так и порхали в складках цветастой юбки девушки. Вне сомнения, они делали какие-то сигналы друг другу.

«Весьма интересно», — подумал Мазурин. Пленники поддерживали общение при помощи древнего пальцевого кода, который Мазурину довелось изучать еще зеленым курсантом в Комитете Внутренней Безопасности. Он был уверен, что сможет разобрать их код — только бы подобраться поближе...

Из коридора донеслись мерные шаги. Появился смотритель в белом халате, сопровождаемый двумя слугами в зеленых одеяниях. Каждый из них держал в руках опущенное метательное оружие. Смотритель нес что-то на эмалированном подносе, вероятно пищу, а в другой руке у него было нечто напоминавшее ключ от старомодного механического замка.

Они явно собирались открыть камеру! Скорее всего, чтобы покормить молодых людей. Вот бы Мазурина прокрасться внутрь, пока они будут этим заниматься. Осторожность тянула его назад, а любопытство влекло вперед. «Нет никакой опасности», — сказал он себе. Если камера могла открыться один раз, то откроется и в другой. Наконец он решился.

Двое охранников отступили назад, с оружием наготове — а смотритель внес поднос в камеру. Когда он выходил обратно, Мазурин юрким роззером протиснулся внутрь. Вслед за этим почти одновременно произошли три события.

Дверь с лязгом защелкнулась.

Под действием неожиданного обретения своего веса Мазурин шлепнулся на пол.

Двое пленников, смотритель и охранники повернулись и уставились на него округлившимися глазами.

Пока Мазурин тупо сидел на полу камеры, еще не собравшись с мыслями, тройка надзирателей буквально взорвалась энергией. Смотритель, издавая хриплые крики, опрометью бросился по коридору, а двое охранников плашмя растянулись на полу, наставив свое диковинное оружие на Мазурина. Сокамерники отодвинулись от Мазурина как можно дальше и хранили напряженное молчание.

— Камрад. Товарищч. Амиго, — вяло пробормотал Мазурин. Затем до него наконец дошло, что все эти люди говорят по-английски и стрелять как будто не собираются. Во всяком случае, пока он сидит смирно. Но что, именем Бладжетта, произошло?

Мазурин взглянул на дверь. Она представляла собой решетку из прочных хромированных полос с интервалом около трех сантиметров между полосами. В голове у него закрутилась какая-то бессмысленная фраза «дожри шоткой» — совершеннейшая тарабарщина. Дожри шоткой. Какой еще «шоткой»? Дожри шоткой. Дожри шоткой. Дожришоткой...

Даже решеткой.

Мазурин зажмурился и простонал. Когда один из охранников издал какой-то предупреждающий звук, он снова открыл глаза и страдальчески воззрился на ограниченную перспективу перед собой. «А самое главное, — сказал ему тогда один из специалистов, — нельзя, чтобы вы со всех сторон оказались окружены металлом, *даже решеткой*. Это оборвет темпоральный луч, и вы останетесь в безвыходном положении...»

В коридоре послышался топот бегущих ног, и в поле зрения ворвалась целая группа мужчин в зеленом. Двое из них волокли странную штуковину на колесной треноге, которая, похоже, способна была снести целую стену здания. Остальные выставили вперед ружья с шишками на стволах. Двое лежавших на полу встали, и, отдав честь, присоединились к группе, образовавшей полукруг.

— Встать! — скомандовал один из зеленых предков.

Мазурин охотно повиновался.

— Снять маску! Руки за голову! Лицом к стене!

Когда он все это выполнил, дверь камеры открылась, послышались быстрые шаги, а потом в голове Мазурина взорвались разноцветные огни.

Вряд ли Мазурин совсем потерял сознание, поскольку, придя в себя, он уже продолжал думать: «Весьма эффективные полицейские методы. Рисковать они не стали. Примерно так поступил бы и сотрудник КВБ...»

Голова тошнотворно раскалывалась, руки и ноги отказывались повиноваться. Перед глазами, будто лезвия ножниц, мелькали зеленые брюки, а серый бетонный пол под ним стремительно улетал прочь. Насколько Мазурин понял, его связали, как роззера, и волокли по коридору.

Когда сознание несколько прояснилось, Мазурин огляделся по сторонам. Парня с девушкой волокли рядом — примерно в том же положении, что и его.

Лифт. Коридор. Еще один коридор, на этот раз облицованный черным кафелем. Несколько поворотов. Затем дверной проем.

Наконец, его приковали наручниками к тонкому металлическому столбу. Парня и девушку аналогичным образом поставили справа.

Пузатый мужчина в зеленом кителе подскочил к ним и воззрился на Мазурина. Его маленькие голубые глазки быстро и цепко перебежали с серебристой мантии Мазурина на его лицо, а затем на висевшее на поясе снаряжение.

— Ну, — нетерпеливо произнес пузатый, — кто ты такой?

Мазурин открыл было рот, но тут же снова захлопнул его.

Краткий курс юриспруденции — достаточная подготовка, чтобы сразу уяснить, что тебя в таком случае ожидает. Но какой ложью мог он спастись от мучений на допросах? Тем более что допросы в этой эпохе наверняка были достаточно болезненны, несмотря на несовершенство общей методики.

«Самое лучшее, — решил Мазурин, — вообще ничего не говорить». Так он и поступил.

Пузатый решительно кивнул.

— Ладно, посмотрим, — проговорил он. Когда внутрь вошли еще двое его коллег, толстяк в зеленом повернулся к ним. Все трое уставились на Мазурина, затем отвернулись и отошли в дальний конец комнаты. Мазурин легко мог читать у них по губам.

— Ну и ну. Мы знали, что они готовят нам сюрприз, но в донесениях не было даже намека на что-то подобное.

— Похоже, пахнет жареным. Зачем им понадобилось материализовывать его в камере, а потом позволять отдать в наши руки? По-моему, лучше всего — как можно быстрее вывезти его из города. Вдруг это бомба.

Тут пузатый заслонил губы говорившего, и Мазурин пропустил какую-то часть сказанного. Затем все трое повернулись, и он уловил еще одну фразу:

— Посадим их в одну камеру — может, что-нибудь и выясним.

Затем их отстегнули от столов, снова надежно связали и потащили в продолговатую утробу тюремного фургона.

Поездка оказалась долгой и весьма неудобной. Мазурин получил массу времени для размышлений и по прошествии часа впал в уныние.

Он оторвался от своих мыслей, когда машина вдруг подпрыгнула над дорогой — опустилась и подпрыгнула снова. Сквозь зарешеченное окошко Мазурин смог разглядеть, что они оставили позади гладкое бетонное шоссе и теперь мчались по какой-то коровьей тропе.

Опустив взгляд, Мазурин обратил внимание, что двое ребят снова заняты беседой на пальцах. Сначала он с удрученным видом отвернулся, затем снова стал приглядываться.

Все верно, знакомый код — пять стандартных положений для каждого из пяти пальцев давали двадцать пять букв, а сжатый кулак был буквой «х», если она требовалась. Вскоре Мазурин без труда мог понять, что говорил парень.

— ...у меня в ботинке. Если появится возможность...

— Чарли, я боюсь!

— Другого выхода нет. Иначе они все из нас вытянут. Они знают как. Надо было сделать это раньше. А теперь еще этот тип свалился на голову.

— Думаешь, он из наших?

— Быть не может. Рисковать не стану. Вдруг он стукач.

Снова девушка.

— Ладно. Давай.

Мазурин испытал непередаваемый шок, когда до него вдруг дошло, что в ботинке у Чарли, скорее всего, яд... Они собирались покончить с собой, чтобы избежать допроса. Очевидно, сектанты или революционеры. Но даже в таком случае он не мог позволить им самоубийство! Подобный поступок лег бы несмываемым пятном на то-темы тысяч их потомков. Хуже того, они могли оказаться его собственными прапрапрапрапрапрародителями.

Конечно, Мазурин мог бы предупредить охранников, но, подумав как следует, отказался от своей идеи.

Допрос в этой отдаленной исторической эпохе наверняка был не слишком приятной процедурой. Поэтому даже весьма разумно для них было бы предпочесть пыткам яд. Если бы только машина хоть на минутку прекратила подпрыгивать, чтобы он мог все хорошенько обдумать...

Вдруг что-то бешено треснуло Мазурина по лбу, машина еще дважды подпрыгнула и утихомирилась — а громовые раскаты еще долго затихали у него в голове.

3

Машина навернулась в кювет. Навалившиеся на переднюю стенку охранники не шевелились. Чарли с девушкой были слегка оглушены, но в сознании. Мазурин тщетно старался стащить наручники — они сидели слишком плотно. Тут не могли помочь даже его тренированные руки.

Сквозь рваное отверстие в кузов заползал едкий дым. Мазурин принюхался и почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

— Ой, что это? — слабым голосом спросила девушка.

— Паста арго, — объяснил Мазурин. — Должно быть, она натекла из выхлопной трубы. О, свято имя...

— Что за паста? — неуверенно поинтересовалась девушка. — Никогда о такой не слышала.

— Еще бы вам слышать о ней, — пробормотал Мазурин. — Ее используют для прожигания металла. Если ее не остановить...

Смрад становился все нестерпимее. Мазурин посмотрел в зарешеченное заднее окно. Затем повернулся к парню:

— Вы можете дотянуться до них? — спросил он, кивнув на двух бесчувственных охранников.

Парень покачал головой.

— Ключи у того охранника, что рядом с водителем. А он явно свое отъездил — иначе давно был бы здесь.

Машина накренилась и осела. Настил кузова задымился и стал таять. Сквозь дыру виднелось озерцо медленно поднимающейся серой пасты.

— Не могли бы вы снять ботинок? — вдруг спросил Мазурин.

Чарли бросил на него подозрительный взгляд.

— Ботинок, — с отчаянной настойчивостью повторил Мазурин. — Любой — это не важно. — Он снял с левой ноги свой эластичный сандалий и показал.

— Видите, мой не подходит. А ваш сделан из толстой кожи.

— Не понял, — озадаченно произнес Чарли. Еще более густой клок удушливого тумана вырвался из озерца. — Хотя... — Озадачено хмыкнув, парень сбросил ботинок с ноги и отфутболил его Мазурину. — Держи.

Машина оседала. Серая слизь неотвратно приближалась. Мазурин ступнями схватил ботинок, передвигая его, чтобы сделать захват как можно крепче. Затем он мертвой хваткой вцепился в перекладину и через отверстие в полу опустил ботинок прямо в слизь и тут же выдернул его обратно.

На подошве остался комок пасты — и комок этот яростно дымился.

Мазурин поднял ботинок над горизонтальной штангой, к которой они были прикованы и, как только кожа была прожжена, сбросил пасту на штангу. Металл едко задымился и растаял.

Вскоре они оказались на свободе — пока условно, потому что для полной свободы Мазурину понадобилось еще раз зачерпнуть пасты и растворить замок на дверях кузова.

— Порядок! — крикнул он, распахнув дверь, — выходите побыстрее!

— Замечательно, — хмуро произнес парень, — мы благодарны тебе. Но что все это значит? Паста аргю и те штуковины на площади Благоденствия?

— Шалтайболтаи, — услужливо подсказал Мазурин. — Ананасовые, кажется.

— Шалтайболтаи, — повторил парень. — И ты. Ты-то кто такой — Безумный Шляпник? Если так, то что ты в следующий раз вытащишь из своей шляпы?

— Еще много всего, — уныло отозвался Мазурин. — Мы еще не видели ни фланги, ни свертывающийся пол, ни роззеры, ни...

— погоди минутку, — перебил Чарли. — Минутку. Теперь давай по порядку. Что такое фланги?

Мазурин задумался, подыскивая какое-нибудь схожее старое понятие. Заливной крем? Что-то в этом роде. Запасной, закладной, заводной...

— Заварной крем, — сказал он. — От французского «flan», хотя лично я считаю, что здесь имеет место влияние Рагнеголливудской эпохи. Фланги подвижны — но не так, как шалтайболтаи. Они только ползают повсюду и любят заползать в темное замкнутое пространство. Так что их можно просто высыпать рядом с набором пустых кондитерских формочек, и...

Чарли снова перебил его.

— Чудесно, я так и знал. Даже и спрашивать не стану, что такое роззеры.

— Это вроде свиньи, — охотно сообщил Мазурин. — Быстры как молнии. Некоторые любят на них кататься.

Чарли взглянул на него, тяжело дыша.

— А теперь все, что я хочу узнать, — сказал он, — это откуда взялись эти неслыханные вещи.

— Вы все равно не поверите, — нехотя сказал Мазурин.

Он присел на корточки и стал рыться в карманах охранника, чье тело в бессознательном состоянии валялось неподалеку от машины.

— Нет, — сказал Чарли и пнул Мазурина босой ногой, отчего тот растянулся на траве. Чарли резво нагнулся и выхватил из кобуры охранника странной формы пистолет. Выпрямившись, он передал оружие девушке, а затем вновь нагнулся к охраннику. — Извини, но я еще не знаю, стоит ли тебе доверять.

Парень нашел у охранника ключи, выпрямился и не сводил пистолета с Мазурина, пока девушка снимала с него наручники; затем они поменялись, и он снял наручники с нее.

«Похоже, — грустно подумал Мазурин, — меня они расковывать не собираются».

— Можно встать? — смиренно спросил он.

— Да, — разрешил Чарли. Ствол пистолета он указал влево, в сторону открытого поля, которое заканчивалось лесистым хребтом. — Пора сматываться. — Он взглянул на оружие у себя в руке, а затем оглянулся на дымящийся тюремный фургон. — Как думаешь, Ева?

— Хорошо бы оставить его себе, — с сожалением произнесла девушка, — но опасно.

— Ты права. — Чарли вернул оружие в кобуру охранника. Затем вынул из кармана ключи и тоже положил их на место.

— Эй, — запротестовал Мазурин, — а я?

— Потом... возможно, — ответил Чарли.

Они направились через поле, Мазурин выступал первым. Ему стало несколько не по себе. В его родном времени Мазурину приходилось видеть, как людей убивали по довольно сходным причинам. Но — это время принадлежало его Священным Предкам, и четверо из них были оставлены умирать в пасте арго.

Казалось, они часами продирались сквозь заросли молодых деревьев и кустов, пока наконец не добрались до небольшого ручейка. Ева, тяжело дыша, опустилась на землю, а двое спутников последовали ее примеру.

— Идти дальше все равно уже слишком поздно, — сказал Чарли. Он хмуро осмотрел свои босые ноги, затем повернулся к Мазурину. — Ну что ж, — проговорил он. — Давай послушаем твою историю и посмотрим, невероятная она или нет.

Мазурин рассказал им все с самого начала. Они слушали в растерянном молчании.

— Это все? — спросил наконец Чарли.

— Все, — подтвердил Мазурин. — Что случится дальше, я не знаю. Мы можем натолкнуться на роззеров, учинивших дебош в здании муниципалитета, или на какого-нибудь парня, приводящего в движение участок свертывающегося пола и вылетающего в соседний округ, или...

— А что навело тебя на мысль о здании муниципалитета? — зловеще поинтересовался Чарли.

— Осквернение общественного здания представляет собой одно из немногих величайших преступлений, которые пока еще не лежат на моей совести.

— А это как понять? — недоуменно спросил Чарли.

— Разве ты не помнишь, что он говорил насчет поклонения предкам? — вмешалась Ева. — Тут есть смысл. Он чувствует свою прямую ответственность за все то, что произошло с людьми, которые, насколько ему известно, могут оказаться его собственными предками.

Затем Ева обратилась к Мазурину:

— Ты явился из времени, отстоящего от нашего на четыре столетия, то есть из эпохи Мирового Государства. И никогда не было никаких более-менее успешных попыток его разрушить. Верно?

Мазурин кивнул.

Чарли озадаченно разглядывал Мазурина.

— Так ты явился сюда, чтобы убедить нас, что победы нам не видать?

Мазурин покачал головой.

— Вы не совсем поняли, — сказал он. — Это другая временная линия по отношению к той, с которой я прибыл. Она другая именно потому, что я нахожусь на ней — нахожусь здесь. Теперь может случиться все, что угодно.

Чарли, похоже, совсем запутался.

— Слушай, — сказала ему Ева, — предположим хоть на секунду, что он говорит чистую правду. Если бы в распоряжении говнюков были все эти штучки — материализация в нашей камере и те зеленые попрыгунчики на площади, зачем им разыгрывать такие дурацкие номера?

— Ну ладно, — согласился Чарли. — И что тогда?

— Тогда он, возможно, поможет нам победить, — ответила Ева.

— Ну, разве что попробовать... слушай, Мазурин, хочешь помочь нам сбросить говнюков?

— Кого сбросить?

— Говнюков — ну, государственных, сторонников Мирового Государства. Блаждетта вместе с его бандой. Ты же видел, что это за команда. Так поможешь нам?

— Э-э, нет, — честно признался Мазурин.

— Почему?

— Я не могу помочь ни одной из сторон, потому что так нанесу вред другой. Это было бы антирелигиозно.

Чарли презрительно смотрел на него, и Мазурин почувствовал, как уши его заливаются краской.

— Есть еще одна веская причина, — добавил он, защищаясь. — Вы, кажется, забыли, что я пришел из мира будущего, выросшего из вашего мира настоящего. Видите ли, это очень хороший мир — уже более трех столетий у нас не было никаких войн. Нет никаких расовых или национальных проблем — все настолько перемешались, что теперь существует только одна раса. Зачем мне желать, чтобы все это изменилось?

— Причин для этого, может, и нет, — заметила девушка, — но ведь ты понимаешь, почему мы хотим изменить наш мир?

Мазурин немного подумал.

— Нет, — признался Мазурин.

— Тогда послушай, что я тебе скажу, — сказала девушка. — Десять лет назад произошла мировая война, девятая за шестьдесят лет. Все армии в Южной Америке послали делегатов на конференцию — Конференцию в Акапулько — и там говнюки выдвинули свою программу. Все армии вернулись домой, скинули свои правительства, объявили всеобщие выборы — и десять месяцев спустя у нас уже было Мировое Государство.

— Ну, — вмешался Мазурин, — а что плохого в...

— Погоди. Пять месяцев все шло прекрасно. У нас была замечательная Конституция, и разоружались мы просто со страшной силой. А затем произошел государственный переворот. Бладжетт и его банда захватили ключевые позиции, похитили временного президента Карреса, накачали его наркотиками и заставили подписать приказы, согласно которым на руководящие посты назначались люди из бладжеттовской шайки.

Все было продумано неплохо; между прочим, сам Бладжетт считался вторым человеком в движении говнюков. К тому времени, как все поняли, что произошло, эта клика так твердо закрепилась у власти, что могла подавить любое выступление против себя. У них лучшая пропаганда со времен Сталина. Так что в результате все мы оказались при диктатуре. *Теперь* понимаешь?

— Минутку-минутку, — пробормотал Мазурин. Он с растущим ужасом прислушивался к тому, как Ева употребляла Священное Имя. — Этот Бладжетт, о котором вы говорите... не может ли он быть Эрнестом Элвудом Верноном Кроуфордом Бладжеттом?

— Его имя Эрнест, а девичья фамилия его матери Кроуфорд, — ответила Ева. — Понятия не имею, откуда ты взял остальные прозвища.

— Мы сами его так зовем, — объяснил Мазурин. — Твое собственное имя, имена двух твоих выдающихся предков, по одному от каждой линии, затем родовые имена твоей матери и отца. Итак, вы заблуждаетесь. Бладжетт, — он приложил руку ко лбу, — был основателем и первым Президентом Мирового Государства. Дети изучают его в первом классе. Отец Мира и все такое. Диктатором он не был никогда и до него не существовало никакого Президента.

— Бладжетт сейчас как раз занят переписыванием истории, — хмуро заметила Ева. — Могу поспорить, что на фотографиях, которые тебе показывали, клыки у этого проходимца не видны.

— Конечно нет, — согласился Мазурин. — А вы когда-нибудь встречались с ним лично?

Ева покраснела.

— Нет. Но я видела его фотографии еще до того, как он впился своими протезами в...

— Тогда, — триумфально заключил Мазурин, — откуда вы знаете, что на фотографиях был сам Бладжетт?

Так, пререкаясь, они проспорили еще битый час, пока наконец Чарли не велел им заткнуться и дать немного поспать.

4

Мазурин проснулся, чувствуя себя так, будто всю ночь он провисел на кончиках пальцев над пропастью. Его руки совершенно онемели, а все остальное тело так болело и было таким застывшим, что ему понадобилось минут десять, чтобы встать.

Двое его спутников чувствовали себя немного лучше, но и они замерзли и проголодались. Они напились воды из ручья, пожевали каких-то диких ягод, а затем снова стали пробираться через лес. Когда Мазурин спросил Чарли, куда они направляются, тот вежливо попросил все вопросы в письменной форме адресовать самому себе.

Примерно через час, когда ходьба разогрела их тела, а солнце поднялось повыше, им несколько полегчало. Они обнаружили тропу под какими-то неизвестными Мазурину ароматными деревьями. На фоне неба ветви образовывали уютный узор, повсюду радостно пели птички. Мазурин приблизился к Еве и некоторое время молча шел рядом с ней.

— Если я вернусь, — наконец заговорил Мазурин, — мне дадут год отсидки в Черном Доме, а мой тотем перевернут вверх ногами и понизят меня в должности до контролера за чистотой помещений.

— Но ведь ты сделал все, что мог?

— Думаю, да — но это ничего не значит, — ответил Мазурин, мысленно перебрав свои поступки за предыдущий день. — Они судят по результатам.

— М-да, — хмыкнула Ева. — Как и Клыкастый Бладжетт. А как тебя угораздило устроиться на работу в... как там его?

— Комитет Внутренней Безопасности, — подсказал Мазурин.

— Пусть будет так. Милое название для тайной полиции. Так как же тебя угораздило туда попасть?

— Меня выбрали. Когда мне было пятнадцать. Такие решения нельзя оставлять на усмотрение самих индивидуумов.

Ева остановилась и, сделав большие глаза, уставилась на Мазурина.

— И ты считаешь, что *это* лучший из возможных миров? Да ведь сам Бладжетт не придумал пока ничего более отвратительного. Впрочем, у него еще все впереди.

Ева двинулась дальше, и озадаченный Мазурин последовал за ней.

Они остановились, добравшись до небольшого ручейка. Чарли умыл руки и лицо, ругнулся насчет того, что у него нет бритвы, и подозрительно покосился на розовый и гладкий подбородок Мазурина.

— Депиляторный крем, — тут же сообщил Мазурин. — Подавляет фолликулы на месяц. Изобретен, по-моему, где-то около 2050-го года.

Чарли хмыкнул, но, похоже, не очень поверил.

— Дай-ка мне эти сандалии, — сказал он. Надев сандалии Мазурина, он начал взбираться на очередной кряж. Оттуда он с опаской выглянул на другую сторону, затем помахал Еве и скрылся из вида.

— Что теперь? — спросил Мазурин.

— Мы подождем здесь, — кратко ответила Ева. — Впереди находится городок, в котором живет наш связной. Чарли проверит, все ли там в порядке.

Чарли вернулся через час, одетый, в ботинках, но без радостных вестей.

— Черт-те что, — буркнул он Еве, затем повернулся к Мазурину. — Похоже, ты говорил правду. Говнюки просто с ума сходят. Все вокруг так и кишит солдатами и нагаями.

— Национальными гвардейцами, — пояснила Ева, заметив недоуменный взгляд Мазурина. — Н.Г. — нагай. Это свора отборных засранцев — что-то вроде твоего КВБ.

Чарли нетерпеливо махнул рукой, не дав Мазурину ответить.

— Значит, вот какие дела, — сказал он. — Бауэрнфайнд связался со штабом, за нами пришлют вертолет. Но в лесах полно патрулей — наше счастье, что мы до сих пор не попались. Единственное место, где мы будем в безопасности — это подвал Бауэрнфайнда.

Он бросил взгляд на хламиду Мазурина.

С Мазурином будут сложности. Между тем Бауэрнфайнд говорит, что иновременец понадобится Центральному Комитету.

Он развернул пакет и достал оттуда балахон с длинными рукавами, ножницы и нитку с иглой.

— Здесь на холмах обитают секты, — пояснил он. — Бауэрнфайнд раздобыл этот костюмчик в театре. Цвет не совсем тот, что надо, но, в общем, сойдет.

В результате балахон стал похож на что-то, никогда уже не способное стать предметом одежды, но Ева надела его на Мазурина через голову, закинула болтавшуюся верхнюю часть за плечи и, ловко орудуя иглой, зашила его до первоначального вида. С грехом пополам, методом многочисленных проб и ошибок, балахон наконец водрузили на Мазурина.

— Будет держаться, — сказала Ева, — только не маши руками. Помни, твои руки сцеплены в медитации, и все время держи глаза опущенными. Как насчет этих сандалий, Чарли?

— В Калифорнии половина шизанутых такие носят, — отозвался тот. — И его длинные волосы прокатят при таком наряде. Давайте двигаться.

Они взобрались на вершину кряжа, огляделись и спустились на другую сторону — туда, где за деревьями виднелась пыльная дорога. Вскоре они добрались до небольшого захолустного городишки, где, благополучно смешавшись с толпой, следовали порознь в одном направлении..

Трое спутников на какое-то время сошлись у светофора на перекрестке, ожидая смены сигнала, и Чарли прошептал:

— Еще два квартала, а потом полквартала направо. Там будет заведение под названием «Стильное шитье».

Внезапно со всех сторон слышались изумленные крики. Мгновение спустя что-то мягкое забралось в раскрывшийся от удивления рот Мазурина. Задыхаясь, Мазурин проглотил, сколько смог — масса на вкус казалась лимонной — и выплюнул остальное.

Он поднял глаза как раз вовремя — чтобы разглядеть еще один шар, несущийся навстречу. Инстинктивно взметнув руки, Мазурин тут же услышал, как трещат швы балахона.

Желтые шары летели с неба — если точнее, с висящего в нем допотопного геликоптера архаичной модели. По бокам старинного вертолета висели исполинские громкоговорители — колокола. Из них и сыпались в потрясающем количестве лимонные шары.

Они скапливались под ногами, карабкались по штанинам прохожих, извиваясь, катились кремовой волной к полумраку дверных проемов.

Мазурин отчаянно отбил очередную желтую блямбу, перепрыгнул через корчившегося на мостовой толстого гражданина, у которого были полные штаны флангов, а затем и сам потерял равновесие, заскользив к середине улицы и врезавшись в солдата. Он увидел, как солдат выпучил глаза, заметив наручники. Потом был чей-то крик, все закружилось, и что-то твердое увесисто шмякнуло его по затылку.

Свет привел его в чувство — слепящий, обжигающий свет, от которого слезились глаза. Мазурин попытался отвернуться и выяснил, что не может. Вероятно, его пытали — но за что?

Когда память полностью возвратилась к нему, Мазурин застонал. Он снова оказался в лапах говнюков, этих предков, странным образом оказавшихся основателями его родного государства.

Со стороны донесся стон, а затем сдавленный вскрик. Что-то острое, наподобие иглы, вонзилось в его левую ягодицу. Вопль Мазурина добавился к двум первым.

— Они готовы, господин Президент.

— Приступайте, — приказал слегка шепелявый голос. — Начните с девушки.

— Гертруда Мейер?

Мазурин услышал прерывистое дыхание девушки.

— Да, — ответила она.

— Член конспиративной организации мародеров и убийц, известной как Партия Свободы, подпольная кличка Ева?

Снова тяжелый вздох и утвердительный ответ.

— Известно ли вам о плане покушения на Президента?

Вздох, пауза, еще вздох.

— Да!

— В чем состоит этот план?

На этот раз Ева всхлипнула.

— Ох, *не надо...* ох!

— В чем состоит этот план?

— Ох! Я не знаю... — Она пронзительно завизжала, а затем Мазурин услышал ее рыдания. — Ничего я вам не скажу... *ой!..* ничего. *Ой!*

Мазурин вдруг обнаружил, что борется как бешеный со своими оковами. Ему показалось — он знает, что они проделывают с Евой; это был традиционный метод допроса женщин, и они, вероятно, уже овладели им. Метод был практически безотказен, и одна мысль о нем приводила в уныние.

Ева кричала все громче и чаще, а потом на время наступила тишина. Затем допрос продолжился. Минут через двадцать Ева начала рассказывать все, что знала.

План был достаточно примитивен, и, как показалось Мазурину, шансы на успех в этом случае даже в столь варварскую эпоху были очень малы. В его родном времени убийством главы государства нельзя было добиться ровным счетом ничего — на его место просто пришел бы другой представитель Правящих Фамилий.

Судя по тому, что говорила Ева, Бладжетт был одержим мыслью, что кто-то из его приближенных может сбросить его, как сам он сбросил Карреса, а Партия Свободы лелеяла надежды, что его преемник окажется не столь кровожаден.

Для покушения они выбрали время ежегодного праздника, на котором Бладжетт традиционно появлялся перед народом. Эти торжества всегда проводились на большой открытой арене, в присутствии тысяч зрителей. У Бладжетта, разумеется, была бы хорошая охрана, но все же обыскать каждого, кто придет на эту арену, оказалось бы делом невозможным. Все, что требовалось революционерам — это неприметное оружие — и судя по всему, около восьми месяцев назад подпольные ученые разработали такое оружие и стали в больших количествах производить его на тайной фабрике. Где находилась фабрика, Ева не знала. Они с Чарли были агентами-связниками, в задачу которых входило взять готовое оружие у других агентов и доставить его в пункты распределения.

Оружие представляло собой миниатюрную базуку. Длинной всего в два дюйма, она могла быть спрятана надежно на теле, а радиус поражения у нее был довольно впечатляющим. Огонь нескольких сотен единиц оружия стер бы Бладжетта с лица земли вместе со всеми его охранниками.

Затем палачи взялись за Чарли. Через несколько минут он тоже раскололся. Но знал он не больше Евы.

Затем наступила очередь Мазурина.

Первый вопрос был «Ваше имя?» — и его тут же сопровождало прикосновение теплого металла к ладони.

Он ответил на вопрос, назвав свое полное имя. Следующим был вопрос: «Откуда вы?» Даже не надеясь, что ему поверят, он сказал правду — просто не смог придумать какую-нибудь ложь, которая выглядела бы более правдоподобной.

После небольшого совещания был задан вопрос: «Утверждаете ли вы, что можете рассказать о событиях будущего?»

— Да, но... — начал было Мазурин.

Шепелявый голос перебил его.

— Достаточно. Генерал, эта информация для узкого круга. Доставьте их в мой кабинет. Всех троих. Я лично продолжу допрос.

— Ну вот, — раздался голос Бладжетта из полумрака кабинета. — Мы здесь наедине. Расскажите мне о будущем моего режима, мистер Мазурин... и, предупреждаю вас, только правду.

Зрение Мазурина быстро прояснялось. Прямо перед ним, по другую сторону огромного полированного стола, восседал сам Бладжетт. Ничуть не похожий на собственные портреты в учебниках истории. Низкорослый и толстый, с хитрыми и хищными глазками. Мазурин взглянул правее. В двух соседних креслах, скованные, как и он, наручниками, сидели Ева и Чарли. Ева согнулась, уткнув лицо в колени, а Чарли неподвижно сидел с каменным лицом.

Ладно, пусть в книжках внешность Бладжетта идеализировалась. Это не имело значения. Мазурин находился в Высочайшем Присутствии и испытывал благоговение.

— Если кто-то из вас умышляет применить против меня насилие, — заметил Бладжетт, — не советую. — Он указал на небольшой пулемет на колесной раме, стоявший у него на столе. — Вы слишком далеко, а из этих комфортабельных кресел вырваться очень непросто. Теперь слово вам, мистер Мазурин. Вам не следует боять-

ся говорить правду — даже если вам покажется, что мне она может не понравиться. Вы просто кладёте информации, и я рассчитываю еще долгое время вас использовать. Так что говорите чистую правду.

Мазурин рассказал ему все.

В конце его рассказа Бладжетт улыбнулся.

— Вот еще что, мистер Мазурин. В каком возрасте я умру?

— Точно не помню, ваша честь. По-моему, что-то около восьмидесяти.

— Хорошо, хорошо, — потер руки Бладжетт. — Просто превосходно. — Он взял из стоявшей перед ним на столе вазы с фруктами виноградину и сунул ее в рот. — А вы уверены, мистер Мазурин, что, в угоду мне, не украсили эту сказочку? Хотя нет, вижу, что вы искренни; вам нет смысла лгать.

Улыбаясь, Бладжетт съел еще виноградину, оттолкнул вазу в сторону и доверительно перегнулся через стол.

— Вот если бы вы предсказали мне полный крах, — сказал он, — я бы ни за что не поверил. А знаете почему? — последовала пауза. — Потому что я принадлежу вечности. Я еще в молодости это почувствовал. Что рожден править миром. Поверите ли — тогда мне еще не было двадцати.

Почему? Да потому что я начал с того, чего все остальные завоеватели безуспешно пытались достичь — с мирового господства. Это значит — весь мир или ничего, мистер Мазурин. Это знал Наполеон. Гитлер. Сталин. Это был неумолимый закон, смирявший каждого. Они пытались достичь мира через войну — и это было губительно, губительно. Они тоже были рождены править, но в неподходящее время.

Бладжетт все говорил и говорил без конца, лицо его покраснелось, а глаза заблестели. Он энергично жестикулировал, улыбался, хмурился, с серьезным видом нависая над столом. Наконец, довольный собой, Бладжетт сел в кресло и бросил в рот несколько виноградин. Затем с загадочным видом уставился в потолок.

Как раз в это время Мазурин, ошеломленный непрерывным разглагольствованием, внезапно очнулся. Из ствола стоявшего на столе Бладжетта приземистого орудия вдруг выдулся крошечный зеленый пузырек. Прямо на глазах у Мазурина пузырек вырос до полдюйма в диаметре, упал на стол и покатился, пока не наткнулся на край вазы с фруктами.

Мазурин так и похолодел. Он кинул взгляд вправо. Ева сидела с отсутствующим видом, уставившись в пол, но Чарли вздернул бровь. На лице его был написан вопрос.

Мазурин вновь перевел взгляд на Президента. Бладжетт душевно улыбнулся, вздохнул и посуровел.

— Что же касается вас, сэр, — сказал он, — то ваша судьба связана с моей. И этой милости вы должны с благодарностью подчиниться. Я не прошу — я даю. Я даю вам живого бога — как вы сами только что описали меня — которому надо поклоняться и преданно следовать всю жизнь. Я даю вам нечто неизмеримо более ценное, чем история из школьных учебников — я даю вам место рядом с собой в той истории, которую еще предстоит написать!

На какое-то мгновение эта идея захватила воображение Мазурина. Какая фантастическая концовка могла бы получиться у его жизни — и глава государства, и шеф разведки КВБ, и толпа родственников, каждый праздник преклоняющих колена у его усыпальницы.

Но невзирая на все эти мысли, пронесившиеся в голове, Мазурин продолжал замороженно наблюдать за крохотным зеленым шариком. Если Бладжетт примет его за виноградину, произойдет страшное и непоправимое.

Рука Бладжетта опустилась на стол. Но ближайшим к ладони Бладжетта оказался тот шарик, который вовсе не был виноградиной.

— Что скажете, сэр? — спросил Бладжетт. — Слава или смерть?

Его рука зависла в воздухе. Он впился взглядом в Мазурина.

Мазурин глубоко вздохнул.

— Я выбираю славу, ваша честь.

Черты лица Бладжетта смягчились. Рука его тихо опустилась на стол, пухлые пальцы сомкнулись вокруг зеленого шарика. Милостиво улыбаясь, Бладжетт положил шарик в рот.

Так он сидел, не меняя ни позы, ни выражения лица, три мучительно долгих секунды. Затем глаза его полезли на лоб. Рот распахнулся — но никакого звука не последовало. Бладжетт поблек, поник, увял, скорчился, а затем, совершенно внезапно, *Бладжетт просто перестал существовать*.

Со стороны все выглядело так, будто он свернулся во времени и пространстве. Впрочем, Мазурин знал, что участь Бладжетта не столь проста — и не столь приятна.

— Что это было? Виноградина, которую он съел?.. — выдохнула Ева.

Мазурину стало дурно.

— Мангел, — ответил он.

— Что еще за мангел? — спросил Чарли.

Заплетающимся языком Мазурин проговорил:

— Можете подвергнуть меня самым изощренным и жестоким пыткам, но этого я вам не скажу никогда. Ваша цивилизация еще не готова.

Он спрятал лицо в ладони. Какая-то его часть рассудка говорила ему, что Бладжетт был подонком; другая же беспрестанно твердила: «Ты дал ему съесть мангел. Ты убил его. Священнейшего из предков. Отца Мира».

Мазурин услышал, как парень с девушкой переговариваются возбужденным шепотом. Ева спросила:

— Ты думаешь?

— Бладжетт уже давно гримируется, чтобы эффектно выглядеть на пропагандистских снимках.

— Да. Это облегчает нашу задачу, Чарли. У них не будет выбора. Тут либо соглашение, либо полный крах.

— Его больше нет, — простонал Мазурин. — Бладжетта. И прекрасного общества, которое он со своим могучим интеллектом построил...

— Нет, — возразил Чарли. — Ничего не потеряно. Кроме худшей части твоей цивилизации.

— И, разумеется, не потеряв священнейший из предков, — добавила Ева. — Отец Мира.

Убитый горем Мазурин поднял взгляд.

— Но мангел забрал его! Бладжетта больше нет. — Он рассеянно коснулся лба.

— Зато есть ты, — заявила Ева. — Ты знаешь, как должно выглядеть будущее. Ты построишь мир Бладжетта — с некоторыми изменениями.

— Вы посадите на место Бладжетта одного из ваших людей?

Чарли нагнулся к его креслу.

— Одного из наших — одного из всех.

— Разве не ясно? — вмешалась Ева. — Отец Мира, священнейший из предков, будет потомком.

— Не понимает, — кивнул Чарли.

— Ты, — объявила Ева, — будешь Бладжеттом.

— Я? — ошарашенно спросил Мазурин, а затем благоговейно сложил ладони.

В конце концов, он и правда был потомком Бладжетта.

ВРАГ

Корабль опустился на каменный шарик в самом центре небесной сферы. В созвездии Дракона сверкало Солнце — в четырех миллиардах миль от шара. Безмолвные звезды не колыхались и не мигали — ровно горели, холодные и далекие. И выше, и недоступнее всех блистала Полярная звезда. А Млечный Путь висел над горизонтом подобно замерзшей радуге.

В желтом кружке переходного шлюза появились фигуры двух женщин с суровыми бледными лицами под стеклами шлемов. Женщины оттащили на сотню ярдов от корабля складной металлический диск и установили его там на трех высоких изоляторах. Затем вернулись к кораблю, легко передвигаясь на цыпочках, будто балерины — и снова появились — теперь уже с объемистой грудой предметов в прозрачной мембране.

Герметически закрепив мембрану на диске, женщины накачали ее воздухом с помощью протянутого с корабля шланга. Внутри мембраны находились обычные бытовые вещи. Гамак с металлической рамой, лампа, радиопередатчик. Женщины вошли в мембрану через эластичный клапан и привели там все в порядок. Затем осторожно перетаскивали туда последние предметы обихода — три бака с зеленой порослью, каждый в защитной оболочке.

Также они выгрузили паукообразный вездеход с шестью громадными надувными колесами и поставили его пока что на три изолятора.

Закончив выгрузку, две женщины стали лицом друг к другу рядом с домиком-пузырем. Старшая сказала:

— Вернусь через десять месяцев. Если ничего стоящего не подвернется — бросай оборудование и возвращайся в спасательной капсуле.

Обе взглянули вверх — где, едва различимая в ледяном мраке, скользила белая искорка. Спасательная капсула. Перед посадкой базовый корабль оставил ее на орбите.

— Понятно, — отозвалась младшая. Звали ее Заэль; пятнадцатилетней девушке впервые предстояло остаться одной вдали от космограда. Исар, ее мать, вскоре направилась к кораблю и скрылась за дверцей шлюза, даже не обернувшись. Бледная искорка над головой у Заэли опускалась тем временем к горизонту. Краткий выплеск пламени — и базовый корабль тронулся с места, поднимаясь и поворачиваясь. Затем факел снова вспыхнул — и в считанные секунды звездолет исчез из виду, став лишь чуть более яркой звездочкой среди прочих.

Заэль выключила нашлемный фонарик — и застыла во мраке под необъятным небесным сводом. Только такое небо девушка и знала — как и многие ее предки, она родилась в космосе. Изгнанные столетия назад со своей изобильной зеленой планеты, люди ее расы стали суровее бесплодных звездных полей, по которым они скитались. В пяти громадных космоградах, а также на Плутоне, Титане, Мимасе, Эросе и в тысячах меньших миров они боролись за существование. Немного их осталось. Трудна и коротка была жизнь колонистов — и оставить пятнадцатилетнего подростка одного на планетоиде для разработки полезных ископаемых считалось делом вполне обычным.

Корабль превратился в тусклую искорку, взбирающуюся по длинному наклону к эклиптике. Исар и другие ее дочери летели, чтобы доставить груз на Плутон — и

принять новый. Грон, родной город Заэли, удлинил маршрут корабля ради одного обследования. Планетоид теперь приближался к Солнцу по кометной эксцентрической орбите — впервые за последние двадцать тысяч лет. Было бы непростительной глупостью не воспользоваться его поверхностными залежами минералов. С такой задачей мог справиться и подросток — а заодно и обследовать планетоид.

Оставшись одна, Заэль невозмутимо направилась к шестиколесному вездеходу. Неплохо, конечно, отдохнуть в домике-пузыре... но когда остается еще шесть часов полезного времени — какой смысл их терять? Девушка легко впрыгнула в кабину; затем включила фары и запустила мотор.

Паукообразное чудовище поползло вперед на шести колесах с автономными рессорами. Местность оказалась немыслимо пересеченной; гигантские пики и кратеры перемежались впадинами и расщелинами — порой футов на сорок в ширину и тысячи в глубину. Согласно астрономическим наблюдениям, орбита планетоида проходила совсем недалеко от Солнца — ближе орбиты Венеры. Пока что, впрочем, температура скал лишь на считанные градусы превышала абсолютный нуль. Теперь здесь царил самый лютый холод, какой доводилось испытывать Заэли. Девушка чувствовала, как холод проникает в тело через длинные изолирующие шипы на подошвах ботинок. Молекулы каждого камня на планетоиде замедлились почти до неподвижности — мир этот походил на застывший голодный зевок.

Сила тяжести на планетоиде составляла лишь десятую долю g — почти невесомость; легкий вездеход с надувными колесами запросто карабкался вверх по отвесным склонам лишь с несколькими градусами отклонения от вертикали. Где не получалось взобраться, приходилось объезжать. Узкие расщелины легко перешагивались раздвижными ногами вездехода; добравшись до более крупной, Заэль выстрелила гарпун, который взлетел над бездной и вонзился в грунт на другой стороне. Затем вез-

деход двинулся вперед, упал и завис на конце троса; пока его медленно тянуло к другой стороне расщелины, вездеходная лебедка быстро сматывала трос. Наконец машина легко ударилась о дальний край — и без промедления выбралась наверх.

Прямая и неподвижная, Заэль сидела перед аппаратурой и наносила на карту участки скоплений минералов, мимо которых проезжал вездеход. Возможности промышленности были неисчерпаемы, но требовалось сырье — прежде всего металлы.

Заэль удалялась от домика-пузыря по спирали. Она собиралась объехать и нанести на карту участок около тридцати миль в диаметре. В негерметизированном вездеходе большую площадь охватить было просто невозможно.

Завершив составление карты, Заэль выехала опять. У каждой отметки она оставила пару самовнедряющихся электродов. Каждая такая пара вырабатывала ток, ионизировавший соли и окислы — в результате чего на катоде скапливался чистый металл. В конце концов объем металла становился таким, что его можно было спилить, получая удобную для погрузки болванку.

И лишь потом Заэль переключила внимание на лепившиеся тут и там к скалам следы профилированного металла. В основном это оказались фрагменты, часто встречающиеся на холодных спутниках типа Мимаса или Титана, а также на некоторых каменных астероидах. Особой важности такие находки не представляли; они свидетельствовали о том, что планетоид некогда был заселен той самой догуманоидной цивилизацией, которая оставила свои следы по всей Солнечной системе.

Впрочем, за тем сюда и послали Заэль, чтобы изучить все, что попадется на глаза. Основная часть ее работы была практически завершена; и девушка добросовестно обследовала фрагменты — некоторые сфотографировала, а из других взяла пробы. Она отправляла на Грон регулярные радиоотчеты; иногда, через пять дней после отправки, в принтере появлялось краткое подтверждение;

иногда — нет. Время от времени Заэль замеряла объем накопившегося на электродах металла.

Планетоид висел на своей орбите длиною в тысячелетия. Небо вокруг него медленно и незаметно менялось. Движущаяся искорка — спасательная капсула — снова и снова прочерчивала свои круги. Заэль становилась все неугомоннее — и, наконец, решила предпринять более обширное исследование на вездеходе. Глубоко в холодных расщелинах девушка обнаружила несколько металлических конструкций — не просто фрагменты, а нечто цельное — жилища или машины. Если это и впрямь были жилища, то предназначались они для существ, размерами явно уступавших людям; дверные проходы представляли собой овалы не более фута в поперечнике. Заэль исправно передала информацию на Грон и получила неизменное подтверждение.

В один прекрасный день принтер вдруг заработал в непривычное время. Послание гласило: **ПРИБЫВАЮ. ИСАЯ.**

Корабль следовало ожидать месяца через три после сообщения. Заэль сохранила прежний рабочий распорядок, раз за разом выезжая на осмотр электродов. А над головой у нее теперь уже ненужная спасательная капсула все очерчивала свои круги. Заэль обследовала целый комплекс поверхностных структур, чудесным образом уцелевший; некоторые строения оказались наполовину погруженными в скалы, другие же стояли открытыми под светом звезд. За неделю до ожидаемого прибытия корабля Заэль выяснила, что комплекс доходит до кратера в сорока милях от базы.

В кратере Заэль обнаружила массивный металлический шар — весь в выбоинах и царапинах. Когда Заэль направила на шар фары вездехода, откуда-то из металлических внутренностей вдруг вырвались клубы пара; казалось, шар ненадолго заволокло туманом. Девушка заинтересовалась находкой и стала вглядываться внимательнее. Судя по всему, ничтожное тепло светового луча растопило пленку замерзшего газа.

Но затем картина повторилась, и на сей раз Заэль отчетливо разглядела: струя пара вырвалась из вдруг появившегося на шаре тонкого темного шва.

Шов расходился прямо на глазах у девушки. Шар раскалывался на две половинки — и там, внутри, что-то шевелилось. Заэль вдруг испугалась и дала вездеходу обратный ход. Когда машина стала взбираться по склону, свет фар опустился. В мутном сумраке вне световых лучей заметно было, как шар продолжает раскрываться. В глубине его что-то шевелилось, и девушка пожалела, что убрала свет.

Тут вездеход стал боком наезжать на крутую, неровную каменную плиту. Заэль снова повернула вниз, избегая сильного наклона. Свет немедленно качнулся в сторону — но вернулся к шару, как только девушке удалось выровнять машину.

Две половинки шара уже полностью разделились. Стоило свету снова упасть туда, как в середине что-то резко дернулось. Заэли не удалось разглядеть ничего, кроме плотного, блестящего металлического кольца. Пока она мешкала, меж половинками шара началось новое движение. Что-то резко сверкнуло — а затем почва дрогнула, и по кабине был нанесен тяжелый, звучный удар. Свет фар беспорядочно заметался — и погас.

В наступившей темноте машина стала опрокидываться. Заэль ухватила за рычаги управления — слишком поздно. Вездеход перевернулся.

Девушку выбросило из кабины. В ушах звенело, Заэль катилась по мертвенно холодным камням, и лютый холод, казалось, сковал все ее тело. Ледяные иглы безжалостно вонзались в плоть сквозь снаряжение. Вскоре девушке удалось встать на четвереньки, упираясь в скалы шипастыми подошвами ботинок.

Даже от столь краткого соприкосновения с ледяной поверхностью пальцы заныли от холода. Заэль машинально стала искать глазами вездеход, который означал для нее тепло и безопасность. Обломки машины лежали на склоне кратера. Заэль инстинктивно устремилась

туда — но не успела сделать и шага, как раскореженная машина подскочила и откатилась по склону еще на дюжину ярдов.

И только тут девушка поняла, что снизу в вездеход кто-то стреляет. Затем она увидела поблескивающую фигуру. Странными судорожными движениями она подбиралась к разбитой машине. Фонарик на шлеме Заэли был выключен; девушка затаилась — и тут же через скалу ощутила два сокрушительных металлических удара.

Затем фигура появилась с другой стороны вездехода, скрылась внутри — и долгое время спустя снова сверкнула снаружи. Заэль успела заметить вздетую над телом узкую голову и два сияющих красных глаза. Голова опустилась; волнообразными движениями фигура заскользила в расщелину, приближаясь к Заэли. Единственным желанием девушки было убраться подальше. В темноте она стала карабкаться вверх, кружа у острокопечного пика. Затем увидела, как голова сверкнула ниже по склону — среди беспорядочно разбросанных валунов. Тогда Заэль, невзирая на опасность, сломя голову бросилась к разбитому вездеходу.

Приборная доска расколочена, рычаги и педали вырваны, искорежены, циферблаты разбиты. Заэль хотела было осмотреть двигатель и трансмиссию, но, взглянув на неправдоподобно изогнутый карданный вал, поняла, что смысла в этом не было.

Внизу, в ложбине, девушка заметила серебристую фигуру, что металась у края расщелины. Не сводя с нее глаз, Заэль осмотрела свой скафандр и инструменты. Похоже, кислородные баллоны и система рециркуляции в порядке.

Глядя на пустой расколотый шар, лежавший под светом звезд, Заэль размышляла. Должно быть, эта тварь многие тысячелетия, свернутая в клубок, пролежала в шаре. А светочувствительное устройство, вмонтированное в оболочку, должно было прервать сон твари, когда планетоид снова приблизится к Солнцу. Но свет фар раскрыл шар прежде времени — и прежде времени про-

будилась таившаяся в нем тварь. Что станет делать она теперь?

Так или иначе, первым долгом Заэли было предупредить корабль. Девушка включила радиопередатчик своего скафандра; радиус его действия был невелик, но корабль приблизился уже на достаточное расстояние.

Заэль ждала долгие минуты — но ответ так и не пришел. Вероятно, одна из высоких скал перекрывала передачу.

Потеря вездехода стала подлинной катастрофой. Заэль оказалась одна, без средства передвижения — за сорок миль непроходимой местности от домика-пузыря.

И в то же время надо было разузнать, что представляла из себя загадочная тварь. Девушка нерешительно взглянула на пустой шар, лежавший под звездным светом. Путь крайне труден и опасен — идти придется медленно, не включая фонаря, чтобы не привлечь внимания твари.

Заэль стала спускаться, осторожно выбирая дорогу меж беспорядочно наваленных камней. Временами ей приходилось перепрыгивать через широкие расщелины. Уже на полпути по склону девушка вдруг заметила движение внизу и замерла. В поле зрения возник силуэт твари. Она как раз переползала через неровный гребень скалы — Заэль снова увидела треугольную голову, волнообразные взмахи щупалец — еще несколько секунд и тварь скрылась внутри открытого шара.

Заэль медленно и осторожно приближалась, ни на миг не спуская глаз с шара. Вскоре тварь появилась вновь — на сей раз странно выпрямившаяся и растолстевшая. Выбрав место поровнее, она остановилась и разделилась на две части. Одна часть оказалась собственно тварью, а другая — узкой металлической конструкцией футов десяти в длину. Потом тварь снова полезла в шар и вытащила оттуда округлый механизм, который затем стала прилаживать к одному концу металлического каркаса. Работала тварь при помощи щупальцеобразных органов, пучками

торчавших у нее из головы. Бестия еще раз вернулась к шару и на сей раз появилась оттуда с двумя большими кубическими предметами. Их тварь прикрепила к другому концу каркаса и трубками соединила с округлым аппаратом.

Тут девушке впервые стало закрадываться в голову подозрение, уж не собирает ли эта тварь летательный аппарат? Никакого корпуса — лишь узкий стержень, который тварь могла обвить. Округлый предмет — почему бы и не двигатель? И два контейнера для реакционной массы. Но Заэль вдруг почувствовала уверенность. Счетчик Гейгера остался в разгромленном вездеходе, но девушка не сомневалась, что аппарат округлых форм должен содержать радиоактивные вещества. Реактор без экрана для корабля без корпуса! Может быть, эта тварь может обеспечить себе защиту от облучения? Странно. Невозможно! Но какое существо из плоти и крови смогло бы пережить долгие годы на безвоздушном планетоиде при температуре, близкой к абсолютному нулю?

Заэль застыла на месте, погруженная в мрачные мысли. Как и все ее соплеменники, девушка слышала о прогремевшей эоны назад войне между обитателями холодных планетоидов. Некоторые историки считали, что война закончилась после разрушения четвертой планеты — той, что прежде занимала место астероидов. То, верно, была жестокая война; и теперь Заэль понимала почему. Ведь если на одной стороне воевали гуманоиды, а на другой — существа, подобные этой твари, то ни те, ни другие не могли успокоиться, пока не стерли бы противника в порошок. И если теперь последнему из врагов удастся спастись — а быть может, и произвести на свет себе подобных...

Заэль медленно двигалась вперед — от камня к камню — перемещаясь только когда тварь скрывалась из виду. К тому времени бестия уже успела приделать к передней части каркаса несколько непонятных штуквин. Затем снова забралась в шар. Заэли показалось, что теперь конструкция завершена.

Сердце девушки глухо колотилось. Она вышла из укрытия и неловко устремилась вперед на цыпочках. Так получалось быстрее. Когда она почти добралась до конструкции, из открытого шара снова появилась тварь. Огромная, серебристо-серая в тусклом свете звезд, она заскользила к Заэли, покачивая высоко поднятой металлической головой.

Чисто машинально Заэль включила нашлемный фонарик. Луч запылал — и за какой-то миг девушка успела разглядеть металлические ребра и сверкающие челюсти. А затем тварь резко нырнула во мрак. Обомлевшая, девушка не могла двинуться с места. Тварь не выносит света, наконец решила она. И отчаянно ринулась вперед — к шару.

Тварь затаилась там, свернувшись кольцом. Когда свет упал на бестию, она выскочила и устремилась прочь. Заэль бросилась в погоню — и успела еще раз выхватить ее из темноты на дальней стороне низкого гребня. Затем тварь нырнула в расщелину и исчезла.

Заэль вернулась к шару. Конструкция лежала все там же. Веса она оказалась порядочного, но все же девушка сумела раскачать ее как следует и обрушить на ближайшую скалу — так, что пальцы заныли от удара. Каркас вылетел из рук, оба контейнера отскочили. Заэль снова раскачала каркас — и изо всех сил грохнула его о скалу. После еще нескольких попыток рама окончательно сломалась и округлый механизм отвалился.

Тварь все не показывалась. Заэль подтащила обломки конструкции к ближайшей расщелине и сбросила их туда. Обломки медленно опускались в луче фонарика — и наконец скрылись из вида.

Тогда девушка вернулась к шару. О твари по-прежнему ни слуху, ни духу. Заэль осмотрела внутренности шара. Там находилось множество необычной формы ячеек, в которых лежали всякие хитроумные устройства вроде первого. Разбираться, для чего они, времени не оставалось. Возможно, машины. Возможно, оружие. На всякий случай Заэль вынула из шара все, что удалось поднять — и отправилась вслед за конструкцией.

Теперь Заэль спокойно могла считать, что сделала все, от нее зависящее — а быть может, и больше. Единственной ее задачей стало выжить — вернуться к домику-пузырю, вызвать спасательную капсулу и выбраться отсюда.

Она отправилась обратно вверх по склону, миновала разбитый вездеход, в точности повторяя свой маршрут — пока не добралась до стенки кратера.

Теперь на сотни футов над головой у девушки простирались крутые, неприступные скалы. Вскоре Заэль убедилась в том, что все ее попытки одолеть такую крутизну изначально обречены на провал. Начав опрокидываться, девушка соскочила на ровную поверхность.

Заэль проделала полный круг по кратеру, пока не убедилась в том, что выбраться невозможно.

Ее прошиб холодный пот. Зазубренные вершины, казалось, клонились к Заэли, насмешливо на нее поглядывая. Девушка немного постояла, чтобы успокоиться, приняла соленую таблетку и глотнула воды из трубки дозатора в шлеме. Индикаторы показывали, что воздуха осталось самое большее на пять часов. Надо спешить.

Поблизости Заэль обнаружила склон, который казался ей полегче, и бросилась вверх. Когда инерция перестала нести ее вперед, девушка ухватила руками. Холод вонзался сквозь перчатки мириадами крошечных иголок. Даже малейшее прикосновение болезненно отзывалось в пальцах и в нескольких ярдах от вершины они вдруг стали неметь. Девушка яростно карабкалась, но пальцы уже не держали — руки бессильно скользили по скале.

Заэль падала — медленно съезжала по склону, куда с такими мучениями забиралась. Наконец она отчаянно ухватила — и сумела задержаться как раз на полпути.

Сердце сдавила холодная клешня отчаянья. Она совсем молода и не хочет смерти — даже быстрой и бескровной. А умирать медленно, жадно хватая ртом воздух в обгаженном скафандре или коченея на ледяном камне... просто невыносимо.

Где-то вдалеке на дне кратера в неясном свете звезд Заэль заметила движение. Тварь. Интересно, что она делает там теперь — когда Заэль уничтожила ее средства к спасению? Девушке не сразу пришло в голову, что твари, быть может, тоже никак не выбраться. После некоторых раздумий Заэль не слишком решительно направилась вниз по склону — к чужаку.

Там, на дне, он повернулся навстречу Заэли — сияющие в темноте красные глаза и кольцо тонких сочлененных «рук», располагавшихся у головы наподобие воротника. Когда девушка приблизилась, голова поднялась еще выше, а пасть раскрылась.

Вид чужака вблизи наполнял душу холодным отвращением. И не только потому, что существо, представшее перед девушкой, казалось сотворенным не из плоти, а из металла — оно было чем-то крайне чужеродным человеку. Всем своим видом он, казалось, говорил: «Я несую погибель всему, что ты любишь».

Между ними не было ничего общего, кроме ненависти — и страха. Разглядывая чужака с другой стороны трещины, Заэль вдруг поняла, что он, должно быть, напуган не меньше ее самой. Сделанный из металла, вечно жить без тепла чужак тоже не мог. Заэль уничтожила его летательный аппарат — и теперь чужак оказался в ловушке вместе с девушкой. Как же все-таки заставить его понять?

Заэль отошла вдоль края трещины на несколько ярдов, а затем перепрыгнула на сторону чужака. Тот внимательно наблюдал за девушкой. Чужак явно был наделен разумом и понимал, что Заэль — не коренная обитательница планетоида. А значит, у нее должен быть корабль — или другие средства к спасению.

Заэль развела руками. Кольцо конечностей чужака расширилось в ответ — но что выражал этот жест — одобрение или угрозу? Подавляя страх и отвращение, девушка подошла ближе. Высокая фигура раскачивалась над ней в свете звезд. Теперь Заэль обратила внимание, что сегменты тела чужака представляют собой металлические

кольца, свободно наезжавшие друг на друга. У основания каждого кольца оставалась щель, и внутри девушка сумела разглядеть какой-то механизм.

Подобное существо никогда не смогло бы развиваться ни в одном из миров — оно явно было искусственного происхождения. Длинное гибкое тело приспособлено для преследования; челюсти предназначены для убийства.

В какую же бездну ненависти, недоступной пониманию Заэли, нужно было впасть, чтобы сотворить подобное чудовище и выпустить его в мир живых!

Заэль с трудом заставила себя сделать еще шаг навстречу. Она указала на себя, затем назад, на стенку кратера. Девушка повернулась и перепрыгнула трещину, затем собралась с духом и прыгнула обратно.

После долгих раздумий чужак медленно двинулся вперед. Заэль так же медленно отступала — пока не оказалась у самого края трещины. Вся дрожа, девушка протянула чужаку руку. Огромная голова медленно наклонилась; вскоре кольцо щупальцев обернулось вокруг рукава Заэли. Красные глаза слепо глядели всего в нескольких дюймах от лица девушки.

Наконец Заэль повернулась к трещине и сильно толкнулась. Она постаралась сделать поправку на массу чужака, но непривычная обуза опрокинула ее навзничь в полете. Они приземлились вместе, издав резкий скрежет. Заэль неловко поднялась на ноги, стараясь убраться подальше от пронизавшего ее сквозь снаряжение холода. Чужак уже выпрямился и стоял неподалеку — слишком близко.

Заэль снова машинально шлепнула по кнопке фонарика. Чужак немедленно отскочил, свиваясь серебристыми кольцами.

Потрясенная, Заэль дрожала. Сердце готово было вот-вот выскочить из груди. Сделав над собой еще усилие, девушка снова выключила фонарик. Чужак ожидал ее ярдах в десяти.

Когда Заэль двинулась с места, двинулся и чужак. Достигнув очередной трещины, Заэль застыла — и стояла

неподвижно, пока чужак снова не приблизился и не обхватил ее руку своими щупальцами.

На другой стороне они опять разделились. Действуя таким образом, враги одолели четыре каменных островка — пока не подошли наконец к стенке кратера.

Чужак стал медленно тянуться вверх. Когда вытянулся в полный рост, щупальца отыскивали выступ — и хвост повис в воздухе. Затем длинное тело элегантно выгнулось вверх — и щупальца на хвосте чужака нашли над головой другую зацепку.

Там чужак помедлил и оглянулся на Заэль. Девушка вытянула руки, изображая, будто в пантомиме, подъем; затем отступила, отрицательно качая головой. Затем снова вытянула руки.

Чужак явно колебался. Наконец после долгой паузы головные конечности чужака снова нашли зацепку, а хвост свесился вниз. Когда чужак скользнул ближе, Заэль собралась с духом. Гладкая сияющая голова нависла над ней. В это застывшее мгновение Заэли вдруг подумалось, что чужак, быть может, воспринимает мир как фотографический негатив: все, что ей самой кажется добром, для него выглядит как зло — и наоборот. Когда их тела соприкоснулись, с чувством странного опьянения девушка поняла, что и чужак, вероятно, думает, что заключает в объятия саму тьму.

Затем голова чужака скользнула к плечу Заэли — тяжелые кольца с негромким шуршанием обвили ее тело. Чужак был холоден, но все же теплее ледящего холода скал. Когда кольца сжались, Заэль почувствовала всю холодную мощь огромного тела врага. А потом земля ушла из-под ног. Отвесная стена наклонилась и закачалась под каким-то сумасшедшим углом.

Дурнота истощала силы Заэли, пока девушка лежала в объятиях металлических колец. Звезды раскачивались над головой; затем выровнялись. Чужак опустил девушку на вершине стенки кратера.

Холодные кольца медленно соскользнули. Дрожащая и потрясенная, Заэль следовала за чужаком по изрытой,

разбитой каменной поверхности. Прикосновения врага все еще горели на ее теле. Все это было будто некий смысл, что холодно и тяжеловесно лежал у нее внутри — будто загадка, которую Заэль должна была разгадать. И еще — будто снятое с пальца обручальное кольцо, которое, как кажется, долго еще остается на своем месте.

Впереди — в беспорядочной беспредельности долины — в ожидании Заэли торчала голова чужака. Девушка покорно подошла к врагу — туда, где он лежал на краю трещины. На сей раз вместо того, чтобы обхватить ее руку, чужак обвил вокруг девушки всю свою тяжелую массу.

Заэль прыгнула. На той стороне массивное тело медленно — едва ли не с неохотой — соскользнуло и откатилось в сторону. Когда подошли к возвышению, чужак снова сжал девушку в холодных объятиях — и невесомо качнул ее вверх, будто спящую.

Солнце висело низко над горизонтом. Заэль потянулась было к кнопке радиопередатчика, затем поколебалась и убрала руку. Что сказать? Как сказать так, чтобы они поняли?

Время ускользало. Когда миновали одну из рудных разработок, где скалы мерцали холодным лиловым светом, Заэль поняла, что они на верном пути. По своим же отметкам девушка и ориентировалась — а еще по солнцу. У каждой расщелины чужак оборачивался вокруг плеч Заэли; а у каждого крутого подъема обвивался вокруг талии — и длинными, легкими дугами поднимал девушку к вершине.

Когда с одной из возвышенностей Заэль разглядела домик-пузырь, то вдруг с ужасом поняла, что потеряла счет времени. Девушка взглянула на индикаторы. Воздуха осталось на полчаса.

Понимание трагичности положения пробудило какие-то новые сферы ее сознания, до той поры остававшиеся в сонном, отключенном состоянии. Заэль знала, что чужак тоже заметил домик-пузырь — в поведении врага проскальзывала теперь какая-то новая напряженность —

новая пристальность появилась в его взгляде. Девушка попыталась припомнить топографию местности, отделявшей их от домика. Десятки раз она тут бывала — но всякий раз в вездеходе. Теперь все казалось совсем другим. Высокие гребни, раньше составлявшие лишь временное препятствие, стали непроходимы. Изменилось все представление о местности; теперь Заэль не могла быть уверена даже в собственных межевых знаках.

Они проходили последнюю рудную разработку. Тут и там скалы освещал холодный лиловый свет. Сразу за этим местом, вспомнила Заэль, должна быть широкая расщелина; чужак, в нескольких ярдах от девушки, за ней не следил. Наклонив голову, Заэль припустила во весь дух. Расщелина оказалась на месте; добежав до края, девушка прыгнула.

А уже на той стороне обернулась. Чужак метался взад-вперед по краю расщелины, воротник конечностей яростно вздымался, красные глаза сверкали. Вскоре движения замедлились и вовсе прекратились. Враги пристально разглядывали друг друга через безмолвную бездну; наконец Заэль отвернулась.

Индикаторы показывали еще пятнадцать минут. Заэль перешла на быстрый шаг и вскоре обнаружила, что спускается в знакомую ей глубокую расщелину. Повсюду попадались отметины того пути, который девушка привыкла проделывать в вездеходе. Вот там, справа, где звезды сияют сквозь щель, должно быть место, где скальная осыпь образует подобие естественной лестницы, ведущей из расщелины... Но чем дальше Заэль продвигалась, тем большее беспокойство испытывала. Слишком уж высока и крута оказалась дальняя стена расщелины.

Наконец Заэль остановилась у самой щели — и нет там никакой лестницы!

Должно быть, она спутала место. Теперь оставалось только идти по расщелине до желанной лестницы. После недолгих колебаний девушка торопливо зашагала налево.

С каждым шагом казалось, что расщелина вот-вот станет знакомой. Конечно, не могла же Заэль за такое ко-

роткое время уйти так далеко по неверному пути! Световое пятнышко от нашлемного фонарика все плясало и плясало перед ней, издевательски неуловимое. И девушка вдруг поняла, что заблудилась.

Воздуха оставалось на семь минут.

Тут Заэли пришло в голову, что чужак все еще должен оставаться там, где она его и бросила — в ловушке на одном из каменных островков. И если бы теперь, не теряя ни секунды, девушка вернулась к нему, еще могло бы остаться время.

Заэль издала невольный протестующий стон, но все же повернула обратно. Движения стали поспешными и неуверенными; раз девушка споткнулась и едва успела обрести равновесие и избежать неприятного падения. Но остановиться или хотя бы сбавить скорость Заэль не рискнула. Девушка задыхалась; привычная вонь рециркулированного воздуха будто становилась все тяжелее и отвратительнее.

Заэль взглянула на индикаторы: пять минут.

Взбираясь на возвышение, девушка разглядела наконец среди лиловых отсветов изменчивый металлический блеск. Вот уже последняя трещина; Заэль перепрыгнула ее и напряженно остановилась. Чужак медленно приближался. Громадное металлическое лицо ничего не выражало, пасть была закрыта. Пучок щупальцев почти не шевелился — лишь изредка одна из сочлененных конечностей вдруг резко вздрагивала. Во всем облике чужака виднелось некое угрюмое, недвижимое ожидание. Заэли стало не по себе, но времени на страхи уже просто не оставалось.

Резкими торопливыми жестами девушка попыталась объяснить, что ей нужно. Чужак медленно скользнул вперед и так же медленно обернул ее своими кольцами.

Прыжка и приземления Заэль почти не почувствовала. Чужак плавно скользил рядом — но теперь уже достаточно близко, чтобы в любую секунду ее коснуться. Они все углублялись в освещенный лишь светом звезд полумрак расщелины — и Заэль ступала все неувереннее, лишенная

возможности использовать нашлемный фонарик. У самого основания стенки враги помедлили. Чужак ненадолго повернулся и взглянул на девушку.

В ушах у Заэли стоял звон. Огромная голова качнулась, к ней — и прошла мимо. Металлические «руки» ухватились за скалу — и вот громадное тело уже раскачивалось над головой у девушки. Заэль смотрела вверх — и видела, как чужак делает по скале свои петли; вот он последний раз мелькнул на фоне звезд — и исчез.

Заэль с ужасом и неверием смотрела вслед врагу. Все произошло слишком быстро — но как же она могла оказаться такой наивной? Даже не попыталась ухватиться за кольца, когда они были совсем рядом!

Диски индикаторов виднелись как в тумане; стрелки висели где-то около нуля. Пошатываясь и спотыкаясь, Заэль устремила вправо по расселине. Воздуха оставалось, может, на минуту-другую — а потом еще пять-шесть минут медленного удушья. Но она пока еще жива — значит, надо искать лестницу.

Стены расщелины вместо того, чтобы снижаться до приемлемого уровня, наоборот — вздымались скалами и остроконечными пиками. Замерзшая до смерти и одуревшая от слабости, Заэль остановилась. На фоне звезд высились безмолвные пики. Никакой помощи ждать отсюда не приходилось — как и из окружавшего девушку мертвого и кроважадного мира.

Вдруг прямо под ноги Заэли упал камушек. Изумленная, девушка отшатнулась. Камушек катился прочь в звездном свете. Прямо на глазах у Заэли откуда-то выскочил другой обломок скалы, потом еще один. Теперь девушка видела, как камни падают, отскакивают и катятся дальше.

Заэль вскинула голову. Уже на полпути к скале, легко раскачиваясь от зацепки до зацепки, к ней приближался чужак. Вместе с ним плыла целая туча обломков скалы, выбитых от торопливого спуска. Камни медленно плыли вниз и отскакивали от скалы над головой у Заэли. Чужак одолел последние несколько ярдов и опустился рядом с девушкой.

Перед глазами у Заэли все плыло. Она даже не увидела, как тяжелые кольца обвивают тело — лишь почувствовала, что ее поднимают и несут. Слишком плотные кольца — даже не вздохнуть. Но когда чужак отпустил Заэль, давление не ослабло.

Пошатываясь, девушка побрела вперед — к домику-пузырю — туда, где он маячил над низким горизонтом — туда, на его сигналы. В груди пылал огонь. А рядом, будто ртуть, скользил меж скалами чужак.

Раз Заэль упала — жуткое, медленное, беспомощное падение в зубодробительный холод — и тяжелые кольца чужака помогли ей подняться.

Потом еще одна трещина. Заэль стояла на самом краю, шатаясь из стороны в сторону и только теперь понимая, зачем чужак вернулся. Как аукнется, так и откликнется. Но теперь Заэль слишком ослабела, чтобы снова затевать ту же игру. Да и щупальца крепко держали ее за рукав.

Наверху, где-то в созвездии Дракона, корабль Исар уже приближался к каменному шарiku. Заэль нащупала кнопку радиопередатчика. Хриплым и чужим голосом она произнесла:

— Мать...

Тяжелое тело чужака давило на плечи. Грудь зверски ныла при каждом вдохе, а перед глазами стоял туман. Собрав последние силы, девушка прыгнула.

На той стороне мир двигался вокруг Заэли с расплывчатой медлительностью. Она видела, как где-то в конце туманного проспекта мерцает домик-пузырь, и знала, что туда во что бы то ни стало нужно добраться. Девушка уже сама не знала зачем. Может, это как-то связано со скользящим рядом серебристым существом?

Внезапно наушники заполнились гудением позывных грузового корабля.

— Заэль, это ты?

Слова девушка услышала, но смысл их куда-то ускользнул. Домик-пузырь уже совсем рядом — вот он — вот гибкий клапан дверного прохода. В голове звенела отчетливая мысль, что серебристому нельзя позволить туда

войти. Иначе враг размножится — а потом от вездесущих металлических тварей будет настоящая беда.

Заэль неловко потянулась, чтобы помешать чужаку, но потеряла равновесие и упала прямо на стенку пузыря. Огромная серебристая голова замаячила где-то наверху. Девушка увидела, как пасть раскрылась — и как сверкнула пара страшных клыков. Голова осторожно опустилась, челюсти сжали бедро Заэли, и клыки лишь раз вошли в ее тело. Затем чужак неспешно пополз прочь и скрылся из виду.

От бедра по всему телу растекался холод. Заэль увидела две тонких струйки пара, тянувшихся из-под снаряжения в местах проколов. Затем девушка увидела, что чужак влезает в пузырь через гибкий клапан. Видно было, как враг ползает внутри, избегая единственного огонька. Вот он ощупал гамак, лампу, радиопередатчик. Вдруг вспомнив, Заэль жалобно протянула:

— Ма-ать!

Будто в ответ, снова раздались позывные грузового корабля, и голос произнес:

— Заэль, что с тобой?

Девушка попыталась откликнуться, но неповоротливый язык не сумел подыскать слова. Заэль чувствовала смертельную слабость и холод — но только не страх. Пошарив в снаряжении, она нашла липкую пасту и замазала проколы. В первую секунду паста вздулась, а затем засохла. От ледяной болячки в бедре медленно растекалось что-то расслабляющее. Заэль опять повернулась и увидела, что чужак все еще вьется у радиопередатчика. Виден был красный бугорок сигнализатора спасательной капсулы. На глазах у девушки туда потянулась одна из конечностей чужака.

Заэль взглянула вверх. Мгновение спустя оранжевая искорка словно помедлила — а затем понемногу стала расти. Вскоре огонек превратился в яркую звезду — затем в золотистую вспышку.

Спасательная капсула опустилась на скалистую равнину в сотне ярдов от девушки. Факел мигнул и погас.

Ослепленная, Заэль увидела темную фигуру чужака. Враг выскользнул из домика-пузыря.

На мгновение он остановился, и жуткая голова уперлась застывшим взглядом в Заэль. Затем чужак двинулся дальше.

Дверца переходного шлюза — желтый световой кружок на фоне черноты. Поначалу он, похоже, заколебался — затем все же скользнул внутрь и исчез. Дверца закрылась. Несколько мгновений — и факел снова вспыхнул. Капсула начала подниматься на огненном столпе.

Будто в колыбели Заэль лежала на упругом изгибе пузыря. В голове мелькала мысль, что совсем рядом — внутри, в нескольких футах — воздух и тепло. И какую бы отраву не ввел ей чужак, так скоро Заэль не умрет. Корабль матери на подходе. И можно выжить.

Но спасательная капсула все поднималась и поднималась в своем длинном золотистом оперении, а глаза девушки уже не различали ничего, кроме жуткой красоты восхождения в ночь.

БИЛЕТ КУДА УГОДНО

1

Ричард Фальк был вполне нормальным человеком. До тех пор, пока не остался единственным нормальным в мире безумцев.

А теперь он стал мертвецом.

Он лежал в безвоздушном и звуконепроницаемом металлическом гробу в двадцать ярдов длиной и три шириной. Под защитной пластиной шлема, под морозным воздухом и инеем ярко синели его губы; щеки, нос и лоб были посветлее — почти лиловыми. Плоть его была тверда и холодна. Он не двигался, не дышал и не мыслил: он был мертв.

К исполинскому туловищу его скафандра крепилась металлическая коробочка с надписью: СЕРДЕЧНЫЙ ДАТЧИК СКАТО. ИНСТРУКЦИИ ВНУТРИ.

Вокруг располагались ящики, канистры, брезентовые мешки, бочонки. Груз. Такелаж. Его гроб был грузовым кораблем, летевшим к Марсу.

В замороженном мозгу Ричарда Фалька все воспоминания располагались в том же порядке, в каком он их и оставил. Но каждое в своей ячейке, по отдельности — энтропия его мозга упала до нуля. И самыми впечатляющими среди воспоминаний, ожидающих оттепели, ко-

торая могла никогда и не наступить, были воспоминания о последних часах его жизни.

Когда корабль наконец вырвался на свободу, Фальк некоторое время вынужден был ждать, выключив обогрев скафандра, прислушиваясь к мертвому безмолвию и медленно остывая: сначала онемели пальцы рук и ног, за ними уши и нос, затем губы, щеки и все остальные части тела. Сотрясаясь от мучительного холода, он наблюдал, как пар от его дыхания наполнял шлем, и холодные капли собирались на ледяной защитной пластине.

Все это было рискованно и требовало немалой отваги. Если последний шаг к неподвижности окажется слишком медленным, замерзающая влага его тела закристаллизуется, протыкая клетки миллионами крохотных иголок. Если ждать слишком долго, то холод вообще лишит его способности действовать.

В тело прокрадывалось ложное тепло умирания, нежно и спокойно обволакивая конечности. Он втиснулся в узкую щель меж двух брезентовых связок груза, добрался до самого корпуса корабля, и там, распластанный на холодном металле корпуса, он умер.

Корабль — тишайшая из могил — недвижно висел в самом центре звездного шара, и мог висеть до самого конца, не ведая ни изменений, ни времени. Ведь время — лишнее понятие для транспортного корабля и всего его содержимого, за исключением разве что управляющего робота, который пока что бездействовал, но обогревался тончайшей струйкой электронов при температуре, близкой к абсолютному нулю.

Но вот шелкнуло реле, передавая свой трепет опорной раме, ригелю и всему корпусу корабля. Время возобновило свой ход. Включилась радарная установка на носу корабля; вскоре сработали другие реле, а затем проснулся двигатель. На мгновение корабль снова пришел в движение — камушек, летящий меж звезд. Вскоре по корпусу забарабанили атмосферные частицы. Корабль легко нырнул в марсианское небо и снова вынырнул, облетая пла-

нету по орбите. Щелкнуло последнее реле — и гроб Фалька ринулся к земле, свободный от скелетной оболочки корабля, который, вспыхнув соплами двигателя, унесся назад, в безвременную бездну.

Над корпусом грузового отсека раскрылся парашют. В поле земного тяготения он и минуты не выдержал бы такого груза в атмосфере Земли; но здесь, на Марсе, он бережно опустил груз на поверхность планеты.

А тем временем под оболочкой скафандра медленно оттаивал труп Фалька.

Биение сердца — вот первое, что почувствовал Фальк, придя в сознание, и он благодарно прислушивался к еле ощутимому ритму.

Вскоре началось болезненное покалывание в конечностях — а затем он увидел розовую дымку на своих опущенных веках.

Фальк открыл глаза.

Бледное пятно перед глазами постепенно превратилось в лицо. Оно ненадолго исчезло, затем вернулось. Теперь Фальк смог разглядеть его. Лицо молодого мужчины — около тридцати — с матово-бледной кожей и синевой щетины на подбородке. Гладкие, слегка засаленные волосы. Брюнет. Очки в черной оправе. Насмешливые морщинки по углам тонкого рта.

— Ну что, порядок? — спросило лицо.

Фальк еле слышно зашептал, и лицо придвинулось ближе. Он попытался снова:

— Похоже, так.

Молодой человек кивнул. Затем подобрал что-то с постели и принялся разбирать на части, укладывать в желобки металлические коробки. Сердечный зонд, догадался Фальк; округлый корпус управления и тонкая, как волос, игла.

— Где вы это взяли? — спросил молодой человек. — И какого черта вам понадобилось на борту грузового корабля?

— Зонд я украл, — ответил Фальк. — И скафандр, и все остальное снаряжение. Выкинул сколько надо груза, чтобы скомпенсировать вес. Мне нужно было добраться до Марса. Единственный вариант.

Молодой человек опустил руки на колени.

— Вы это *украли*, — с недоверием повторил он. — Значит, вы никогда не проходили аналоговой обработки?

Фальк улыбнулся.

— Все в порядке, проходил. Раз десять. И ни разу не подействовало. — Он чувствовал страшную усталость. — Дайте мне отдохнуть немного, ладно?

— Конечно. Извините.

Молодой человек ушел, и Фальк закрыл глаза, возвращаясь к медленному наплыву воспоминаний, двигавшемуся у него в голове. Он еще раз прожил в памяти агонию последних часов. Оставалась какая-то травма, и нельзя было позволять этой травме покоиться в себе, чтобы с ним в дальнейшем не приключилось беды. Надо принять все как есть, распознать страх и научиться с ним жить.

Через некоторое время молодой человек вернулся с чашкой дымящегося бульона. Фальк благодарно принял чашу ослабевшими руками и медленно, глоток за глотком, осушил ее. Затем, даже не заметив этого, погрузился в сон.

Проснувшись, Фальк почувствовал, что заметно окреп. Он попробовал сесть и с удивлением обнаружил, что попытка удалась. Молодой человек, сидевший в кресле в другом конце комнаты, отложил трубку и подошел, чтобы подложить Фальку под спину подушки. Затем вернулся на свое место. Комната была заполнена всяческим хламом и тяжелыми запахами. Пол, стены и потолок представляли из себя сплошные листы эмалированного металла. Совсем немного мебели, на полках — книги, катушки с микрофильмами, кассеты — и груды подобного барахла на полу. С дверной ручки свисала грязная рубашка.

— Ну что, поговорим? — спросил молодой человек. — Меня зовут Вольферт.

— Рад познакомиться. А я — Фальк... Наверное, для начала вы хотите узнать об этой истории с аналогами.

— И еще одно — почему вы здесь.

— Это все об одном и том же, — вяло отмахнулся Фальк. — Итак, я невосприимчив к аналоговой обработке. Чего я и сам не знал, пока мне не стукнуло десять. Видимо, врожденный дефект. С семи лет я помню, как другие пацаны болтали о своих Хранителях — и тогда я прикинулся, что он и у меня есть. Знаете, как бывает у детей — готовы на все, лишь бы вместе с ребятами.

Но лишь через годы я понял, что я действительно был единственным, у которого отсутствовал невидимый Хранитель, а значит, отрезались все возможности для общения с ним. Прежде я был уверен, что пацаны ввали насчет того, что могут видеть своих Хранителей.

Мне стукнуло десять, когда я совершил свою первую кражу. Эта книга была нужна мне позарез, но отец ни за что не купил бы ее. Продавец отвернулся — и я запихнул ее под куртку. Смешно, но я успел прочитать книжку до середины, пока до меня наконец не дошло, что своим поступком я и так доказал, что не имею никакого Хранителя. Прежде я утешал себя надеждой, что не видел своего Хранителя только потому, что в жизни не делал ничего плохого.

Слава Богу, у меня хватило здравого смысла, чтобы сжечь книгу. Если бы меня вычислили, то не протянуть мне и до совершеннолетия.

Вольферт хмыкнул.

— Да уж, — заметил он. Взгляд его был прикован к Фальку — заинтересованный, живой, осторожный взгляд.

— Даже один вышедший из-под контроля индивид может спутать все карты правителям и политикам. Но ведь невосприимчивость теоретически невозможна.

— Я сам на этом вопросе чуть мозги не надорвал. Если опираться на классическую психологию, то все так и есть. У меня нет особой резистентности к снотворным и транквилизаторам; они действуют на меня вполне нормально. Вот только цензурный механизм никак не от-

кликается на их воздействие. Была у меня блестящая идея, что я, возможно, — не что иное, как продукт мутации, то есть аналоговая обработка сработала как фактор антивыживания. Сомнительно, конечно. Однако, насколько мне удалось выяснить, таких, как я, в природе больше не существует.

— М-да, — отозвался Вольферт, попыхивая трубкой. — Неплохо бы вам дополнить свои теоретические разработки некоторыми практическими шагами: жениться, завести детей и посмотреть, окажутся ли они так же невосприимчивы.

Фальк окинул его холодным взглядом.

— Вольферт... не хотел бы вас обидеть, но вы сами смогли бы счастливо обосноваться в обществе маньяков?

Лицо собеседника медленно залило румянцем. Вольферт вынул трубку из рта и стал внимательно разглядывать резной чубук. Наконец он выдавил:

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Хотя, может быть, я и не прав, — поспешил отозваться Фальк, думая в то же время: «Я обидел его. Ничего не поделаешь». — Вы здесь уже десять лет, не так ли?

Вольферт кивнул.

— Дела идут все хуже и хуже, — продолжал Фальк. — Я взял на себя труд просмотреть кое-какие статистические данные. Найти их было нетрудно — эти идиоты гордятся до самозабвения. Численность обитателей психиатрических клиник неуклонно сокращается с тех пор, как была запущена в ход всемирная аналоговая программа.

Все меньшее число людей нуждается в услугах сумасшедших домов — и вовсе не из-за успехов терапии, а просто потому, что аналоговая техника неуклонно расширяется и совершенствуется. Парень, которому пятьдесят лет назад было бы уготовано остаться пожизненным параноиком, теперь имеет у себя в голове маленького человечка, который управляет им, заставляя придерживаться общепринятого образа жизни. При этом внешне его поведение вполне нормально, хотя внутри

он — настоящий буйнопомешанный. Хуже того — другой парень, который пятьдесят лет назад считался бы просто немного не в себе — и соответственно, получал бы регулярную порцию таблеток и электрошоки — теперь ничем не отличается от первого. Отныне они ничем не отличаются друг от друга. Более того, мы все можем превратиться в маньяков, а жизнь преспокойно будет следовать своим чередом.

Вольферт скорчил гримасу.

— Ну и что? По крайней мере, это мир спокойный и безмятежный.

— Ясное дело, — отозвался Фальк. — Ни войны или даже мысли о ее возможности, убийств, воровства — ни одного преступника. И все потому, что у каждого в черепе сидит полицейский. Но, знаете ли, Вольферт, всякое действие рождает противодействие — это справедливо как для физики, так и для психиатрии. Тюрьма — всегда останется местом, из которого надо выбраться; даже если на это уйдет вся жизнь. Свалите одного психа или уголовника — и на его месте тут же вырастет другой. Думаю, еще лет десять—двадцать — и кривая заполняемости сумасшедших домов снова поползет вверх. Потому что от тирании Хранителей нет другого спасения, кроме дальнейшего ухода в безумие. А со временем и самая совершенная аналоговая обработка перестанет действовать. Что они собираются делать тогда?

Вольферт набил трубку и встал, с отсутствующим видом посасывая мундштук.

— Вы говорите — они, — сказал Вольферт, — подразумеваемая, как я полагаю, психиатров, действительных правителей Земли. Очевидно, вы уже наметили для себя выход из этого мира.

Фальк улыбнулся.

— Да. С вашей помощью... я отправляюсь к звездам.

Его собеседник на мгновение оцепенел.

— Значит, вам все известно, — пробормотал Вольферт. — Что ж... пройдем в соседнюю комнату. Я покажу вам, к чему вы так стремитесь.

Фальк знал о существовании Прохода, но понятия не имел о том, как он выглядит. Небольшая камера, обшитая плитами странного материала. Нечто черное и блестящее, вроде стекла или стекловидного пластика. У дальней стенки этой небольшой кабины располагалась любопытной формы рукоять, напоминавшая набалдашник антикварной трости на слегка изогнутой палке. И больше ничего.

— Вот он, значит, какой, — выдохнул Фальк. Он сделал шаг вперед к Проходу.

— Стойте на месте, — предупредил Вольферт. — Перед входом устроена ловушка.

Фальк остановился и окинул долгим взглядом сначала Вольферта, а затем металлические шкафы, приваренные к полу по обеим сторонам от Прохода. Присмотревшись повнимательнее, он смог различить едва заметные пучки лучей, а над ними — металлические конусы электропарализаторов.

Вольферт поспешил подтвердить его догадку.

— На случай, если из камеры кто-нибудь попытается выйти. К тому же, здесь еще есть я. — Он положил руку на скорострельный автоматический пистолет в набедренной кобуре.

Фальк неторопливо опустился на стоявшую у стены скамейку.

— Но почему? — спросил он. — Почему они так боятся пришельцев?

Вольферт неловко оперся плечом о стену и принялся заново набивать трубку.

— Значит, вы знаете не все, — сказал он. — Рассказывайте, что вам известно, а я заполню пробелы.

Фальк неторопливо начал:

— Я выяснил, что Проход обнаружен первой экспедицией на Марс в конце второго тысячелетия. Очевидно, доклад космонавтов содержал заключение, что камера представляет собой часть некой межзвездной телепортационной системы, но, насколько я располагаю фактами, никто так и не удосужился исследовать это открытие.

У камеры был оставлен зритель — как я понимаю, ваш предшественник — после того, как идея колонизации Марса была отвергнута. Но причины мне неизвестны.

Вольферт усмехнулся и выпрямился, оттолкнувшись плечом от стены. Он принялся рассказывать по комнате, лишь изредка бросая взгляды на Фалька.

— Верно, перед нами транспортационная система. Помещаем в камеру какой-нибудь предмет, тросом приводим рычаг в действие — и предмет исчезает. Фьюить — и все.

На Марсе были обнаружены и другие останки цивилизации, но там все из камня и крайне примитивно; ничего похожего. Разумеется, первая экспедиция попыталась проникнуть в тайну камеры с рычагом, но тщетно. Просто камера. Просто рычаг. — Вольферт печально усмехнулся. — Сплошное разочарование. Любой физик чувствует себя здесь недоразвитым пригостишкой.

Один из участников первой экспедиции решил выяснить, что случится, если он заберется в камеру и нажмет на рычаг. Он-то наверняка выяснил, но для остальных это останется вечной загадкой. Вторая экспедиция спустила в эту треклятую камеру несколько мощных разнородных излучателей. Первый ответный сигнал они получили пять лет спустя, со стороны созвездия Лебедя. Еще два пришли через семь лет, затем четыре в течение тринадцатого года — и все из разных направлений. Остальные восемь еще не дошли.

Вольферт остановился, взглянул на Фалька.

— Теперь понимаете? Эта штукавина не обладает селективностью — она действует по принципу случайности. Конечно, запросто можно войти здесь и выйти на планете в какой-нибудь другой звездной системе — но у нас ушел бы миллион лет, чтобы методом проб и ошибок найти путь обратно. — Он выбил трубку о ладонь, просыпав пепел и табак на ковер. — Вот он, пожалуйста, этот чертов проход к звездам. А как им воспользоваться?

Фальк прислонился к стене и попытался осмыслить услышанное в целом.

— А вдруг эта сеть охватывает всего десяток-другой созвездий или даже того меньше? — предположил он.

— Не будьте идиотом, — отрезал Вольферт. — Раса, сумевшая создать *такое*, — он махнул рукой в сторону камеры, — не остановится на каком-нибудь жалком десятке звезд или даже на тысяче. Да они овладели всей галактикой, черт побери! — Вольферт вытащил из кармана пакет с табаком и начал возбужденно набивать свою трубку. — Шесть миллиардов звезд, — бормотал он. — А согласно современной космологии все, магистральные звезды имеют планетные системы.

Он снова указал на камеру.

— Кстати говоря, ее объем примерно триста шестьдесят кубических футов, — заметил он. — Достаточно для одного человека и припасов на месяц или для пятнадцати человек и припасов на неделю. Больше пятнадцати там не поместится. При этом — никакой уверенности, что они высадутся там, где можно прожить хотя бы минуту.

— Да, действительно, сплошное разочарование, — согласился Фальк. — Но все-таки я не понимаю, зачем вы здесь — и к тому же с оружием. Зачем убивать пришельца?

— Проклятье! — вспыхнул Вольферт. — Это не мое решение, Фальк. Я всего-навсего охранник.

— Понятное дело, — отозвался Фальк. — Но что стоит за такими решениями?

— Страх, — тут же пояснил Вольферт. — У них слишком многое поставлено на карту. — Он снова прислонился к стене, жестикулируя трубкой. — Неужели непонятно, — продолжил он, — что мы могли бы проводить межзвездную колонизацию своими силами, без посторонней помощи? Не сейчас, конечно, а через пятьдесят, через сотню лет — если как следует поработать. Будь у нас источник эффективного топлива — и мы могли бы достигать звезд в пределах одной человеческой жизни. А знаете, почему мы не будем этого делать?

Они боятся. Боятся развивать колонии даже здесь, на Марсе, и на спутниках Юпитера только потому, что тран-

спортация занимает слишком много времени. Представьте себе колонию, отдаленную от Земли расстоянием в пять или десять лет космического полета. И, случись там что-то чрезвычайное — объявится, к примеру, кто-нибудь вроде вас — человек, от природы невосприимчивый к аналоговой обработке. Или кому-то удастся избежать обработки, скажем, устранением директивы типа: «Нельзя делать что-либо противоречащее политике или интересам Земли». Тогда вместо одного сообщества сразу возникнет два. Причем с разными интересами. А затем...

Фальк понимающе кивнул.

— Война.

— Значит, мы никогда не отправимся к звездам.

— Если только, — продолжал Вольферт, — из Прохода не выйдет некто, знающий в нем толк. Если электропарализаторы не остановят пришельца и он попытается укрыться в Проходе, на мне лежит обязанность задержать его любой ценой. В противном случае он может предупредить остальных. Вот если бы нам удалось изменить эту систему, чтобы она стала селективной...

— Тогда у нас появились бы колонии, ясное дело, — закончил за него Фальк. — Все станут одинаковы. Вселенную унаследуют психи... Очень надеюсь, что никто и никогда оттуда не вылезет.

— Думаю, что у вас не появится повод для огорчения, — заметил Вольферт.

2

Сопровождаемый Вольфертом, он обследовал остальные отсеки станции. Смотреть там особенно было не на что: камера Прохода с наблюдательным окошком из спальни, которого Фальк вначале не заметил; комната, где размещались передатчик, радар и компьютер, контролирующий рабочие орбиты транспортных ракет; силовая установка и компрессор, обязанностью которо-

го было поддерживать внутри станции подходящее для дыхания давление воздуха; кухня, ванная и две кладовки.

В радиорубке находилось окно, и Фальк подолгу стоял перед ним, оглядывая чужой пейзаж марсианской пустыни — теперь, когда солнце клонилось к закату, лиловый. Звезды незнакомо блестели в почти черном небе, и Фальк вдруг понял, что взгляд его тянется к ним, даже несмотря на всю притягательность неземного пейзажа.

Он мысленно набросал в небе линии огненных пунктиров — звездную колыбель для кошки. Стоило лишь подумать о том, что завтра он будет стоять на планете одного из незнакомых солнц, как сердце его сжималось от восторга. Он чувствовал себя маленьким мальчиком на краю необъятного бассейна, в темных глубинах которого могло храниться и сокровище, и гибель; нырнуть было страшно, и в то же время он сознавал, что должен это сделать.

Путь открыт, и ему нужно сделать лишь шаг вперед.

По предложению Вольферта Фальк одел один из его легких марсианских костюмов вместо прежнего скафандра. Скафандр, предназначенный для тяжелого режима работы на орбитальной станции, был, как объяснил Вольферт, слишком неудобен на поверхности планеты. Легкий костюм обеспечивал достаточную защиту в разреженной атмосфере и был снабжен дополнительным оборудованием: нашлемным фонарем, альпинистским снаряжением, встроенными компасами и устройствами для приема пищи и выделения отходов.

— Тебе все равно придется найти место, где ты сможешь жить, так сказать, подножным кормом, — сказал Вольферт. — Содержимое рюкзака позволит тебе продержаться по крайней мере некоторое время. Я дал бы тебе оружие, но от него толку мало.

Вольферт отключил ловушку и посторонился, уступая дорогу Фальку, двигавшемуся к Проходу. Фальк оглянул-

ся, бросил прощальный взгляд на металлическую дверь, художавую фигуру Вольферта и его хмурое лицо. Затем вошел в камеру и положил руку на рычаг.

— Увидимся, — кратко попрощался Фальк.

Вольферт спокойно кивнул, почти безразлично.

— Прощай, Фальк, — сказал он и снова сунул в рот трубку.

Фальк включил нашлемный фонарик и надавил на рычаг.

Вольферт исчез. Мгновение спустя Фальк понял, что рычага в его руке уже нет. Ошеломленный, он посмотрел вниз и увидел, что рычаг снова оказался в начальном положении.

Затем вспомнил о той странной пустоте за спиной, что оказалась на месте Вольферта, и снова повернулся ко входу. Там он не увидел ничего. Просто серо-белая пустота, блеклая и безмолвная. На мгновение Фальк запаниковал, вспомнив те восемь передатчиков, от которых так и не пришло ответа...

Затем здравый смысл взял верх, и Фальк двинулся вперед.

Серо-белая пустота расточилась, пропуская взгляд Фалька. Перед его глазами возник какой-то хаос неопределенных цветов, где он ничего уже не мог разобрать. Фальк высунул голову из камеры и наклонился вперед, заглядывая все дальше вниз.

Он стоял на вершине крутой горы — на совершенно невероятной, немыслимой высоте. Гора уходила все ниже и ниже. Где-то далеко внизу земля расстилалась серым, невыразительным гобеленом. Фальк огляделся по сторонам — и не увидел ничего нового. Сквозь мембрану шлема не доносилось ни звука. Лишь биение сердца и шум дыхания подтверждали, что он все еще жив и реален.

Планета была мертва. Ее безжизненность ощущалась во всем: ни звука, ни шелеста ветерка — лишь безликое pokrывало серых облаков, утес и серый, размытый пейзаж внизу.

Он осмотрел подвешенный на поясе набор инструментов: манометр, комплект индикаторов, спички. Исследовать здесь атмосферу не имело ни малейшего смысла.

Фальк вернулся к рычагу и снова потянул его вниз.

На сей раз он наблюдал за рычагом, пока он не дошел до упора. Затем — ни малейшего намека на перемещение: просто секунду назад рычаг был у него под рукой, и вдруг снова оказался в исходном положении — будто неощутимо прошел сквозь его плоть.

Он обернулся к выходу.

Темно-синяя ночь со сверкающими звездами. Под ногами у него — плоская сине-зеленая пустошь, уходящая в бесконечную неведомую даль.

Фальк вышел из Прохода на ледяную равнину и огляделся, а затем посмотрел вверх. Небо было удивительно похоже на то, которое он знал еще мальчиком в Мичигане. У Фалька возникло странное впечатление, что этот терминал находится на Земле — возможно, где-нибудь в недоступной зоне Антарктики, в которую не случилось добраться ни одному путешественнику. Однако ни одного из знакомых созвездий он не увидел. Чужие звезды в чужом небе.

Прямо над головой в ночном небе сияло восемь звезд, две из них очень яркие — четыре лежали на одной прямой, а остальные располагались почти идеальным полукругом. Ничего даже близко похожего из звездной карты не приходило на память.

Фальк опустил взгляд к горизонту, — темной полоске, еще более сумрачной, чем небо. Кто знает — быть может, свет, тепло, жизнь и знание прятались как раз за этим изгибом планеты.

Фальк вернулся к камере. Здесь ему, человеку в марсианском костюме, было позволено прожить недели — а если повезет, то месяцы или годы. А значит, радиус его поисков ограничивался ничтожно малым участком вокруг Прохода — или он вообще ничего не найдет.

Рычаг снова пошел вниз. И опять ночь — но на сей раз, когда Фальк подошел к Проходу, он увидел под

светом звезд необъятный проспект с огромными строениями.

Теперь манометр оказался кстати — давление было низким, но компрессор мог с этим справиться. Лакмусовая бумажка никакой реакции не давала. Спичка загорелась — пусть едва-едва и лишь на мгновение, но все же загорелась.

Фальк запустил компрессор и отключил приток воздуха от висевших у него за спиной баллонов. Затем включил нашлемный фонарик и отправился к проспекту.

Здания представляли собой вариации на одну тему: пирамиды, конусы и клинообразные небоскребы; поднимаясь вверх, они становились все тоньше и, несмотря на свои исполинские размеры, не затмевали небо. Фальк ожидал увидеть то созвездие странных очертаний. Но его там не оказалось, и Фалька тут же потрясла мысль, что он, возможно, оказался на полпути через галактику от той точки, где стоял каких-нибудь пять минут назад.

Он мысленно представил галактику как светлое овальное облако пыли среди сплошного мрака. У одного фокуса эллипса он поставил точку, обозначавшую Солнце. Затем он поставил еще точку и еще линию; затем другую. Они образовали распростертую букву «И», рассекавшую туманный овал.

Это было непостижимо. Раса, которая могла вертеть галактикой, но неспособна была отличить одно место назначения от другого?

Оставалась единственная альтернатива: существовала некая функция Проходов, которую людям распознать не удалось, какой-то ускользнувший от них метод выбора — подобно тому, как дикарь мог быть поставлен в тупик современной трубоходной системой. Но разум Фалька отверг это. Механизм Прохода был прост и ясен: камера и рычаг. Функция находит свое отражение в форме; а форма Прохода недвусмысленно говорила «иди», но не уточняла куда.

Он снова осмотрел гигантские строения. Верхняя их часть, как он теперь заметил, подверглась жестокой эрозии: целые слои глубиной в дюймы были разъедены. Он обратил внимание на песок изумительно оранжевого цвета, засыпавший проспект, и заметил, что он заполнял окна почти до самого верха. Очевидно, этот город уже многие годы лежал похороненным в пустыне, и лишь совсем недавно движущиеся пески снова открыли его.

Затем Фальк оглянулся на камеру — словно для обретения уверенности. Она по-прежнему была там — утешительно чистая, черная, вечная. Теперь он понял, что его беспокоило. Этот город был мертв — точно так же мертв, как планета утеса и планета льда. Здания были всего лишь камнем, над которым трудились теперь лишь разрушительные ветра и дожди. Создатели города давно обратились в прах.

Он согласился с Вольфертом, когда тот предположил, что Проход в конце концов доставит Фалька обратно к Солнцу во всеоружии нового знания, готового переделать мир. Но на самом деле это была всего лишь мечта, самобман — некое оправдание.

Не испытывал Фальк никакой особенной любви к Земле и вовсе не считал, что род человеческий должен быть спасен от собственной слабости. Иначе не было бы никакого смысла покидать Землю. Он мог бы остаться, пробиться в правящую элиту и попытаться взорвать старый мир изнутри. Шансы его на успех были бы ничтожно малы, но все равно превосходили бы нынешние.

У этой монеты обе стороны были на одно лицо. Неуправляемое человечество оказалось неспособным к колонизации. А управляемое, оно не осмеливалось на риск. Человеческая цивилизация была тупиковым вариантом, неудачным экспериментом. И само человечество оказалось просто грязным скотом, разорявшим собственную планету, гадившим под себя — способным на любое мыслимое извращение, вырождение, самоистребление.

Однако некогда существовала другая цивилизация — та, что оказалась достойна звезд. Фальк не верил в ее ги-

бель. Камень крошился; металл ржавел; все цивилизации исчезли, бесследно и бесслезно. А Проходы по-прежнему существовали, бросая вызов времени.

Той расы Первопроходцев не было на этой планете небоскребов — она не оставила после себя ничего, кроме Прохода. Даже не взглянув на окружающие его строения, Фальк отказался от прежней мысли осмотреть строения поближе и поспешил назад.

Оказавшись в трех ярдах от нее, он заметил чьи-то следы.

Их было пять — неглубоких впадин в песке рядом с Проходом. Два, по всей видимости, были направлены в сторону от камеры; остальные три были возвращающимся следом, поскольку один из них перекрывал другой, сделанный ранее.

По размеру они были меньше, чем отпечатки ботинок Фалька, овальной формы, слегка приплюснутые. Фальк изучал их так внимательно, словно само наблюдение могло дать ему дополнительную информацию; но они больше ничего ему не сообщили.

Следы явно не человеческие — но что это доказывало?

Они могли оказаться следами создателя Прохода. Или следами какого-нибудь инопланетного бродяги вроде самого Фалька — еще одного варвара, рискнувшего отправиться по стопам своих высших братьев.

А самое огорчительное заключалось в том, что Фальк не мог выследить своего неведомого собрата-путешественника. Ведь след этот уходил в Проход — к любому из шестидесяти миллиардов солнц.

Фальк вошел в камеру и снова надавил на рычаг.

3

Ослепительно белый свет отозвался резью в глазах, и яростный жар обрушился сразу со всех сторон. Задыхаясь, Фальк отчаянно нащупывал рычаг.

Секунда — и у него перед глазами снова оказались ночь и звезды. Вероятно, предыдущая планета была планетой сверхновой звезды. На сколько таких, интересно, он мог бы наткнуться на своем пути?

Он подошел к выходу. Пустынная земля — ни дерева, ни камня.

Фальк вернулся к рычагу. Снова свет, но уже терпимее, и какое-то буйство красок.

Фальк осторожно приблизился к выходу. Понемногу мозг его приспособился к незнакомым краскам и очертаниям. Он увидел яркий пейзаж под тропическим солнцем — серо-лиловые горы в отдалении, наполовину скрытые дымкой; ближе — высокие стебли неведомых растений с тяжелыми листьями и поразительными синезелеными ветвями. Прямо перед ним простиралась широкая площадь, словно высеченная из цельного исполинского валуна нефрита. Площадь окружали приземистые коробчатые строения из темного стекла: синие, коричневые, зеленые и красные. А в самом центре площади вырисовывалась группа тонких фигур, которые, безусловно, были живыми и разумными.

Сердце Фалька бешено заколотилось. Он выступил из-под прикрытия входной камеры и стал напряженно вглядываться в даль. Странно, но теперь его внимание привлекала не столько кучка живых существ, сколько здания по обеим сторонам площади.

Они были сделаны из того же самого прочного, гладкого вещества, что и Проход. Волею случая он оказался наконец в нужном месте.

Теперь Фальк стал разглядывать существ, толпившихся в центре площади. Странно, но они сразу вызвали у него разочарование. Стройные, изогнутые тела, довольно грациозные, очертаниями они напоминали ящеров на двух лапах; розовые животики и коричневые спинки. Однако, несмотря на котомки, переброшенные через узкие плечи, несмотря на быстрые изящные жесты, Фальк никак не мог убедить себя, что нашел тех, кого искал.

Слишком уж они напоминали людей. Вот один из них отошел в сторону, пока двое других продолжали разговор; вскоре он вернулся и, извиваясь, вклинился между теми двумя, яростно жестикулируя. Когда его заставили замолчать, ящер снова отошел в сторону и стал двигаться вокруг всей группы по дуге. Походка его напоминала цыплячью — такая же нескладная — голова на длинной шее при каждом шаге выталкивалась вперед.

Из пяти остальных двое спорили, двое просто стояли, с вниманием свесив головы и наблюдая по сторонам; последний стоял чуть поодаль, надменно озираясь.

Они были забавны, как бывают забавны мартышки — потому что напоминают людей. Мы смеемся над своими же зеркальными отражениями. Даже человеческие расы находят повод позубоскалить друг над другом, когда уместнее плакать.

«Да ведь они туристы, — осенило Фалька. — Один желает отправиться в Лидо, другой настаивает, что им сначала следует посмотреть Гранд-Канал; третий злится на них обоих за то, что они попусту теряют время, следующие двое слишком робки, чтобы вмешиваться, а последнему просто на все плевать».

Фальк понятия не имел, как ониотреагируют на его появление. Во всяком случае, на радушие рассчитывать не приходилось — возможно, они захотят прихватить его с собой в качестве сувенира. Фальку хотелось пробраться в здания из стекла, но приходилось ждать, пока ящерицы-туристы не скроются.

Тем временем Фальк достал необходимый инвентарий для анализа атмосферы. Манометр показал давление по крайней мере втрое меньшее по сравнению с нормальным земным; индикаторы не обнаруживали опасных газов; спичка горела охотно — точно так же, как на Земле. Фальк отключил кислород, открыл клапан шлема и осторожно втянул воздух.

После затхлой атмосферы костюма воздух планеты показался ему так хорош, что на глаза навернулись слезы

умиления. В лицо Фалька повеяло свежее и теплое дыхание ветерка, чуть сладкое от цветочного аромата.

Вскоре он обратил внимание на инопланетян и к ужасу своему заметил, что компания ящеров-туристов уже вовсю марширует в его сторону. Фальк спрятал голову обратно под шлем, машинально взглянул на рычаг, затем снова на ящериц.

А те уже бежали — они заметили его. Бежали они крайне неуклюже, головы энергично дергались взад-вперед. Бежавший первым то раскрывал, то захлопывал свою треугольную пасть; Фальк даже расслышал негромкое повизгивание. Он выскочил из камеры, резко взял вправо и помчался со всех ног.

К сожалению, ближайшее здание находилось на приличном отдалении как от Фалька, так и от ящеров. Когда Фальк был уже на полпути к нему, он обернулся. Ящеры в погоне растянулись цепью, передняя маячила всего в нескольких ярдах от Фалька.

Они оказались резвее, чем можно было ожидать. Фальк наклонил голову и постарался еще быстрее отталкиваться от земли своими тяжелыми ботинками. Оказавшись почти у двери, он снова оглянулся. Ящер находился на расстоянии одного прыжка.

Фальк юркнул вперед — в открытую дверь, и та осторожно затворилась за ним — пластина из голубого стекловидного вещества выскользнула из стены, закрывая отверстие.

Сквозь прозрачную дверь Фальк видел силуэты столпившихся у входа ящериц — они яростно жестикулировали друг другу. По крайней мере, было ясно, что для них дверь открываться не собирается.

Откроется ли она для Фалька, когда он захочет — это был уже другой вопрос.

Он огляделся. Все здание состояло из одной громадной комнаты — столь длинной и глубокой, что он едва мог разглядеть дальние стены. Пол был завален какими-то не то коробками, не то сундуками, стеллажами, полками. Почти все было изготовлено из того же стекловидного материала.

В комнате не было ни намека на пыль; но стоило Фальку об этом подумать, как он вспомнил, что пыли не появлялось и ни в одном из Проходов. Впрочем, он не стал ломать голову над этой загадкой.

Фальк поднял с пола какое-то оранжевое стеклянное веретено с причудливыми извивами волокон внутри. Затем осмотрел другую диковину — опаловую сферу. Она была сделана из двух половинок и внутри казалась пустой, но Фальк не сумел найти способ разъять ее на части. Оставив ее в покое, Фальк подобрал какой-то замысловатый предмет цвета не то ржавого, не то золотого, очертаниями напоминавший серп...

Полчаса спустя Фальк пришел к выводу, что ему не удастся найти здесь ни книг с иллюстрациями, ни технических руководств — вообще ничего, что могло бы хоть как-то приподнять завесу с тайны Прохода. Видимо, загадка таилась в самом здании.

Ящеры постоянно отвлекали его внимание. Сквозь стены здания он видел, как они прижимают морды к стеклу, разглядывая его маленькими круглыми глазками и призывно жестикулируя.

Вскоре они разошлись, оставив одного для охраны входа. Фальк заметил, что один из ящеров направился в здание напротив. Дверь за ним закрылась. Немного позже появился еще один и забарабанил в дверь; но она не открылась, пока первая ящерица не подошла к ней вплотную изнутри. Очевидно, какой-то автоматический механизм, недоступный пониманию Фалька, откликался на присутствие или отсутствие любого живого существа внутри каждого здания. Когда последний уходил, дверь оставалась открытой; когда входил другой, дверь закрывалась и не открывалась для следующего, если только предыдущий не давал на то свое разрешение.

Это добавляло еще одну деталь к пониманию расы Прохода, которое Фальк выстраивал у себя в голове. У Первопроходцев не было понятия собственности —

они не боялись, что в их отсутствие войдут воры, поскольку двери оставались открыты во время их отсутствия — они уважали стремление разумного существа к уединению.

Раньше Фальк предполагал что это здание было фабрикой, или лабораторией, или, на худой конец, общежитием — короче говоря, местом, предназначенным для обслуживания большого числа обитателей. Теперь он изменил свое мнение. Каждое здание, по-видимому, считалось частным владением одного лица — или, если у них были семейные группы, двух или трех. Но как одно лицо могло использовать все это пространство?

Здесь не было ничего знакомого — ничего, что он мог хотя бы сравнить с кроватью, со столом, с душевой. Он не мог понять прежних обитателей этого дома.

Волевым усилием Фальк заставил себя перестать рассуждать в человеческих понятиях. Важны факты, а не его предубеждения. Здесь не было кроватей, столов и душевых? Значит, раса Прохода не нуждалась во сне; значит, они не ели и не мылись.

Вероятно, решил Фальк, они и не умирали.

Они были приспособлены к жизни среди звезд...

Загадка опустевшего дома дразнила его. Как, построив такой город, можно было покинуть его? Как могли они, распространив по всей галактике сеть Проходов, оставить ее затем неиспользованной?

Первый вопрос уже содержал в себе ответ. Осматривая зал, заваленный загадочным хламом, Фальк вдруг понял, что это не фабрика, не музей и даже не особняк, а просто... временка. Палатка. Сарай.

Закончив наблюдение над планетой и цивилизацией, они уходили, оставляя за собой шалаши и палатки.

А что касается остальных предметов, то все эти кубы, конусы, стержни странных форм и расцветок вполне могли оказаться пустыми консервными банками, тубиками из-под зубной пасты, комками оберточной бумаги.

Пришельцы из Прохода покинули свой город и оставили в нем уйму всяких вещей, потому что все это для них не имело никакой ценности.

Солнце налилось багрянцем, подбираясь к горизонту. Фальк взглянул на прикрепленный к запястью костюма хронометр и с удивлением обнаружил, что прошло уже более пяти часов с тех пор, как он расстался с Вольфертом на Марсе.

Между тем не чувствовал ни голода, ни усталости. Фальк достал пару консервных банок и принялся равнодушно рассматривать этикетки. Есть ему определено не хотелось.

Он стал наблюдать за суетившимися снаружи ящерицами. Теперь они сновали по всей площади, вытаскивая из здания охапки какого-тохлама и упаковывая его в большие красные коробки. На глазах у Фалька на дальнем конце площади появилась какая-то странная конструкция: что-то вроде вездехода на воздушной подушке с открытым верхом и двумя ящерами-пилотами. Вездеход напоминал веретено с парой крыльев по бокам.

Конструкция медленно наехала на собранную ящерами груду коробок. Затем в брюхе вездехода раскрылся люк, откуда вынырнул прицепленный на трех тросах крюк. Стоявшие на площади ящерицы стали цеплять к крюку свой нехитрый такелаж.

Фальк от нечего делать наблюдал за погрузкой.

Последняя коробка оказалась слишком тяжелой; подняв весь этот хлам вверх, крюк остановился, и вездеход слегка осел.

Внезапно трос лопнул; Фальк видел, как он хлестнул в воздухе, видел, как угрожающе накренился груз.

Ящеры бросились врассыпную. Коробка с мусором тяжело бухнулась о землю, а мгновение спустя ее примеру последовала и кабина подъемного крана. Она подпрыгнула, отчаянно забуксовала и остановилась, когда пилот отключил питание.

Ящеры снова сбежались к месту аварии, а две, сидевшие в кабине, спустились вниз, затеяв обсуждение, кон-

ца которому видно не было. В конце концов пилоты вскарабкались в кабину, и конструкция поднялась на несколько футов, пока мельтешившие внизу ящерицы высвобождали крюк. Затем состоялось еще одно совещание.

Наконец после долгих споров и страстной жестикуляции коробки распаковали и часть мусора вручную перекидали в кузов. Оставшийся хлам так и остался валяться на площади.

Вездеход поднялся в воздух и отчалил, а большинство ящеров засемили следом. Одна из отставших подошла последний раз взглянуть на Фалька; она некоторое время вглядывалась сквозь стену и жестикулировала, но вскоре оставила тщетные попытки наладить контакт и последовала за остальными. Площадь опустела.

Прошло еще некоторое время, и Фальк увидел поднимающийся где-то за городом столб белого пламени с серебристым высверком на конце — он рос и рос, пока не выгнулся вверх, к зениту — затем стал уменьшаться и исчез в необъятной глубине неба.

Значит, у этих ящериц были космические корабли. Однако пользоваться Проходами они не осмеливались. Нет, не то... слишком похоже на людей.

Фальк вышел на площадь и стоял там, позволяя свежему ветерку ерошить его волосы. Солнце опускалось за горы, а все небо подернулось румянцем, будто громадный багровый плащ, летящий с запада. Фальк наблюдал, не двигаясь с места, пока цвет не изменился с фиолетового на серый и не вышли первые звезды.

Этот мир был хорош. Вероятно, человек мог бы остаться здесь и прожить всю жизнь в довольстве и покое, питаясь экзотическими фруктами, прямо с деревьев; конечно, здесь нашлась бы и вода. Климат был просто превосходен, и Фальк с усмешкой подумал о том, что никаких кровожадных диких зверей поблизости не паслось — иначе щебечущие туристы нипочем бы здесь не оказались.

Если все, что нужно человеку — это убежище, то лучшего мира просто не существовало. Какое-то время Фальк ис-

пытывал сильный соблазн. Он вспомнил о мертвом холодном мире, навсегда оставшемся за спиной. Вряд ли выпадет ему удача еще раз набрести на столь чудесное местечко. Кроме того, теперь он знал, что если даже создатели Прохода все еще живы, они, скорее всего, давным-давно удалились в свои отдаленные поселения, на одной планете из миллиардов далеких планет. Человеческой жизни не хватит, чтобы отыскать Первопроходцев.

Фальк бросил взгляд на грудку коробок, оставленную ящерами в центре площади. Вокруг была рассыпана целая куча каких-то детских игрушек — прелестных стеклянных безделушек, красных, зеленых, голубых, желтых, белых.

Ящерица, оставленная своими сородичами на этой необитаемой планете, была бы, без сомнения, счастлива.

Вздохнув, Фальк вернулся к зданию. Дверь открылась перед ним — он собрал свои вещи и отправился в обратный путь.

Небо уже утонуло в сумерках, и Фальк помедлил, чтобы взглянуть напоследок вверх, на знакомый изгиб Млечного Пути. Затем он включил нашьлемный фонарик и вернулся к ожидавшему его Проходу.

На пути Фальк заметил острый край чего-то возвышающегося над землей. Это был не стеклянный алмаз создателей Прохода — скорее, выступ походил на камень незнакомой породы.

Фальк наклонился и увидел каменную плиту, в форме клина. На верхней ее части были высечены знаки. Такие знакомые буквы.

Фальк опустился на колени и, не обращая внимания на стук крови в ушах, прочел:

ПРОХОДЫ ОСТАНАВЛИВАЮТ ПРОЦЕСС СТАРЕНИЯ. МНЕ БЫЛО 32 ГОДА, КОГДА Я ПОКИНУЛ МАРС. ТЕПЕРЬ Я ВЯД ЛИ СТАРШЕ, ХОТЯ И ПУТЕШЕСТВОВАЛ ОТ ЗВЕЗДЫ ДО ЗВЕЗДЫ НИКАК НЕ МЕНЬШЕ 20 ЛЕТ. НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ! ЛИЧНО Я ЗАДЕРЖАЛСЯ ЗДЕСЬ НА 2 ГОДА. ОБНАРУЖИВ, ЧТО СТАРЕЮ, ЗАМЕТИЛ: МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ВЫГЛЯДИТ ПРИМЕРНО ОДИНАКО-

ВО СО ВСЕХ ПЛАНЕТ, КОТОРЫЕ Я ДО СИХ ПОР ПОСЕТИЛ. ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЛУЧАЙНЫМ СТЕЧЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. СЧИТАЮ, ЧТО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПРОХОДУ ЯВЛЯЕТСЯ СЛУЧАЙНЫМ ЛИШЬ ВНУТРИ КОНЦЕНТРИЧЕСКИХ ЗВЕЗДНЫХ ПОЯСОВ И ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО ВЫ НАТАЛКИВАЕТЕСЬ НА ПРОХОД, КОТОРЫЙ ВЫВОДИТ К СЛЕДУЮЩЕМУ ВНУТРЕННЕМУ ПОЯСУ. ЕСЛИ Я ПРАВ, КОНЕЧНЫМ ПУНКТОМ НАЗНАЧЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТР ГАЛАКТИКИ. НАДЕЮСЬ ВСТРЕТИТЬСЯ ТАМ С ВАМИ.

ДЖЕЙМС Э.ТАННЕР
УРОЖЕНЕЦ ЗЕМЛИ.

Фальк встал, ослепленный величием внезапно вспыхнувшей в его сознании картины. Теперь ему стало совершенно ясно, почему Проходы не были селективны и отчего их создатели больше не пользовались ими.

Когда-то — быть может, миллиарды лет назад — Первопроходцы были бесспорными хозяевами всей галактики. Но многие из их поселений находились на небольших планетах вроде Марса — слишком маленьких, чтобы вечно удерживать атмосферу и воду. Миллионы лет назад они, должно быть, начали покидать их. А тем временем, на крупных планетах, новых, остывающих, взрастали меньшие плоды: скандальные ползучие твари. Ящеры. Люди. Создания, недостойные звезд.

Но даже человек мог получить их знание, если бы жил достаточно долго и путешествовал достаточно далеко. Джеймс Таннер подписался не как «член Земной космической корпорации» или «гражданин США», а как «уроженец Земли».

Так что путь был сделан долгим и путь был сделан трудным; а меньшие плоды оставались пастись на своих планетах. Но и для ящерицы, и для человека, который отдаст все, что он называет «жизнью», ради познания, этот путь был открыт.

Фальк погасил лучик нашлаемного фонарика и направил взгляд в алмазную мглу галактики. Где он окажется через тысячу лет?

Во всяком случае, прахом он не станет. Прахом — ничемным и недостойным. Он станет странником к месту назначения — и, быть может, половины его пути окажется достаточно.

Вольферт тщетно будет ждать возвращения Фалька, но Вольферт и так счастлив — если это можно назвать счастьем. А на Земле горы будут падать и снова расти, материки — двигаться, океаны — высыхать еще долгое время после того, как вопрос о выживании человеческой расы будет снят с повестки дня.

К тому времени Фальк, быть может, окажется дома.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПРЕДЕЛ. Роман

Перевод с английского М.К. Кондратьева 5

БИЛЕТ КУДА УГОДНО. Рассказы

Перевод с английского М.К. Кондратьева

Большой лепешечный бум	175
Человек в кувшине	184
Semper FI	201
Манипулятор	217
Аутодафе	223
Четверо в одном	231
Спроси о чем хочешь	273
Око за что?	305
Забота о человеке	336
Роды с сюрпризом	346
Наобум	370
А прошлым не живи	386
Враг	421
Билет куда угодно	442

Найт Деймон
Н20 Билет куда угодно: Фантастический роман, рассказы. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1996. — 469 с.

ISBN 5-218-00121-X

Впервые в нашей стране публикуется собрание сочинений Деймона Найта. В истории фантастической литературы Деймон Найт наиболее известен как мастер скетча и незаурядный юморист. Проза писателя, насыщенная остроумием, напоминает блестящую прозу Роберта Шекли.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Найт Деймон

БИЛЕТ КУДА УГОДНО

*Фантастический роман,
рассказы*

Редактор С.И. Фролёнок

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор Т.И. Медведева

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 26.04.96.

Формат 60×84^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,09. Уч.-изд. л. 23,84.

Тираж 15 000 экз. Заказ № 2383

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

РУССКИЙ ТРИЛЛЕР

СЕРИЯ «РУССКИЙ ТРИЛЛЕР»

Частные детективы и воры в законе, спецслужбы и мафия, политики и «новые русские». Это темы острых криминальных сюжетов книг известных мастеров российской остроумной прозы и восходящих звезд, за которыми будущее: Эдуарда Хруцкого, Василия Головачева, Анатолия Степанова, Василия Веденеева, Алексея Дроздецкого, Даниила Корецкого, Андрея Молчанова, Петра Катериничева, Александра Ушакова и других авторов

В.Веденеев
В.Головачев
В.Головачев
Л.Гурский
П.Катериничев
В.Веденеев
А.Ушаков

«Лабиринт»
«Смерш-2»
«Перехватчик»
«Убить президента»
«Редкая птица»
«Дикое поле»
«Крестные братья»

Л.Гурский
А.Ушаков

«Перемена мест»
«Цветы потоса в
грязном пруду»
«Бальзам Авиценны»
«Антикиллер»
«Любить и убивать»
«Схождение во ад»
«Танцы на льду»
«Фюрер Нижнего
Мира»

Д.Корецкий

«Пешка в большой
игре»

А.Кивинов

«Кошмар на улице
Стачек»

В.Сухнев

«Убийство в общих
интересах»

Е.Месяцев

«Последний козырь»

А.Молчанов

«Падение Вавилона»

В.Веденеев
Д.Корецкий
А.Степанов
А.Молчанов
А.Кивинов
А.Тюрин

В.Головачев «Разборки третьего уровня»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм,
объем 400—500 стр.

Цена одной книги 15000—20000 руб.

СЕРИЯ «ОСИРИС»

По многочисленным просьбам любителей фантастики, «Центрполиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной поклонникам фантастики. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких как Р.Желязны, К.Саймак, Э.Гамильтон, Р.Хайнлайн. Продолжая лучшие традиции издания фантастики, «Центрполиграф» удивит читателей новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких как Норман Спинрад, Дэймон Найт, Томас Диш, Ф.Дик и другие.

М.Муркок
Н.Спинрад
Ф.Дик
Д.Найт

«Бегство из сумерек»
«Стальная мечта»
«Мастер всея Галактики»
«Билет куда угодно»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 19000—20000 руб.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА»

Издательство продолжает выпуск традиционной серии «Мастера остросюжетного романа». В сборниках серии МОР выходят остросюжетные популярные романы всех жанров: детективы, полицейский боевик, ужасы, триллер. Самые популярные произведения всемирно известных авторов: Роберта Ладлэма, Дэвида Моррелла, Сары Парецки, Пола Вилсона, Шона Хатсона, Вильяма Каунтица, Томаса Перри и других

Э. Ластбейдер
Д. Френсис
Д. Осборн
Р. Маккаммон
Р. Ричардсон
С. Парецки
Д. Моррелл
Р. Хилл
Р. Рид
А. Макнейл
Ш. Хатсон
Л. Гоуф

«Французский поцелуй»
«Тропой риска»
«Убийство в долине Нейпы»
«Час Волка»
«Книга мертвого гения»
«Заказное убийство»
«Испытание»
«Прах и безмолвие»
«Одержимый»
«Ночной дозор»
«Мертвая голова»
«Случайные смерти»

С. Соломита
Э. Бруно
Р. Миллер
Э. Бруно
Т. Перри
С. Парецки
Р. Ладлэм
С. Парецки

«Взмах ножа»
«Плохие парни»
«Берлинская ночь»
«Грязный бизнес»
«Ученик мясника»
«Смертельный удар»
«Тайна личности Борна»
«Приказано убить»

Д. Моррелл «Пятая профессия»
Ш. Хатсон «Тени зла»
Ш. Хатсон «Жертвы»
Ф. П. Вилсон «Замок»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм,
объем 400—700 стр.

Цена одной книги 11000—20000 руб.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

Полное собрание сочинений в 40 томах

Э. С. Гарднер (1889—1970 гг.) — великолепный мастер американского детектива, создатель блестящей серии из 100 романов об энергичном и ловком адвокате Перри Мейсоне, мастере лихо раскрывать в ходе судебного разбирательства самые головоломные преступления. Романы Э. С. Гарднера — это лучшие образцы детективной литературы!

Твердый целлофанированный переплет,
формат 135 x 210 мм, объем 600 стр.

том 8 Дело об игральные костюх
том 9 Двойная страховка
том 10 Топор отмищения
том 11 Прокурор расследует убийство
том 15 Дело беглой медсестры

Цена одной книги 20000 руб.

СЕРИЯ

«МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»

Хроники подлинных исторических событий, мемуары и легенды — все переплетено и сосуществует на страницах романов широко известных зарубежных и отечественных авторов: Алана Саваджа — «Повелительница львов», «Османец», «Могол», «Королева ночи»; Майкла Болдуина «Разорение Лангедока», Маргарет Джордж — «Мария королева Шотландии и островов»; Эйдзи Есикавы — «Тайко», «Десять меченосцев». Открывается серия романами Алана Саваджа «Восемь знамен» и «Последний знаменный», которые проникнуты неповторимым колоритом традиций и нравов Китая времен правления могущественной династии Цинь.

А.Савадж

Восемь знамен

А.Савадж

Последний знаменный

А.Савадж

Османец

А.Савадж

Королева ночи

А.Савадж

Могол

А.Савадж

Повелительница львов

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—700 стр.

Цена одной книги 17000—19000 руб.

СЕРИЯ

«БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА»

Буало-Нарсежак.

Первое полное собрание детективных произведений в 11 томах

Французские писатели Пьер Буало и Тома Нарсежак — новаторы детективного жанра. Они приблизили детективный вымысел к реальной жизни, которая способна ставить смертельно опасные ловушки перед любым и каждым. В своих романах и рассказах авторы мастерски создают и нагнетают атмосферу напряженного ожидания развития событий, вызывая у читателя чувство постоянной, от первой страницы до последней, тревоги за судьбу героев. Буало-Нарсежак по праву стоят в одном ряду с такими писателями-детективистами, как Конан Дойл, Агата Кристи, Жорж Сименон.

том 1 Из Царства мертвых

том 2 Замок спящей красавицы

том 3 С сердцем не в ладу

том 4 Разгадка шарады — человек

том 5 Морские ворота

том 6 Хитросплетения

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500 стр.

Цена одного тома 18000—19000 руб.

Вестерны — это легенды о мужественных людях, покоривших необозримые просторы американского Дикого Запада. Открывают серию 18 томов Полного собрания сочинений Луиса Ламура — одного из самых известных во всем мире писателей в жанре вестерна. Герои его романов — ковбои и стрелки, надежные друзья и защитники обиженных, люди, отстаивающие правду и справедливость, ибо в годы Гражданской войны (1861—1865 гг.) они сражались на стороне северян против рабства, за свободу и независимость Америки. Простота сюжетов компенсируется точностью исторических и географических подробностей, так как Луис Ламур, по его собственному признанию, видит себя представителем устного жанра — таким рассказчиком, витийствующим в отблесках походного костра.

Луис Ламур

- том 1 «Кровавое золото»
- том 3 «Ганфайтер»
- том 5 «Всадники высоких скал»
- том 6 «Дьявол с револьвером»
- том 7 «Горящие холмы»
- том 8 «Мустанг»
- том 9 «След Кайова»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—560 стр.

Цена одной книги 18000—20000 руб.

СЕРИЯ «МАСКАРАД»

Завораживающие романтические истории, великосветские интриги, любовные страсти и трагические семейные драмы, увлекательно и ярко описанные на фоне реальных исторических или современных событий — в Англии, Шотландии, Америке и Франции, — несомненно вызовут живой интерес у читателя.

В серию войдут лучшие любовно-исторические романы зарубежных авторов, блистательных исторических романистов, таких как Диана Гейблдон, Виктория Холт, Сара Харрисон, и Полное собрание сочинений уже известной нашим читателям Джорджетты Хейер.

- Э.Энтони** «Орлы летают высоко»
- Э.Энтони** «Виктория и Альберт»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 210 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 19000—19500 руб.

Адам и Ева

СЕРИЯ «АДАМ И ЕВА»

ЛИНДА ГУДМЕН

«Двенадцать Таинств Любви» в 2-х книгах

Бог сотворил Адама и Еву, Мужчину и Женщину, каждый из них мечтает встретить «Женщину своей мечты» и «Героя своего романа». Как найти свою половину? Как не потеряться в огромном мире, как не пройти мимо человека, дарованного судьбой?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в произведениях серии «Адам и Ева». Серия открывается двухтомником талантливой писательницы и астролога Линды Гудмен «Двенадцать Таинств Любви», известной российскому читателю по бестселлеру «Знаки Зодиака или астрология с улыбкой».

«Двенадцать Таинств Любви» — результат многолетнего и всестороннего исследования Линдой Гудмен человеческой личности в связи с влиянием космических сил как на взаимоотношения представителей разных полов, так и всего общества в целом.

Объем первого тома — 585 стр., второго — 460 стр.

Формат 135 x 210 мм. Твердый целлофанированный переплет.

Цена двухтомника 40000 руб.

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ

Собрание сочинений в 23-х томах

Наиболее полное и верное собрание сочинений Джеймса Хедли Чейза на русском языке (89 романов и сборник рассказов). Издательство «Центрполиграф» обладает эксклюзивными правами на русское издание произведений этого выдающегося английского писателя, чьи произведения пользуются самой большой популярностью в России, как и во всем мире.

*Твердый целлофанированный переплет,
формат 135 x 210 мм. Объем 480—650 стр.*

Принимаются заявки на полное собрание сочинений.

Цена одного тома 19000—21000 руб.

СЕРИЯ

«МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО ДЕТЕКТИВА»

Серия «Мастера остросюжетного детектива» издается с 1991 года. В этой серии вышло уже более 70 авторских сборников тех, кого называют классиками детектива XX века. Это «золотой фонд» детективного романа, включающий произведения прародителей жанра начиная с 20-х годов Дэй Кин, Микки Спилейн, Чарльз Вильямс, Эд Макбейн, Росс Макдональд, Ричард Пратер, а также множество других авторов, не нуждающихся в представлении любителям детективного жанра.

В этих книгах Вы также сможете познакомиться с биографией и библиографией авторов

С.Мацумото

Дж.Ле Карре

Л.Дейтон

Дж.Макдональд

Р.Кондон

Р.Томас

Б.Холлидей

Д.Касселс

Р.Макдональд

Дж.Макдональд

У.Грэхем

Э.Эронс

Л.Чартерис

Р.и Ф.Локридж

Д.Кин

Х.Пентикост

Д.Карр

К.Вулрич

«Стена глаз»

«Война в Зазеркалье»

«Берлинские похороны»

«Расставание в голубом»

«Аригато»

«Подставные люди»

«Визит мертвеца»

«Труп в саду»

«Омут»

«Смертельный блеск золота»

«Прогулочная трость»

«Женщина с Мальты»

«Знак Святого»

«Акцент на убийство»

«Шаг к убийству»

«Смерть у подиума»

«Отравление в шутку»

«Невеста была в черном»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм,
объем 400—700 стр.

Цена одной книги 12000—20000 руб.

РЕКС СТАУТ

**Первое полное собрание сочинений на русском языке
в 22-х томах**

Великий американский мастер детективной прозы Р. Стаут подарил любителям детективного жанра блестящую пару образов — классического сыщика Ниро Вулфа и его помощника Арчи Гудвина. Впервые, наряду с бессмертной сагой о Ниро Вулфе, в полном объеме и в лучших переводах представлены авторские сборники прежде неизвестные в нашей стране. Рекс Стаут — это немеркнущая писательская слава!

том 1 Фер-де-ланс
том 2 Снова убивать
том 3 Через мой труп

*Твердый целлофанированный переплет,
формат 135 x 210 мм, объем 500—600 стр.*

Цена одного тома 19500—20000 руб.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ в 3-х книгах

*Фантастические повести для детей
младшего и среднего возраста*

Английский писатель Т. Пратчетт, лауреат почетной Британской литературной премии, входит в число лучших детских писателей мира. В его книгах «Угонщики», «Землекопы», «Крылья» описаны удивительные приключения номов — крошечных существ величиной не более 4-х дюймов, когда-то, случайно, прилетевших на Землю с далекой Звезды. Тонкий юмор, своеобразный взгляд персонажей на человечество доставят истинное удовольствие и взрослому читателю.

*Твердый целлофанированный переплет,
формат 210 x 300 мм, объем 80—120 стр.*

Цена трехтомника 72000 руб.

Книги издательства «Центрполиграф» продаются в книжных магазинах г. Москвы, а также на складах-магазинах издательства по адресам:

— склад-магазин № 2
ул. Черногрозская, д. 3, строение 1, тел.: 259-53-75
— склад-магазин № 3
ул. Нижегородская, д. 70, корп. 1, тел.: 270-02-42
— склад-магазин № 6

Пересветов переулок, д. 2, стр. 1, тел.: 279-66-77

По вопросам оптовых закупок просим обращаться по адресу:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15.
тел.: 273-14-47, 273-50-61
факс: 273-41-55

КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК РОССИИ (1857—1995)

Впервые в русскоязычной филателистической литературе в рамках одной книги вместе с марками РСФСР и СССР будет дана информация о марках Российской Империи (1857—1917). Впервые после 1984 года в одной книге будет изложен материал о марках СССР за 1981—1991 годы и марках Российской Федерации с 1992 по 1995 год. В каталоге будут напечатаны высококачественные черно-белые изображения марок и блоков — около 7 000 иллюстраций, приведены цены марок, адекватные конъюнктуре филателистического рынка.

Заказы принимаются по адресу:

127018, Москва, ул. Октябрьская, 18

телефон для справок: (095) 281-74-11

ДЕЙМОН НАЙТ

фантастические романы

ЗАПРЕДЕЛ

РОМАН

**БИЛЕТ
КУДА УГОДНО**

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ®